

**ИЩЕНКО
ГЕННАДИЙ**

**ТРИНАДЦАТАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

2017

Смертельные удары ножом могут отправить не только на тот свет, но и стать началом другой, непохожей на прежнюю жизни. В этом смог убедиться писатель Алексей Рогов, сбежавший от унылого посмертного существования в мир другой реальности. Новое рождение на время заблокировало его память, пока не появилась возможность вернуть ее уже семнадцатилетнему князю Алексею Мещерскому. Перед ним открылся во многом знакомый, но такой чужой мир Российской империи 1942 года. Знания более развитого мира здесь — величайшая ценность, дело за тем, как ими распорядиться.

Англия, Франция и Германская империя подготовили раздел России, который должен произойти в ближайшие годы. Разрушению Российской империи способствуют династия Романовых и продажное чиновничество. Бороться с этим в одиночку — безумие, и Алексей пытается найти тех, кто уже участвует в этой борьбе.

Тринадцатая реальность (СИ)

Ищенко Геннадий

Глава 1

Боль навалилась с такой силой, что я не выдержал и застонал.

— Сейчас мы вам поможем, — участливо сказал чей-то голос. — Потерпите, скоро доедем.

Доехать у меня не получилось. Внезапно услышал звон, который все усиливался, пока не перекрыл собой все звуки. Я уже не чувствовал боли или толчков «скорой», а весь мир помчался от меня сразу во все стороны. Это было невыносимо для восприятия, и я попытался закрыть глаза. Теперь не было видно ничего, кроме летевших мимо огненных спиралей, которые не вызывали ни головокружения, ни интереса. На меня навалилась страшная усталость, и все стало безразлично, в том числе и собственная судьба.

— Очнитесь! — сказал кто-то, и меня потрясли за плечо.

Я сидел в глубоком кресле в совершенно пустой комнате без окон, а рядом стоял одетый в белоснежный костюм мужчина лет сорока, который меня и разбудил. Я приподнялся в кресле и пощупал спину. Боли не было никакой, не было даже следов крови. Опустив глаза, я увидел, что у этого типа и туфли белые. Неужели все произошедшее со мной было бредом? Или я брежу сейчас?

— Куда я попал? — спросил я, опять опускаясь в кресло. — И кто вы такой?

— Вы не слишком догадливы, — заметил он, садясь в такое же кресло. — Обычно свою смерть осознают. А я один из тех, кто вас встречает.

Его слова почему-то почти не вызвали страха, мне больше было любопытно, откуда в пустом помещении взялось второе кресло.

— Много должно быть встречающих, — сказал я. — Где-то читал, что в минуту умирает больше ста человек. Ладно, вы меня встретили, и что будете делать дальше? Это рай? На ад это место не похоже.

— Я должен рассказать все, что вам нужно знать, — улыбнулся он. — А это место не рай и не ад. Их вообще не существует, по крайней мере таких, какие у вас описаны. Можете считать это место чистилищем.

— А не проще приготовить памятки? — спросил я, по-прежнему никак не реагируя на конец своей жизни. — Раздали бы всем желающим... Кстати, как вас называть? Не ангелом?

— Проще, — согласился он, — только не всегда нужно исходить из простоты. На Земле за вами никто не наблюдает, а как-то вас оценить все-таки нужно. Вот мы и оцениваем. А время... Это вы, даже здесь, не можете сами выйти из его потока, а у нас есть такая возможность. Я могу с вами беседовать час, а на Земле пройдет миллисекунда, поэтому не так уж и много нас нужно. А меня можете называть как хотите.

— А почему я не кричу и не заламываю руки? — спросил я. — Ваша работа, ангел?

— Если хотите устроить истерику, могу помочь, — ответил он. — Только что это даст? Вы сгруппировались и очутились у нас на три года раньше, лишив своего общества немногих близких вам людей. Сыновья уже взрослые и живут своей жизнью, поэтому быстро утешатся. Младший женат, и через полгода у вашей жены появится внучка, так что ей будет чем заняться, кроме визитов на кладбище. К тому же она вас переживет только на пять лет.

— А что было бы через три года? Если я отнимаю у вас время, можете не отвечать. И я не согласен с тем, что вмешался по глупости!

— Через три года был бы рак легких, — сообщил ангел. — У меня есть время для

разговора, потому что считывание вашей жизни — это не такой уж быстрый процесс. Насчет глупости... Вы считаете умным, когда мужчина вашего сложения и возраста лезет в драку с молодым мерзавцем? И не нужно мне говорить о вашем поясе. Вы из-за своей спины не занимаетесь борьбой уже пятнадцать лет, из-за лени даже не делаете зарядку! И потом как можно было полезть в драку, не осмотревшись по сторонам?

— Он избивал девушку, — хмуро сказал я.

— Девушка могла подождать, — возразил ангел. — Кстати, дрянь еще та и полностью заслужила все, что получила. А вы из-за спешки получили десять ударов ножом в спину, потеряли жизнь, и теперь в вашей повести останутся недописанные главы. Читатели будут недовольны.

— Ладно, давайте перейдем к тому, что вы хотите мне сказать. Никогда не верил в жизнь после смерти, но факты — упрямая вещь. Расскажите о том, чем я должен заниматься.

— Вам нужно дождаться следующего рождения, — сказал он. — Время такого ожидания может быть разным, но оно всегда довольно большое. Это лет двести–триста, иногда больше. И ждать в этом кресле будет скучно.

— И вы мне хотите предложить занятие повеселей? — спросил я. — Скажите, а почему так долго ждать? Ведь число рождений увеличивается с ростом численности человечества. Вам должно не хватать душ, а у вас очередь.

— Души тоже не вечны, — пояснил ангел, — поэтому тот, кто все это устроил, сделал так, что вселяется только часть душ, остальным даются новые. Теперь перейдем к вам. Это тоже материальный мир, только материя не такая, как в мире Земли. Здесь вы сможете ее менять в тех пределах, которые мы для вас установим. Чем порядочней человек, тем будет больше возможностей у его души. Вы сможете сотворить свой собственный мир, в котором для вас все будет подвластно, а можете сами себя в чем-то ограничить. Умные именно так и делают. Чем богаче внутренний мир, чем больше запас знаний и лучше фантазия, тем привлекательней получится мир. Творить такое мало кому под силу, поэтому к вам потянутся души тех, кто обделен фантазией. Пускать их к себе или нет — решать вам. Учтите, что души способны сразу оценить друг друга. Вы сможете создать полноценную жизнь не только для себя, но и для многих. Хотите жену? Найдется немало женщин, которые поборются за это право. И учтите, что здесь можно менять не только обстановку, но и свой внешний вид. Ваша жена почувствует, какая вам нужна внешность...

— Что-то вроде виртуальной реальности? — сказал я. — Секс тоже будет виртуальный?

— Какая же она для вас виртуальная, если ничем не отличается от реальной жизни? — усмехнулся он. — Если в вашей жизни был секс, вам будет что вспомнить. Конечно, вы с женой не сможете зачать и родить ребенка, но можно использовать детские души.

— Никогда не любил ничего виртуального, — вздохнул я. — Это не жизнь, а ее видимость. Я не думаю, что меня хватит на триста лет.

— Поверьте моему опыту, что хватит, — заверил он меня. — Многим приходится гораздо хуже. Если был мерзавцем, то и возможности будут гораздо скромней. Мир уже не создашь, разве что квартиру. А если учесть, что нормальные души к мерзавцу не придут и к себе не пустят, он будет обречен на одиночество или на общение с себе подобными, что еще хуже. Можно объедаться икрой, заниматься онанизмом и летать по своей квартире, но надолго вас хватит? Это и будет ваш персональный ад. Кстати, лет через пятьдесят у всех начнет просыпаться память о прошлых жизнях, так что можно будет использовать еще и ее.

— И что будет с душой мерзавца после трехсот лет одиночного проживания в квартире?

— Такого не выдержит никто, — ответил ангел. — Я уже говорил, что души не вечны, поэтому он себя убьет. Вас хватит лет на триста, а потом тоже все опротивеет.

— Вы говорили о том, кто это все создал. Это Бог?

— Существа, которого вы считаете Богом, никогда не было, — ответил он, — а ваш создатель сотворил и нас около миллиона лет назад. Он хотел вывести сильный вид разумных, но с этим пока ничего не получается. Он давно ушел заниматься другими, а нас оставил возиться с вами.

— И вам уже миллион лет? Как можно не свихнуться за это время?

— Ваше развитие по времени занимает примерно тридцать тысяч лет, — сказал ангел, — причем не только для вас, но и для всех тех, кто создавал цивилизации до вас. После их уничтожения в природных катаклизмах или войнах, оставалась горстка людей, которые опять начинали все с начала. Для их обслуживания достаточно было немногих, а остальные могли уснуть. Это вам сейчас недоступен сон, а мы можем надолго отключаться от реальности.

— А вы можете заглянуть в будущее? — спросил я. — Триста лет — это большой срок, у нас, по прогнозам, жизнь может загнуться раньше. И в кого тогда вселяться?

— Я могу это сделать лет на десять, — ответил ангел, — а все вместе мы можем заглянуть в будущее на полвека. Далеко в него не мог заглядывать даже наш создатель. Но такое очень редко делается. А человечество в вашей реальности может просуществовать достаточно долго. Намечается несколько глобальных катастроф, но они могут произойти и после вашего вселения. Конечно, есть вероятность того, что используют ядерное оружие и прочие арсеналы, но тогда на вашей реальности придется поставить крест. У вас уже были подобные войны, но менее масштабные. За десятки тысяч лет люди сильно уменьшились в размерах, но выросли в числе. У вас никак не получается распространиться за пределы планеты из-за слишком высокого уровня агрессии.

— Последний вопрос, — попросил я, видя, что он хочет закончить разговор. — Когда вы говорили о нашей реальности, у меня возникло ощущение, что она не одна.

— Правильное у вас ощущение, — сказал он и встал с кресла, которое тут же исчезло. — Реальностей несколько. В каждой из них все та же Земля, на которой живет свое человечество. Где-то вы очень похожи, где-то сильно отличаетесь, но души всегда возвращаются в ту реальность, откуда пришли. Это все вопросы? Тогда пойдемте, я отведу вас в ваш сектор и дам что-то вроде памятки. Прочитаете и будете лучше у нас ориентироваться.

Я поднялся с кресла и пошел следом за ангелом через исчезнувшую стену в длинный коридор, в конце которого виднелись обычные двери. Дойти до них с провожатым не получилось.

— Меня зовут, — остановившись, сказал он. — Подождите, это ненадолго. Почитайте пока свою памятку и не вздумайте никуда лезть: здесь кое-где и для душ может быть опасно. Выудив из воздуха небольшую брошюру, ангел отдал ее мне и исчез.

Я не стал читать. Это можно сделать и потом, а сейчас хотелось здесь осмотреться. По-прежнему не было горя из-за своей смерти и разлуки с родными, наверное, все это еще будет позже. Ведомый любопытством, я быстро подошел к дверям. Их было две: белая и черная. Конечно, я открыл ту, которая по цвету мало отличалась от костюма моего ангела. В не очень большой комнате не было ничего, кроме двух десятков дверей. На каждой была закреплена табличка, на которой русскими буквами было написано: «Выход в реальность».

Кроме табличек, все они были пронумерованы. Мне страшно не хотелось сотни лет выдувать для кого-то мыльные пузыри, да еще с неизвестным финалом. Увидев надписи, я долго не думал. Что-то было не так с этими табличками с понятными мне надписями, но я решил не морочить себе голову, или то, что у меня теперь было вместо нее, и рискнуть. Усмехнувшись, выбрал дверь с тринадцатым номером и взялся за ручку. Мне всю жизнь везло с этим числом, пусть повезет и после смерти!

— Какую он выбрал реальность? — спросил один ангел другого.

— Тринадцатую, — ответил тот. — Ему везло с этим числом. Даже билеты на экзамене выбирал с этим номером, которые никто не хотел брать.

— Хорошо, если нам повезет с ним, — сказал первый ангел. — У тебя это последняя попытка, а я свои все выбрал. Не хотелось бы опять засыпать на пятьдесят тысяч лет. Память ему отключили?

— Отключили. Она проснется, когда для этого будут все условия. Если это сделать в теле младенца, он свихнется.

Сознание вернулось сразу. Приоткрыв глаза, я увидел довольно большую комнату с двумя окнами, за которыми зеленела листва деревьев. У одной из стен стояла кровать, на которой я лежал, укрытый одеялом. Комната была обставлена громоздкой, сделанной под старину мебелью. На мою кровать можно было уложить две пары, и еще осталось бы место. Судя по виду за окном, доносящемуся из открытой форточки чириканию птиц и циферблату больших настенных часов, сейчас было около восьми часов утра, и утро, скорее всего, было летнее. Я прекрасно помнил всю свою прежнюю жизнь и ту драку, после которой с ней расстался. Разговор с ангелом мог воспроизвести дословно, а последним воспоминанием была дверь с номером тринадцать. Встав с кровати, я подошел к столику, на котором стояло небольшое зеркало. Из него на меня посмотрел симпатичный юноша с густыми взлохмаченными волосами. Черты лица аккуратные, хотя нос мог бы быть и покороче. Серые глаза и черные волосы — все, как и в моей прошлой жизни. Столик очень искусно сделали из натурального дерева, причем явно не из сосны, а из чего-то более дорогого и красивого. Да и вообще вся обстановка свидетельствовала о богатстве хозяев, хоть и была донельзя старомодной. Это радовало, только к радости добавилось беспокойство, потому что я совершенно ничего не знал о здешней жизни. Неужели это связано с тем, как я сюда попал? С другой стороны, не мог же этот парень жить без души! Наверное, мне как-то на время заблокировали память. Не представляю, что бы со мной было, если бы осознал себя в теле новорожденного. Наверное, сам сошел бы с ума и свел с ума родителей. Но как же все-таки дотянуться до памяти?

Еще раз осмотрев комнату, я вернулся в кровать. Наборный паркет был до блеска натерт, по-видимому, воском, потому что совсем не чувствовался запах мастики, а огромный ковер над кроватью тоже ничем не пах и, скорее всего, был из шерсти. Изучение моего нижнего белья почти ничего не дало: привычного для меня вида трусы и майка, похоже, из хлопка без добавления синтетики. И что мне все это дает? Более отсталый мир, или это здесь шикают, делая все под старину? И как себя вести? Вот войдет сейчас кто-нибудь, а я даже не знаю языка! Попробовать, что ли, расслабиться и что-нибудь вспомнить?

Расслабиться не получилось, потому что за дверью слышались легкие шаги, она

бесшумно отворилась, и в комнату вошла девушка, года на два моложе меня. Одета она была в голубую блузку с высоким стоячим воротником и длинными узкими рукавами и серую облегающую юбку из тонкой шерсти. Фигура у нее была замечательная, хотя ноги было трудно оценить из-за юбки, доходящей до середины голени. Пышные черные волосы были уложены в замысловатую прическу, открывающую красивую шею. А вот ее лицо, несмотря на тонкие черты, красивым не показалось. Талия девушки была затянута широким кожаным ремнем, а на ее ногах были тапочки с меховыми лапками. Я начал осмотр с них и закончил ее недовольным лицом.

— Ты еще долго будешь меня рассматривать? — сердито спросила она. — Вставай, Алексей! Ты не собираешься идти в свою редакцию?

Говорила она на русском языке, немного затягивая слова. Надо же, и в этом мире меня зовут, как в прежней жизни. Удобно: не придется привыкать к другому имени.

— Если не хочешь завтракать, то так и скажи! — продолжила девушка. — А я скажу отцу.

— Сейчас подойду, — ответил я. — Иди, нечего тебе здесь делать, когда я одеваюсь.

— Подумаешь! — фыркнула она. — Очень нужно!

Повернувшись, она вышла из комнаты, хлопнув дверью. Судя по поведению, это явление природы доводилось мне сестрой. Я встал с кровати и первым делом начал искать, во что бы обуться. Под кроватью отыскались шлепанцы, а в шкафу на плечиках висело много мужской одежды. Я надел одну из рубашек и серые брюки в черную полоску. Теперь нужно было отыскать туалет и ванную. Выйдя из комнаты, я попал в широкий коридор с несколькими дверями. Туалетов оказалось два: мужской и женский, а ванная комната располагалась между ними. Везде было привычное электрическое освещение с лампами накаливания, а сантехника ничем не отличалась от нашей. Отличия от моей бывшей квартиры были в размерах и интерьере. Здесь все помещения были просторнее и богаче. Умывшись после посещения туалета, я вытерся одним из двух висевших в ванной махровых полотенец и в нерешительности остановился перед полкой, на которой лежали четыре зубные щетки. Ну и какая из них моя? Решив, что зубы подождут, прополоскал рот и пошел на кухню. Как оказалось, я это сделал зря. На непривычно большой кухне стояла широкая газовая плита с восемью конфорками, за которой работала девушка лет девятнадцати, одетая в длинное коричневое платье с закрытым воротником и передник. Скорее всего, она была кухаркой.

— А где все? — не здороваясь, спросил я.

— Все в столовой, — обернувшись ко мне, с удивлением ответила девушка. — Ваш батюшка, Алексей Сергеевич, о вас уже справлялся.

Столовой была не очень большая комната в самом конце коридора. В ней за застеленным белой скатертью столом сидели мужчина с женщиной и приходившая за мной девушка. Мужчине было примерно сорок пять лет. Среднего роста, широкоплечий, одетый в черный двубортный мундир, с оранжевой окантовкой обшлагив и отложного воротничка. На его плечах красовались узкие золотые погоны с тремя расположенными в ряд звездочками. Оставив еду, он приподнял голову и вопросительно на меня посмотрел. Я не стал его рассматривать, заметив только небольшие, аккуратные усы. Женщина была лет на десять моложе и внешне мне понравилась. Приятные черты лица, густые волосы и стройная фигура. Одета она была в длинное платье из темно-зеленого шелка с отложным кружевным воротничком.

— Что встал столбом? — спросил мужчина. — Долго нам еще ждать, пока ты займешь

свое место за столом? Мы тебя и так долго ждали, а мне уже пора идти на службу. Это ты у нас можешь болтаться без дела. Не надумал еще бросить эту редакцию?

— Сергей! — укоризненно обратилась к нему женщина. — Дай сыну поесть и ешь сам, а то опоздаешь. О его работе можно будет поговорить вечером.

— Мещерские всегда служили императору или в армии, или, как я, в полиции! — недовольно сказал мой отец. — А он окончил свою гимназию и даже не захотел поступать в университет!

— Ты же знаешь, что его диплом приравнивается к университетскому! — сказала мать. — А к службе в армии у него не лежит сердце.

— Это все его дружок! — возвращаясь к завтраку, пробурчал отец. — Его сбил с толку Олег Гагарин и те, кто вокруг него вертятся. Игорь Николаевич верно служит отечеству, а его младший такой же шалопай, как и наш.

Ни на кого не глядя, я сел на свободный стул и принялся за еду. Никаких особых изысков на завтрак не было. Отдельно стояло блюдо с жареным мясом, а в другом блюде горкой лежала запеченная картошка. В салатниках были соленые грибы, квашеная капуста и овощной салат. Из столовых приборов пользовались только вилками и ложками, так что у меня не возникло трудностей в их использовании. От запахов еды разгорелся аппетит, поэтому я на нее набросился, на время забыв обо всем остальном. Отец поел первым, встал из-за стола и ушел, а мы еще сидели минут десять. Наевшись, я тоже поднялся и поблагодарил мать, заработав удивленный взгляд.

— Ты сегодня не идешь в редакцию? — спросила она. — Это не из-за самочувствия? Ты не заболел? Выглядишь как-то не так, как обычно.

— Да, что-то я себя неважно чувствую, — соврал я. — Ничего страшного, немного полежу, и все должно пройти.

— Может быть, вызвать Федора Матвеевича? — предложила мать. — Не хочешь? Ну дело твое. Но редактору позвони.

«И что делать? — думал я, лежа на застеленной кровати. — Меня даже родители сегодня вечером раскусят, что уж говорить о редакции или друзьях!»

Лежал я с полчаса, пока не пришла сестра.

— Мама же говорила тебе позвонить в редакцию! — с осуждением сказала она. — Звонит твоя Верочка, которой не терпится узнать, что случилось с ее князем. Сам пойдешь к телефону или ответить мне?

Я молча встал, обул тапки и пошел следом за ней. Ну и где в этой квартире телефон? Телефонов оказалось два. Один был в кабинете отца, а второй стоял для общего пользования на тумбочке в прихожей. Я взял лежавшую рядом с аппаратом трубку и поднес ее к лицу.

— Это ты, Вера?

— Конечно, я! — раздался из трубки приятный женский голос. — Ты почему не в редакции? Что-то случилось?

Странно, но допотопный на вид телефонный аппарат почти не искажал речь.

— Я немного приболел, — повторил я свою отговорку. — Нет, ничего серьезного, но работать с головной болью...

— Значит, мы сегодня не увидимся, — грустно сказала она. — Я бы прибежала, но боюсь того, как на меня отреагирует твоя семья. Они князя Мещерские, а я какая-то купеческая дочка!

— Ты не какая-то, а самая лучшая, — сказал я то, что она хотела услышать. — Я тоже по

тебе скучаю, но сегодня в редакцию не пойду. Скажи, пожалуйста, редактору, чтобы мне ему не звонить.

Мы перебрались еще несколькими словами, и я, положив трубку на рычаг, взял лежавшую тут же газету. За чтение взялся на кровати и был неприятно поражен пестрящей чуть ли не в каждом слове буквой ять. Читать можно, хоть и неудобно, но грамотно что-нибудь написать уже не смогу. Из чтения я прежде всего выяснил, что нахожусь в Российской империи, и что газета была за двадцать третье июля одна тысяча девятьсот сорок второго года. Поскольку она была свежей, скорее всего, сейчас действительно сорок второй год. Более тщательное изучение четырех газетных страниц «Русской молвы» не дало мне ничего существенного. Ну есть в этом мире Германия, Англия и Франция, а еще уцелела Австро–Венгрия, мне-то что! Соединенные Штаты Америки именовались Американскими штатами, а в Болгарском царстве был почему-то наместник нашего императора. Да, этим императором был сын Николая II Алексей, которому скоро должно было исполниться тридцать восемь лет. Отложив газету, опять попытался хоть что-нибудь вспомнить. Из этой попытки ничего не вышло, потому что я умудрился заснуть. Когда проснулся, за окнами было еще светло. Я поднялся с кровати, и тут же упал в нее обратно. Кто-то засунул руку в мою голову и сейчас медленно перемешивал ее содержимое, вызвав сильное головокружение и желание расстаться с остатками завтрака. Не знаю, сколько это продолжалось. Когда мозги успокоились и прошло головокружение, я стал другим. Не писателем Алексеем Николаевичем Роговым и не окончившим месяц назад Вторую Санкт–Петербургскую гимназию князем Алексеем Сергеевичем Мещерским, а чем-то средним, слепленным из нас обоих. Все знания моей молодой половины стали доступны, но я уже не относился к ним просто как к источнику сведений об этом мире. Я любил Веру Воденикову, хотел работать в газете «Русское слово», и вместе со своими друзьями... Тут более старшая и опытная половина общей личности присмотрелась к кружку князя Олега Гагарина и заявила, что не позволит заниматься такой чушью. Некоторое время я сидел, собирая себя из двух частей, пока в голове не установился хоть какой-то порядок.

— Ты смотришь на часы? — спросила приоткрывшая дверь сестра. — На завтрак тебя звали, а сейчас приходится звать на обед! У тебя есть совесть?

— Есть у меня совесть, Оля, — ответил я. — Просто заснул. Спасибо, что предупредила. Иди, я сейчас подойду.

Она недоверчиво посмотрела и ушла. Еще бы ей не удивляться, если я уже забыл, когда ее благодарил в последний раз. В этом она была виновата сама, когда открыто выступила против Веры, и я тогда высказал все, что о ней думаю, поэтому в наших отношениях не было прежней теплоты. Я сменил помятую рубашку на выглаженную из шкафа и поторопился в столовую. Отец почти никогда не приходил обедать домой, пользуясь расположенным недалеко от его департамента рестораном, поэтому наша кухарка и домработница Наталья накрывала стол на троих. Меня уже ждали.

— Как ты себя чувствуешь? — с тревогой спросила мама. — Только не надо мне врать! Ты уже десять лет не спишь днем!

— Чувствовал неважно, — ответил я, — а поспал, и все прошло. Не беспокойся, я и на работу завтра пойду.

Минут пятнадцать мы не спеша ели куриный суп, а потом мясо с грибами. Были еще блины со сметаной, но для них у меня не нашлось места в желудке. А вот сестра съела несколько штук.

— Растолстеешь, и никто не будет любить, — не очень удачно пошутил я.

— Рано ей еще думать о любви, — сказала мама.

— Мне через два месяца уже шестнадцать! — возразила Ольга матери и повернулась ко мне: — А ты бы смотрел не на мой живот, а на Веркин! Как бы он у нее не вырос!

— Оля, что ты такое говоришь! — возмутилась мама. — Иди немедленно в свою комнату!

— Что думаю, то и говорю! — сказала сестра, встала из-за стола и удалилась с оскорбленным видом.

— И в кого она растет, такая непослушная! — со вздохом сказала мама. — Алексей, я хотела с тобой серьезно поговорить. Отец настроен против вашей дружбы...

— А почему? Вера красивая и замечательная девушка. Пусть она из купцов, но для меня это ничего не значит. Замужние жены «поступают в рангах по чинам мужей их», — процитировал я ей Табель о рангах. — Она станет княгиней, а если кому-то это не по нраву, пусть подумает о том, что у ее отца капитал больше ста миллионов рублей, и он не оставит ее без поддержки. Мне его деньги не нужны, но если отец упрется и мне придется уйти из дома, они будут нелишними.

— Как уйти? — опешила она. — Что ты такое говоришь?

— А что ты от меня хотела услышать, мама? — спросил я. — Я люблю девушку, а отец уперся и хочет сам решать, что для меня хорошо, а что нет. Если для него его представления о чести рода важнее моего счастья, то пусть и дальше читает мне нотации, пока я их еще терплю. Он вправе высказывать мне поучения за проступки, а не за любовь! В конце концов, уже середина двадцатого века, а он до сих пор живет веком минувшим!

— Я с ним сама поговорю, — глядя на меня с удивлением, пообещала она, — а то вы только поругаетесь. А насчет Гагариных отец тебе правильно говорил. Не удивлюсь, если за ними присматривает кто-нибудь из Охранного отделения! Подумай сам, что хорошего в ваших посиделках? Договоритесь до ссылки, а отца выгонят со службы и не посмотрят на то, что он надворный советник.

— Я теперь у Олега бываю редко, — сказал я правду, — а когда начну работать в редакции, времени будет еще меньше. И с ним поговорю, чтобы не занимались ерундой.

— Ты изменился, — задумчиво сказала мама, — да так резко... Скажи, тебе действительно хочется работать в этой газете, или это из-за того, что в ней работает Вера? Мне кажется, что ты способен на большее, чем перебирать бумажки в вашей редакции.

— У тебя неверное представление о моей работе, — засмеялся я. — Обещаю, что если меня посадят их перебирать, пусть даже на пару с Верой, то я и сам оттуда уйду, и ее заберу! А свою работу я еще смогу десять раз поменять. В моем-то возрасте...

— Ладно, если поел, иди, — сказала мама, которую начали пугать мои странности. — Ты сегодня никуда не собираешься?

— Посижу дома, — ответил я. — Чувствую себя хорошо, особенно после обеда, но если не пошел в редакцию, лучше никуда не выходить. Могут увидеть, а потом пойдут разговоры. Хоть я пока не в штате, но все равно.

Одна моя половина рвалась на встречу с Верой, а второй надо было полежать и много чего обдумать. Выйдя из столовой, я вернулся в свою комнату. Сменив рубашку на уже измятую, лег на кровать и начал раскладывать по полочкам все, чем этот мир отличался от моего прежнего. Отличий оказалось много, тем странней было то, что во многом обе реальности были не просто похожи, а фактически повторяли друг друга.

Прежде всего я обдумал свое бегство с того света и сразу же пришел к выводу, что мне специально дали уйти, максимально облегчив этот уход. Смешно думать, что за мной никто не наблюдал, да и эти таблички на русском языке... Почему не сказали прямо, что это нужно сделать? Ничего не зная об ангелах, об этом можно было только гадать. Я не видел смысла в таких гаданиях, поэтому не стал ими заниматься, а задал себе вопрос, почему именно я. Гением я себя не считал, а посредственностью не был. Ко многому способный человек с большими знаниями и опытом. Но таких много, и я был почему-то уверен в том, что их не засылают тысячами в чужие реальности, сохраняя память прожитой жизни. И еще я был русским. Это могло быть случайностью, но в такую случайность не верилось. С какой бы целью меня ни заслали, ангелам нужно было, чтобы я как-то встряхнул этот мир, в противном случае мое вселение не имело смысла. Мне дали понять, что нашим опекунам надоел бег по кругу с возрождением и гибелью человеческих цивилизаций, даже сказали, что причиной нашей недоразвитости является агрессивность. А чем отличаются русские от всех прочих? Если взять европейскую цивилизацию, к которой мы немного относимся, то отличие и будет в очень низкой агрессивности. Русские свою огромную империю не столько завоевали, сколько построили, включив в нее все жившие на занятых территориях народы. Мы не создавали колоний и доброжелательно относились к людям любой национальности, если они сами своими поступками не растаптывали эту доброжелательность. Единственными, кого в чем-то ограничивали по национальному признаку, были евреи, но их почти везде гоняли во все времена. Я не идеализировал всех русских, среди которых было достаточно мерзавцев, но в целом это был самый неконфликтный из всех известных мне народов. Сделаю оговорку, что сказанное относится только к народам европейской цивилизации, которые имели возможность влиять на общемировые процессы. Нам такую возможность давали огромная, богатая всеми необходимыми ресурсами территория и высокая численность способного к любой трудовой деятельности населения, но в обеих известных мне теперь реальностях она в конечном итоге не реализовалась. И причины в обоих случаях были одни и те же, хоть и проявились они совершенно по-разному. Этот мир сильно напоминал мой прежний. Говорю «мой», потому что чувствую себя все-таки больше бывшим писателем Роговым, чем вчерашним гимназистом князем Мещерским. Личность Рогова, его опыт и знания во всем превосходили то, что было у только вступившего во взрослую жизнь мальчишки, поэтому мои мысли и оценки были в основном роговскими.

Начнем с Америки. Латинская моя юную половину не интересовала, поэтому я о ней почти ничего не знал, а то, что вспомнилось, не выявило никаких различий. А вот в Северной Америке они были и не ограничивались другим названием США. Ни одной из наших мировых войн здесь не было, поэтому Американские штаты ни с кем серьезно не воевали. Военная промышленность была и развивалась, но она не шла ни в какое сравнение с тем, что было у американцев в моем мире. И доллар был только одной из валют, так что у янки здесь не было халявы. В Африке и Азии сохранилось большинство колоний, в основном у Великобритании и Франции. Индия стала независимой, но, по-моему, только формально, потому что англичане продолжали в ней хозяйничать. Может, освободился кто-то еще, но я о них не знал. В Китае была республика, и пока он в мире ни на что особенно не влиял. Русско-японская война началась на год позже, но, в отличие от моей реальности, здесь

победителей не было. Сошлись, потопили друг у друга флоты, побили солдат и разбежались. У нас было небольшое преимущество, да и Японию трудно сравнить с Российской империей, поэтому японцам пришлось хреново, и они гораздо дольше зализывали раны. А теперь перейдем к самому главному — к Европе. Те противоречия, которые у нас привели к первой мировой войне, были и здесь, но здесь их умнее разрешили за наш счет. Российская империя была независимым государством чисто номинально, фактически она давно потеряла независимость. Почти вся промышленность и финансы принадлежали французам, англичанам и прочим европейцам. Американцы в этом тоже отметились, но здешний Алексей знал только о самом факте экономического порабощения, а не о том, кто и как его осуществил. Мне было известно гораздо больше. В свое время прочел на эту тему несколько статей, так что мог проследить все в процессе и оперировать кое-какими данными, правда, только до первой мировой войны. Душе были доступны все знания личности, вот я и перенес их в эту голову, а память у юного князя Мещерского была такая, какой никогда не было у меня. Я без большого успеха шесть лет учил английский язык, а моя молодая половина, окончившая свою гимназию с отличием, свободно говорила на трех языках. Так что можно было без труда вспомнить любые знания, которые я привнес в это тело. Я и вспомнил. Началось все с Александра II с его экономическими реформами, которые открыли дорогу иностранному капиталу. Страшным бедствием стала проведенная в конце девятнадцатого века «золотая реформа» Витте, целью которой было не создание благоприятных условий для развития экономики, а обеспечение «вхождения» Российской империи в мировой рынок, развитие внешнеэкономических связей и валютное единение с Западом, что вело к полной зависимости страны от европейских бирж. В дальнейшем для поддержания золотого рубля из империи выжимали все соки, пуская на это доходы от золотодобычи, продажи зерна за границу и государственных монополий, в первую очередь от казенных железных дорог и продажи водки. Вывезенное во Францию залоговое золото позволило продавать там ценные бумаги казначейства, делать займы и привлекать в российскую экономику французские капиталы. Суммы займов росли, росли и проценты по ним. Особенно прельщал ловкий ход петербургских финансистов: они первыми предложили покупать «русские займы» на детей и молодоженов. Еще бы, ведь доходы по таким «детским» бумагам достигали десяти и даже четырнадцати процентов! Причём если сначала задолженность была преимущественно государственной, то в дальнейшем начался быстрый рост общественной и частной задолженности, выражающийся в передвижении за границу российских процентных бумаг и приливом в Россию иностранных капиталов для эксплуатации наших естественных богатств. Перед первой мировой войной капиталы иностранного происхождения составляли пятьдесят процентов всех вложенных в промышленность, при этом на горную, горнозаводскую и металлообрабатывающую отрасли приходилось семьдесят процентов всех иностранных капвложений. Иностранцам к четырнадцатому году принадлежало больше сорока процентов совокупного основного капитала восемнадцати главных акционерных банков России, причём они извлекали здесь вместо получаемых у себя на родине четырех–пяти процентов дивиденда, от двадцати до тридцати процентов. В том же году внешний долг России (крупнейший в мире) составлял шесть с половиной миллиардов рублей. И это только по четырнадцатому году, а с тех пор прошло почти тридцать лет! Можно только догадываться о том, что творилось сейчас. Вопрос иностранного засилья был запретной темой, и не пропускался цензурой ни в одну из газет. Если об этом и говорили в Государственной думе, такие разговоры не доходили до широкой общественности. Сам Алексей об этом почти

ничего не знал. Его отец как-то высказался по поводу того, что во всех органах высшей власти слишком много иностранцев, а от отца Веры он услышал, что многие банки дают разные процентные ставки по кредитам для иностранцев и русских. Для последних кредиты были гораздо дороже. Еще было достоверно известно, что в Подольской и Киевской губерниях селится много колонистов из Германии, причем не только на свободных землях. Когда он готовился к сдаче экзаменов, большой шум среди гимназистов вызвало назначение министром народного просвещения приехавшего из Франции Мишеля Дельмаса. По слухам, он с трудом говорил по-русски и занимался во Франции сельским хозяйством. Правду болтали или нет, но с личным указом императора не поспоришь, а на носу были экзамены. Пошумели и забыли.

Дальнейшие мои размышления прервал вернувшийся со службы отец.

— Алексей, к тебе можно войти? — услышал я из-за двери его голос.

— Да, конечно, — ответил я, поднявшись с кровати. — Заходи, отец.

Он вошел в комнату и занял единственное здесь кресло, а я, немного постояв, сел на край кровати.

— Что ты наговорил матери? — строго спросил он. — Когда она со мной говорила, чуть не плакала!

— Извини, но я буду жить своим умом, — ответил я. — Если тебя это не устраивает, я сниму квартиру.

— А чем будешь расплачиваться? Насколько я знаю, тебе в редакции еще не заплатили ни копейки и могут вообще не взять в штат.

— Могут, — согласился я, — но, скорее всего, возьмут. А если даже и нет... Я устраиваю Николая Дмитриевича как зять, а он не оставит без помощи свою единственную дочь. Не хотел спешить со свадьбой и пользоваться его деньгами, но если ты не оставишь мне выхода...

— Шантаж, — задумчиво сказал отец. — Неужели она действительно так хороша, что ты готов из-за нее рвать семейные связи?

— Из-за любви люди способны на многое, — ответил я, — а связи будешь рвать ты, а не я.

— Выбери время и пригласи ее к нам, — сказал он. — Посмотрим на твой выбор. Только предупреди нас заранее.

— Подожди, — остановил я его. — Скажи, тебе известен такой человек, как Владимир Ульянов?

— А почему ты спросил? — заинтересовался отец. — Спрашиваю, потому что его давно убили. Это было задолго до запрещения партии социал-демократов и даже до начала моей службы в департаменте.

— А чем вы занимаетесь в своем делопроизводстве? — спросил я, меняя тему разговора. — Из названия понятно, что законами, но ты дома никогда не рассказывал о работе, а потом выказывал недовольство тем, как я к ней отношусь. Чем ты сегодня занимался?

— Тебе это действительно интересно? — удивился он. — Ну что же, кое-что можно рассказать. Только учти, Алексей, что такой разговор не для твоих друзей и тем более не для газеты. Занятие у меня было паршивое. У нас в Думе есть комитет по законодательным инициативам, так вот, сегодня я собачился с товарищем председателем этого комитета. Проект любого закона, если он поступает на обсуждение, сначала должен рассматриваться у

нас. наших сенаторов из Государственного совета это не касается, только депутатов. Фракция кадетов прислала нам на рассмотрение законопроект о легализации употребления морфия и героина. Мало им закона о легких наркотиках!

— И чем мотивировали? — спросил я.

— Чем мотивируют в таких случаях! — сердито сказал отец. — Нарушение свобод потребителей. Людей лишают удовольствия и нужных лекарств из-за совершенно незначительных побочных явлений. В конце концов, каждый человек вправе распоряжаться своей жизнью, а у нас дефицит бюджета. Даже не постыдились напомнить о двух миллиардах доходов от продажи водки!

— И чем все закончилось? Ты им его вернул?

— Написал заключение и вернул, только толку-то! Не та я величина, чтобы меня не обошли. Даже если упрется мое начальство, найдутся способы нас обойти.

— А кто его лоббирует? — задал я вопрос, уже примерно зная, что он мне ответит.

— Слова-то какие знаешь, — усмехнулся отец. — Небось, подхватил в своей редакции? Ты, Алексей, должен смотреть на мир открытыми глазами. Болтать об этом не стоит, но большая часть думских депутатов куплена еще до их выборов. С Государственным советом сложнее, но и там есть купленные. Нужно объяснять, кто покупатели?

— Англичане и французы?

— Угадал, — кивнул отец. — Многие куплены немцами и другими. Наши соседи, как свора собак, рвут от империи куски. Если раньше им было достаточно скупать наши банки и заводы и довольствоваться тем, что иностранцы могут получить в империи за свои деньги, то сейчас у нас хотят забрать все, включая землю. Но россиян уже больше двухсот пятидесяти миллионов, а хорошей земли не так и много, и она вся в чьей-то собственности. Но ведь нашу численность можно и сократить! И убирают водочную монополию, а из Остзейских губерний сюда идут эшелоны со спиртом! Сволочи лифляндские! А сейчас взялись за дурь. Знал бы ты, сколько ее к нам идет через поляков. Этим и законов не нужно, лишь бы нам подгадить!

— Просвещенная и либеральная Европа! — сказал я.

— Сволочи они все! — припечатал отец. — Они либералы только для своих, а для других хуже зверей! Не получилось нас взять сталью, так взяли золотом! Ладно, что-то я разошелся. Смотри, только не распускай язык.

Он встал с кресла и вышел из комнаты, а я опять принял лежачее положение. Разговор с отцом оставил неприятный осадок, хотя он не сказал мне ничего нового, кроме закона о героине, да еще вроде смягчил свое отношение к Вере. Он не коснулся в разговоре императорской семьи, хотя один намек был. Ведь закон о легализации морфия и другой гадости лоббировал сам император. Его отец если и не был главным виновником нынешней долговой кабалы, очень ей способствовал. И во всем этом свою роль сыграла императрица Александра Федоровна, которая была такой же Федоровной, как я Папой Римским. Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадская была четвертой дочерью великого герцога Гессенского и Рейнского Людвиг IV и герцогини Алисы, дочери английской королевы Виктории. Хорошая родословная для российской императрицы? Сенатор Гурко очень емко охарактеризовал эту женщину следующими словами: «Если государь, за отсутствием у него необходимой внутренней мощи, не обладал должной для правителя властью, то императрица, наоборот, была вся соткана из власти, опиравшейся у неё к тому же на присущую ей самонадеянность». И у их сына в женушках

тоже была такая же немка с примесью крови королевского дома Великобритании и длинным именем Фредерика Луиза Тира Виктория Маргарита София Ольга Цецилия Изабелла Криста, принцесса Ганноверская, герцогиня Брауншвейг–Люнебургская. Ну назвали ее Ольгой Александровной, и что это изменило? Ладно, все это сейчас не важно, важно что же делать мне. Борьбаться с иностранным засильем? Это даже не смешно, это глупо, по крайней мере, если такой борьбой заниматься в одиночку. Наверное, среди дворян и промышленников много недовольных, и есть какая-то оппозиция, но я ничего об этом не слышал. И вообще я не представлял, как можно выпутаться из сложившегося положения при этой правящей династии. Выкупить все назад уже не получится: и нечем, и просто не позволят, а других законных способов просто нет. В моей реальности большевики поступили просто, предъявив странам Антанты встречные материальные претензии за интервенцию. Потом об этом писалось много всего, в том числе и то, что в западные страны вывезли больше золота, чем требовалось для расплаты с долгами. Здесь тоже нужна смена правления, которая позволила бы скрутить европейцам кукиш. Только просто отказаться от обязательств не получится. Зная наших соседей, можно утверждать, что они без колебаний прибегнут к военной силе. И плевать им, что все займы уже несколько раз окупились выплатами процентов. А к такой войне нужно хорошо подготовиться, иначе быстро задавят и лишат даже видимости самостоятельности. И как готовиться при таком императоре? Я ничего не знал о состоянии российской армии, но не удивился бы, если бы узнал, что ее активно разваливают. В самом деле, зачем она России? Если это так, то жаль. Я мог бы очень много подсказать по части вооружений. Пусть это будут только зарисовки с описанием принципов работы, имея производство и грамотных инженеров, можно очень многое быстро довести до рабочих образцов. Ладно, я здесь еще неполный день и все-таки многого не знаю, поэтому нечего ломать голову. У меня для этого впереди еще много времени. В любом случае это настоящая жизнь, а не тот ее суррогат, который мог затянуться на сотни лет. Да и потом в чужое тело переселилась бы только душа, а не личность. Так что буду радоваться тому, что я получил. Молодость, знатность и достаток — это прекрасное сочетание. К тому же у меня в неполные восемнадцать лет уже есть любовь к замечательной девушке. После слияния личностей я во многом изменился, вот только эти изменения совсем не коснулись отношения к Вере. Я ее по-прежнему любил, разве что в своих поступках больше руководствовался не чувствами, а разумом. Моей молодой половине было трудно прожить день, не увидев предмет обожания, я вполне мог потерпеть до завтрашнего утра.

До ужина еще нужно было ждать полтора часа, поэтому я решил с пользой провести время у радиоприемника. У нас в большой гостиной стояла довольно качественная ламповая радиола «Мелодия», принимавшая больше трех десятков станций. Российских среди них было только семь, но я прекрасно знал английский, немецкий и французский языки, поэтому выбор программ был большой. Послушав их с полчаса, я убедился в том, о чем уже начал догадываться после слияния. Этот мир был не только технически более отсталым по сравнению с сорок вторым годом моей реальности, но и куда более скучным. Все новости, которые я прослушал, касались визитов и других поездок различных персон, их свадеб, похорон и дней рождения. Единственное интересное сообщение касалось беспосадочного перелета двух американцев с ничего не говорящими мне именами из Нового Орлеана в канадский Эдмонтон. Полет на две тысячи миль без посадки здесь тянул на мировой рекорд, а у нас в тридцать седьмом экипаж Чкалова пролетел в три раза больше. И так было почти во всем. И как после этого верить утверждению ангела о вреде войн? Здесь не было первой

мировой, поэтому не было и связанных с нею жертв и разрушений, а вместо ускорения прогресса имеет место какая-то спячка. В первый раз с момента своей смерти я пожалел о навсегда потерянном мире, во многом дававшем такие возможности, до которых этому миру еще расти и расти. Я так привык писать книги, набирая текст на клавиатуре и пользуясь по сети справочной информацией, что сейчас с трудом представлял, как можно работать с одной ручкой. Да и вообще...

Я выключил радиолу и собрался уйти, но в гостиную вошла мать.

— Катя прислала письмо, — сказала она, показывая конверт. — Не хочешь почитать? Ну и зря. Представляешь, ее книгу будут издавать! Она по всем скучает, а по тебе больше, чем по остальным. Спрашивает, не хочешь ли ты переехать к ней в Москву. Квартира большая, и она в ней одна. И наш дворец стоит без хозяев, только тратимся на слуг. Пусть он не в самой Москве, но все равно...

— Ей всего тридцать восемь, — высказался я о своей тете. — Пусть лучше не книги пишет, а познакомится с каким-нибудь порядочным мужчиной. Тогда не будет целыми днями сидеть одна. Или пусть приезжает погостить. Ей одной гораздо проще приехать, чем всем нам. А во дворец я съезжу вместе с Верой провести медовый месяц. Для нас это будет лучше Парижа, не говоря уже об экономии.

Мне нравилась сестра отца, но мы очень редко встречались, и я не испытывал к ней сильных родственных чувств. А дворец в Подмосковье давно надо было продать, как и второй в Полтавской губернии, где я был только один раз в жизни. Эта недвижимость без какой-либо пользы тянула деньги, а отец не хотел с ней расставаться. Как же, величие рода Мещерских!

— Я все никак не могу привыкнуть к тому, что ты уже вырос, — сказала мама, обняв меня и прижав мою голову к своей груди. — Говоришь о своей свадьбе, а мне почему-то страшно!

Ей было страшно, а мне странно. Меня обнимала моя мама, которую я любил больше всех в семье, и в то же время я ее чувствовал, как еще молодую и очень симпатичную женщину. Это было неприятно, поэтому я поспешил освободиться.

— Все дети когда-нибудь вырастают, мама, — сказал я ей. — Не знаю, как будет с Ольгой, но я не собираюсь далеко от вас уезжать.

До ужина я еще немного полежал на кровати, обдумывая пришедшую в голову мысль. Она была немного шкурной, потому что подталкивала наплевать на борьбу за идеалы до победного конца и заняться устройством своего будущего. Борьба за идеалы не отменялась, просто это был запасной вариант на случай ее неудачи. Я вполне мог стать выдающимся ученым, изобретателем, писателем и даже певцом. В прошлой жизни у меня был слух, но не было голоса, сейчас со всем этим был полный порядок, к тому же я даже неплохо играл на гитаре. Творческие люди ценятся в любом обществе, если они не топчутся ногами по его идеалам. Это было бы тяжело, но ради семьи я бы на такое пошел. Возможно, мои знания и в этом случае помогут людям, пусть даже это будут не россияне.

Я не хотел, чтобы Ольга приходила за мной в третий раз, поэтому пришел на ужин немного раньше, когда Наталья еще только накрывала на стол. Я знал, что ей нравлюсь, хоть и был на год младше. У нее не было ни мужа, ни даже парня, и один раз она набралась смелости и предложила мне... Я тогда отказался, а потом жалел. Больше от нее таких предложений не было. Девушка как-то почувствовала, что я на нее смотрю, порозовела и задвигалась быстрее. Через несколько минут она закончила сервировку и пошла приглашать

мать. Вскоре мы все сидели за столом и ели пудинг с домашней сметаной. Помимо пудинга на столе лежали бутерброды с красной икрой, а на десерт был кофе с пирожными. Когда все закончили есть, я спросил, можно ли пригласить Веру на завтрашний ужин. Отец подумал и утвердительно кивнул головой.

— Приводи, посмотрим мы на твой выбор. Оля, чтобы с твоей стороны не было никаких выпадов. Испортить отношение легко, попробуй их потом наладить вновь. Это жизнь брата, не стоит ему ее портить. Он ведь может отплатить тебе той же монетой. Все поняла?

— Как быстро ты поменял мнение! — недовольно сказала сестра. — Ладно, не стану я ее трогать. Пусть только она сама ко мне не цепляется.

— Алексей, кто-то звонит, — сказала мама, у которой был очень чувствительный слух. — Сбегай, пожалуйста, к телефону.

Тут же раздался стук в дверь, и Наталья сказала, что мне звонят. Я обогнал ее в коридоре и в прихожей поднял лежащую на тумбочке трубку. Звонил мой однокашник Олег Гагарин.

— Ты еще не ужинал? — спросил он. — Вот черт! Ну ладно, что-нибудь в себя все равно впихнешь. Мы собрались поболтать, не хочешь присоединиться? Время еще детское, а я за тобой сейчас пришлю машину.

— Присылай, — согласился я. — Сейчас переоденусь и выйду во двор. Назад отвезете или возвращаться на трамвае?

— Не знаю, — неуверенно сказал друг. — Если сильно не задержимся, то Виктор тебя отвезет, а если, как в прошлый раз, то он уже уйдет. А почему спрашиваешь? Хочешь взять ствол? Так его у тебя отберет Нинка.

— А ты ей меньше болтай, — ответил я. — Прошлый раз пришлось возвращаться ночью через полгорода. Я тогда услышал от отца много интересного. А ствол не помешает, зря, что ли, платили за разрешение.

Я положил трубку на рычаг и поспешил переодеться, по пути заглянув к маме и предупредив о поездке. У Олега будут девушки, и я хотел привести себя в порядок. Пусть они мне не нужны, все равно не хотелось плохо выглядеть. Я поменял рубашку и надел серый костюм с жилетом того же цвета. Визитка была удобнее, но этот вид пиджака начал выходить из моды, поэтому молодые его носили редко, а мне он еще был непривычен. Дополнив свой наряд черным галстуком, я взял со шляпной полки небольшой браунинг, быстро набил магазин патронами и вставил его в пистолет. Положил ствол в карман, забрал бумажник и поспешил обуться. По моим прикидкам, шофер Гагариных уже должен был приехать. Машин в Санкт-Петербурге было мало, поэтому и езда на них не занимала много времени. Когда я вышел во двор, в десяти шагах от подъезда с работающим двигателем стоял «форд» Гагариных. Я поздоровался с шофером и сел на сидение рядом с ним. В моем мире у меня не было автомашины, но я научился вождению у одного из своих знакомых. Здесь я водить не учился и автомобилями не интересовался. Десять лет назад в империи заработали два фордовских завода, которые вместе с заводом компании «Рено» и двумя заводами братьев Лопатиных завалили рынок относительно дешевыми автомобилями. Но отец не хотел с ними связываться и ходил до работы пешком. Все выпускаемые машины были очень похожи и внешне, и по своей конструкции. Внешне они немного напоминали «Газ-69» с вытянутым капотом и немного зауженными колесами на спицах. Верх, как и остальной кузов у них был не брезентовый, а деревянный, обшитый снаружи листовой сталью, а брезентом при необходимости закрывались открытые сейчас боковины салона. Я уже ездил

вместе с Виктором, но раньше не обращал внимание на органы управления, а сейчас обратил и удивился его манипуляциям с педалями.

— Для чего педали? — спросил водителя, который уже выехал на улицу, развернул машину и прибавил ход.

— Интересуетесь, ваше сиятельство? — сказал он, слегка повернув ко мне голову. — Педалей три, потому что меньше никак невозможно. Левая — это сцепление, средняя — задний ход, ну а правой можно тормозить.

Парню было скучно, поэтому он обрадовался возможности поболтать и, пока не приехали, рассказывал мне о своей машине. Управление отличалось от современных мне автомашин, но не слишком сильно, и я все прекрасно запомнил. При случае надо было заняться вождением.

Мы подъехали к большому четырехэтажному дому, в котором у Гагариных на втором этаже была квартира, и я бегом поднялся по лестнице. Хорошо, когда ты в молодом, пусть даже хилом теле. Я перед смертью уже забыл о том, что можно так бегать. А этим телом нужно будет заняться в самом ближайшем будущем. Не дело быть таким слабаком.

Дверь мне открыл сам Олег.

— Я отпустил прислугу, — поздоровавшись со мной, сказал он. — Родители уехали в гости и взяли с собой сестру, а младший брат с книгой у себя в комнате, так что нам никто не помешает. Сегодня у нас новенькая. Пойдем, сейчас познакомлю. Бросал бы ты свою Веру и занялся ею. Не девушка — персик! Она из дворян, а отец заведует кафедрой в университете.

— Если будешь трогать Веру, поссоримся, — предупредил я. — Я не лезу в твою личную жизнь с Ниной, вот и ты в мою не лезь.

Семнадцатилетняя Ниночка Федорова была безбожно красивой девицей, но относилась к мещанам, что лишало ее всякой надежды на брак с моим другом. Она влюбилась в Олега, чем он и пользовался всякий раз, когда предоставлялась возможность. Его отец знал об этой связи, но отнесся к подобной шалости снисходительно и предупредил сына, что зазорным ребенком заниматься не будет.

— Ладно, не буду я трогать твою любовь, — засмеялся Олег. — Для меня дружба важнее.

Мы с ним вошли в большую гостиную, где на двух диванах разместились гости. Рядом стояли два низких столика с вином и закусками. На правом диване сидели Нина и какая-то незнакомая красивая девушка, видимо, та самая, о которой говорил Олег. На левом диване расположились два парня и одна девушка. Это были Сергей Зубов, Игорь Дурасов и Лиза Аносова. Сергей учился в нашей гимназии, но окончил ее на год раньше. Во время учебы я с ним почти не общался и подружился уже позже здесь у Олега. Это был высокий и сильный юноша с немного грубоватыми чертами лица и вечно немного растрепанной шевелюрой. В нашей компании он не столько говорил, сколько слушал, а если говорил, то только по делу. Во внешности Игоря было что-то азиатское. Это был парень примерно моего роста и комплекции, очень непоседливый и любящий говорить на любые темы. Лизе еще не исполнилось семнадцати и в нашу компанию она попала из-за дружбы с сестрой Олега. Она не блистала красотой, но имела хорошую фигурку и приятное лицо, усыпанное веснушками. Я считал, что они ее украшают, но сама Лиза думала иначе и старалась их забеливать. Она где-то нахваталась анархизма и среди нас не скрывала своих взглядов. Мы здесь вообще общались свободно, без чинов и оглядки на Охранное отделение. Я поздоровался со всеми,

после чего Олег представил меня новой девушке.

— Это, дорогая Александра, наш Алексей. Хотел сказать, что прошу его любить и жаловать, но не могу! Этого красавчика любить нельзя, потому что он уже влюблен, а из-за вас в магометанство не пойдет! А вот я бы пошел!

Александра была миниатюрной девушкой с копной русых волос, тонкими чертами лица и очень большими глазами, опущенными густыми, длинными ресницами. Смотреть на нее было приятно, я и засмотрелся, заставив девушку покраснеть.

— Не буду я его любить, — справившись со смущением, сказала она, показав улыбкой, что шутит, — но временно попользоваться можно?

Я немного растерялся от этих слов, но потом вспомнил, что здесь, в подобных компаниях, слово «пользоваться» означало только право на внимание.

— Пользуйтесь, — улыбнувшись в ответ, разрешил я и повернулся к другу: — У тебя есть кофе и что-нибудь сладкое? Не хочу пить вино.

— Может быть, коньяк? — предложил он. — Пирожные есть, но я отпустил служанку, а самому возиться с твоим кофе... И потом, какая беседа без вина?

— Лодырь, — сказал я. — Неси свои пирожные, а кофе я себе сделаю сам.

— Если можно, сделайте и мне, — попросила Александра. — Не хочется пить вино.

— Дурные примеры заразительны, — изрек Олег. — Иди за мной на кухню.

Глава 3

— Ну как она тебе? — спросил Олег, накладывая в блюдо заварные пирожные. — Кофе, по-моему, вон в том шкафу.

— Замечательная девушка, — сказал я то, что думал. — Если бы уже не был влюблен, влюбился бы сейчас. Где у вас турка?

— Вот она стоит, — показал он. — Спички на полке. Послушай, принеси пирожные сам, а то наша компания смолотит их до твоего прихода.

Он ушел, а я дождался, когда закипит вода, и занялся кофе. Никогда в прежней жизни не любил ни вино, ни водку, хотя время от времени приходилось употреблять. Здешний Алексей тоже не любил пить, но не считал это сильно вредной привычкой и за компанию не отказывался. Молодняк, что с него возьмешь! Закончив с завариванием, я взял один из подносов и поставил на него две чашки с кофе, сахарницу и блюдо с пирожными. К моему появлению все, кроме Александры, были заняты столиками. Закончили три бутылки вина и откупорили еще две, а от закусок почти ничего не осталась.

— Оставьте и нам пирожные, — попросила уже захмелевшая Нина. — Для вас двоих их слишком много, а у нас заканчивается закуска!

— А ты меньше пей, — посоветовал я. — Ты сюда пришла напиться или с пользой провести время? Еще немного — и тебя придется укладывать спать, причем одну. Никого так не развезло, одну тебя.

— Ну и ладно! — сказала она. — Тогда дай пирожное. Алексей, вот Лиза опять завелась со своей анархией, а я убеждена, что свои требования можно заставить выполнить только террором! Да не оглядывайся ты так на Сашу, она свой человек и не будет стучать!

— Если будешь выставлять столько вина, я перестану к тебе ходить, — сказал я Олегу, после чего повернулся к Лизе: — Заканчивала бы ты маяться дурью! Вроде умная девушка, а уцепилась за гнилую идею. И ведь не скажешь, что много выпила.

— А чем тебе не нравится анархия? — вскинулась она. — Наши законы лучше?

— Даже плохие законы лучше, чем их отсутствие, — назидательно сказал я. — Уже в первобытном обществе была какая-то иерархия и узаконенные обычаями отношения, а чем больше развивается человечество, тем сложнее отношения между людьми во всех сферах жизни, и они требуют обязательного регулирования. А организовать такое регулирование на добровольной основе не получится. Все идеи Кропоткина — это чушь собачья! Анархия нацелена на развал, а не на созидание. И чем тебя так не устраивают наши законы?

— А тебя они устраивают? — язвительно спросила она. — Ах да, ведь твой отец участвует в законотворчестве!

— Не совсем так, — засмеялся я. — Он ему всячески препятствует. А законы у нас есть всякие, и хорошие, и плохие. И мне в них не все нравится, только главная беда не в законах, а в людях. Вот чем недовольна ты?

— Как это чем? — растерялась она.

— Твой отец инженер второго класса, — сказал я. — Получает вполне приличные деньги, чтобы вы жили в столице и ни в чем себе не отказывали. Вместо матери по дому трудится домработница, а она сама ничем не занята. Твой брат учится в университете, а ты на следующий год закончишь престижную гимназию. Куда вы ездили отдыхать в прошлом году?

— В Болгарию, а что?

— А то, что у тебя нет поводов для недовольства. Весь твой протест от молодости лет, недостатка ума и склонности к подражанию.

— Спасибо за дуру, — обиделась она. — Мне самой, может быть, и не плохо, я беспокоюсь о других!

— О других поговорим потом, — я оставил Лизу и сел между Александрой и Ниной: — Теперь поговорим с тобой, террористка. Я согласен, что у тебя могут быть поводы для недовольства, только настоятельно советую прекратить всякую болтовню о терроре, иначе договоришься до ссылки, причем в ссылку отправишься со всей семьей. Я думаю, что родные не скажут тебе спасибо. И учти, что террором, как и анархией, проблем не решишь.

— Я попробую, а там посмотрим! — пьяно возразила Нина. — У тебя ведь есть пистолет?

— И в кого ты хочешь стрелять? — с любопытством спросил я.

— Нашего полицмейстера! — ответила она. — В Спиридонова! Он ходит на работу мимо нашего дома без всякой охраны.

— И чем же тебе не угодил Иван Сергеевич? — сказал я.

— Сатрап! — выкрикнула она. — Он сдохнет, другие будут бояться!

— Он очень неплохой человек, — возразил я, — и хороший профессионал. Страх ты не добьешься, только ненависти. И нет никакой гарантии, что на его место не назначат кого-нибудь похуже. У него большая и замечательная семья, ты хочешь им всем доставить горе? Ладно, с тобой сейчас разговаривать бесполезно. Я выяснил все, что хотел. Вы мои друзья, поэтому хочу уберечь вас от неприятностей. Эта бездельная и опасная болтовня, которой мы с вами занимались в последние два месяца, не принесет ничего, кроме них. А если дойдет до дела, будет еще хуже. Хочу предупредить, что если здесь ничего не изменится, я не буду приходить на эти посиделки.

— Струсил! — презрительно сказал Игорь.

— Можешь думать что хочешь, — пожал я плечами, — только я не вижу, из-за чего рисковать своим будущим и благополучием семьи. Вот как ты назовешь человека, который, пожертвовав собой, спасет других от дикого зверя?

— Герой, — первый раз за вечер сказал Сергей.

— Я тоже так думаю, — согласился я. — А если этот зверь никому не угрожает и спит где-нибудь в лесу, а кто-то побежит подергать его за усы или за хвост, чтобы самоутвердиться и произвести впечатление на окружающих?

— Значит, ты считаешь наши разговоры бессмысленными и вредными? — спросил Сергей. — Прекрасно понимаешь, что в обществе много язв, но не нам их лечить?

— А ты считаешь, что эти язвы способны лечить вчерашние гимназисты? — в ответ спросил я. — Вы даже цели не можете определить, не говоря уже о средствах. Было бы гораздо больше пользы, если бы мы рассказали друг другу что-нибудь интересное, поставили пластинки и потанцевали. Жаль, что я не взял с собой гитару, можно было бы сыграть и спеть.

— Могу рассказать, — кивнул Сергей. — Не знаю только, интересно это тебе будет или нет. У меня есть приятель из купцов. Так вот, он мне недавно плакался, что его отец на грани разорения, а он купец второй гильдии.

— Кредиты? — спросил я.

— Уже знаешь? — не удивился он. — Да, кредиты. Во всех банках дают заем под

пятнадцать процентов годовых. Как при этом можно торговать, не обдирая людей? И что интересно, при нем взял кредит какой-то француз, которому придется выплачивать только пять процентов. Я ради интереса зашел сначала в банк к Рябушинским, а потом к Гандельману, и везде те же пятнадцать процентов. Тогда я не поленился пройти четыре квартала в банк Боултона и попросил кредит на английском языке, на котором говорю чище английской королевы. Знаете, что мне предложили?

— Пять процентов? — попробовал угадать я.

— С тобой неинтересно разговаривать, — усмехнулся он. — Все-то ты знаешь. Мне пришлось соврать, что забыл паспорт, иначе и английский не помог бы. И к чему мы придем? Крупные купцы и заводчики еще как-то выкрутятся, а мелкие и средние прогорят. Это не язва? Я, кстати, заметил, что в последнее время в ресторанах не протолкнуться от иностранцев. Многие довольно хорошо говорят по-русски, но все равно их видно за версту. Не знаешь, этому засилью когда-нибудь будет конец?

— У меня отец тоже жаловался, — сказала Александра. — Общеизвестно, что наш университет — один из лучших в Европе. Раньше в нем учились только наши студенты, а иностранцев было совсем мало. А сейчас поступил циркуляр из министерства народного просвещения, согласно которому нам выделяются гранты на обучения иностранных студентов. Требуют, чтобы лекции для них читались на родных языках. У нас все преподаватели знают кто один, а кто два языка, так что с этим большой сложности нет, но в циркуляре указано, что в перспективе таких студентов будет треть. И эта бумага пришла не только нам.

— Сволочи эти европейцы! — зло сказал Игорь. — Скоро нельзя будет дышать!

— Как ты можешь так говорить? — возмутилась Лиза. — Мы сами европейцы, а у французов культура!

— Ты все-таки определись во взглядах, — сказал я девушке. — Дело, ребята, не в том, кто где живет, а у кого какой склад ума и система жизненных ценностей. А эти вещи формируются в народе даже не веками, а тысячелетиями развития. Европейцы — это стая хищников. Не надо вскидываться, Лиза, дай я доскажу.

— Они развили цивилизацию! — выкрикнула она.

— Сначала они ее разрушили, уничтожив Западную Римскую империю, — возразил я. — Да и позже, во времена крестовых походов, чего только не было. Прошло много веков дикости и мракобесия, с их гонениями ученых и инквизицией. Ту Европу у нас не зря называли неумытой из-за того, что в ней чистота считалась греховной. Это уже потом, много позже, они начали развиваться, причем не без помощи остального мира, в том числе и наших предков. И мы, между прочим, приняли на себя удар монгольских орд. Им тоже досталось, но не всем и недолго, а нас тиранили двести лет! Эта цивилизация, которой ты так восхищаешься, хищная по своей природе. Никто и никогда не проводил столько войн и захватов, сколько они.

— Какие войны? — наморщила лоб Лиза. — Все воевали...

— Перечислить? — спросил я. — Многочисленные войны между самими европейцами, европейцев с арабами, да и с нами, можно не считать из-за их незначительности по сравнению со всем остальным. Для начала возьмем Америку. Это были не пустые континенты, куда отправились предприимчивые переселенцы, в них было много своего населения. И где оно сейчас? В Северной Америке его осталось всего несколько миллионов, да и в Южной после нашествия испанцев население сократилось в десять раз. Я не знаю

общих цифр, но кое-что запомнил. Так в Центральной Мексике в начале завоеваний жили двадцать пять миллионов индейцев, а к концу шестнадцатого века осталось меньше трех. В Перу было двенадцать миллионов, а осталось только полтора. И так было повсюду. Там помимо испанцев отметились португальцы, а вот Северную Америку «чистили» англичане, французы, испанцы, португальцы, голландцы, шведы и шотландцы. Да, совсем забыл, там даже отметилась наша Курляндия, захватившая остров Тобаго. Так что они на законных основаниях могут считать себя европейцами. Европейцы не были бы европейцами, если бы не развязали множество войн за передел награбленного. Об Африке нужно рассказывать? К началу двадцатого века вся Африка, кроме Эфиопии и Либерии, была захвачена Великобританией, Францией, Германией, Бельгией, Италией, Испанией и Португалией. Об Азии говорить не буду, потому что надоело. Хорошо наследили европейцы, захватив большую часть нашей планеты? Поэтому плюньте в глаза тому, кто представляет Европу светочем мира, цивилизации и демократии. Волки они, и натура у них волчья.

— И что делать? — спросила меня Александра. — Они ведь ни перед чем не остановятся.

— Мы с вами при всем желании ничего не сможем сделать, — ответил я. — Остается надеяться на то, что в нашем отечестве есть достаточно сильные фигуры, которые не смиряются с тем, что происходит. А если им будет нужна помощь, лично я ее всегда окажу. А сейчас давайте доедим пирожные, все здесь уберем и потанцуем.

— Да, хочу танцевать! — потребовала Нина. — А это можно не трогать, завтра все уберет Машка.

Мы все-таки унесли на кухню посуду, убрали от диванов мешающие столики и включили радиолу. Сергей не любил танцевать, поэтому его посадили менять пластинки, а сами танцевали, разбившись на три пары. Олег был недоволен пьяной партнершей, но терпел. Ничего, в следующий раз будет меньше выпивки. А вообще с хождениями сюда нужно завязывать. Я их предупредил, а для общения мне пока достаточно общества Веры, тем более что Александра начала на меня слишком сильно действовать. Не хватало еще разрываться между двумя девушками. Мы закончили посиделки в десятом часу.

— Твоего шофера нет, поэтому пора закругляться, — сказал я Олегу. — С Ниной все ясно, а как до дома доберутся остальные?

— Лизу я доведу до подъезда, — пообещал Сергей. — Мне с ней почти по пути.

— А где вы живете? — спросил я Александру, уже понимая, что придется ее провожать.

— На Знаменской, — ответила она и назвала полный адрес.

— Мне в другую сторону, — с облегчением сказал Игорь. — А тебе, хоть и не по пути, но много времени не потеряешь.

— Извини, что так вышло, — смущенно сказал мне Олег. — Я бы ее проводил сам, но ты видишь, в каком состоянии Нина. Чтобы я еще хоть раз позволил ей напиться!

Эту его клятву я слышал уже в третий раз, но и Нина никогда раньше так не набиралась.

— Ничего страшного, — успокоил я друга. — Я вооружен, а значит, опасен, а до ночи еще далеко.

Мы вышли в прихожую и спустились по лестнице во двор. У Александры были туфли на высоких каблуках, а лестница слабо освещалась тусклыми лампами, поэтому я сразу предложил девушке руку, на которую она с благодарностью оперлась. Двор был закрытый, и к арке выхода мы направились всей компанией, а потом сразу же разошлись в разные стороны. Нам надо было идти три квартала до трамвайной остановки. Александра не

собиралась отдавать мою руку, хотя на тротуарах был ровно положенный асфальт, и они неплохо освещались уличными фонарями. Она шла рядом со мной, постукивая каблучками и изредка бросая на меня мимолетные взгляды. Я тоже несколько раз посмотрел на нее в профиль, невольно сравнивая с Верой. Обе девушки были совершенно разные, но в то же время чем-то неуловимым походили друг на друга. Поиграв в гляделки, я все-таки понял, в чем сходство. У обеих были одинаковые глаза и какая-то одухотворенность во взгляде. Не просто красивые девчонки, а яркие натуры, умные и притягивающие к себе мужчин, как магнитом. Такие попадаются редко, а мне вот попалась вторая, да еще видно невооруженным взглядом, что я ее заинтересовал. Вот только удачей это не назовешь.

— Так и будем молчать? — спросил я. — Скажите, вам понравилась наша вечеринка?

— Не знаю, что вам сказать, князь... — задумалась она. — У меня тоже есть друзья, с которыми мы иногда собираемся по вечерам, но у нас все по-другому. Я учусь в университете, поэтому собираются почти одни студенты. Но разговоры у нас серьезней, что ли. И мы даже среди своих стараемся не касаться некоторых тем.

— А почему князь?

— Этот вопрос нужно задавать вашим предкам, — засмеялась она. — На вечеринке никто не упоминал титулы, не стала этого делать и я, но вечеринка закончилась.

— Не обращайте внимания на разговоры наших девушек, — тоже засмеялся я. — У нас строго присматривают за прессой, но ни один умный человек не примет всерьез болтовню экзальтированной несовершеннолетней гимназистки, да еще об анархии, а в полиции сидят умные люди. Вот разговоры о терроре — это серьезней. Тоже чушь, но уже опасная. Вряд ли за нее сошлют, но обязательноотреагируют. Поэтому я Нину и предупредил. Она на эту тему говорит только подшофе, а в нормальном состоянии вполне адекватная девица. А как вам парни?

— Мне понравился Зубов, оценить Дурасова было сложно: он почти все время молчал, а князя Гагарина я уже немного знала. Он мне нравится, иначе меня не было бы на вашей вечеринке.

— Обычно у нас все наоборот, — сказал я, — Игорь много болтает, а Сергей отмалчивается. Но вы правы: он очень умный парень. Наверное, на них подействовали вы.

Мы подошли к пустой трамвайной остановке, и Александра отпустила мою руку. Сдвинув рукав пиджака, я посмотрел на часы.

— Десять с минутами, — сказал я девушке. — Сядем на лавочку?

— Сядем, — согласилась она и, когда мы сели, неожиданно спросила: — Не расскажете, как познакомились со своей девушкой?

— Станный вопрос, — удивился я. — Но если вам интересно, могу рассказать. Наше знакомство было немного необычным. Случилось это в середине марта, когда я с двумя однокашниками возвращался после занятий в гимназии. Повсюду лежал снег, было холодно, а тут еще задул ветер, поэтому мы почти бежали, не особенно глядя по сторонам. Мое внимание привлек громкий девичий голос, и, посмотрев в ту сторону, я увидел девушку, которая что-то возмущенно выговаривала стоявшему рядом парню. Она повернулась, собираясь уйти, но он ее задержал, схватив за руку. Я сунул свой ранец приятелям, перебежал через дорогу к этой парочке и попытался вмешаться. Врезал он мне хорошо. Когда я с помощью Веры смог подняться, увидел, что ее обидчик лежит, скрючившись, на грязном снегу и стонет. Как потом рассказали приятели, она сбила его с ног ударом кулака.

— Рослая девушка? — спросила Александра.

— Такая же малышка, как и вы, — засмеялся я, — только покрепче, потому что занималась спортом. У нее старший брат увлекался боксом, ну и ее научил. Она очень решительная и настойчивая девушка, другие не идут работать корреспондентами.

— Она красивая?

— Очень. У нее ваши глаза, но немного скуластое лицо, волосы обрезает по плечи и оставляет челку. Красоту девушек трудно описывать словами, получается набор примет, как в полицейском протоколе. А когда посмотришь сам, заглянешь в глаза...

— А я красивая?

— А то вы сами этого не знаете, — ответил я, недовольный поворотом разговора. — У вас, как и у моей невесты, есть все, что привлекает мужчин, но первой я встретил ее.

Послышавшийся невдалеке шум подъезжающего трамвая прервал наш разговор. Через минуту он выехал из-за поворота улицы и остановился возле нашей скамейки. Мы вошли в первый вагон, в котором не было никого, кроме кондуктора. Я заплатил за двоих, и мы сели, стараясь не сильно прижиматься друг к другу, что было трудно из-за малой длины сидений. Но не ехать же из-за этого порознь! Вожатый спешил в парк, поэтому трамвай мчался по улицам, громыхая всем, что в нем могло греметь. Из-за этого шума и болтанки вагонов мы сидели молча, пытаясь не сильно ерзать по сидению. Сошли на пятой остановке, и я проводил Александру к подъезду ее дома.

— Прощайте, князь, — сказала девушка. — Спасибо за то, что проводили. Поспешите домой, уже поздно, а вам еще долго добираться.

— Вы к нам еще придете? — спросил я.

— Нет, — отрицательно покачала головой Александра. — Вы заняты, поэтому ничего хорошего из наших встреч не выйдет. Если у вас почему-то не сложится с Верой, вы знаете, где меня искать.

Она повернулась и быстро ушла. Ушел и я, думая о том, какой у меня сегодня был содержательный день. Надо же было Олегу ее подсунуть! Ладно, завтра будет встреча с Верой, а эти воспоминания со временем потускнеют. Мало ли на свете красивых и умных девушек, так что, на каждую западать? Я не стал ждать следующего трамвая, на котором нужно было проехать всего одну остановку. Переложил пистолет из внутреннего кармана пиджака в боковой и быстрым шагом пошел в сторону дома. Идти предстояло с полчаса, поэтому я на время отставил в сторону сердечные дела и принялся думать о завтрашнем дне. Мне не слишком нравилось отношение редактора и мои перспективы работы в издательстве. Скорее всего, меня еще долго будут держать даже не на вторых ролях, а на подхвате. Я понимал редактора, сам бы на его месте поступил точно так же. Чтобы что-то сказать людям, мало с отличием закончить гимназию и быть симпатичным парнем и князем. Первое впечатление у него обо мне уже сложилось, и теперь его нужно было ломать, и я придумал, как это сделать. Завтра же напишу большую статью о вреде наркотиков и о тех, кому выгодно травить русский народ. Не о заказчиках — такое никто не напечатает, а о придурках-депутатах. Если все аргументировать так, чтобы не смогли придраться, наш цензор должен пропустить. И суну этим мерзавцам палку в колеса, и буду иметь в активе публикацию на важную тему. Цензура может зарубить статью за крамолу, оскорбление императорской семьи и государственные секреты, ну и за нападки на европейских кукловодов, а ничего этого у меня не будет. Только перед работой нужно будет поговорить с отцом. Мне надо было знать, кто в Думе проталкивает дурь, и как лучше построить статью, чтобы не подставить отца. Пока я добирался до дома, успел вспомнить все, что знал о

героине и морфии, и прикинуть, что и как буду писать. Как я и думал, родители еще не спали.

— Зря вы не спите, — сказал я встретившему меня в коридоре отцу. — Мне теперь из-за вас нигде нельзя задерживаться?

— Ты еще мальчишка, — недовольно ответил он. — И твой пистолет меня не сильно успокаивает. Ты не станешь стрелять, пока на тебя не нападут, а потом может быть поздно. Был бы ты хоть сильным парнем...

— Буду, — пообещал я. — С завтрашнего дня и займусь. Надо будет только купить гантели.

— Да ну? — удивился он. — Что-то в лесу сдохло. Но я рад, если ты действительно будешь заниматься.

— Мне будет нужна твоя помощь, — сказал я. — Не в спортивных занятиях и не сегодня. Сможешь утром рассказать все о законе по легализации наркотиков? И мне нужен твой совет, как это преподать, чтобы не связали с тобой.

— Хочешь написать статью, — догадался он. — А хватит способностей? Ваш редактор, да и цензор, могут такое пропустить только в том случае, если к вам не смогут придраться. Это будет ведро помоев на партию кадетов, а в ней много влиятельных людей. Материал сенсационный, и от такой статьи могла бы быть польза, но не тебе ее писать. Да и захочет ли ваш редактор связываться?

— Давай договоримся так, — сказал я. — Ты мне даешь информацию, а я пишу статью и отдаю ее тебе. Если ты считаешь, что написанное можно отдавать в редакцию, я отдам, если нет, то поговорю с кем-нибудь из наших редакционных акул. Если статью напишут они, ее тем более не свяжут с тобой, но мне нужно зарабатывать имя.

— За такую статью можно заработать пулю, — проворчал он. — Ты просто не представляешь, в кого хочешь плюнуть. Успокаивает то, что вряд ли захотят подливать масло в огонь, а тебя, скорее всего, попытаются купить. Ладно, иди спать. Если хочешь, чтобы я все рассказал, нужно рано встать.

В последние десять лет перед смертью я редко спал ночью больше пяти часов и не испытывал потребности спать дольше, но сон нужен не душе, а телу, а это тело не выспалось и утром зевало так, что была опасность вывихнуть челюсть. Холодная вода помогла, но спать все равно хотелось. Отец мне все рассказал за полчаса, спросив перед рассказом, не хочу ли я что-то записать. Я отказался и не стал делать записи. Все нужные факты прочно улеглись в молодую голову, и в дальнейшем ничего не забылось. Мы быстро позавтракали, и я убежал в редакцию раньше, чем отец ушел на службу. Работа в ней начиналась с девяти, а идти нужно было только четыре квартала, поэтому можно было не торопиться, но мне не терпелось увидеть Веру и приступить к работе над статьей, и трудно было сказать, какое из этих желаний сильнее. Когда я вошел в вестибюль, меня поприветствовал наш вахтер.

— Здравия желаю, ваше сиятельство! Что-то вы сегодня рано.

— Дела, Спиридон Трофимович, — откликнулся я. — Не скажете, Воденикова не появлялась?

— Вера Николаевна должна быть наверху, — ответил он мне в спину.

Взлетев по ступенькам лестницы на второй этаж, я пробежался к большой комнате, в которой основной состав редакции собирался утром на что-то вроде планерки. Вера всегда приходила раньше, чтобы открыть окна и хоть немного проветрить помещение от табачной вони. До сигарет с фильтром здесь еще не додумались, но самых разных папирос хватало, и в

редакции курили почти все мужчины. Летом еще можно было проветривать, но я не представлял, как здесь можно дышать зимой. Я терпеть не мог табачного дыма и не собирался этого делать. Пока поработаю, а дальше будет видно. Если к зиме не выделят своей комнаты, уволюсь. Распахнув дверь и увидев, что Вера одна, я схватил ее в охапку и принялся целовать.

— Ну что ты делаешь! — задыхаясь, сказала она, улучив момент, когда я от ее губ перешел к шее. — Прекрати немедленно! Алексей, сейчас все начнут собираться, а я красная, как морковь! Пожалуйста, меня уже ноги не держат! Можно подумать, что мы с тобой год не виделись!

— Никаких отсрочек! — решил я. — Надо быть дураком, чтобы откладывать счастье! Тебя сегодня приглашают к нам на ужин, так что готовься знакомиться с моей семьей, а потом в нее войти. Считай, что я тебе сделал предложение! Ты ведь согласишься или мне прямо сейчас выброситься из окна?

— Конечно, соглашусь! — сказала она, обвив мою шею руками. — Только нужно будет подождать с детьми. Я хочу хоть немного поработать в редакции.

В коридоре раздался шум шагов, и мы разорвали объятия. Открылась дверь, и в комнату вошли двое. Первым, дымя папиросой, шел товарищ редактора Николай Селезнев, за ним с папкой в руках следовал наш спецкор Владимир Мельников.

— Уже здесь? — спросил меня Селезнев. — Завидую я вам, князь! Эх, не был бы я женат! Вера, ты уже достаточно проветрила, закрывай окна.

— Бросали бы вы курить, Николай Васильевич, — посоветовал я ему. — Помрете раньше времени, что в этом хорошего? Коллектив это как-нибудь переживет, кое-кто даже обрадуется: все-таки продвижение по службе. А вот вашей семье будет не до радости, да и не ждет вас на том свете ничего хорошего.

Он от удивления приоткрыл рот, из-за чего папироса упала на пол, и я ее тут же погасил ногой. Объяснений между нами не получилось, потому что в открытую дверь вошли сразу четверо работников редакции во главе с самим редактором — Александром Меркушевым.

— Так, все на месте, — сказал он, увидел меня и добавил: — Есть даже лишние. Давайте начинать.

— Уже уйду, — сказал я ему. — Здравствуйтесь, господа!

Выслушав ответные приветствия, я вышел из этой комнаты и ушел в корректорскую, в которой находился мой стол стажера. Там я взял пачку бумаги и вечное перо и углубился в работу.

— Что пишете, князь? — оторвал меня от статьи наш корректор — Семен Мясников. — Не любовные письма?

— А для чего мне их писать, Семен Егорович, если любовь под боком? — пошутил я. — Это я пробую написать мировой шедевр и опубликовать его в нашей газете. Что-нибудь такое, чтобы всех перекорежило.

— Лишь бы не от смеха, — сказал он. — Мы фельетонов не печатаем, это вам нужно отправлять его в «Весельчак» или в журнал «Смех и сатира». Эти напечатают.

Дверь открылась, и в маленькое помещение корректорской вошла Вера. Сразу сильно запахло табаком и ее духами.

— Что принимаешься? — сердито сказала она. — На середине совещания все стали так дымить, что я едва досидела до конца! Пришлось брызгать духами, а сволочная пробка выпала, и я вылила на себя половину флакона! Если не получится отмыть, я к вам сегодня не

приеду! Точно обзовут не знающей меры купчихой!

— Сколько раз я вам говорил, Верочка, что здесь не место для девушки? — сказал ей Мясников. — Вы здесь никого не переделаете: или начнете курить сами, или сбежите.

— Чем это ты занят? — спросила она, отмахнувшись от корректора.

— Есть мысль написать статью, используя родственные связи, — улыбнулся я. — Уже половину нацарапал и, если ничем не загрузят, скоро закончу. О чем, пока не спрашивай — это секрет. Надо же начинать делать себе имя.

— Имя ты будешь делать в другом месте, — вздохнула она. — Не получится у тебя сейчас писать, потому что нас посылают на происшествие.

— А почему ты так вздыхаешь? — не понял я.

— Потому что не люблю трупов, а там их будет... несколько. Нас с тобой туда, наверное, не пустят, но хоть сделаем фото и опросим кого-нибудь из очевидцев.

Полезь от меня было в этой поездке, как от козла молока, только зря потерял три часа. В квартиру забрались грабители, а тут не вовремя принесло хозяев, да еще с маленьким ребенком. Ну всю семью в их же квартире и положили, а над женщиной еще и надругались. Как и предполагала Вера, в квартиру нас не пустила полиция. Походили вокруг дома в компании своих коллег, поспрашивали ничего не видевших соседей и уехали, сделав напоследок несколько снимков, которые наверняка не попадут в номер. Стоило из-за этого гонять трех работников редакции, да еще машину с шофером.

— Неудачно съездили, — сказал нам редакционный фотограф Борис Денисов. — Пока нашей газете не дадут привилегию от департамента полиции, толку от таких поездок не будет. У вас, князь, там, кажется, работает отец? Поговорили бы, может, он поспособствует. Ездили бы вы тогда на уголовные происшествия вместе с Александровым, а потом, глядишь, стали бы писать сами. Очень выгодная работа. Видели, кого пропустили к месту убийства? Корреспондента газеты «Последние Известия» Бориса Биренбойма и его фотографа. А почему? Потому что у их газеты такая привилегия есть.

Я и в прошлой жизни, и в бытность гимназистом ни разу не сталкивался с криминалом. После моего вселения молодой князь Мещерский избавился от излишних сантиментов, но все равно не было ни малейшего желания смотреть на залитые кровью тела жертв и видеть горе их близких. Пусть эту выгодную работу делают те, кто имеет к ней склонность.

Как только приехали, Вера пошла писать отчет, а я вернулся за свой стол дописывать статью. Больше меня никто до конца дня не трогал, поэтому все-таки удалось ее закончить, пусть и перед самым уходом.

— Не надо меня провожать, — сказала любимая. — Я позвонила брату, и он должен вот-вот подъехать. И к вам он меня отвезет, поэтому у меня будет время покупаться. Надеюсь, что смою с себя всю вонь и смогу у вас появиться. Твоя сестра будет кусаться?

— Сказала, что ей хватит ужина, — улыбнулся я. — Просто постарайся пока ее не трогать. Она тебя не знает, а у каждого в голове свои тараканы. Есть они и у нее.

Мне тоже надо было наводить марафет, поэтому я оставил Веру в редакции дожидаться брата, а сам вернулся домой. До прихода отца успел принять ванну, высушить и привести в порядок волосы и надеть подготовленный Натальей костюм.

— Что это ты так рано вырядился? — спросил встретивший меня в коридоре отец, и я сразу понял, что он не в духе.

— Остался всего час, — ответил я. — Ничего, не помнусь. У тебя неприятности на работе или упало настроение из-за предстоящих смотрин?

— Неприятности — это еще мягко сказано! — сердито сказал он. — Возьми почитай сам.

Он раскрыл на нужной странице «Вестник полиции» и протянул мне. Я прочитал указ императора и вопросительно посмотрел на отца.

— Кто этот Шарль Дюкре?

— Бывший префект Парижа, — ответил он. — Получил подданство и уже переехал в столицу. Наверное, в министерстве знали о замене главы нашего департамента, но нам до последнего никто ничего не сообщил. Я об этом узнал из журнала и сразу навел справки. У нас даже министр ездит без охраны, а этот привез с собой пуленепробиваемый автомобиль и

охрану из французов.

— Да, насчет министра, — сказал я. — Мне кое-что неясно в указе. Как можно выводить из-под контроля министерства кадровые вопросы департамента, который в это министерство входит? Или уже не входит?

— Ты ухватил суть, — сказал отец, одобрительно на меня посмотрев. — Наш департамент — это один из столпов, на которых держится империя. А теперь представь, что будет, если у него поменяют главу, да еще фактически выведут из подчинения министру. Через год в нем останутся только послушные исполнители, которые будут смотреть в рот этому Дюкре. Меня точно выживут.

— У вас много порядочных и решительных людей, — сказал я, глядя ему в глаза. — Неужели не сможете раздобыть трехлинейку с оптикой и найти хорошего стрелка? Не вечно же он будет ездить в своем бронированном автомобиле. На Фонтанке это сделать трудно, но у вас там много зданий. И не будет он целыми днями сидеть на службе, куда-нибудь начнет ездить. В конце концов, не так уж сложно заминировать его автомобиль. Если уж полиция не сможет себя защитить...

— Представляешь последствия? — спросил отец, глядя на меня так, как будто увидел впервые.

— Представляю, — кивнул я. — У кого-то наверху полетят погоны. У кого-то, но не у всех. А если пришлют еще одного француза, грохните и его. Я бы на месте третьего кандидата сюда не поехал. Это ведь еще неплохой намек тем, кто все это устраивает. Пуля — дура, ей все равно куда лететь.

— Не скажешь, с кем познакомился? — спросил отец. — Ты очень сильно изменился, причем всего за день-два. Такие изменения не бывают без сильной встряски или чьего-то влияния.

— Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз? — предложил я. — Не посмотришь статью, пока есть время?

Отец забрал исписанные мной листки, вложил их в «Вестник» и ушел в кабинет. Вторично я его увидел минут через двадцать.

— Кто это написал? — спросил он, положив черновик статьи на мой столик. — Кто-то из ваших, как ты выразился, акул?

— Я это написал, я! — сердито ответил я. — Что так недоверчиво смотришь? Если хочешь, я при тебе еще что-нибудь напишу, только после ухода Веры, а то сейчас на это нет времени. Ты не допытывайся насчет авторства, а скажи свое мнение.

— Написано талантливо и будет трудно придрататься, — сказал отец, не сводя с меня испытывающего взгляда. — Со мной могут связать хотя бы из-за твоей работы в редакции, но больших неприятностей не будет. Никто не сможет ничего доказать, да и не будут под меня копать, потому что мое начальство тоже против этого законопроекта.

— Значит, я пробую пропихнуть ее в печать, — подвел я итог. — Папа, я не хочу тянуть со свадьбой! Мало ли что может случиться.

— Папа... Давно ты меня так не называл. Я вижу, что ты намерен жениться, независимо от того, какое впечатление произведет на нас твоя невеста, но давай все-таки не будем бежать впереди паровоза. Уже без десяти, стол накрыт, и мы все готовы, поэтому иди встречать свою любовь и веди ее сюда.

Я быстро спустился во двор, а потом и вовсе вышел на улицу. Ждать пришлось всего минут пять, по истечении которых возле меня затормозил блестящий лаком черный

«ситроен», открылась дверца водителя, и из салона выбрался брат Веры.

— Привет, княже, — отвесил он мне шутливый поклон. — Невесту забереешь, или везти назад?

— Привет, Иван! — я шагнул ему навстречу и пожал руку. — Не хочешь к нам зайти?

— У меня сегодня еще куча дел, — отказался он, открывая дверцу, за которой сидела Вера. — И смотреть будут сестренку, а не меня. Когда будете заканчивать, позвони, и я подскочу.

Я помог девушке выйти из машины и обалдел. На ней было облегающее шелковое платье малинового цвета, замысловатая прическа, открывающая шею и подобранные к платью украшения. Туфли на больших даже по моим меркам каблуках добавили стройности и роста. Такой очаровательной я свою любовь еще не видел.

— Мог бы заехать во двор, — недовольно сказала Вера Ивану, но я ее уже слишком хорошо знал, чтобы понять, что она показным недовольством прикрывает страх.

— Выше нос, сестренка! — подбодрил ее брат. — Не отдадут тебе этого князя, найдем другого постарше. Какой толк от мальчишки!

— На себя посмотри, — с улыбкой сказал я ему. — Сам всего на два года старше. Пойдем, дорогая!

Я подал Вере руку и повел ее во двор. Плитка во дворе была ровной, но не для таких каблуков. Когда она оступилась, я подхватил свое чудо на руки, занес в подъезд и почти бегом поднялся по лестнице.

— Отпусти меня, сумасшедший! — рассердилась она. — Что подумают люди? И ты меня всю изомнешь, на кого я буду похожа?!

— Ты так и будешь здесь стоять? — спросил приоткрывший входную дверь отец. — Или твоя дама не может ходить?

— Все я могу! — сердито сказала Вера. — А ваши претензии, Сергей Александрович должны быть к сыну. Да поставь ты меня на ноги!

— И в чем же виноват Алексей? — спросил отец, пропуская ее в прихожую.

— В спешке, — ответила Вера, снимая туфли. — Я только утром узнала, что приглашена на ужин, а весь день провела на работе. У меня достаточно нарядов, но почти все деловое или праздничное. Есть хорошее платье для такого визита, но мне его провоняли в редакции. А времени бегать по магазинам не было. Выбрала это платье, а к нему подходят только эти туфли. Я на таких каблуках хожу редко, а у вас во дворе неровная плитка!

— Непорядок! — строго сказал отец, но его глаза смеялись. — Надо будет сказать, чтобы выровняли.

— Вот вы смеетесь, а на меня сейчас будут смотреть как на... — она запнулась, не найдя подходящего слова. — Ваши жена и дочь скажут, что я так вырядилась, чтобы произвести на вас впечатление. А не скажут, так подумают!

— Вы на меня и так уже произвели впечатление, причем самое благоприятное, — улыбнулся отец, предлагая ей руку. — Пойдемте, я вас сам представлю. Немного против правил, но мы это как-нибудь переживем.

Что можно сказать об этом ужине? Поначалу женская половина моей семьи приняла Веру настороженно, а Ольга не скрывала неприязни, но моя невеста смогла быстро найти общий язык и с матерью, и с сестрой. Ей потребовался час, чтобы стать у нас своей. Провожали ее совсем не так, как встретили.

— Заходите к нам в любое время без приглашения! — сказала ей мама. — Вы мне очень

понравились, и теперь я понимаю сына.

— Жаль, что вы работаете, — сказала ей Ольга, — но ведь можно прийти после работы?

— Мне после нашей работы каждый раз приходится долго приводить себя в порядок, — с сожалением ответила Вера, — но я постараюсь найти время.

— Бросали бы вы работу в редакции, — посоветовал отец. — Если хочется писать, и есть способности, это можно делать дома.

— Мне хочется хоть немного побыть в редакции, чтобы набраться опыта, — сказала Вера. — Долго работать все равно не получится из-за детей.

До машины она добралась своим ходом, опираясь на мою руку. На этот раз Иван заехал во двор, так что далеко идти не пришлось.

— Когда свадьба? — спросил он меня.

— Я бы женился хоть сейчас, — ответил я, — но сначала надо поговорить с твоим отцом и решить, где будем отмечать и кого пригласим. Мы должны разослать приглашения всем родственникам с таким расчетом, чтобы они смогли приехать, а у меня одна из теток в Италии. Так что раньше чем через десять дней не получится.

— Что за тетка? — спросила Вера. — Ты мне о ней не говорил, только о Катерине.

— Я ее сам никогда в жизни не видел, — ответил я. — Это тетя Наталья, которая вышла замуж за итальянского герцога Фабрицио Сассо-Руффо. Ей уже больше девяноста лет, и понятно, что она никуда не поедет, но попробуй не пригласить! Обид будет... А одна из ее дочерей замужем за сыном великого князя Александра Михайловича.

— И этих нужно приглашать? — испугалась Вера.

— А ты думала! — подтвердил я. — Но можешь сильно не пугаться: когда узнают, кто невеста, найдут повод отказаться. А вот ее вторая дочь баронесса Маруся Врангель может прибыть, да не одна, а со всем семейством.

Я помог Вере сесть в салон, Иван занял место водителя, и они уехали. Я вернулся в квартиру и хотел уйти в свою комнату, но был перехвачен отцом.

— Зайди в кабинет, — пригласил он меня, открыв дверь. — Не спеши завтра со своей статьей. Я постараюсь с утра кое с кем поговорить, чтобы позвонили вашему цензору. У него не будет оснований не пустить твою статью в печать, но может просто испугаться последствий, а после звонка никаких препон не будет. Теперь по твоей свадьбе...

— Я поговорю с отцом Веры, а окончательно будешь решать вместе с ним.

— Так будет лучше всего, — согласился отец. — Теперь еще одно. Ты мне дал совет в отношении Дюкре. Я бы хотел знать, ведешь ли ты подобные разговоры с кем-то еще.

— Ни с кем, кроме тебя, я таких разговоров не вел, — глядя ему в глаза, ответил я. — У меня просто нет таких друзей или единомышленников, которым можно было бы довериться.

— А твой Олег? — спросил он. — Я считал, что вы дружите.

— Дружим, — согласился я. — Олег меня никогда не предаст, но я не уверен в том, что он не сболтнет случайно, да и не нужно ему это. Все наши разговоры были не от большого ума. Я там уже всех предупредил.

— Это хорошо, — сказал отец. — Хотел бы я только знать, откуда у тебя появился этот большой ум. Надеюсь, что ты не будешь долго держать меня в неведении. Я попросил, чтобы купили и привезли гантели, так что можешь забрать.

Я поблагодарил и, забрав пятикилограммовые гантели, вышел из кабинета. Возле дверей в мою комнату я увидел маму.

— Что это у тебя? — спросила она, увидев мой спортивный инвентарь. — Гантели!

Какой же ты молодец! Хочу сказать, что мне очень понравилась твоя Вера. У нее есть красота и характер, а самое главное, что ей нужен ты, а не наше положение. Иди, а то тебе тяжело их держать.

Я вошел в комнату, нашел место для гантелей и переоделся в халат. Надо было обдумать события сегодняшнего дня и то, чем заниматься завтра. Я за день устал, поэтому выбрал не кресло, а кровать. Мне очень не понравилась история с этим французом. Это очень плохо, что начали менять руководство в департаменте полиции, ставя на ключевые посты иностранцев. Причем такую замену даже не маскируют, делая это совершенно открыто. Оформить подданство можно любому за один день, и если эта практика будет широко применяться... Понятно, что многих сразу не заменишь: бросится в глаза, и можно завалить работу. Но за несколько лет можно заменить руководство во всех значимых органах власти. Против императора не попрешь, тем более что в Думе нет никакой оппозиции иностранному засилью. Если раньше наших иностранных кредиторов устраивала продажная власть и возможность качать золото и скупать у нас все, на что упадет взгляд, то сейчас появилось желание управлять напрямую. Это могло иметь далеко идущие и очень плохие последствия, а любые действия, кроме устранения императора и его семьи, могли их только отсрочить. И что теперь делать мне? Я видел только две возможности: или драться, или на все наплевать и устроиться с семьей где-нибудь за границей. Второй вариант мне не нравился, а первый имел смысл только в том случае, если уже существовал заговор достаточно сильных и влиятельных людей. Наверняка за нас возьмутся в ближайшие годы, поэтому просто не было времени что-то затевать самому. Но даже если такой заговор был, кто я для заговорщиков? Какую ценность мог представлять вчерашний гимназист князь Мещерский? Правильно, никакой. Такой заговор мог существовать только при строжайшей секретности, иначе его бы уже давным-давно не было. Я мог, используя свои знания, сделать себе имя и стать заметной фигурой, но для этого нужно было много времени, а его не было. Какой толк будет от моих знаний, если ими не успеют воспользоваться? Оставался довольно рискованный вариант со статьей. Влезть в игру значительных людей, спутать им карты и попытаться при этом уцелеть и привлечь к себе внимание заговорщиков. Им мог пригодиться молодой человек с хорошо подвешенным языком и бойким пером, патриотично настроенный и не слишком боящийся за свою шкуру. Главное — с ними сойтись, а потом можно будет доказать свою полезность. Но, делая ставку на второй вариант, надо было одновременно заниматься первым. Мне известность в любом случае не помешает. Вскоре стало клонить в сон. На часах было еще только девять вечера, но я решил, что лучше заснуть сейчас, а завтра с утра начать заниматься телом. Прежде чем браться за гантели, надо было две-три недели укреплять мышцы без снарядов.

Утром я действительно проснулся раньше обычного, даже раньше звонка будильника, который поставил на семь часов. Убрав холодным душем остатки сна, сделал легкую разминку, а потом покачал разные группы мышц, стараясь не переусердствовать. Заодно выполнил упражнения на растяжки, которым меня когда-то учили на секции кун-фу. Хоть не сильно напрягался, но все равно вспотел, и пришлось опять бежать под душ. После занятий зверски захотелось есть, поэтому за завтраком съел намного больше обычного. Сегодня был пасмурный день, и до моего выхода из дома уже дважды срывался дождь. Я не стал брать плащ, обошелся складным зонтом. Быстро добрался до редакции, обменялся приветствиями с вахтером и поднялся на второй этаж. Я решил все-таки не ждать со статьей, а отдать ее еще до начала работы. К цензору она попадет еще нескоро, а попробуй потом

найти редактора. Идти с ней к его товарищу после разговора о вреде курения не хотелось. Он бы меня послал далеко—далеко... На стук в дверь его кабинета раздался неразборчивый возглас, который я счел за разрешение войти.

— Здравствуйте, Александр Николаевич, — первым поздоровался я, дождался его ответа и продолжил: — У меня к вам просьба посмотреть эти записи. Меня проинформировали об одной законодательной инициативе кадетов, которая вызвала неодобрение второго делопроизводства департамента полиции...

— Подождите, князь, — перебил он меня, — ваш отец не в нем работает?

— В нем, — кивнул я, — но будем считать, что эти сведения я получил не от него. Если статья выйдет под моим именем, у него не будет неприятностей в департаменте. Да, сегодня с утра должны позвонить нашему цензору, так что он мешать не станет.

— Даже так? — сказал он, посмотрев на меня с интересом. — Оставляйте ваши бумаги, я их посмотрю.

Разделавшись со статьей, я нашел Веру.

— Дай я тебя поцелую, пока еще не воняешь, — сказал я, обняв девушку. — Я уже все-таки жених! Отцу говорила?

— Иван говорил, — оторвавшись от моих губ, ответила она. — Когда ты с ним встретишься?

— Если он будет дома, то могу сразу после работы, — прикинул я. — Вместе и ходим. Слушай, я отдал Меркушеву статью. Ну ту, которую писал вчера. Если он не побоится, должны напечатать.

— А почему он должен бояться? — не поняла она.

— Думцы от кадетов хотят разрешить употребление сильных наркотиков, и у них есть шансы это протолкнуть, а я хочу помешать.

— И зачем это нужно? — удивилась Вера. — У нас и из-за слабых наркотиков много проблем. Александров написал об этом статью, но ее зарубил наш Степанов.

— Он ее и не мог пропустить, — понизив голос, сказал я. — Закон приняли по указу императора, поэтому его запрещено критиковать. А моей статье он препятствовать не станет.

— И большая статья?

— Я думаю, наберется на разворот.

— С ума сошел! — сказала она. — Кто же тебе выделит столько места? Никому из наших не показывал?

— Нельзя такое показывать, — ответил я. — Эту статью нужно или отдать в печать, или съесть.

— Шуточки у тебя, — проворчала она. — У тебя нет опыта в писательстве, поэтому Меркушев все равно отдаст кому-нибудь твою писанину на правку.

— Слово-то какое нашла! — с напускной обидой сказал я. — Хочешь, поспорим на то, что никакой правки не будет? Только не знаю, на что с тобой спорить. Спорить на деньги с собственной невестой — это моветон, спорить на поцелуй нет смысла, я их и так получу, а ничего серьезней из-за твоего батюшки не будет.

— Скоро уже будет! — покраснев, прошептала она, забыв о статье. — Я вчера лежала и не могла до конца поверить в то, что скоро буду твоей женой. Могли бы пожениться через два—три дня, если бы не твоя итальянская тетка!

Долго ворковать нам не дали: пришел Селезнев и отправил нас разбирать

редакционную почту. Все конверты нужно было разложить в три стопки: в работу, для ответов и в мусорную корзину. В работу отбирали самые интересные письма. Сегодня одно такое попало Вере. Для ответов откладывали письма пустого содержания, но написанные важными персонами. Все остальное после повторной проверки выбрасывалось. Когда мы почти закончили, закончилось и совещание.

— Идите за мной, — поманил меня заглянувший в дверь редактор. — Послушайте, князь, кто писал статью?

— Писал я, а из Департамента получил только факты, касающиеся проекта закона.

— Значит, у вас есть дар слова. Вашу статью можно отдавать в набор без правки и корректуры. Сегодняшний номер уже сверстан, а вашу статью поместим в завтрашнем. Но прежде чем я это сделаю, отдам проверить цензору. Танечка уже должна была ее отпечатать, поэтому сейчас и отдам. Подождите радоваться: это еще не все. Насколько я понял, в случае скандала Департамент полиции нас защищать не станет и факта поступления законопроекта не подтвердит. Я прав?

— Правы, — подтвердил я. — Только не думаю, что его авторы дадут задний ход. Подумаешь, подняла хай какая-то газета! Кто у нас на такое обращает внимание? Неприятно, конечно, но если учесть, о каких деньгах идет речь...

— Я тоже так думаю, — согласился он, — но должен подстраховаться, чтобы не получить обвинение в клевете. Поэтому пошлю Кошелева, который у нас аккредитован в Думе, чтобы он все проверил через своих знакомых. Наверняка он что-нибудь накопает. Но и это еще не все. Вы не врач, и я тоже, поэтому мне нужно заключение одного из врачей, работающих с наркоманами. Я до совещания кое с кем созвонился, а вам нужно будет с копией статьи съездить по одному из этих двух адресов. Если получите нужный отзыв в первой поездке, больше никуда ездить не нужно. Только сначала подождем мнения нашей цензуры.

Я вместе с Меркушевым сходил к машинистке и получил у нее первый экземпляр статьи, а редактор со вторым экземпляром отправился к цензору. Цензора пришлось ждать полчаса. Когда он дал положительное заключение, мне выделили машину.

— Когда свадьба? — спросил Меркушев перед тем, как я ушел из его кабинета. — Что вы на меня так смотрите, князь? Вы порядочный человек и уже в открытую милуетесь с нашей Верой. Такое может быть только в том случае, если вы уже все для себя решили.

— Дней через десять, — ответил я. — Точно пока не знаю сам.

— Ну тогда забирайте ее с собой, — усмехнулся он. — Куда иголка, туда и нитка. Пусть лучше съездит с вами и подышит свежим воздухом. Жалко, но ей у нас все равно не работать. Или вы не позволите, или дети.

— Закончила с письмами? — спросил я Веру. — Тогда все бросай, по приказу редактора едем к профессору Григорьеву. Нужно получить отзыв на мою статью.

Дорога не заняла много времени, и вскоре мы уже сидели в гостинной большой профессорской квартиры. Я за нас обоих отказался от предложенного угощения и протянул профессору статью.

— К вам, Борис Евгеньевич, будет большая просьба ознакомиться с этой статьей и коротко написать заключение. Редакцию газеты интересует ваше мнение только по вопросам, связанным с медициной.

— Конечно, князь, — улыбнулся он. — Безусловно, я помогу вашей газете.

По мере того как профессор читал, улыбка сменилась озадаченным выражением, а

когда он закончил и снял очки, я увидел в его глазах страх.

— Пусть девушка подождет здесь, а мы с вами, князь, пройдем в мой кабинет, — сказал он, отдавая Вере статью. — Прошу вас пройти со мной.

Профессор провел меня в свой кабинет, усадил на один из двух стульев, а сам сел напротив.

— Поговорим без свидетелей! — сказал он, стараясь не смотреть мне в глаза. — Я вам не буду давать никаких заключений! Вы ко мне не приезжали и не привозили этой статьи. А вам я настоятельно советую убедить вашего редактора ничего подобного не публиковать. Если не послушает, лучше уходите из газеты!

— Вы очень сильно напуганы, — заметил я.

— Я не понимаю, почему спокойны вы! — повысил голос профессор. — Если правда то, что написано о законопроекте, а я склонен этому верить, то вас сомнут и не заметят! Если попробуете барахтаться, пострадаете не только вы, но и ваши близкие, а закон все равно примут! Плетью обуха не перешибешь! Думаете, мало противников было у закона о слабых наркотиках? Как бы не так! Я сам подписал петицию! А потом вмешался государь император, и закон был принят! А мою дочь встретили какие-то типы и изрезали ей все руки! И сказали, что если я еще попробую тявкнуть, они ей изрежут лицо! А ведь эти наркотики легкие только в законе! Сколько уже сломано судеб, сколько погибло людей! Вы знаете, что в империи за последние пять лет стали пить в два раза больше? А ведь и до того пили не мало! Если примут закон о героине, я вместе с семьей уеду в какую-нибудь нормальную страну, потому что у нас скоро будет опасно выйти на улицу!

— Ну нет так нет, — сказал я, поднимаясь со стула. — Не беспокойтесь: мы не будем на вас ссылаться.

— Я вас не убедил, — с сожалением сказал он. — Зря, вы просто не представляете, какие люди могут быть заинтересованы в таком законе, и какие деньги на кону. Кадеты — это только конец цепочки.

— Ну почему же, — усмехнулся я. — Для начала это будут многие сотни миллионов, но если дело поставить на широкую ногу, они могут превратиться в миллиарды. Ну и число русских за двадцать лет сократится раз в пять, если посчитать все вместе. Только мне, Борис Евгеньевич, страшно не хочется никуда уезжать.

— Поедете к кому-нибудь другому? — спросил он. — Тогда езжайте к профессору Лазареву. Адрес я вам дам. Это очень принципиальный человек, и у него не осталось детей. Я думаю, он напишет вам то, что вы хотите, а я этого сделать не могу. Извините.

К профессору Лазареву пришлось ехать в другой конец столицы. Он был дома и принял нас не в гостиной, а в кабинете.

— Вы ведь по делу? — сказал он, больше обращаясь к Вере. — А дела я привык вести здесь. Ну и какая же надобность во мне у вашей газеты?

Этот профессор после чтения статьи не испугался, а пришел в ярость.

— Сволочи! — выкрикнул он, грозя кому-то кулаком. — Ни чести, ни совести! Я могу понять англичан или французов: они засадили маком половину Азии и понастроили фабрик, производящих отраву! В их собственных странах она запрещена, а русских можно травить, переливая их кровь в золото! И вообще в мире стало слишком много людей, которые, с их точки зрения, и не люди вовсе! А поэтому к ним совсем другой подход! Но ведь находится много наших поганцев, которые им в этом помогают! За подачки готовы лизать задницы в надежде доказать этим свою полезность и урвать немного от хозяйского пирога! Холуи...

Он выругался матом, потом посмотрел на порозовевшую Веру и извинился.

— Извините старика, но сил больше нет терпеть и смотреть на то, что творят! Вы от меня хотели отзыв? Сейчас я вам его напишу, да еще добавлю от себя!

Сначала он коротко подтвердил правильность написанного прямо на последнем машинописном листе и расписался, а потом взял свою бумагу и минут пять писал отзыв в развернутом виде.

— Скорее всего, мне оторвут голову, — сказал он, отдавая нам бумаги, — но это нестрашно. Я свое уже прожил, а семья погибла, поэтому меня нечем зацепить. А вот вы, молодые люди, побереглись бы. В тех, кто за всем этим стоит, нет ничего человеческого.

— Садитесь, князь, — сказал мне отец Веры. — Вы пришли просить руки моей дочери?

Глава купеческого дома Водениковых напоминал мне тех былинных богатырей, которых рисовали в иллюстрациях к сказкам. Ростом он был на голову выше меня, а весил раза в два больше, причем я в нем жира не видел. Мужественное лицо с крупными чертами и широкая купеческая борода довершали облик. Хотя Николаю Дмитриевичу перевалило за пятьдесят, ни в бороде, ни в густых, коротко стриженных волосах не было видно ни одного седого волоса. Сейчас он был одет в костюм с непременно здесь жилетом, но на выездах любил одеваться под старину в сюртук, широкие штаны и сапоги.

— Не совсем так, Николай Дмитриевич, — улыбнулся я. — Руку я у нее попросил сам и уже получил согласие, а от вас мне требуется только помощь. Я не могу организовать свадьбу, не зная, кто на ней будет присутствовать с вашей стороны, и сколько им потребуется времени на сборы. И забудьте вы о моем княжеском титуле. Какие, право, титулования у родственников? Вы и дочери станете на каждом шагу напомирать, что она княгиня?

— Можно и по-простому, — согласился он. — Вижу, что шутите, поэтому не обижаюсь. Когда и где думаете играть свадьбу?

— Я готов хоть сейчас, но из-за одной моей родственницы придется ждать дней десять, — объяснил я. — Она из Италии в свои девяносто не приедет, но может обидеться, а у нее родственные связи с семьей Романовых. А о том, когда это будем делать и где, я вас прошу договориться с моим отцом. Вот его визитка, на которой указаны телефоны, рабочий и домашний.

— Лодырь, — сделал вывод Николай Дмитриевич. — Спихнули все на отца и рады. Ладно, приготовим мы вам такую свадьбу, что на нее будет не стыдно пригласить императора.

— У меня к вам очень серьезный разговор, — сказал я, отбросив шуточный тон. — Дело идет о безопасности Веры.

— А что у вас случилось? — насторожился он.

— Как вы относитесь к закону о легких наркотиках? — начал я издалека.

— Плохо я к нему отношусь! — сердито сказал Николай Дмитриевич. — Можете не оглядываться, здесь нас никто посторонний не услышит. Вредный закон, хоть и говорят, что к его принятию приложил руку сам государь. Много работников, особенно из молодых, употребляют эту пакость и становятся никуда не годными людьми. В деревнях этого меньше, а в городах, особенно среди фабричных, встречается чаще. Мало нам было пьяни, так теперь еще и это! А к чему вопрос?

— А к тому, что вдобавок к тому закону хотят принять еще один, который разрешает дурь посильнее! Кто этим занимается из наших европейских соседей, я не знаю, но думаю, что многие. В Азии устраивают огромные плантации мака и заводы по его переработке, а сбывать готовый продукт собираются у нас.

— Если у них получится, это будет конец нашей жизни! — мрачно сказал он. — Если не всех потравят, остальных возьмут голыми руками!

— Им-то что! Только этого и добиваются. Всем нашим соседям, а теперь еще и американцам, не дают покоя наши земли и все их богатства, да и империю многие

воспринимают, как соперника.

— А кто проталкивает? — спросил Николай Дмитриевич. — Не наши?

— Нет, это не прогрессивная партия, — ответил я. — Кадеты. Только это большой роли не играет. Многие депутаты куплены и просто выполняют заказ. Я узнал об этой возне от отца, и возникла мысль подложить им свинью. Если опять ждать указа императора, потом всем заткнут рты. А пока это только инициатива одной из думских фракций, цензура пропустит...

— Вы написали статью? — спросил он. — Уже вышла?

— Выйдет в завтрашнем номере, — ответил я. — Потом день-два будут разбираться, кто посмел раскрыть пасть. Деньги в этом замешаны большие, а привлечь императора будет сложнее, особенно если эту тему подхватят другие. За себя я не слишком опасаюсь. Ношу с собой пистолет и без него кое-чему обучен, да и не стану сейчас связываться.

— Почему? Из-за отца?

— Отец в таких делах не защитник, — покачал я головой. — Он сам может пострадать, хоть не слишком в это верит. Просто я автор этой статьи, и если меня сейчас грохнуть, толку будет мало, а шума — много. А вот наказать кого-нибудь из близких мне людей... Это нельзя будет напрямую связать со статьей, но меня может ударить посильнее смерти. Мертвые боли не чувствуют, а я буду страдать. Так сказать, урок для наглого бумагомарателя.

— И что предлагаешь? — переходя на ты, спросил он. — Ты об этом уже думал, и должны быть какие-то мысли.

— На работе я за ней пригляжу, — сказал я, — а во всех других случаях нужна охрана. Было бы неплохо возить ее на машине и постоянно менять маршруты. Да и вам с Иваном надо побережться. Вряд ли на вас будут отыгрываться, но все равно...

— Зря ты это затеял! — недовольно сказал он. — Один бог знает, чем это закончится для Веры! Не мог напечатать под чужим именем или кому-нибудь отдать!

— А смысл? — возразил я. — Ну да, обыватели никогда не узнали бы, что это написал князь Мещерский, но тем, кого я обижу, узнать автора будет проще простого. Чиновнику департамента полиции приносят бумаги, которым он чинит препоны, а через несколько дней в газете, где работает его сынок, всплывает их содержание. Думаете, будет сложно сделать правильные выводы? В конце концов, как следует прижать редактора, и он все выложит. Я вообще удивился, что он легко пошел на подобную публикацию. А отдавать статью в другую газету... Я очень сомневаюсь, что ее там напечатают, но кого-нибудь из своих пошлют в Думу к кадетам для проверки, и я попаду под удар без всякой публикации. Тогда точно грохнут. А если вообще ничего не делать, то нужно собирать вещички и вместе с Верой уезжать куда-нибудь подальше, например, в Австралию. Там, конечно, тоже можно прожить, но уже наши внуки точно не будут русскими.

— Почему так думаешь? — спросил Николай Дмитриевич. — Из-за наркотиков?

— Наркотики — это то, что бросается в глаза, — ответил я. — У нас мало кто читает «Вестник полиции», а в газетах этого указа не было, поэтому вы вряд ли знаете, что главой департамента полиции назначен француз. Он, конечно, принял подданство, но русским из-за этого не стал. Более того, ему теперь и министр не указ, потому что не сможет отменить его кадровые решения. И это только первая ласточка!

— Я тебе назову еще двух таких ласточек, — зло сказал Николай Дмитриевич. — Товарищем министра путей сообщения у нас теперь англичанин Джеймс Хант, а Горный

департамент Министерства государственного имущества возглавляет еще один англичанин Брайан Шорт.

— Раньше нас только стригли, а теперь решили снять шкуру. Кредитами всех не задавят, да и отравить всех водкой с наркотиками будет трудно, но если европейцы захватят ключевые посты, справиться с оставшимися будет нетрудно. В конце концов, для подавления недовольства могут ввести свои армии. Нашей к тому времени уже не будет, а если и будет, что она сделает при таком императоре? Своего дела у вас тогда точно не будет, хорошо если возьмут приказчиком. И это время не за горами.

— А что дворянство? — спросил он. — Неужто все на это будут спокойно смотреть? Зачем вы тогда нужны?

— Я еще чином не вырос, чтобы передо мной отчитывались, — сказал я. — Недовольных много, и большинству уже видно, к чему все идет, но есть ли этому сопротивление, я не знаю. Я еще потому написал под своим именем, что есть надежда, что меня заметят и используют. Есть у меня кое-что ценное для таких людей, но вначале на них нужно как-то выйти.

— Озадачил ты меня, — мрачно сказал Николай Дмитриевич. — Я русский и не желаю становиться каким-то там австралийцем! Машину с охраной я для дочери сделаю, но мой тебе совет — жениться быстрее. Наплюй на обиду своей престарелой родственницы и сделай все дня за три. Напишешь, что вошел в ее положение и не стал беспокоить. Как-нибудь переживет, а не переживет, так ей все равно пора помирать. Ладно, об этом я поговорю с твоим отцом. Давай теперь поговорим о приданом. Я вам даю пятьсот тысяч, да еще куплю дом или квартиру. Вот только как вам сейчас жить одним?

— Нам сейчас лучше пожить вместе с моей семьей, — сказал я. — Их тоже нужно будет охранять, и там это будет проще сделать.

— Дело хозяйское, — вздохнул он, — но мое предложение о доме остается в силе. И учти, что если тебе потребуется какая-нибудь помощь, обращайся. Помогу всем, чем смогу.

Я простился с отцом Веры и перед уходом зашел в ее комнаты. Она предупредила, чтобы заходил без стука, что я и сделал. Моя невеста уже искупалась и сейчас сидела у окна в самой маленькой из комнат и сушила волосы феном.

— Долго вы разговаривали, — сказала она, обернувшись на звук моих шагов. — О чем договорились?

— Мне отдали тебя и полмиллиона в придачу, чтобы не отказался, — пошутил я.

— Дешево он оценил единственную дочь! — ответила шуткой Вера. — Что-нибудь еще дает?

— Предлагал купить дом, но я пока отказался.

— А почему? У нас очень большой дом, но вряд ли ты захочешь в нем жить. У вас просторная квартира и замечательная семья, но свой дом всегда лучше.

— Все я понимаю, — вздохнул я, — но нам придется сейчас себя во многом ограничивать. Нет, деньги здесь ни при чем, дело идет о безопасности, в первую очередь о твоей.

— Это из-за твоей статьи? И кто нам будет мстить?

Вера не читала статью, только слышала эмоциональное высказывание профессора Лазарева, поэтому я пересказал ее содержание и повторил то, что только что рассказывал Николаю Дмитриевичу.

— И долго нам так... беречься? — пожившись, спросила она. — Я не возражаю против

машины, но я же не смогу работать! Охрана имеет смысл, если охраняет постоянно, а не только по пути на работу и обратно. А как быть на выездах по заданию редакции? Таскать на хвосте вооруженных охранников или безвылазно сидеть на разборе почты! Разве это работа? Я поняла, почему ты так сделал, и не обвиняю, но лучше какое-то время посижу дома. И тебе нужно меньше мотаться. Навалятся где-нибудь — очень тебе тогда поможет пистолет! А могут просто выстрелить из автомобиля. Это ты думаешь, что тебя не станут трогать, а они могут наплевать на шум.

— Пока наплевать предложил твой отец, — улыбнулся я. — Плевать будем на нашу итальянскую родственницу. Если на это пойдет мой отец, можно будет пожениться через три дня.

— Давай наплюем! — сказала Вера, выключила фен и прижалась ко мне. — Хочу, чтобы ты был моим, тогда готова терпеть любые неприятности!

— Я поговорю с отцом, — пообещал я. — Давай я тебя поцелую и пойду домой.

— Не хочу тебя никуда отпускать! — сказала она, оторвавшись от моих губ. — Давай сейчас закроемся, и будь что будет! Все равно скоро свадьба.

— Мы оба обещали твоему отцу, что этого не будет, — вздохнул я. — Я сам хочу остаться, но он может сюда войти в любой момент. Только дурак не догадается, чем мы с тобой занимаемся, а мне очень важно его доверие. Придется несколько дней потерпеть.

Я отказался от машины и пошел пешком сначала к редакции, а от нее к себе домой. От дома Водениковых на Садовой до здания, в котором располагались типография и редакция нашей газеты, пришлось идти двадцать минут, а потом еще пятнадцать — до нашего двора. Дорога на машине занимала минуты, а вот ходить пешком было опасно. На всем маршруте почти не было мест, где можно было укрыться. Надо покупать машину и нанимать шофера. Конечно, можно звонить в таксопарк и вызывать такси, но такой звонок несложно отследить. Черт, почему мы раньше не купили машину!

Я сильно задержался после работы, и отец уже давно был дома и встретил меня в коридоре.

— Зайди, — сказал он и первым вошел в свой кабинет.

Мы сели в кресла, и он спросил о моем разговоре с отцом Веры.

— Николай Дмитриевич не в восторге от того дерьма, в которое я влез сам и втянул его дочь, но принял мои резоны, — начал я рассказывать. — Он обеспечит Вере машину с охраной, но я с ней договорился, что пока посидит дома. Насчет свадьбы он созвонится с тобой. Отец, он предложил сыграть свадьбу через три дня. Напишем тете Наталье, что понимаем ее состояние и не настаиваем на приезде, а пригласим моих кузин с семьями. Лиза наверняка не придет из-за купечества Веры, а Маруся будет, да и Катерине нетрудно приехать. За три дня обиженные до нас не доберутся, и можно будет спокойно отпраздновать.

— Пожалуй, — согласился он. — Что с костюмом?

— Сразу после работы сходили в салон «Бризак» и заказали мой смокинг и свадебное платье для Веры. Через два дня обещали сделать. Кольца я уже купил, а все остальное обещал сделать Николай Дмитриевич. Сам он это будет делать или за компанию с тобой — это меня не интересует.

— Лодырь, — улыбнулся отец.

— Да, он тоже так сказал, — вернул я улыбку. — Когда я возвращался, в голову пришла мысль: не продать ли нам оба наших дворца, пока они еще хоть что-то стоят?

— Я понял твою мысль, — задумался он. — В обоих дворцах по десятку слуг и никакой охраны...

— И при разборках ничего не стоит сжечь эти дворцы, можно вместе со слугами, — добавил я. — Расположены за городом и охраняются только от бродяг. Да и зачем они нам?

— Ты же знаешь... — начал отец.

— Какое величие рода, папа? — перебил я его. — Если дворянство не остановит развал империи, то грош ему цена, и я постараюсь забыть о своем княжеском титуле. Тогда отсюда придется бежать, а дворцы у нас в лучшем случае купят по дешевке, а то и вовсе отберут. А если найдутся те, кто попытается встать на пути развала, им придется применять силу, а это война, причем и в самой империи, и с нашими соседями. Если дворец под Москвой еще может сохраниться, то в Полтавской губернии от него наверняка останется один фундамент, а мы потеряем деньги.

— У нас есть полмиллиона в банке, — напомнил он.

— Которые неплохо обратить в золото, — сказал я. — В случае потрясений бумажные деньги быстро обесцениваются, а наши европейские соседи могут приравнять наши рубли к туалетной бумаге. Отец Веры дает нам полмиллиона, и часть этих денег я переведу в золото, пока это еще не запретили.

— Что он еще обещал?

— Купить по нашему выбору дом или квартиру. Но я думаю с этим не торопиться. Поживем пока с вами, так будет безопасней. Ты не думал, что нужно как-то защитить маму и Ольгу? Ты почему-то уверен в своей безопасности, а у меня такой уверенности нет. Их тоже могут убить или похитить просто чтобы нам досадить. Сейчас это легко сделать.

— И зная это, ты все-таки решился на публикацию.

— Вовсе не обязательно до этого дойдет, — возразил я. — Я просто хочу подстраховаться, чтобы потом не кусать руки. Когда профессор Григорьев подписал петицию против «легких» наркотиков, его дочери изрезали руки и пообещали изрезать лицо. Я очень надеюсь на то, что не напрасно подвергаю вас опасности. Если поднимется большой шум, и на нашу публикацию отреагируют другие газеты, у императора будут связаны руки. Конечно, это никого не остановит, и в том или ином виде закон примут, но это будет гораздо позже.

— Я подумаю, что можно сделать, — пообещал он.

— Есть еще один вопрос... — замаялся я. — Хотелось бы знать, кто из живущих в империи иностранцев проталкивал этот закон. Кадеты — пешки, которыми легко жертвуют. У вас в девятом делопроизводстве должны знать.

— Может, и знают, — пожал он плечами. — Только вряд ли кто-нибудь из них поделится с тобой своими знаниями. Я понял, что ты хочешь знать, от кого может исходить опасность. Польза от таких знаний может быть только в том случае, если ты готов отвечать ударом на удар.

— Смотря как ударят, — сказал я. — Если пострадает кто-нибудь из вас, я постараюсь ответить так, чтобы надолго запомнили.

— Рассказывай, что с тобой случилось! — потребовал он. — Иначе у нас не будет разговора.

— Да ничего особенного, — сказал я, решив, что пришла пора поговорить с ним начистоту. — Просто кто-то подарил мне память семидесяти лет своей жизни. И мир, в котором он жил, очень похож на наш, только не такой отсталый.

— И ты думаешь, что я поверю в подобную чушь? — спросил он. — Почему не хочешь сказать правду?

— Я тебе часто врал? — в свою очередь спросил я. — Постарайся вспомнить, когда это было, а то у меня не получается. Я понимаю, что это звучит дико, но мои слова нетрудно проверить. Конечно, проверить не рассказ о прожитой кем-то жизни, а научные знания, которые сейчас лежат в моей голове. Чтобы тебе было понятней, приведу пример. В нашей радиоле шесть ламп размером с мой кулак. Я знаю, что их уже научились делать размером со спичку, только немного толще, и больше уменьшить размеры не получится. Для того, кто поделился со мной памятью, лампы, даже самые маленькие и современные — это древность. У них давно используются другие усилительные приборы, которые в десятки и сотни раз меньше и почти не потребляют тока. И с моей помощью будет нетрудно сделать и их, и многое другое.

— Ты не шутишь? — изумленно спросил отец, уставившись на меня во все глаза. — Многого ожидал, но не такого! И кем же был этот подаривший?

— Он долго и многому учился, потом работал инженером, а к концу жизни стал писать книги. Он тоже жил в России, был женат и имел двух сыновей.

— И ты помнишь всю его жизнь? — спросил отец.

— Большую ее часть, — ответил я. — Он не помнил раннее детство, поэтому и я его не помню. Остальное вспоминается очень хорошо. Ты же знаешь, какая у меня память.

— Если правда то, что ты говоришь, моего сына больше нет! Наша личность — это в первую очередь наша память, а память у тебя на четыре пятых чужая. Понятно, почему ты так изменился. Был мальчишкой, и вдруг сразу стал умным и много прожившим человеком. Вера знает?

— Личность это не только память, отец! — возразил я. — Я как был, так и остался твоим сыном! Конечно, поведение изменилось, но мой характер, привычки и привязанности остались прежними! Вы, как и раньше, мои родители, Олег — друг, а Вера — любимая девушка, за которую я готов отдать жизнь. И не сказал я ей не из-за того, что боюсь ее потерять, просто я еще сам со всем этим только что освоился. Сколько прошло времени! Но обещаю, что до свадьбы она все узнает.

— Твой литературный дар от него?

— Отчасти, — сказал я. — Я бы и сам написал эту статью, просто с его даром она получилась немного лучше.

— Матери с сестрой ничего говорить не надо, — предупредил он, — а вот мне расскажешь, что у него была за Россия, и в чем у нас разница, кроме твоих крошечных ламп. А я все-таки кое к кому обращаюсь, чтобы проверить эти твои знания. Извини, но я не могу полностью поверить в такое без доказательств.

— И они потом удержатся и никому не откроют того, что узнают? — с сомнением сказал я. — Мои знания могут нам позволить вырваться далеко вперед. Не хотелось бы их сейчас всем открывать. С нами бы таким никто не делился.

— Это будет ученый и мой хороший друг. Он никому ничего не скажет.

— Тогда я согласен. Отец, я понимаю, что со мной не будут откровенничать работники девятого делопроизводства, хотя мне от них не нужно ничего секретного. Но, может быть, ты хорошо знаком с кем-нибудь из тех, кто недавно вышел в отставку? Мне не нужна ваша агентура, только сведения об иностранцах. Наверняка о них многие знают, просто я не вхожу в их число.

— Я сейчас ничего не могу сказать, — ответил он. — Завтра кое с кем поговорю, а потом позвоню и узнаю, будут ли с тобой разговаривать. На них и после выхода в отставку действуют все подписки.

— Так что все-таки с дворцами? — спросил я.

— Один продадим, — решил отец. — Оставим тот, который под Москвой, и найдем в него охрану. Я этим займусь завтра.

— Может, купим машину? — предложил я. — В нашем положении с ней будет безопасней.

— Бронированную мы не купим, потому что они делаются только под заказ, — ответил он, — а остальные можно прострелить даже из нагана, что уж говорить о винтовке! Мало того что она тебя не защитит, так еще и врежешься на скорости во что-нибудь вроде стены. К тому же никто из нас не учился вождению, поэтому придется брать шофера. Может, мы ее и купим, но не сейчас. Мне пока будет достаточно мороки с вашей свадьбой, продажей дворца и охраной семьи.

Вскоре после моего возвращения поужинали, а потом пришлось рассказывать маме о визите к отцу Веры, а Ольге — о наших заказах в салоне «Бризак». Рассказ закончился показом колец, после чего меня наконец отпустили. Я раньше заснул и очень рано проснулся, что дало возможность дольше поиздеваться над телом. В результате вчерашних тренировок все мышцы немного побаливали, но это не мешало заниматься. После душа был завтрак, а потом я пошел в редакцию. Сегодня я в первый раз пришел раньше Веры, которую через десять минут после моего прихода привез брат.

— Ну вы и жук, князь! — одобрительно сказал мне Александров. — Ваша первая статья заняла треть всей газеты! Из-за нее много чего выбросили, в том числе и одну мою статейку. Нет, я не обижаюсь: не было в ней ничего интересного, а вам я завидую! Такой материал и прекрасное изложение. Но тема очень острая, удивляюсь тому, что пропустил Степанов и подписал в печать Меркушев. Если честно, я бы при всей своей зависти на такое не решился. Как бы нам всем из-за вас не отгрести неприятностей.

— Вы молодец, князь! — сказал подошедший Денисов. — Рискуете, конечно, но я бы тоже рискнул. Нельзя допускать такого непотребства! Если будет нужно чем-нибудь помочь...

— Нужно, Борис! — хлопнул я его по плечу. — Приглашаю вас с камерой на свою свадьбу. Там, наверное, будут еще фотографы, но и гостей наберется сотни полторы, поэтому можно будет хорошо заработать. Это в воскресенье, так что работа не пострадает. Придете?

— Я такими заработками не занимаюсь, но ради вас с Верой приду, — согласился он.

Появился редактор, и почти все ушли на совещание, а мы уединились в корректорской.

— Ты знаешь, мне немного страшно, — призналась Вера. — Никогда не считала себя трусихой, а сейчас всю прямо трясет!

— Не надо бояться, — я обнял ее и прижался щекой к щеке. — До свадьбы будешь под охраной, а потом посидишь у нас дома.

— Дурак! — рассердилась она. — Я не за себя, я за тебя боюсь! Я-то посижу в квартире, тем более что и твои мать с сестрой будут сидеть, а вот ты дома не усидишь! И что мне делать, если с тобой что-нибудь случится?

Разговор прервался, потому что из типографии пришел Семен Мясников с кипой свежих газет.

— Держите по одной на память, — улыбнулся он, протягивая нам две газеты. — Все в

редакции попросили для них взять. Не каждый год такое печатаем. Шуму будет! Я слышал, что у нас собираются печатать дополнительный тираж. Расшевелили вы змеиное гнездо, князь, будьте теперь осторожней.

В этот день нас не трогали. Сначала все разобрали газеты и принялись читать мою статью, а потом разошлись работать.

— Вот что, князь, — сказал мне Меркушев. — Я вас двоих сегодня отпускаю, а приходите вам завтра или нет — решайте сами. Наши газеты расхватывают, как в мороз горячие пирожки. Уже во многих ларьках все продано, а покупатели подходят. Сейчас начнем развозить допечатку, а потом, может быть, начнем печатать еще. А вы бы пока лучше посидели дома. Давно не было такого скандала. С законопроектом теперь однозначно надолго затихнут, а эти три кадетских депутата пойдут под нож! Я к вашей статье допечатал и рецензию профессора, чтобы сделать ее весомее. Давайте, я сейчас отдам команду, и вас отвезут на нашей машине.

— Поехали к нам, — предложил я Вере, когда мы спускались к выходу. — Мои мать с сестрой будут рады, а как буду рад я... А потом позвоним Ивану, и он тебя отвезет домой. Хорошая программа?

— Я не виноват! — чуть не плакал полный, обильно потеющий мужчина. — Вот извольте прочитать! Мы даже в Думе никому...

— Что это вы мне принесли, Александр Михайлович? — с небольшим акцентом спросил сидевший за низким столиком худощавый господин с резкими чертами лица и густыми, зачесанными назад волосами. — Отравители? Хороший заголовок для статьи. Это, случайно, не о вас?

— Вы нас убили! — обреченно сказал полный. — Нас выведут из фракции на первом же заседании! Даже если не отзовут, я больше в Думе не появлюсь. От меня теперь все будут шарахаться, как от зачумленного!

— Кто, кроме вас троих, видел законопроект? — спросил худощавый. — Отвечайте, Белов!

— Я же говорил, господин Бенсон, что в Думе его не показывали никому. Его отнесли на оценку во второе делопроизводство департамента полиции надворному советнику князю Мещерскому! А потом я его вернул вам. О законопроекте знали, но с ним не знакомился никто из наших коллег!

— Как зовут этого Мещерского? — спросил Бенсон.

— По-моему, Сергей Александрович, — ответил Белов. — Смотрите на подпись?

— Это его сын?

— Да, это его единственный сын, — подтвердил Белов. — Мне в редакции сказали, что он у них работает третий месяц.

— Это хорошо, что он у него единственный, — задумчиво сказал Бенсон. — Вам, Александр Михайлович, вместе с вашими коллегами все-таки придется еще раз сходить в Думу. Скажете, что этот законопроект — целиком и полностью ваша инициатива, а потом заявите о досрочном прекращении своих полномочий. Лучше вам уйти самим. И не нужно так переживать: никто из вас не будет забыт. А сейчас идите — мне нужно работать.

Депутат, шаркая ногами, вышел из гостиной, а вместо него вошел молодой, подтянутый мужчина, чем-то неуловимо похожий на сидевшего в кресле.

— Вот что, Грин! — сказал ему Бенсон. — Соберите мне все, что сможете, по князьям

Мещерским. В первую очередь меня интересует тот Мещерский, который работает во втором делопроизводстве департамента полиции, и его сын. Вы все поняли? Срок исполнения — два дня.

Молодой по-военному четко развернулся и хотел выйти, но должен был посторониться, пропуская невысокого и полного господина с большими залысинами и тонкими усами под мясистым носом.

— Объясните мне это, Гален! — раздраженно сказал вошедший, бросив на столик газету.

— У меня уже есть такая, — ответил Бенсон. — Нас переиграли, только и всего. Теперь придется немного подождать, пока утихнет шум, ну и отблагодарить тех, кому мы обязаны задержкой.

— Как бы нас с вами тоже не отблагодарили! — сказал усатый. — Для тех, кого мы представляем, время — это деньги, а мы их этих денег лишили. Кто в этом виноват?

— Судя по всему, князя Мещерские, — ответил Бенсон. — Я только что отдал приказ собрать по ним данные, потом начнем работать. Не беспокойтесь вы так, Дидье, наверху прекрасно понимают, что у нас с вами свои сложности.

— Придется сделать паузу! — по-прежнему зло сказал усатый. — Сколько, по-вашему, придется ждать?

— Два-три месяца, — сказал Бенсон. — Я бы подождал и больше, но боюсь, что нам этого не позволят.

— Я надеюсь, с виновными разберутся? Подобную наглость нельзя спускать! Если у вас не хватит людей, скажете, и я вам выделю своих.

Весь день Вера пробыла у нас, но я с ней общался мало. Сначала на мою невесту предъявила права мама, а потом — сестра. Мне же пришлось отвечать на бесконечные звонки. Чтобы не бегать в коридор, я занял кабинет, и уже к обеду возникло желание хоть на время разорвать один из проводов. Увы, отключать телефоны было нельзя из-за того, что мог позвонить отец. Пока звонили знакомые. Были среди них мои приятели и те, кого я мог назвать друзьями, но в основном звонили приятельницы мамы. Конечно, причиной таких звонков была моя статья. Спрашивая мать, они узнавали, что у аппарата я, и сразу же переходили к поздравлениям, при этом многие благодарили, удивлялись моему мужеству и советовали побережться. Когда тебя благодарят, это приятно, но все должно быть в меру. Мне осточертели звонки, поэтому очень обрадовал приход отца, который решил сегодня пообедать дома.

— Я отключил твой телефон, а сейчас отключу тот, который в прихожей, — сказал я ему, — иначе звонки не дадут нормально поесть. Ну как, успел что-нибудь сделать?

— Давай поговорим после обеда, — ответил он. — У меня мало времени, поэтому расскажу сразу всем.

За нашим столом прибавился стул, на котором слева от меня сидела Вера. Все знали, что отец торопится на службу и ели быстрее обычного. Он закончил обедать раньше других и быстро рассказал о своих делах.

— Вам Алексей не говорил о нашем решении продать часть недвижимости?

— Какая недвижимость? — спросила мама. — У нас не было разговоров на эту тему.

— Не было у меня возможности с ними говорить, — сказал я отцу. — Все время сидел на телефоне. Когда ты уйдешь, я все объясню.

— Мы продаем дворец в Полтавской губернии, — сказал он в основном для матери. — Я уже оформил договор в имущественной конторе, и меня заверили, что дней за десять сделают. Почему на это пошли, вам объяснит Алексей. Теперь о свадьбе. У меня был обстоятельный разговор с Николаем Дмитриевичем. Свадьбу будем играть в воскресенье в ресторане «Контан». Всего должно быть около сотни гостей, но заказ будем делать с большим запасом. Я уже обзвонил тех, кого мы приглашаем. Обещали прибыть все, кроме семьи Лизы, но это было ожидаемо. Письмо Катерине я отправил, а письмо Наталье в Венецию я попрошу написать тебя, дорогая. Извинись и передай ей, что брат по-прежнему о ней помнит и любит. Алексей, с охраной я тоже решил. Сейчас об этом распространяться не буду, скажу только, что охранять начнут с воскресенья, раньше в этом просто не будет необходимости. Я уже ушел, а вы все вопросы задавайте Алексею.

— Рассказывай, для чего нас охранять! — потребовала у меня мама, как только ушел отец. — Недвижимость подождет!

Я подробно рассказал о законопроекте кадетов и о своей статье.

— Мы принесли газету, так что можете ее почитать сами. Сейчас уже, наверное, продают третий тираж, а мне надоело отвечать на звонки твоих подруг.

— Ну и что? — не поняла она. — Написал и правильно сделал, мы-то здесь при чем?

— Я перешел дорогу очень влиятельным людям, — объяснил я. — Из-за меня они потеряли сотни миллионов рублей. Когда один из профессоров выступил против предыдущего закона, его дочери во дворе порезали руки.

— Так я теперь никуда не смогу уйти без охраны? — дошло до Ольги.

— Если бы приняли этот закон, мы бы тебя и так никуда не отпустили без охраны, — сказал я. — Не сейчас, а примерно через год. Ты просто не можешь представить, на что способен наркоман ради очередной дозы. Наркотики стоят денег, а у этой братии их вечно не хватает. Они не просто травят себя, они отравляют жизнь всем остальным. Никакая полиция не справится с таким разгулом преступности. А охрана будет не вечно. К тому же тебе это будет только удобно. И отвезут, и привезут обратно.

— Так будет машина? — спросила она. — Тогда ладно.

— А о какой недвижимости шла речь? — спросила мама.

— Продаем полтавский дворец, — объяснил я. — Он нам совершенно не нужен, только лишние расходы.

— Правильно делаете, — одобрила она. — Ты говорил, что мне звонили? А почему не позвал к телефону?

— Перед тем как я его отключил, только тебе и звонили, — засмеялся я. — Хотели поговорить о моей статье, а тут я на телефоне, так что они о тебе тут же забывали и наваливались на меня.

— Подключай аппарат! — распорядилась мама. — Я сама посижу в отцовом кабинете, а ты развлекай Веру.

— И как же мне тебя развлекать? — спросил я невесту, после того как мы ушли в мою комнату и сели на кровать.

— Я сейчас позвоню отцу и попрошу разрешения остаться у вас на ночь! — прижавшись ко мне, прошептала она. — Если разрешит, мы найдем, чем заняться. Сколько можно только целоваться? Мне этого мало! Как на это посмотрят твои?

— Я думаю, что нормально, — ответил я. — Для них ты уже своя, а свадьба послезавтра.

Она позвонила, и отец разрешил. Мои это тоже приняли совершенно нормально, только отец после ужина спросил, будем ли мы предохраняться. Мол, если нужно...

Я ответил, что в этом нет необходимости, и этой ночью моя любовь стала женщиной. Далеко не всем девушкам везет испытать прелесть любви с первого раза, но ей повезло. У меня был большой опыт, а Веру не требовалось долго разжигать, поэтому ночь у нас вышла сказочная. Весь следующий день мы провели, почти не выходя из комнаты. Днем позвонили в редакцию, и еще Вера звонила домой отчитаться отцу. Мой отец на обед не приходил, а когда вечером вернулся с работы, позвал меня в кабинет.

— Ноги еще передвигаешь? — насмешливо спросил он. — Смотри, не перетрудишься, а то на свадьбе будешь иметь заморенный вид. Что с вашей одеждой?

— Я звонил, чтобы привезли на дом. Должны вот-вот подъехать.

— Заварил ты кашу, сын! Замаранные депутаты сегодня же заявили, что досрочно прекращают работу. Объявлено, что законопроект — это их личная инициатива, которую фракция безусловно осуждает. Ты уже звонил в редакцию?

— Еще до обеда. А что?

— Другие газеты не остались в стороне. В «Родине» опубликовано большое интервью с тем профессором, который давал тебе отзыв, в «Новом голосе» есть результаты опроса жителей столицы, а в «Вечернем Петербурге» напечатали свою статью.

— А как же цензура? — спросил я. — Я думал, что после моей статьи прекратят все публикации на эту тему.

— Правильно думал, — усмехнулся отец. — Так бы и было, но начальник Главного управления по делам печати уехал отдыхать во Францию, его товарищ тоже в отъезде, а наш новый глава Департамента отравился грибами.

— Как же это у вас получилось?

— А при чем здесь мы? — ненатурально удивился отец. — Он, если хочешь знать, питается только в своем новом доме. Повар у него тоже француз, так что я понятия не имею, где они взяли эти поганки. Выживет, конечно, но два месяца ему будет не до работы. Слушай дальше. Я говорил с отцом Веры. Он решил все заботы взять на себя, а я не стал навязываться. В общем, к вашей свадьбе все готово. Завтра к двенадцати придут машины. Венчаться будете в Исаакиевском соборе, а потом едем в ресторан. В связи с нашими сложностями, свадьбу сыграем за один день. Да, я отправил в Москву доверенного человека, который организует охрану дворца, так что, считай, выполнил все самое срочное. Сейчас тебе некогда, но после свадьбы сведу с одним отставным коллежским советником. Это по поводу твоей просьбы. Он согласен с тобой побеседовать и в разумных пределах поделиться кое-какой информацией. А потом ты поделишься своими секретами с моим другом.

Весь следующий день прошел со сказочной быстротой. Для молодых время тянется медленно, а для стариков оно летит так быстро, что они не успевают считать дни. У меня время после нашего слияния тоже летело, но день свадьбы прошел особенно быстро. В памяти остались отдельные фрагменты праздника и длинная череда знакомств с родственниками Веры и другими гостями, приглашенными ее отцом. Венчание было торжественным и красивым, но самой красивой среди всех красот собора была моя белоснежная невеста. С нами было с сотню гостей, и кое-кто сразу приехал в ресторан. Зал был огромный, и в нем осталось много места для танцев. После застолья с чувствованием молодых многие пошли танцевать. Дамы в своих облегающих шелковых платьях до пола были похожи на разноцветных бабочек, а вот большинство мужчин, особенно пожилых, пришли в черных фраках и напомнили мне императорских пингвинов. Немногочисленная молодежь предпочитала смокинги, которые выглядели, с моей точки зрения, не так архаично. Веселились часов пять, после чего стали разъезжаться. Моя московская тетя не захотела ехать к нам ночевать, а сразу отправилась на вокзал, на вечерний экспресс. Как позже сказал отец, ее поспешный отъезд был результатом его разговора. Он боялся за сестру и посчитал, что так будет лучше. Выглянув утром в окно, я увидел во дворе «форд», возле которого курили двое крепких мужчин.

— Это наша охрана, — сказал стоявший рядом отец. — Они отвезут меня в Департамент и вернутся. Если мне понадобится их помощь, я вам позвоню. Без них никто никуда не выходит! И Вере скажи, чтобы не ездила с братом. Если приедет ее охрана, тогда можно. И будь готов к разговору. Если ничего не изменится, я в конце дня позвоню.

Он уехал на службу, а я вернулся в свою комнату, думая, чем нам занять время. В голову ничего путного не пришло, и я обратился с этим вопросом к жене:

— Чем будем заниматься? В редакцию ехать не стоит, да мне, если честно, и не хочется. Я там больше околачивался из-за тебя.

— У тебя талант! — возразила она. — Как его можно зарывать в землю? Я пробовала писать, но все получилось намного хуже твоей статьи.

— Писать можно, не выходя из дома, — повторил я слова отца. — Хоть сейчас могу сесть и написать какую-нибудь выдуманную историю. Не знаешь, сколько платят за книги?

— Не знаю, — ответила она, — но, наверное, много. Так в чем же дело? Садись и пиши.

Или тебе для этого нужна машинка?

— Мне для этого нужно желание, — вздохнул я. — И не собираюсь я здесь трещать машинкой. Если я займусь писаниной, ты у меня умрешь от скуки.

— Ты не дашь, — прошептала она, прижимаясь ко мне и пуская в ход руки. — Надо выполнять супружеский долг!

— Не весь же день, — возразил я. — Так я быстро кончусь, и ты останешься вдовствующей княгиней. Милая, убери руки. Надо придумать что-то такое, чем можно заниматься вдвоем, помимо твоего долга.

— Долг не мой, а твой, — недовольно сказала она. — Ходить по театрам, как я понимаю, нам нельзя, в кино тоже не сходишь. И что остается? Съездить к кому-нибудь в гости? Еще можно почитать книги, но надолго меня не хватит.

— Идея! — воскликнул я. — Ты играешь на гитаре?

— А почему я должна на ней играть? — спросила Вера. — Гитара — это мужской инструмент. Я играю на фортепиано. У меня дома есть хороший инструмент.

— Я его не видел в твоих комнатах, — сказал я. — И хорошо играешь?

— А зачем мне в моих комнатах инструмент? — не поняла она. — У нас есть для этого музыкальная комната. У отца в доме три десятка комнат, да еще часть большого дома на Гороховой, которую он отдал Ивану. А играю хорошо, но только под настроение. Мне больше нравится слушать, как играют другие.

— Вот я тебе сейчас и сыграю, — пообещал я, — а заодно и спою. Подожди, сначала настрою гитару, а то я ее уже полгода не брал в руки.

Я взял гитару, с удивлением убедился, что она не нуждается в настройке, и запел «Эхо любви», подражая манере исполнения Анны Герман:

— Покроется небо пылинками звезд, и выгнутся ветви упруго. Тебя я услышу за тысячи верст, мы эхо, мы эхо, мы долгое эхо друг друга...

— Откуда такое чудо? — со слезами на глазах спросила Вера. — Никогда не слышала такой песни!

— Садись на кровать, — сказал я вскочившей с нее жене. — Сейчас я тебе расскажу такое, что можешь хлопнуться в обморок, а это лучше делать на кровати. Надо было рассказать до свадьбы, но сначала было много других дел, а потом я решил этого не делать. Мы любим друг друга, и мои слова ни на что не повлияли бы, только могли испортить тебе настроение.

— Хочешь сказать о том, что у тебя до меня были женщины? — спросила она. — Так я об этом и так догадалась!

— Какие женщины? — не понял я. — О чем ты говоришь?

— В тот вечер, когда я с тобой осталась, ты действовал так решительно, что я сразу поняла, что это у тебя не в первый раз. Мне поначалу стало так горько...

— А потом? — спросил я.

— А потом ты начал делать такое, что у меня из головы вылетели все мысли, — залившись румянцем, призналась Вера. — Я с девушками часто говорила о парнях. Ну ты понял, о чем я. И в гимназии, и со служанками. Кто-то что-то слышал, у других уже были мужчины, но никто из них о таком не рассказывал. Мне было так хорошо, что я даже подумала, что это неплохо, когда жених умеет... Мало ли кто был до свадьбы, главное, чтобы никого не было после нее!

— Все так и не так, — сказал я, вешая гитару на крючок в стене. — Понимаешь, у меня

не было никого, кроме тебя, и не будет, но я знаю, как делать это и многое другое из чужой памяти. В это трудно поверить, но ко мне в голову попала память всей жизни другого человека. И самое невероятное в этой истории — это то, что он прожил свою жизнь не в нашем мире. У него была жена и двое детей, поэтому я у тебя такой грамотный. Если бы не этот подарок, я бы толком не знал, за что тебя трогать. Мы тоже болтали о девушках, но толку от такого трепя! И песня эта из его мира. Я их много знаю.

— Ты ее сам перевел? — спросила она. — И так складно! Может быть, у тебя есть и талант поэта?

Я видел, что Вера не усомнилась ни в одном моем слове, ей просто было страшно интересно.

— Ничего я не переводил, — ответил я. — Их мир во многом похож на наш. Есть там своя Россия, в которой говорят на таком же языке. Он был инженером и писателем, поэтому у меня все так легко и быстро получилось со статьей. А стихов я тоже много знаю и могу рассказать. Только жизнь у них все-таки сильно отличалась от нашей, поэтому многое без объяснений будет непонятным.

— Семье говорил? — спросила жена.

— Говорил отцу, а женщинам об этом знать не стоит. И отец в этом со мной согласен. Мать перепугается, а сестра может разболтать. Вряд ли кто-нибудь в такое поверит, но все равно. И ты никому не говори! Для меня это может быть опасным.

— Никому не скажу! — поклялась Вера и заодно перекрестилась. — Вот тебе крест! А ты мне еще что-нибудь сыграешь?

Ну и чем я, по-вашему, занимался до вечера? Правильно, пел, декламировал стихи и рассказал кое-что о мире Рогова. У жены горели глаза, и ей всего было мало. Когда позвонил отец и мне нужно было ехать на беседу, она чуть не заплакала от огорчения.

— Если окончательно не сорву голос, буду петь для тебя полночи, — пообещал я, пригладив ей волосы. — А ты пока возьми что-нибудь почитай или поболтай с Ольгой. Ей одной тоже скучно.

Я поменял халат на костюм, взял с собой пистолет и спустился к машине.

— Добрый вечер! — поздоровался я с охранниками. — Вам нужно отвезти меня к департаменту полиции, а потом оттуда заедем еще в одно место.

Все-таки просторные дороги с хорошим асфальтом, если на них мало транспорта, позволяют очень быстро передвигаться по совсем немаленькому городу, а нам еще повезло не стоять на светофорах, поэтому машина домчалась до департамента в считанные минуты. Отец ждал нас у одного из входов и быстро спустился к машине.

— Поезжайте по этому адресу, — приказал он, передавая водителю листок с записью. — Там подождете нас с полчаса и отвезете к дому. После этого вы нам сегодня не понадобится.

На этот раз ехали гораздо дольше, фактически в предместье. Остановились у большого одноэтажного дома, с маленьким, но ухоженным парком. Машину оставили у ворот, а сами через открытую калитку прошли по уложенной плиткой дорожке к парадному входу. Дверь оказалась заперта, и пришлось звонить, а потом ждать, пока откроют. На нас посмотрели в глазок, потом мужской голос спросил, кто и по какой надобности.

— Откройте, Вадим Ефимович, — сказал отец. — Это Мещерские. Я вам недавно звонил.

Звякнула вынутая цепочка, со щелчком открыли замок, а потом еще убрали засов.

— Я здесь живу уединенно, — говорил нам хозяин, заводя в гостиную, — а береженого, как известно, бог бережет. Садитесь, господа. Не желаете чего-нибудь выпить?

— Нам бы пищи духовной, — улыбнулся отец. — Пищу телесную мы отведаем дома.

— Ну раз так... — развел руками хозяин. — Вас, молодой человек, интересовали те лица, которые представляют мировых производителей наркотиков? Это ведь вы написали статью в «Русском слове»? Смело, очень смело... Я примерно представляю, чем вы руководствовались, добываясь со мной встречи. Врага нужно знать в лицо?

— Можно сказать и так, — ответил я. — Называйте меня Алексеем, так нам будет проще.

— Немного против правил, но если вы настаиваете... Понимаете, Алексей, знание врага в вашем случае почти ничего не дает. Вы совершили смелый поступок, но при этом оттоптали ноги многим сильным мира сего, а они к такому не привыкли и вам этого не простят. И вы не сможете им долго противостоять, даже если будете знать о них все. Вы просто не представляете, с кем связались.

— Ну так просветите, — сказал я. — В любом случае неведение для меня будет еще хуже.

— Вы правы, — согласился он. — Ладно, слушайте. Вы знаете объем производства опиатов? Не расстраивайтесь, у нас его не знает никто, известно только, что маком засеяно больше двух миллионов гектаров земли только в странах Азии, не считая Индии, Китая и тех немногих стран, где эта культура под запретом. Есть большие плантации в африканских странах, а также в Латинской Америке. Точное число фабрик, которые обрабатывают урожай, неизвестно, но их сотни. Нас не одних пытаются посадить на иглу, просто мы — наиболее выгодная и удобная цель. Огромные, почти нетронутые территории, полные несметных богатств. И что важно, все это рядом. Мы уже потеряли экономическую самостоятельность, но еще сохранили немалую военную силу и высокую численность. Нашу армию понемногу ослабляют, а сейчас хотят заняться народом. Процесс спаивания идет медленно, а наркотики действуют намного эффективней! Это очень прибыльное дело, к тому же оно работает на очистку территории. Я вижу в ваших глазах вопрос: почему власти это допускают, а в ряде случаев и сами способствуют. Так вот, не стоит мне его задавать: все равно не отвечу. Перейдем к вашим врагам. Торговлю опиатами держат Англия, Франция и в меньшей степени Германия. Американские штаты тоже занимаются этим не слишком благородным делом, но они используют свою продукцию в других местах, в частности в Китае. До принятия закона о слабых наркотиках вся эта дрянь шла к нам контрабандой в основном через Остзейские губернии и поляков. Сами они ею пользовались мало, но всемерно способствовали транзиту. Как только был принят закон, у поставщиков оказались развязаны руки. В столице и еще двух десятках крупных городов созданы их представительства. Разрешенные наркотики хлынули рекой. Есть самые разные способы приучить население, у нас их используют все. На селе это пока работает плохо, но вот городское население страдает сильно. По данным нашего делопроизводства вместе с разрешенными наркотиками привозят и те, которых нет в законе. Что-то найти, доказать, а тем более привлечь виновных, очень сложно. В таких случаях пускают в ход все средства, в первую очередь — это подкуп. Но все-таки пока таких нарушений не слишком много. Вот если бы прошел закон... Но вы подняли шум, причем сильный, поэтому с полгода других таких попыток делать не будут. Я даже боюсь представить, какой вы нанесли ущерб. Я бы на вашем месте, князь, инсценировал автомобильную катастрофу для всей семьи и куда-нибудь

уехал, сменив имена. Не надейтесь на свои связи, для пострадавших по вашей вине они ничего не значат. Вы можете какое-то время побарахтаться, но до вас все равно доберутся. Это просто дело принципа.

— И кто же это в столице? — спросил я.

— Немцев здесь нет, — ответил он. — Они окопались в Москве. А здесь только французы и англичане. Вот я для вас выписал адреса и те имена, которые знаю. А это банки, через которые финансируются эти конторы. Это не секретные сведения, просто о них мало кто знает. Теперь знаете и вы, только вам это не очень поможет. Они все равно не станут действовать напрямую, по крайней мере вначале. Не так уж сложно кому-нибудь заплатить. И охрана вам не сильно поможет. Что она сделает, если вас обстреляют из автомашины или издалека из винтовки с оптикой? А ведь могут бросить гранату или открыть плотный огонь из автоматического карабина и положить вас всех вместе с охраной. Возможно, потом вы, если уцелеете, сможете кого-нибудь из них достать, но своих близких этим не вернете. Бороться в таких случаях может только государство, да и то это нелегко.

— Это все, что вы можете сказать? — спросил отец, получил в ответ пожатие плеч и обратился ко мне: — Возвращаемся.

— Спасибо, — поблагодарил я хозяина. — Прощайте.

Мы вышли из дома и пошли по дорожке к выходу, слыша за спиной клацанье запоров. До дома мы не разговаривали.

— После ужина зайди ко мне, поговорим, — сказал мне отец, когда вошли в прихожую.

Я вошел в свою комнату и едва не был сбит с ног бросившейся мне на грудь женой.

— Нельзя прыгать потише? — прижимая ее к себе, сказал я. — Ты же только что чуть не осталась вдовой.

— Не смей так говорить даже в шутку! — сказала Вера. — Знаешь, как я соскучилась? Вы сильно задержались, и мы уже начали волноваться. Пойдем ужинать. Все давно на столе, ждали только вас.

Ужинали мы с аппетитом и быстро съели все, что приготовила Наталья. После этого я к неудовольствию жены ушел вместе с отцом в кабинет.

— Что думаешь делать? — спросил он. — Ты сделал глупость, а я тебе в этом подыграл.

— Если верить твоему отставнику, нам здесь оставаться нельзя, — сказал я то, что уже успел обдумать. — Убрать любого из нас в центре столицы будет проще простого. Я бы сам это легко сделал, если бы было что-нибудь серьезнее моего пистолета. Твои охранники могут защитить от бандюг, но не от серьезных людей. Можно переехать в наш дворец в Подмосковье, но что мы в нем будем делать? Там легко обеспечить охрану и жить, если не потравят продуктами, но тебе придется уйти со службы, а для Ольги нанимать учителей для домашнего обучения. Денег у нас достаточно, и я себе занятие найду, да и жене тоже, вот вам с мамой там будет тоскливо, а Ольга через полгода начнет лезть на стенку или сбежит. Но это единственное, что приходит в голову. Альтернатива — это куда-нибудь уехать. Не хотелось уезжать из России, но здесь нам будет трудно укрыться. Мы не будем крестьянствовать, а в любом городе, даже не очень большом, нас со временем могут найти. Могут, конечно, плюнуть и оставить в покое, но я бы на это не рассчитывал.

— Я тоже ничего не могу придумать, — признался он. — С вашими деньгами после продажи дворцов и квартиры будет около двух миллионов рублей. В золото, как ты хотел, их не обратишь, а если попробуем перевести на валютный счет, нас по нему мигом отследают.

— А если попробовать через твой департамент? — спросил я. — С продажей квартиры

возиться не будем, да и дворец в Подмосковье оставим Катерине. Денег и так будет навалом, да и мы себе дело найдем. Может быть, еще когда-нибудь вернемся.

— Надо будет кое с кем поговорить, — неуверенно сказал отец. — Потеряем, конечно, но основное переправим. А куда ты хочешь двинуться?

— Я уже говорил насчет Австралии, — сказал я. — Далекое, но это и к лучшему. В семье все знают английский язык, поэтому каких-то сложностей в том, чтобы прижиться, я не вижу.

— Ладно, мне нужно поговорить на службе и с друзьями, а потом решим окончательно, — подвел итог отец. — А ты будь готов к разговору. Не забыл еще, о чем мы говорили? Скорее всего, это будет завтра, перед ужином. Иди, а то твоя жена меня сейчас покусает.

— Как бы она меня не погрызла, когда все узнает, — хмуро сказал я. — Ольга точно будет беситься. Я рассчитывал, что заинтересую заговорщиков, но то ли им не нужны такие дураки, как я, то ли их нет вообще.

— Что ты такой хмурый? — спросила Вера, когда я вернулся в комнату.

— Нет поводов для веселья, малыш, — я сел на кровать, притянул ее к себе и посадил на колени. — Я думал, что помогу отечеству и привлеку внимание нужных людей. Отечеству помог и привлек внимание, только не тех. По мнению специалистов, нам здесь не укрыться, а в покое не оставят. Я не хочу уезжать из империи, но, видимо, придется! Я просто не могу допустить, чтобы кто-нибудь из вас пострадал. Для любого человека важна в первую очередь его семья, а уже потом все остальные.

— Мне все равно куда, лишь бы быть с тобой, — прижавшись ко мне, сказала она. — Конечно, я буду скучать по отцу с братом и по этому городу, в котором прошла почти вся моя жизнь, но мы ведь когда-нибудь вернемся?

— Конечно, малыш! — сказал я ей то, в чем не был уверен. — Если бы не вы, я бы никуда не уехал! Не только я кого-то разозлил, но и меня разозлили!

— Но ведь тебе еще ничего не сделали, — неуверенно сказала Вера. — Может, ничего и не будет, а мы напрасно переживаем?

— Я ошибся в оценке тех, кому перешел дорогу, — сказал я, — и мне не хочется платить вашими жизнями за свои ошибки. Я верю словам того, с кем сегодня говорил, поэтому не собираюсь сидеть и проверять его правоту. Завтра отец кое с кем посоветуется и окончательно определится.

— А если он не захочет уезжать? — прошептала она. — Что тогда?

— Тогда уедем мы, — ответил я, — но уже не за границу. Это с ними я не смогу быть незаметным, а мы с тобой укрыться сможем. Но тогда я потеряю семью.

— Мне после твоих слов стало так холодно... — вздрогнула жена. — Навалилась такая тоска... Черти меня понесли в эту редакцию! Ведь ты в нее пошел из-за меня.

Я ее поцеловал, ссадил с коленей и пошел закрывать дверь. Когда женщине холодно, страшно и одиноко, самым лучшим средством ее успокоить является любовь. Я ее и успокоил, а заодно полностью выложился и быстро заснул. Такое вот лекарство для обоих.

Утром все уже не казалось столь безнадежным. Вряд ли кто-нибудь будет с гранатами штурмовать нашу квартиру, сначала попробуют средства попроще. А значит, будет возможность устроить свои дела и проверить, оставили нас в покое или нет. Я проснулся раньше Веры. До завтрака нужно было позаниматься с телом, а будить жену не хотелось, поэтому я тихонько вышел в коридор. Пока занимался, в голову пришла мысль, показавшая, что моя голова работает хуже, чем я думал. Да и отец сделал ошибку, непростительную для

работника полиции. Хотя он мог всю свою службу заниматься одними законами и плохо знать все остальное, а я на него понадеялся и не стал шевелить извилинами. Что это за охрана, которая постоянно уезжает? Вот уеду я вечером с обоими охранниками на собеседование с другом отца, и кто это время будет охранять семью? Подойдет к двери какая-нибудь сволочь и правдоподобно соврет, например, что меня сбила машина. Да они сами выбегут из квартиры! А если и не выбегут, дома не будет ни одного ствола, да и кому из них стрелять? Может, умеет Вера? К своему стыду, я почти ничего о ней не знал. Она хорошая пианистка, а я об этом узнал только вчера совершенно случайно. Закончив тренировку, я поздоровался с пришедшей Натальей, подумав, что легко мог бы пройти в квартиру вместе с ней и перерезать всю семью. Детский дом! Может быть, здесь такие же наивные убийцы? Проверять это не хотелось. Приняв душ, я ушел в гостиную и стал ждать, пока проснется отец.

— Проходите, господа, — сказал нам мужчина лет сорока. — Располагайтесь, где вам будет удобно.

Мы с отцом вошли в его не очень большую гостиную и сели на стулья.

— Отец меня представил, князь? — спросил хозяин. — Нет? Тогда я себя представляю сам. Акулов Николай Сергеевич. Я преподаю в нашем университете, по специальности физик. Вы ведь хотели блеснуть в этой области знаний?

Было видно, что он настроен на шуточный лад и ни капли не верит в то, что ему сказали.

— Сейчас блесну, — пообещал я, вызвав улыбку и у физика, и у отца, — только сначала давайте договоримся, что вы ко мне будете обращаться по имени. Вы же не называете по титулам своих студентов?

— Мы их называем по фамилиям, — ответил Акулов. — Я сам титулами не обременен и склонен оценивать людей не по знатности, а немного по другим критериям. Ваш отец мне когда-то сильно помог, ну и я не остался в долгу. Было это в юные годы, когда люди быстрее сходятся, вот мы с ним и сошлись, несмотря на все наши различия. Хотите, чтобы вас называли по имени? Извольте. А теперь, Алексей, давайте перейдем к делу. Вам что-нибудь нужно?

— Только бумага и ручка, — ответил я. — И еще было бы неплохо убрать скатерть со столика, чтобы нормально писать. Если хотите, можете сначала оценить мой уровень знаний, а можно сразу перейти к потрясениям.

— Сейчас сделаю, — поднявшись со стула, сказал он. — Будут вам бумага и перо. Ну и я вас немного погоняю.

Его «немного» вылилось в полчаса. Я окончил с отличием не только гимназию, но и технический институт. Приобретенные за годы прежней жизни знания были полностью перенесены в мою голову и всплывали по первому требованию.

— На этом закончим, — подвел итог Акулов, откладывая в сторону исписанные нами листы. — Вы ненамного хуже меня знаете математику, на уровне наших выпускников знаете физику и немного хуже разбираетесь в механике и химии. Подучиться с полгода, и вам можно выдавать диплом. В вашей Второй гимназии дают довольно основательные знания, но больше по гуманитарным наукам. Физику там изучают чуть, а высшую математику не изучают совсем, так что ваши знания либо добыты самостоятельным изучением, либо с вами кто-то занимался по крайней мере два года. Теперь давайте перейдем к сотрясению основ.

Тряс я его не очень сильно. Полупроводниками в реальности Рогова активно занимались с начала века, но основу теории заложили в начале пятидесятых годов, а первые транзисторы появились только семь лет спустя, так что у меня были все основания считать, что здесь до этого еще не додумались. Транзисторы я Акулову давать не собирался, но теорию p-n перехода изложил достаточно подробно и описал конструкцию твердотельных диодов. Они и здесь уже применялись лет двадцать, но были паршивого качества и не могли вытеснить своих ламповых конкурентов.

— Вы ведь рассказали не все, что могли? — утвердительно спросил он. — Почему не хотите говорить дальше?

— А для чего? — спросил я. — Я не собираюсь двигать мировую науку, а своими

знаниями воспользуюсь как-нибудь потом. Их можно применить для ускоренного развития промышленности и улучшения жизни, но человечество меня не интересует, а у русских уже нет ничего своего.

— Интересные взгляды на развитие науки и человечества, — сказал он. — Я такое слышу в первый раз.

— Какие есть, — пожал я плечами. — Человечество — это слишком общее понятие, а для большинства из нас это не негры и не арабы, а наши соседи. Им на меня плевать, да и на вас тоже, с какой стати я должен с ними делиться своими секретами?

— А если я вам предложу помочь соотечественникам? — спросил Акулов. — Только придется отсюда уехать и во многом себя ограничить. Вам ведь все равно придется покинуть столицу, здесь вас не оставят в покое.

— Куда и на сколько уехать и в чем именно я должен себя ограничить? — спросил я. — И для каких целей будут использованы мои знания? Вы же понимаете, что без ответов на мои вопросы я не смогу ответить на ваш? Забиться в какой-нибудь медвежий угол я могу и без вашей помощи и даже неплохо при этом устроюсь. Если бы не мать и сестра, я бы вообще никуда не уезжал. Не так уж трудно подправить документы и внешность.

— Я не вправе сейчас ответить на ваш вопрос.

— Ну тогда и я вам пока не отвечу, — сказал я. — Спасибо вам за экзамен, но нам пора. Давай поспешим, отец, а то женщины сидят без ужина и ждут нас.

— Да, мы поедem, — сказал отец, поднимаясь со стула. — Спасибо за помощь.

Мы попрощались с Акуловым и спустились к машине. С сегодняшнего дня у подъезда нашего дома дежурили две машины и четыре охранника, поэтому даже при отъезде одной из них наши женщины не оставались без защиты. Кроме того, охранники отвозили и привозили Наталью. Я поговорил по телефону с отцом жены, и он обещал дополнительно присылать своих людей, которые поочередно дежурили бы в нашей квартире. Друг отца жил неподалеку от своего университета, поэтому на обратную дорогу ушли минуты. Наша машина въехала во двор и остановилась в десяти шагах от второй машины охранного агентства. Попрощавшись с охранниками, мы вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. Первым, кого я увидел, открыв дверь в квартиру, был довольно неприятного вида тип с пистолетом в руках. Увидев нас, он тут же спрятал оружие в кобуру, но не стал ее застегивать. За ним я разглядел в коридоре узкую кушетку.

— Меня прислал господин Водеников, — сказал он, обращаясь к отцу. — Я со сменщиком должен обеспечить круглосуточное дежурство. Зовите Иваном.

Он посторонился и дал нам пройти. Как я и думал, стол был накрыт, но никто еще не ужинал. Я заглянул в столовую, после чего пошел к себе.

— Смотри, что мне привезли из дома! — сказала Вера, наставив на меня наган.

Я машинально ударил ее по руке, выбив оружие, а потом бросился целовать ушибленное запястье.

— Вы меня сделаете зайкой, — сказал я чуть не плачущей жене. — Сначала наставил ствол какой-то тип с уголовной рожей, потом ты суешь наган в лицо. Тебе никогда не объясняли, что с оружием так нельзя обращаться? Сильно ушиб? Извини, я не хотел.

— В барабане нет ни одного патрона! — сердито сказала она. — Я не дура и знаю, как им пользоваться. Ты мог бить не так сильно? Теперь будет синяк...

Я подобрал с пола действительно разряженный револьвер и отдал Вере.

— Матери не показывала? Как ты с ним управляешься?

— Твоя мама отнеслась спокойно, а вот Ольга завидует. А стреляю я из него лучше брата. Пошли ужинать, а то уже подвело живот. Если вы и дальше будете так задерживаться, я начну ужинать сама.

Я быстро переоделся, и мы присоединились к остальным, которые уже сидели за столом. Все проголодались, поэтому разговоры начались только после того, как почти все было съедено.

— Ты что-нибудь решил? — спросила мама отца.

— Договорился о переводе наших денег, — ответил он. — Есть возможность все прокрутить через Японию, но за это придется заплатить.

— Нам все равно ехать через Сибирь, — сказал я, — так что Япония — это удобно.

— Я тоже так думаю, — согласился он. — У нас будут сертификаты одного из японских банков, имеющего отделение в Сиднее. Это удобно тем, что нигде не всплывут наши имена, и не придется возиться с золотом. Паспорта у нас тоже будут другие.

— Не заложат нас твои коллеги? — спросил я. — А то вся конспирация пойдет коту под хвост.

— Это не только коллеги, но и друзья. Плачу я не им, они в этом деле только посредники. Мне дали гарантии, что никто ничего не узнает, но за все услуги берут двадцать тысяч.

— Дорого, — недовольно сказала мама и с укором посмотрела на меня. — Может, не будем оставлять дворец Катерине? Зачем он ей?

— Мы заплатим из своих денег, — пообещал я. — А что ты такая грустная, сестренка?

— Зато ты почему-то очень веселый! — зло сказала Ольга. — Не хочу я никуда уезжать, ясно тебе? Здесь я была княгиней Мещерской, а кем я буду там? Вот надо тебе было вылезать с этой статьей? Умные люди наркотики не употребляют, а губить всю нашу жизнь из-за дураков... Сам же говорил, что этот закон все равно примут позже!

— Оля! — одернула ее мама.

— Что ты мне затыкаешь рот! — выкрикнула сестра. — Он сам спросил, вот пусть и слушает!

— Пусть выговорится, мама, — остановил я возмущенную мать. — Она член семьи и имеет право на свое мнение. Значит, ты не хочешь жить в Австралии. А где хочешь?

— Меня вполне устраивает империя! — уже тише сказала Ольга. — Или хотя бы Франция. Для чего ехать на другой конец света?

— А империи скоро не будет, — сказал я. — Еще два-три года, может быть, пять, и ее раздерут на куски, а оставшиеся жители станут людьми второго сорта. Может, к их детям будет другое отношение, но они уже не будут русскими. Пруссы тоже когда-то были славянами, а их потомки ничем не отличаются от немцев. Франция, конечно, ближе, но нас там выловят в первый же день. Сколько там той Франции!

— Как не будет? — опешила сестра. — Кто нас может разорвать?

— Англичане, — начал я перечислять, загибая пальцы, — твои любимые французы и немцы. Это основные, но будут еще и другие. Наверняка попробуют отхватить по куску турки, японцы и янки. После развала империи на ее останках не захочет поживиться только ленивый. И много после этого будет значить благородство твоего рода, если за ним нет силы? Ты не просто княгиня, а княгиня Российской империи! Хотя тебя можно будет пристроить замуж где-нибудь за границей. Ты красивая девушка с хорошей родословной, так что кто-нибудь возьмет.

— Ты все врешь... — растерянно сказала она.

— Империя в долгах как в шелках, — сказал я. — Промышленность, транспорт и горное дело нам уже не принадлежат. Банки тоже контролируют иностранцы, которые высокими процентами по кредитам сейчас разоряют торговцев и тех промышленников, которые еще были на плаву. Армию разрушают, народ спаивают и травят наркотиками, а править нами ставят иностранцев. Вон у отца в департаменте всем заправляет выписанный из Парижа француз. И отец Веры мне сказал, что такие уже возглавляют другие департаменты и работают товарищами министров! Не было бы этого засилья, нам бы никуда не пришлось уезжать! Первое же покушение стало бы для его организаторов последним.

— Господи! — сказала мама. — А почему не вмешается император?

— А он постоянно вмешивается, — объяснил я. — Наши долги — это во многом заслуга его отца и его стервозной жены, а закон о «легких» наркотиках пропихнул лично он. Наши Романовы виноваты больше всех остальных. Впрочем, они уже давно не русские. В Николае до черта немецкой крови, а его женушка вообще немка с примесью английской крови. Очевидно, и воспитание соответствует родословной. Убил бы, если бы мог!

— Сережа, это правда? — спросила мама. — Неужели все так, как говорит Алексей?

— Так, — ответил отец. — В чем-то он, может быть, немного сгустил краски, а в остальном все верно. Если не найдется сила, которая пресечет династию и вернет нам наши богатства, то все закончится плохо. А если найдется, то это война и, наверное, не одна. Бог знает, что здесь будет твориться, так что мы еще можем выиграть от этой поездки. Только боже вас упаси об этом с кем-нибудь болтать! Слышишь, Ольга? Иначе мы все попадем не в Австралию, а в ссылочные лагеря! И это еще в лучшем случае, потому что можем и туда не доехать.

Ужин закончился, и все разошлись по своим комнатам. Жена заняла кресло и сидела в нем молчаливая и печальная, не делая попыток завязать разговор. Я лег на кровать и тоже задумался. Ведь знал, что мне постараются отомстить, но отнесся к этому как-то легкомысленно, что ли. Понятно, что сделал большое дело и даже прославился, но заговорщики на меня так и не вышли, а мертвому слава не нужна. А ведь можно было навестить этого отставного коллежского советника до публикации, а не после, но для меня главным было пропихнуть статью! Почему не сработала голова, и я проявил легкомыслие? Чьей личности я этим обязан? Может быть, обеим? Я—Рогов был старым человеком с большими знаниями и опытом, но мозги уже соображали не очень... Ведь полез же я на того мордворота! Какой толк от знания приемов, если разваливаешься на ходу! Но девчонка так кричала, что я не выдержал... А молодой князь Мещерский еще ни разу не был крепко бит ни жизнью, ни даже родителями. И что получилось в результате нашего слияния? Плохо, если я и дальше, как сейчас, буду крепок задним умом. Отец мне подыграл, потому что никогда не сталкивался в своей работе с мафией и плохо знал, с кем мы имеем дело. Какой-нибудь оперативник из девятого делопроизводства действовал бы совсем иначе. Мысли от собственного поступка, который я в глубине души по-прежнему не считал глупостью, перетекли на сегодняшний разговор с физиком. Что он имел в виду, предлагая мне помощь? Откуда такие возможности у не обремененного знатностью и богатством преподавателя университета? Заговорщики? Может, и так, но я не собирался вслепую совать голову в мешок, который кто-то куда-то унесет и неизвестно что с ним потом сделает. Я понимал, что никто передо мной раскрываться не будет, но ведь можно было хоть что-нибудь сказать! В голову по-прежнему не приходило ничего, кроме отъезда за границу.

А тут еще на Ольгу навалилась хандра. Так, что-то моя Вера слишком долго молчит. То не может молчать и пяти минут, а теперь такое впечатление, что заснула.

Я слез с кровати, подошел к ней со спины и обнял за плечи.

— Что груstim, малыш?

— Переживаю за свою семью, — тихо ответила она. — Мы с тобой и раньше о многом говорили, но когда ты все вывалил на сестру с матерью, я почему-то сразу поняла, что так на самом деле и будет. И они это поняли и растерялись. Мы увезем твою семью, но моя-то остается! А я их очень сильно люблю. Я для твоих уже родная, хотя мы с тобой женаты всего несколько дней, но все равно буду тосковать по своим. Австралия — это навсегда или очень надолго. Я уже вряд ли когда-нибудь увижу отца, а брата... Если увижу лет через двадцать, это будет уже совсем другой человек. И мне не только страшно их потерять, мне страшно за них. Если знать, что они где-то есть, и у них все в порядке, уже легче жить. Но если империю начнут рвать на куски, они свое дело просто так никому не отдадут! А кто тогда будет считаться с русскими! Я боюсь, Алексей, что их обоих просто убьют! И звать с собой бесполезно. Не нужна русским чужая сторона, пока совсем не припечет. Нас припекло, а их еще нет, поэтому никуда они сейчас не уедут, а потом будет поздно.

— Твой отец не такой уж безрассудный человек, — возразил я. — Драться он будет, но и подготовит пути отхода. Если станет совсем неспособен, заберет сына и уйдет. Надо только дать знать, где мы будем, но так, чтобы это нигде не всплыло. Не будут нас разыскивать по всем странам, но если засветимся, тогда отыграются. Нужно получить адрес его доверенного человека, которому можно было бы отправить письмо. И им самим ничего нельзя отправлять, только через кого-нибудь.

В дверь постучали, и, когда я открыл, увидел Ивана.

— Вам звонят, князь, — сказал он. — Какой-то ваш друг, который не захотел себя называть.

Я сходил в прихожую и взял трубку. Звонил Олег.

— Кто у тебя на телефоне? — встревоженно спросил он. — Вы там целые?

— Пока целые, — ответил я. — А ты звонишь по делу или просто так?

— Я хочу к тебе сейчас приехать.

— К нам сейчас нежелательно приезжать, — нерешительно сказал я. — И охрана уже уехала, да и вообще это может быть для тебя опасно.

— Я сейчас буду! — сказал он и бросил трубку.

— Скоро ко мне приедет друг, — чертыхнувшись про себя, сказал я Ивану. — Это князь Олег Игоревич Гагарин. Когда приедет, скажите мне, откроем вместе.

Олег приехал на машине через пятнадцать минут, и почти тотчас же зазвонил дверной звонок. Наверное, он поднимался бегом, прыгая через три ступеньки. Я на всякий случай спросил, кого принесло, и, услышав его голос, открыл. Друг посмотрел на громилу с пистолетом и изменился в лице.

— У тебя разговор для меня одного или сможешь говорить при жене? — спросил я. — Спрашиваю, чтобы знать, куда тебя первым делом вести.

— Наверное, лучше поговорить наедине, — сказал он, — а потом можно поговорить с Верой.

Олег был на нашей свадьбе и видел жену, но близко с ней не общался. Надо было к нему съездить или пригласить к себе, но я не хотел светить нашей дружбой. А сейчас он примчался сам.

— Чтобы занять кабинет, нужно спрашивать у отца, — сказал я. — Мне этого делать не хочется, поэтому остаются кухня или столовая.

— А где ваша Наталья? — спросил он.

— Охранники перед отъездом забрали с собой. Никого из нас сейчас просто так не отпускают. Слушай, пойдем на кухню: туда сейчас никто не зайдет.

На кухне мы сели за стол, которым пользовалась служанка, и он мне рассказал, из-за чего примчался.

— К отцу сегодня пришел статский советник князь Сергей Михайлович Путятин. Ты его у нас как-то видел. До недавнего времени он был товарищем министра юстиции.

— Выгнали и заменили иностранцем? — попробовал я догадаться.

— А как ты узнал? — поразился друг. — Это же случилось всего три дня назад и пока никому не сообщалось. Отец сказал?

— Не он первый, не он последний, — сказал я. — Кем его заменили?

— Каким-то англичанином. Но я к тебе приехал не из-за этого. Когда он плакался отцу, я был в соседней комнате и не участвовал в их разговоре. Просто они говорили громко, а дверь была неплотно прикрыта. От его отставки перешли к другим делам и стали разговаривать тише, а потом меня позвал отец. Слушай, говорит, в какое дерьмо влез твой дружок Мещерский, и мотай на ус. Не дай бог тебе так подвести семью. Лично убью! И с Мещерскими чтобы не знался!

— И что же тебе сказал князь Путятин? — спросил я.

— Что вас с отцом непременно должны убить и не поможет никакая охрана. Любому дураку ясно, что старший Мещерский ознакомил сына с этим проектом. Это, говорит, его счастье, что еще болеет новый глава Департамента, он бы живо организовал служебное расследование. Сергей Александрович, говорит, хитрый жук и наверняка подчистил все концы, да и статья написана со ссылками на источники в Думе, но господину Дюкре не нужны доказательства. Хотя вряд ли Мещерский доведет дело до разборок. Он, как умный человек, сейчас должен выйти в отставку и забиться в какую-нибудь глушь. Это правда, что вы уедете?

— Может быть, — сказал я, отведя взгляд в сторону. — Пойми, я больше боюсь не за себя или отца, а за женщин.

— Князь сказал, что женщин не тронут. Не из благородства, а потому, что это вызовет слишком большой шум, а убийство легко связать с твоей статьей.

— Это он высказал свое мнение или англичан? — с иронией спросил я. — Если наймут каких-нибудь бандюг, очень они будут разбираться. Ладно, спасибо за то, что предупредил, но ты мне не сказал ничего такого, чего бы я не знал. Машину не отпустил? Ну и хорошо, пойдем, поговоришь с женой и поедешь домой.

Приезд Олега немного оживил Веру, но долго мы не общались, и вскоре друг уехал. После его отъезда я пересказал наш разговор отцу.

— Надо поторопиться, — озабоченно сказал он. — Завтра же подпишу прошение об отставке. Как твоя Вера? На ужине она мне показалась подавленной.

— Она переживает из-за своих близких, — ответил я. — А я из-за них беспокоюсь мало. Николай Дмитриевич очень предусмотрительный человек. А вот Ольга меня тревожит по-настоящему. Попробую сейчас к ней сходить. Вера может утешиться со мной, а Ольга предоставлена самой себе.

Я подошел к комнате сестры и постучал. Мне никто не ответил, и я повторил стук.

Дверь приоткрылась и Ольга спросила, что мне нужно.

— Хочу поговорить, — сказал я. — Пустишь?

— Проходи, — она посторонилась, и я вошел в комнату, освещенную лишь слабым светом ночника.

— Пришел к тебе поплакаться, — сказал я, садясь на краешек ее кровати. — Сядь рядом.

— Тебе-то что плакаться? — с неприязнью спросила она. — Я думала, что ты сейчас будешь меня утешать.

— Почему ты меня так не любишь, Оля? — спросил я. — В детстве мы дружили, и я всегда был хорошим братом. У тебя не было причин меня в чем-то обвинить. А когда повзрослели, ты начала от меня отдаляться. Появление Веры поставило на наших отношениях крест. К ней ты свое отношение изменила, а ко мне — нет! Я понимаю, что виноват, но все это началось задолго до моей статьи. Не скажешь, в чем причина? Часто братья и сестры ближе друг к другу, чем к родителям. Родители уйдут, и мы останемся вдвоем, единственные близкие по крови люди. У нас в будущем может быть много испытаний, в которых мы должны поддерживать друг друга...

— Не трать на меня свое красноречие, — сказала она, встав с кровати. — Ты очень сильно изменился, говоришь, как какой-то старик. Лучше тебе не доискиваться причин. Не бойся: я постараюсь вам не мешать. А сейчас иди, я буду спать.

Я хотел ее обнять, сказать что-нибудь ласковое, но ей это было не нужно. Ну что же, насильно мил не будешь. Я вышел из ее комнаты и прошел в свою. Здесь меня ждал сюрприз: впервые с тех пор, как Вера осталась ночевать в этой комнате, она не стала меня ждать, а легла и заснула. Я постарался не шуметь, разделся и лег рядом. За весь день не было никакой физической нагрузки, кроме моих спортивных занятий, но из-за постоянного нервного напряжения я к концу дня чувствовал себя уставшим, поэтому очень быстро заснул.

Утром Вера была весела и до завтрака успела получить от меня то, что не получила перед сном. После этого она опять заснула, а я пошел в коридор заниматься спортом. Немного мешала стоявшая в нем кушетка, на которой ночью отдыхал Иван, и его взгляды, но я на все наплевал и очень хорошо поработал, впервые с гантелями. Наталья пришла до моего появления и сейчас занималась готовкой. Потом был завтрак, после которого отец ушел на службу. Прошла минута с его ухода, когда во дворе раздались выстрелы, и кто-то закричал. Я не собирался никуда уходить и был в халате. Метнувшись в свою комнату, схватил пистолет и побежал в прихожую. К этому времени выстрелы стихли. Пока я обувал туфли, меня догнала жена со своим наганом.

— Никого не впускай! — сказал я Ивану. — А ее не выпускай!

Открыв дверь, я осторожно спустился на первый этаж и выглянул из подъезда. Первое, что бросилось в глаза, это тело одного из охранников, лежавшее возле автомашин. Левее входа с пистолетами в руках стояли два охранника, а посмотрев направо, я увидел еще одного охранника, который помогал идти к подъезду раненому отцу. Я подбежал к ним и поддержал отца с другой стороны.

— Прострелили руку, — сказал он, морщась от боли, — а вторая пуля попала в плечо и, по-моему, там осталась.

— Нам кто-то помог, — сказал идущий со мной охранник. — Пять бандитов прошли во двор и открыли огонь, убив одного из наших. Нам удалось подстрелить только одного, а потом кто-то начал стрелять со стороны соседнего дома, и за полминуты положил всех

напавших. По-моему, стреляли с чердака из винтовки.

Мы подняли отца на второй этаж, завели в квартиру и уложили в коридоре на кушетку Ивана. Я вызвал скорую, а пришедший со мной охранник позвонил сначала в свое агентство, а потом в полицию. После этого мы оставили отца на попечение перепуганных девушек и плачущей мамы и спустились во двор.

— Пять трупов, — сказал нам один из охранников. — Мы своего ранили, но его потом кто-то добил выстрелом в голову. Кто бы это ни стрелял, он нас спас. Место открытое, а нападение было внезапным, причем тогда, когда двое из нас собирались на выезд. Наша охрана рассчитана на одного-двух вооруженных преступников, но не пятерых.

— Как они выглядят? — спросил я.

— Очень прилично одеты, — ответил он. — Лица лично мне незнакомы. Вооружены пистолетами разных систем. Карманы мы им еще не смотрели, но только идиот возьмет с собой на дело документы.

Прозвучал приближающийся сигнал сирены, и во двор въехала машина скорой помощи. Почти сразу же за ней появились два «форда» полиции. Врач с санитаром побежали в нашу квартиру, а полицейские занялись осмотром места происшествия. Не знаю, был ли кто из жильцов во дворе во время налета, но если такие и были, они все попрятались по своим квартирам и сейчас выглядывали из окон. Оставив охранников разбираться с полицией, я поднялся в квартиру. Отцу делали перевязку, и я спросил у врача о его состоянии.

— Два ранения, и оба сквозные, — ответил он. — Кости не задеты, и небольшая кровопотеря, поэтому мы вашего отца быстро поставим на ноги.

— На ноги мы его будем ставить сами, — категоричным тоном сказал я. — Сделайте перевязки, а потом будете его лечить здесь, или я обращусь к частникам.

— Как же можно... — растерялся он.

— В вас часто стреляли во дворе вашего дома? — спросил я.

— В меня вообще никогда не стреляли...

— А если мы отвезем к вам моего отца, его в вашем госпитале убьют, и могут пострадать те, кто окажется рядом. Скажите своему начальству, что родственники отказались от госпитализации, и объясните почему, а потом позвоните нам. Вот визитка.

Медики закончили свои дела и ушли, а я присел на отцову кровать.

— Плохо дело, Алексей, — сказал он. — Ранения не тяжелые, но дней десять мне придется полежать.

— Вот и лежи, — успокоил я его. — Ты сделал все, что требовалось, а позже позвонишь своим друзьям узнать о результатах. Смогут они все привезти сюда? Ну и отлично. А мы постараемся без необходимости не выходить, а в случае нужды воспользуемся услугами Николая Дмитриевича. Мне только нужно будет съездить в семью убитого охранника.

— Возьми больше денег, — сказал отец. — Я недавно снял крупную сумму, мать покажет, где они лежат. Хоть так поможем.

— К вам можно? — заглянула в комнату мама.

— Занимайтесь больным, а я пойду разбираться с полицией, сказал я, вставая с кровати.

В коридоре в меня вцепилась жена.

— Почему ты не взял меня с собой! — с возмущением сказала она.

— Потому что в этом не было необходимости, — ответил я. — Там было достаточно мужчин, еще не хватало подставлять под пули тебя! Малыш, мне нужно спуститься и поговорить с полицией. Не волнуйся, сейчас это безопасно.

Я подошел к углу дома, где в беспорядке лежали тела и работали криминалисты. Возглавлял работу следственной группы пожилой грузный полицейский с армейскими погонами штабс-ротмистра.

— Как ваш отец? — спросил он.

— Прострелены плечо и рука, — ответил я. — Кости не задеты, поэтому самочувствие неплохое, только слабость от кровопотери.

— Вам повезло, — сказал он, показывая рукой на соседний дом. — Кто-то устроился у чердачного окна и профессионально положил налетчиков. Все они убиты в голову в считанные секунды. Личности мы установим, но будьте готовы к тому, что дело спустят на тормозах. Надо было вам, князь, писать эту статью под чужим именем или не писать ее вовсе!

Уехали полицейские, увезла тела вызванная ими труповозка, и дворник смыл с плитки следы крови. Из охранного агентства прислали другого охранника взамен убитого в перестрелке, а во двор из квартир выбрались осмелевшие жильцы, которым не терпелось обсудить произошедшее с соседями. Что интересно, ни из одной редакции так никого и не прислали. Видимо, всех предупредили, что новость о нападении на одного из князей Мещерских не для печати. Немного подумав, я решил не искушать судьбу и не ехать в семью погибшего охранника, а отдал его товарищам пять тысяч рублей. У него остались жена и маленькая дочь, так что им эти деньги будут нелишними.

Прошло два часа, и к нам пожаловал незнакомец. Мы все собрались в спальне родителей возле раненого отца, когда зазвенел дверной звонок, и через минуту послышался стук в дверь.

— К вам посетитель, — сказал мне Иван. — Назвался Анатолием Владимировичем Павловским и сразу же предупредил, что вы его не знаете, но у него важный разговор касательно вашего отъезда.

— Пропустите, — приказал я и вслед за охранником пошел в прихожую.

Павловский оказался невысоким полным господином лет пятидесяти, с редкими, зачесанными назад волосами, крупными чертами круглого лица и небольшими усиками. Вид у него был донельзя несерьезный, но вот тема разговора...

— С кем вы хотите говорить? — ответив на его приветствие, спросил я.

— Меня устроите вы или ваш отец, если он в состоянии меня слушать, — ответил он. — Будет лучше, если вы меня выслушаете оба. А вот женщинам при этом присутствовать не стоит.

— У вас есть с собой оружие? — спросил я.

— Зачем оно мне? — удивился он. — Я, уважаемый Алексей Сергеевич, должен вам кое-что предложить и выслушать ответ. Только это и ничего больше. И зачем мне в таком случае оружие? В отличие от вас, я статей не пишу.

— Подождите в прихожей, — сказал я. — Узнаю, сможет ли вас принять отец. Если не сможет, поговорите со мной.

Я вернулся в спальню и попросил женщин ненадолго выйти.

— У нас будет важный разговор с одним господином, — объяснил я свою просьбу, — и одно из его условий — это отсутствие посторонних.

— Мы не посторонние, — запротестовала мама, — а твоему отцу нужно отдыхать, а не заниматься делами. Ему сейчас трудно разговаривать!

— Он настаивал, чтобы были только мы? — слабым голосом спросил отец, услышал мое подтверждение и обратился к матери: — Аня, выйди, пожалуйста. И вы, девушки, тоже.

Они вышли, после чего я привел Павловского. В спальне стояли принесенные нами стулья, на один из которых он после приглашения сел.

— Вы меня не знаете, Сергей Александрович, — обратился он к отцу, — поэтому я представляюсь...

— Я уже называл ваше имя отцу, — перебил я его. — Переходите к делу, из-за которого пришли.

— Можно и к делу, — покладисто согласился он. — Вы, господа, качественно влипли в

неприятности и без посторонней помощи не выпутаетесь.

— А вы нам хотите помочь? — спросил я.

— В точку, князь, — улыбнулся он. — До Австралии вы своего отца в таком состоянии не довезете, а долго вам здесь оставаться нельзя.

— Ну почему же, — возразил я. — С неделю можно подождать, а потом куда-нибудь поехать. Конечно, не в Австралию, никто из нас в нее не собирался.

— Давайте не будем ходить вокруг да около, — предложил Павловский. — Я обрисую ваше положение и расскажу о том, что вам хотят предложить, а потом будете решать: принять мое предложение или отклонить. Если примете, уедете из столицы сегодня же вечером. Если откажетесь, я уйду, а вы выкручивайтесь как хотите.

— Так будет лучше всего, — сказал отец. — Говорите быстрее, а то я не слишком хорошо себя чувствую.

— Это понятно, — кивнул Павловский. — В вашем положении трудно себя чувствовать хорошо. К сожалению, оно еще хуже, чем вы думаете. Вы обратили внимания на то, что на это покушение не отреагировала пресса? Дело в том, что журналистской братии сейчас просто не до вас. Примерно полтора часа назад двумя выстрелами из винтовки был смертельно ранен глава вашего департамента Шарль Дюкре, так что они все сейчас там. Зря вы улыбнулись: ничего радостного для вас в этом нет. Заговорщики хорошо изучили привычки Дюкре и все его основные маршруты, и покушение удалось, но стрелявшего видели пять или шесть человек, и один из них опознает в нем коллежского асессора вашего второго делопроизводства Михаила Бортникова.

— Опознает? — поднял брови отец.

— Примерно через пять часов, — посмотрев на часы, сказал Павловский. — Этот служащий департамента, который был с ним знаком. Свою задержку он мотивирует сомнениями. Но вскоре ни у кого не останется сомнений. Уже должны найти винтовку, на которой будут отпечатки его и ваших пальцев. Бортников действительно стрелял, а вы пойдете за компанию.

— И зачем вам это? — спросил отец.

— Убиваем двух зайцев, — пояснил Павловский. — Во-первых, прикрываем настоящих организаторов покушения, которые смогут продолжать работать, а во-вторых, привязываем вас к себе. Вы все будете вывезены в безопасное место, где будете жить до тех пор, пока мы не победим. После этого из преступника сразу превратитесь в героя.

— Мои знания? — спросил я.

— Конечно, князь, — подтвердил он. — Акулов считает, что вы знаете много такого, что может быть нам полезно. Мы обеспечим вам безопасное и комфортное проживание, а вы с нами поделитесь всем, что знаете. Было трудно поверить в тот бред, который рассказал своему другу ваш отец, но когда бред доказательный, он перестает быть бредом.

— А если я упрюсь? — спросил я.

— Вы не идиот и должны понимать, что вас не выпустят из империи, — сказал он. — С вами или без вас, но мы возьмем власть и для нас не будет лишним техническое превосходство. Но хочу вас сразу предупредить, что если никаких знаний нет, а есть мистификация, ничего хорошего вас не ждет. Мы уже не будем заинтересованы в том, чтобы на вас тратиться, а отдать вас в руки наших врагов...

— Убьете? — спросил отец.

— Бог с вами, князь! — замахал он руками. — За кого вы нас принимаете? Вам дадут

такое же комфортное убежище, только будете оплачивать его сами. Ваши сертификаты уже у нас, а вернутся они к вам или нет, будет зависеть от вашего сына.

— Что за комфортабельное убежище? — спросил я. — Скажите хоть в двух словах, а то я от вашего Акулова вообще ничего не услышал.

— Хороший дом на охраняемой территории, — сказал он. — Там будет все, что вам нужно для жизни, а если чего-то не будет, со временем достанем. Ваша сестра, князь, сможет закончить обучение в небольшой, но хорошей гимназии. Там живет не так много народа, но есть интересные люди. У вас появятся друзья, а если захотите, то и работа. Все-таки трудно годами сидеть дома, ничем не занимаясь. Больше я вам пока ничего сказать не могу. Приедете на место — все сами узнаете.

— Если мы согласимся, нам помогут? — спросил я.

— У вас три часа на сборы, — сказал Павловский, — потом приедут наши люди и отвезут на Николаевский вокзал. Вначале едете в Москву, а там пересаживаетесь на экспресс. С вами постоянно будет охрана. Да, совсем забыл сказать о письмах. Вы сможете их отправлять, но только после прочтения нашим цензором.

— Доставьте сюда десяток вместительных саквояжей, — попросил я. — Заодно получите наш ответ.

— Все сделаем, — кивнул он. — Напоследок хочу предупредить, что вам не стоит пользоваться телефоном. Мы его сейчас прослушиваем, поэтому прервем опасный для нас разговор, а к вам будут приняты меры. Поймите, все это делается в целях безопасности, в том числе и вашей. После отъезда, если будет такое желание, мы сообщим родственникам, что с вами все в порядке. Служанку можете рассчитать прямо сейчас и отправить домой с машиной охраны. Я очень надеюсь на ваше благоразумие. Своими словами вы не причините существенного вреда хотя бы потому, что ничего не знаете, но можете поставить под удар тех, кто будет вами заниматься.

Я вывел его в прихожую и выпустил из квартиры, после чего вернулся к отцу.

— Что будем делать? — встретил он меня вопросом.

— А у нас есть выбор? — спросил я. — У вас могут переносить отпечатки пальцев?

— Их берут у всех, кто работает в Департаменте, — ответил он. — А на твой вопрос я не отвечу, потому что не знаю. Но вряд ли кто-то будет этим заниматься. Возьмут мои отпечатки и сделают по ним не очень качественные фотографии. Если у них есть свои люди в экспертном отделе или третьем делопроизводстве, которому поручат расследование, это нетрудно сделать.

— А подслушивание разговоров?

— Для этого достаточно приехать на центральную станцию с орденом третьего делопроизводства. Мы этим часто пользовались.

— Оставаться нельзя, а сами мы из-за твоего ранения никуда не уедем, — сказал я. — Как ты думаешь, им можно верить?

— Если ты будешь полезен, скорее всего, выполнят все обещания. Мне даже интересно, кто это орудует у нас под носом и до сих пор не попался. Это должна быть организация с железной дисциплиной и большими возможностями.

— Если не согласимся, нас всех точно убьют, — сделал я вывод. — Как ни мало мы знаем, все равно являемся нежелательными свидетелями, да еще можем развалить их версию покушения на этого Дюкре. Интересно, как к ним попали наши сертификаты? Ты говорил, что у тебя там друзья?

— Зови женщин, — сказал отец. — У нас не так уж много времени, а придется еще уламывать Ольгу.

Он ошибся, и никого уламывать не пришлось. Пожалуй, сестра была даже довольна тем, что остаемся в империи, а не уезжаем на другой конец света.

— Как только ты перенесешь дорогу! — беспокоилась мама. — В поезде будешь лежать, но до него еще нужно добраться.

— Пойду собирать свои вещи, — сказала Ольга. — Пока буду откладывать. Скажете, когда привезут саквояжи.

— У нас есть три своих в одном из шкафов, — вспомнила мама. — Можешь их взять.

Моя жена тоже поспешила в нашу комнату заниматься сборами. Никому из женщин так и не сказали об отпечатках, да и в остальном немного приукрасили картину, иначе они не были бы такими спокойными. По просьбе отца я позвал к нему Наталью, которой он сообщил об увольнении, заплатив расстроенной девушке до конца года. После этого она собралась, и мы вместе спустились к охране.

— На одной машине отвезете служанку и можете сегодня не возвращаться, — сказал я им. — Вторая машина дежурит еще часа три до тех пор, пока за нами не приедут, после чего тоже уезжаете в агентство.

Едва увезли Наталью, как на отечественном автомобиле «медведь» приехал Павловский. К нам он поднялся, увешанный саквояжами, и за остальными мы с ним спустились вдвоем. Он даже не стал спрашивать о нашем согласии, и так догадался по тому, как у него эти саквояжи расхватили наши женщины.

— Как повезем раненого? — спросил я. — На носилках?

— Носилки привлекут слишком много внимания, — ответил он, — поэтому поступим по-другому. Перед поездкой вашему отцу сделают инъекцию препарата, который придаст силы и снимет боль. Не так уж плохо он себя чувствует, а ехать всего ничего, да и идти совсем немного. Он наденет очки для слепых, а вы его будете поддерживать. Багаж это не ваша забота, им займутся те, кто будет вас охранять. Возьмите свои новые паспорта. Там, куда вы едете, они вам не понадобятся, а вот в дороге могут пригодиться. Паспорта изготовили по заказу вашего отца, мы их забрали вместе с сертификатами. Донесете сами саквояжи? Ну и славно, а я тогда поеду. Прощайте, мы с вами если и увидимся, то еще очень нескоро. У вас, князь, в запасе осталось полтора часа.

Он уехал, а я с пятью саквояжами в руках поднялся в квартиру. Их у меня разобрали и направили закрывать уже заполненные вещами. Их в саквояжи уложили с верхом, поэтому у женщин не хватило сил закрыть.

— Вы хотите забрать с собой всю квартиру? — пошутил я, уминая очередной саквояж.

— Работай, умник, — сказала жена. — Сами же сказали, что едем на годы, а в таких случаях вещи лишними не бывают. В крайнем случае, если не понадобятся, кому-нибудь отдадим или выбросим. Хуже будет, если оставим, а потом потребуются.

— У тебя не по возрасту умная жена, — похвалила ее мама. — Закрыв? Тогда иди в нашу спальню, там их еще три. Закрывай и все выноси в коридор. Надо быстрее заканчивать со сборами и поесть на дорогу. Наталья приготовила обед, его нужно только разогреть. Не хотелось бы мне сразу же идти в вагон-ресторан.

Скоро весь коридор был заставлен пузатыми саквояжами, а Вера разогрела обед из двух блюд и достала из холодильника закуски. Мы не стали все нести в столовую и поели на кухне, а мама первым делом накормила отца, а потом поела сама. После этого оставили

Ольгу мыть посуду, а сами попытались одеть отца.

— Может, ну ее, эту посуду? — сказала сестра. — Не княжеское это дело! Залить все водой...

— Мой! — настояла мама. — Там работы на пять минут, не дело это — оставлять после себя такое свинство!

Отца усадили и одели все, кроме пиджака, который одевали уже после укола, сделанного одним из приехавших. Сопровождавших было четверо, не считая шоферов трех автомобилей. Первым заходом они увезли почти весь багаж, а потом приехали за нами. К этому времени препарат начал действовать, и отец, не испытывая сильной боли, надел пиджак и с моей помощью спустился к машине. Когда мама уходила из квартиры, в ее глазах стояли слезы, а из глаз сестры они текли по щекам, оставляя две мокрые дорожки. В этой квартире прошла вся ее жизнь, а теперь все это родное нужно бросать и куда-то бежать. Наверное, она считала, что я вылез со своей статьей, чтобы прославиться. Если это так, то самое малое, что она могла ко мне чувствовать, — это неприязнь.

Приехали быстро, дольше из-за отца добирались до вагона. Все чемоданы погрузили в багажный вагон, а мы налегке сели в свои купе. Их у нас было три. Я ехал в одном купе с отцом и двумя нашими охранниками, в другом купе были наши женщины, а третье два охранника поделили с другими пассажирами. Ждать отправления пришлось около часа. Паровоз топился углем, так что заметно пованивало угольной гарью. Это был обычный пассажирский поезд, поэтому он останавливался на каждой из почти четырех десятков станций. Один раз пришлось ждать, пока в бункер паровоза загрузят уголь, и еще его, по-моему, два раза заправляли водой. Вот чего здесь не было, так это ора репродукторов на ночных станциях, который меня доставал в другой реальности. И, несмотря на более примитивную технику, не было сильных рывков состава при отправлениях, так что ночью можно было нормально выспаться.

В Москву приехали рано утром. Много времени заняло получение багажа. Этим занимался один из охранников, а мы в это время под охраной остальных сидели в зале ожидания. Я думал, что после препарата у отца будет ухудшение состояния из-за отката, но, слава богу, обошлось без этого. Он даже с моей помощью без повторного укола дошел до здания вокзала. Помощь потребовалась из-за слабости и из-за больших черных очков на его глазах. Наш экспресс отправлялся в одиннадцать часов, поэтому вещи с помощью носильщиков переправили в зал ожидания, и все по очереди сходили позавтракать в расположенный рядом ресторан. После этого мы перешли с Петербургского вокзала на Ярославский, а багаж охранники переправили на тележках носильщиков. За час до отправления все наши саквояжи были доставлены на нужный перрон к тому месту, где должен был останавливаться багажный вагон. Мы оставили себе только два саквояжа с нужными в дороге вещами. В купейных вагонах экспрессов дальнего следования были только мягкие полки, к которым можно было пристегиваться ремнем, чтобы ночью при толчке не сверзиться вниз. В голове и хвосте состава были вагоны-рестораны, и их работники возили по вагонам горячие блюда на небольших тележках, так что при желании можно было никуда не ходить. В коридоре многие курили, но летом все окна были открыты, и при движении табачную вонь выдувало.

Первый день многие пассажиры провели у окон, потом это занятие приелось. Жаль, что не было книг, только газеты и журналы, которые разносили на остановках в больших городах. Уже на второй день женщины пришли в наше купе, отправили охрану в свое, и мы

весь день провели вместе.

— Жаль, что ты отправил гитару в багаж, — говорила Вера. — Сыграл бы и спел то, что я еще не слышала.

— Он для тебя поет? — удивилась Ольга.

— А чему ты так удивляешься? — спросил я. — Не был бы я князем Мещерским, все бы заслушивались моими песнями.

— Ты от скромности не умрешь, — засмеялась мама. — Только и князья поют, сын. Не слышал по радио своего тезку князя Алексея Воронцова? Жаль, что мне не попались его пластинки. Хотела выписать, но так и не успела. Все виды искусства — это благородное занятие.

— Так уж и все! — возразила Ольга. — Балет дворяне только смотрят, то же самое в театре, хотя кое-кто начал сниматься в кино. А книги пишут и песни поют, это ты правильно сказала. Интересно, что он пел.

— Хорошую песню, — уклончиво сказала Вера. — Я ее раньше не слышала. Но что толку об этом говорить, если нет инструмента. Алексей, расскажи какую-нибудь выдуманную историю, а мы послушаем. Они у тебя здорово получаются.

В этой реальности не было многих хороших писателей из моей, да и те, которые были, часто писали совсем другие книги. Подумав, я начал им читать по памяти «Рассказы о Шерлоке Холмсе» отсутствующего здесь Конан Дойля. Я забавлял всех, пока по вагону не начали возить обеды. Пообедав, мы продолжили эти литературные чтения.

— И где ты все это прочитал? — спросила Ольга, когда у меня от болтовни заболело горло. — И ведь надо было все так запомнить! Не замечала раньше за тобой таких талантов.

— Может, скажешь им? — спросил отец. — Все равно ведь узнают. Это раньше от такого знания могли быть неприятности, а чего уж теперь...

— Не раньше чем приедем на место, — не согласился я. — И не надо у нас допытываться, о чем разговор, все равно ничего не скажем.

В Тюмень прибыли утром на третий день пути. Сюда была отправлена телеграмма, и нас встречали.

— Игорь Васильевич Кулагин, — представился нам невысокий крепыш лет сорока, с приятным лицом и густыми, светлыми волосами. — Мне поручено вас встретить и доставить на место. У меня две легковые машины и грузовик. Как вы себя чувствуете, князь?

— Если ваши машины не очень далеко, я до них дойду, — сказал ему отец.

— Легковые рядом, на привокзальной площади, — ответил Кулагин, — а грузовая на соседней улице. Нельзя их здесь ставить. Но вам главное — дойти до легковушки, а багаж — это наше дело.

Мы вышли из здания вокзала, и Кулагин замахал руками стоявшим возле машин шоферам. Они забрались в свои «форды» и подъехали к нам, так что отцу почти не пришлось ходить. Мы расселись по машинам и с полчаса ждали, пока перенесут наш багаж. Когда выехали из Тюмени, первой шла машина с Кулагиным и его охранниками, следующими ехали мы, а замыкал колонну грузовик с саквояжами и нашими охранниками. Минут двадцать ехали по шоссе с плохим асфальтом, а потом съехали на гравийную дорогу. Скорость движения упала, но ненамного. По обе стороны дороги стоял редкий лес, потом он сменился степью с небольшими островками деревьев. Через два часа деревьев стало больше, а открытые места уже встречались редко.

— Подъезжаем, — сказал молчавший до этого водитель. — Сейчас будет проверка

документов.

Нас еще на вокзале предупредили, чтобы приготовили свои паспорта, поэтому все документы сейчас были у меня. В машине было всего пять сидений, а нас в ней ехало шестеро, поэтому Вера сидела у меня на коленях. Когда остановились, водитель взял наши документы и вышел из машины. Послышались голоса, и к нам вместе с Кулагиным подошел офицер, погон которого я не увидел. Он взял у водителя паспорта, внимательно их посмотрел и обошел фторд, всматриваясь в наши лица, потом кивнул Кулагину и ушел в ту сторону, откуда появился. Водитель сел на свое место, вернул мне документы и запустил двигатель. Медленно двинулись мимо поднятого шлагбаума и стоявших возле него солдат, а потом поехали быстрее. Минут через десять была вторая проверка, когда из машины заставили выйти всех, кроме отца. Головной фторд стоял в двадцати метрах от ворот, в обе стороны от которых, насколько хватало глаз, уходил высокий дощатый забор. Перед забором была еще изгородь из колючей проволоки и такая же проволока была скручена спиралью поверх забора. Когда нас пропустили в ворота, стало видно, что за забором стоит еще одна изгородь из колючки.

— Вы куда нас привезли? — испуганно спросила Ольга.

— Не бойтесь, девушка, — не оборачиваясь, сказал ей водитель. — Эта изгородь не для вас, а для преступников. Их здесь много. А в вашем городке будет своя ограда.

Успокоил, называется. После его объяснения сестра сжалась и до конца поездки уже не разговаривала. Ехать пришлось еще минут десять. Размеры огороженной территории, на которой располагались сотни самых разных построек, было трудно оценить, особенно из окна автомобиля, но это были километры. Когда проехали мимо зданий, напоминавших складские помещения, увидели еще один забор. Здесь на нас просто посмотрели и о чем-то поговорили с Кулагиным, но документы не проверяли. За забором открылся совсем другой вид. Мы увидели не промышленный пейзаж или казармы, а ряды аккуратных жилых домов, окруженных палисадниками. Наши машины остановились у одного из них. Кулагин открыл калитку, а потом отпер входную дверь и дал команду заносить наши вещи.

— Выходите из машины, — сказал он нам. — Сейчас закончат носить вещи, и я вам все покажу и расскажу. Это ваш дом, в котором пять комнат и кухня. Можете готовить сами, а можете питаться в нашей столовой. В ней вкусно и разнообразно готовят, поэтому многие жители городка не морочат себе голову с готовкой. Правда, зимой здесь бывает такая погода, что не хочется лишний раз выходить, тогда уже готовят у себя. У нас своя электростанция на газе, поэтому электричество сильно не экономим. Отопление и горячая вода в вашем доме от газового котла. Завтра к вам придут и научат, как им пользоваться. Здесь не слишком теплый климат, поэтому иной раз уже в сентябре начинаем топить. Палисадник у вас неухоженный, но это уже личное дело каждого. Если не хотите с ним возиться, никто вас не заставит. Мебель в доме стандартная, на кухне есть плита и холодильник, а в санузле ванная, душ и туалет. Особой роскоши нет, но все сделано удобно и добротно.

— А как и чем здесь расплачиваются? — спросил я. — Или все бесплатно?

— Бесплатно для вас только дом и все, что с ним связано, — ответил он. — Ну и ваша сестра будет бесплатно учиться. За все остальное нужно платить. Можно из тех денег, которые у вас с собой или на банковских счетах, а можно сказать, чтобы ваши расходы записывали, а потом погашали из зарплаты. Это касается и тех, кто у нас работает, и членов их семей. В столовой и двух магазинах есть журналы, куда все это записывается. Если у нас чего-то нет, это можно заказать. Только такие заказы выполняются раз в два-три месяца,

поэтому старайтесь их делать заранее. Все, ваши вещи в доме, теперь можно идти вам. Сегодня обустроивайтесь, а завтра с вами поговорят насчет работы. Да, в доме есть телефон, а под ним справочник. Есть в нем и мое имя, поэтому в случае необходимости можете звонить. Вам, Сергей Александрович, я настоятельно рекомендую быстрее лечь в кровать. Я сейчас позвоню, и к вам придет наш врач. Вашим повязкам уже три дня, поэтому их нужно срочно сменить и осмотреть раны.

Он провел нас в дом и показал, где и что находится.

— В доме две спальни, — сказал он отцу, — а вам нужна еще одна для дочери, но мы это предусмотрели и поставили кровать в свободной комнате. Остальные две — это гостиная и рабочий кабинет.

Он ушел, а мы остались одни в чужом доме, который должен был на годы стать для нас своим. Отца уложили на диване в гостиной, после чего женщины начали разбираться с вещами. Я быстро расстегнул саквояжи и ушел в пристройку, в которой располагался газовый котел. Она запиралась на замок и пришлось возвращаться за связкой ключей. На улице было не холодно, но в доме чувствовалась сырость, поэтому я решил включить котел. И подтоплю, и можно будет покупаться. Когда еще завтра кто-то придет с инструктажем! Я был уверен, что легко разберусь с местным газовым оборудованием, и не ошибся. Фактически, это был знакомый мне АГВ. Быстро проверив уровень воды и наличие газа, я зажег запальник и запустил котел. Когда я вернулся, у нас уже был врач с медицинской сестрой, которая меняла повязки. Я справился у него, где в городке продуктовый магазин, включил на кухне холодильник и пошел затариваться продуктами. Посуда в доме была, холодильник к моему приходу должен был холодить, ну а поесть что-нибудь приготовим. Может быть, мы тоже начнем ходить в столовую, но не сегодня, да и отцу в любом случае надо было готовить. Денег мы с собой захватили много, так что хотя бы на первое время найдем кухарку, пока наши женщины хоть немного привыкнут к новой жизни.

Магазином оказалось небольшое одноэтажное здание в ста шагах от нашего дома. Места в нем было мало и работала только одна женщина, но выбор продуктов был большой.

— Наложите мне всего и побольше, — пошутил я.

— Только что приехали? — спросила она. — Как будете расплачиваться, наличными или по записи?

— Давайте я оставлю деньги, а потом буду ходить за покупками, — предложил я. — И мне удобно, и вам не возиться со сдачей.

— Давайте, — согласилась она. — В вашей семье есть женщины, или собираетесь готовить сами?

— Женщины у меня есть, — демонстративно вздохнув, ответил я, — но они все княгини и умеют только разогревать уже кем-то приготовленное. Не знаете, здесь можно нанять служанку?

— Без проблем, — ответила она. — Девушек много, а работы для большинства нет. И служанок редко когда берут. Женщинам самим нечего делать, поэтому многие только рады заняться готовкой. Разве что появится одинокий мужчина, но у нас его одиночество долго не продлится. Если хотите, я для вас найду.

— Буду очень благодарен! — сказал я. — Алексей Мещерский. Наш дом рядом с вашим магазином.

— У нас здесь все рядом, — ответила она. — Пойдите... Мещерский... Вы князь? Ну да, вы же сказали о своих женщинах.

— А это мне даст какую-нибудь привилегию в вашем магазине? Отпустите без очереди?

— Это хорошо, что вы такой веселый, — одобрительно сказала она. — Привилегий у вас здесь не будет, а очередей у меня, увы, не бывает. Ладно, говорите, какие вам нужны продукты и сколько.

Когда я вернулся с продуктами, в доме стояла жара. Рассчитанный на сибирские морозы котел так нагрел чугунные радиаторы, что к ним нельзя было приложить руку. Пришлось срочно до предела уменьшить факел и открыть все форточки.

— Я из-за тебя вся вспотела! — жаловалась мама. — И отцу жарко.

— Немного не рассчитал, — сказал я. — Ничего страшного. Сырость ушла, и у нас море горячей воды, так что искупаемся после дороги. Сейчас я приготовлю обед...

— Третий час, — сказала Ольга. — Давайте хоть сделаем с чем-нибудь бутерброды, а то я сейчас умру! Как ты можешь что-нибудь приготовить, если никогда этим не занимался?

— Сейчас посмотришь, — пообещал я. — А бутерброды тебе никто не мешает сделать. Вот в этой сумке масло и икра, а сейчас достану хлеб.

Сестра принялась делать бутерброды, половину съедая в процессе приготовления, а я взял сковородку побольше, помыл ее и приготовил потрясающую яичницу с салом. Запах был такой, что проснулся лежавший в дальней комнате отец. Вот почему все самое вкусное гробит организм? Сейчас я был молод и здоров и мог на какое-то время наплевать на правила здорового питания. Яичницу быстро съели, добавив к ней бутерброды с маслом и черной икрой.

— Я много чего принес, — отчитывался я за обедом о своем походе в магазин. — Но все, что хотел, взять за один раз не получилось. Познакомился с одной симпатичной барышней, которая здесь держит продуктовый магазин...

— В следующий раз за продуктами пойдем вместе! — перебила меня Вера.

— Да я разве против? — сказал я. — Если рвешься помогать, нагружу тебя овощами. Я договорился с хозяйкой магазина насчет прислуги. Сама она к нам готовить не прибежит, но поищет для нас кухарку. Я, конечно, умею готовить и даже могу этому научить вас, но у меня на готовку не будет времени, а у вас — желания.

— Меня учили готовить, — призналась жена, — но это было пять лет назад, и я потом не готовила. Можно и поучиться, но кухарка — это хорошо. А можно попробовать, как у них кормят в столовой.

— Если говорят, что хорошо, наверное, так и есть, — сказал я. — Только вы еще не поняли, куда попали. Здесь треть года стоят морозы, снега бывает... горы, а ветер такой, что слабый женский организм может унести за ограду. В такую погоду лучше лишний раз не выглядывать на улицу.

— И откуда ты все знаешь? — спросила Ольга. — Кажется, ты нам хотел что-то рассказать?

— Непременно, — пообещал я, — только сделаю это вечером. Мама, как там раны отца? Что сказал врач?

— Сказал, что почти нет воспаления, и все прекрасно заживает, — ответила она, — но ему еще дней десять можно вставать с кровати только по нужде.

— Вы уже закончили с вещами? — спросил я.

— Шутишь? — сказала жена. — Еще и половину не разложили. А потом нужно будет заменить белье и занавески. Полы здесь вымыты, но надо вытереть пыль. Мы не закончим раньше чем через два часа.

— Помощь не нужна? — спросил я. — Ну и прекрасно. Тогда не буду вам мешать и

пойду посмотреть, что здесь есть. Оля, я вас обеспечил горячей водой, а тебе надо помыть тарелки.

Я сходил к двум четырехэтажным домам, обнаружив по пути магазин, торгующий галантереей и другими хозяйственными товарами, а за домами был очень маленький парк, за которым виднелась ограда. Эти дома были явно не для жилья, а для работы, а жилых на глаз было около сотни. Больше здесь не на что было смотреть. Когда я собрался вернуться, услышал голоса и увидел, как из распахнутых дверей служебных домов начали выходить люди. Закончилась работа? Я не спешил, поэтому кое-кто из них меня обогнал. Наверное, здесь все знали друг друга, а новые лица были редкостью, потому что на меня смотрели с любопытством. Люди шли не только из этих домов, но и из ворот, через которые мы сюда заезжали. На крыльце соседнего с нами дома стоял мужчина лет сорока и ждал, пока я подойду.

— Здравствуйте! — поздоровался он. — Сегодня приехали?

— Да, — ответил я. — Женщины разбираются с вещами, а я, чтобы им не мешать, решил осмотреться.

— Много вы здесь не увидите, — сказал он. — С вами еще не беседовали?

— Обещали завтра, — ответил я. — Вы сейчас не заняты?

— Отработал и пообедал, — сказал сосед. — Жена у подруги, а детьми я пока не обзавелся. Идите сюда, чтобы не перекрикиваться. Позвольте представиться, Николай Алексеевич Дроздов. Я здесь работаю инженером.

— Алексей Мещерский, — ответил я. — Не кончал ничего, кроме гимназии. Отчество называть?

— Знакомая фамилия, — сказал он, внимательно глядя на меня. — Сюда почти каждый день завозят газеты. Я не читал вашей статьи, князь, но в газете «Ермак», да и в других, пересказывали содержание. Вы сделали очень большое дело. Поэтому здесь?

— Почему вы так решили? — спросил я.

— Сюда просто так не попадают, — объяснил он. — В основном здесь живут те, кто полезен хозяевам, но кое-кого просто укрыли. Ваша полезность из-за молодости и отсутствия образования под большим вопросом, а вот укрыться после такого не помешает. Хотя я бы на вашем месте уехал куда-нибудь на Восток. Здесь вы все-таки застрянете очень надолго. Когда есть интересная работа, это переносится легче, но это не ваш случай.

— Я найду чем заняться, — сказал я. — Николай Алексеевич, не расскажете об этом городке то, что не увидишь при беглом осмотре? Или это секрет?

— Здесь масса секретов, но не от вас, — ответил он. — Никого из нас отсюда не выпустят до самого конца, поэтому от вас почти ничего не будут скрывать. Кое-что все-таки является секретом, но об этом вам скажут завтра, а я эти темы затрагивать не буду. Давайте зайдем в дом, там и поговорим.

Мы вошли в точно такой же дом, как и у нас, но, в отличие от нашего, здесь хорошо обжились.

— Давно здесь живете? — спросил я, рассматривая красивые фарфоровые статуэтки.

— Пятнадцать лет, — ответил он. — Меня сюда сманили через два года после окончания университета. Я третий сын в семье, и еще есть две сестры, так что мое отсутствие не очень заметно, тем более что мы переписываемся. Конечно, приходится врать. Женился я здесь три года назад.

— А где венчались? — спросил я. — Я не заметил церкви.

— Есть здесь церковь, но не в нашем городке, а в промышленном.

— Это тот, который мы проезжали по пути сюда?

— Здесь три городка, князь, — сказал он. — В нашем живут ученые, инженеры и администрация, ну и, конечно, их семьи. Так сказать, белая кость. В промышленном городке, который размерами побольше, живет мастеровой люд из ссыльных и тех, кто попал сюда по найму. А в третьем живут уголовные людишки. Он дополнительно огорожен и тщательно охраняется. А то, о чем вы говорили — это промышленная зона.

— Не бегут? — спросил я.

— Куда же здесь бежать? — сказал инженер. — Видели изгородь? А у уголовных стоят вышки, которые освещают периметр. Конвойных набирают из староверов. Страшный и жестокий народ. Они и нас-то за людей не считают, а уголовные для них хуже дерьма. Были попытки побега, как же без этого! Это было еще до меня. Так вот, всех троих бежавших поймали и скормили собакам, собрав перед этим на плацу всех уголовных. Больше побегов не было.

— Как сюда попадает столько уголовных? — удивился я.

— Все очень просто, — ответил инженер. — Сюда даже их насильно не везут. Большинство тех, кого вы увидите, в империи отправили в бессрочную каторгу. Все они мерзавцы и наказание полностью заслужили. Таких в Сибири, почитай, двести тысяч, поэтому никто не заметит убыли, а у хозяев крепкие связи с полицией. Ну и взятки дают, само собой. А уголовным здесь живется намного лучше, чем в казенных лагерях. Казармы чистые и теплые, без насекомых, одежда и питание нормальные, да и на работе не морят. Они у нас от чахотки не загнутся, а в казенных лагерях каждый год сотнями хоронят. Уголовные в первую очередь работают на строительстве. Здесь все построено их руками. Дешевая и неплохая рабочая сила, и нет опасности разглашения, только морока с охраной.

— А вольнонаемные?

— Эти в основном из ссыльных. Их еще в ссылке выкупают у надзирателей и заносят в списки умерших. В Сибири не хватает рабочих рук, поэтому так поступают многие, а начальство закрывает глаза, особенно если получает мзду. Наши берут не всех подряд, а с разбором. Нужны такие, из кого можно быстро подготовить рабочих. Всем им обещана свобода и право вернуться в центральные губернии, и я уверен, что все обещанное выполнят.

— Интересно, из каких источников все это финансируется? — задал я вопрос, не слишком рассчитывая, что мой собеседник ответит.

— Передо мной не отчитываются, — пожал он плечами, — но мы и сами над этим думали, да и слухи ходят. Этот лагерь не один, просто он самый большой из всех, а остальные гораздо меньше и расположены в глуши где-то далеко на востоке. Говорят, что там есть тайные прииски. Лично я в это верю. Располагая большими деньгами и связями в полиции и жандармерии, можно устроить и не такое. Есть мысль, что частично в нас вкладывается казна, ну и пожертвования сторонников.

— Я что-то не понял насчет казны, — сказал я. — Не поясните?

— Обычный прием казнокрадов, — ответил инженер. — Пишут на бумаге расходы на то, чего не существует. Если трудно проверить или проверять не будут, прием безотказный. Представьте, что кто-то провел через казну строительство и содержание каких-то лагерей. Их в Сибири очень много, и большинство находится у черта на куличках. Записали три лагеря, а построили только один, поставив его начальником верного человека или купив с потрохами присланного казной. Деньги забирают на свои нужды, а всех проверяющих, если

они вообще будут, везут в один построенный лагерь. Проверяющие все время меняются, дорогу хрен запомнишь, а все эти лагеря ничем не отличаются. Ну а если вдруг не повезет, с проверяющим может случиться несчастье. Увы, все мы смертны! Есть и другие способы привлечь деньги, но какая вам разница, откуда средства, если они есть? Во всем этом одно слабое звено — люди. Но если вы их правильно подбираете и умеете заинтересовать, можно в тайге выстроить столицу, и о ней не узнает никто лишней.

— Непонятно, — сказал я. — Обладая такими возможностями, никак не препятствовать...

— А как вы себе это представляете? — перебил он меня. — Нужно менять династию и все окружение императора, потому что полумерами ничего не сделаешь. И устранять всех нужно физически, а не просто прогнать от трона. Это не так трудно сделать, но что будет дальше?

— Хотите сказать, что этому не будет поддержки? — спросил я.

— Сейчас уже может быть, — ответил он, — а раньше точно не было бы. Все сословия воспитываются в духе преданности императору, а то, к чему все шло, видели очень немногие. Наоборот, многим были выгодны займы и западные инвестиции. Много ли людей думают на большой срок? Займы хороши, когда низкий процент и будет чем их отдавать, а иностранные инвестиции — это для империи однозначно зло, по крайней мере в тех масштабах, в которых они были. Ну понастроили у нас французы шахты и заводы, так они нам не принадлежат, и почти вся прибыль им же и уходит! И в чем здесь для нас выгода? Развиваться нужно, используя свой капитал. Мало у нас было возможностей? Ладно, что об этом говорить. Хорошо, сбросили вы династию и посадили другую, хотя я не верю, что такое прошло бы без внутренних распрей и большой крови. И что дальше? Отказаться от обязательств по займам, да еще национализировать иностранные активы? Вас не поняли бы у нас и не простили бы в Европе. В самом деле, как можно брать в долг и не отдавать или отнимать чужую собственность? Смахивает на грабеж. А потом к вам пришли бы ограбленные и привели с собой свои армии. Выстояли бы вы с такой ситуацией в стране, когда на вас навалятся все ведущие державы? Я даже представить не могу, к чему привела бы эта война.

— Ну хорошо, никто не стал подставляться и мешать иностранному засилью, — сказал я. — Инвестиции растут, заводы строятся — будет больше выгоды от их национализации. И народ доведут до края, чтобы потом двумя руками поддержали того, кто свалит Романовых. Это мне понятно. Но я все равно не вижу способа избежать войны. Я не знаю, в каком состоянии наша армия, но я бы на месте императора ее сильно не укреплял, наоборот, ослабил бы, насколько это возможно.

— Наверное, так и делают, — согласился инженер, — только это дело долгое, и даже император не сможет его сильно ускорить. А война будет — вы правы. Но для того мы все здесь и работаем уже тридцать лет, чтобы отбить у всех охоту с нами воевать. Чем мы занимаемся — это и есть те секреты, о которых не велено болтать. Что-то вам скажут, что-то вы узнаете сами, но всего все равно знать не будете, да и не нужно вам это.

В коридоре послышались шаги, и в дверь заглянула симпатичная женщина лет двадцати.

— Здравствуйте, — поздоровалась она со мной. — Хозяйки нет, а ты, Николай моришь гостя голодом?

— Мы только пришли, — начал оправдываться инженер. — Сейчас, Леночка, все организую.

— Теперь я сама, — сказала она. — Идите мыть руки, я быстро управлюсь.

— Я поздно обедал, поэтому еще не хочу есть, — отказался я. — Я к вам лучше наведаюсь, когда оголодаю. Елена...

— Дмитриевна, — сказала она. — Но можете называть просто Леной. У нас здесь считается признаком дурного тона лишний раз напоминать о чинах и званиях, да и отчество редко употребляют, больше для стариков. Новички вроде вас приезжают редко, а все остальные друг другу уже почти родственники. Если я и преувеличиваю, то ненамного.

— А ваш муж меня несколько раз назвал князем, — в шутку пожаловался я. — Позвольте представиться, Алексей Сергеевич Мещерский. У себя дома можете звать Алексеем, но у нас лучше по имени-отчеству. Я не слишком привержен условностям, но в моей семье не все такие либералы, им нужно дать время привыкнуть.

— Поначалу всегда так, — сказала она, — поэтому и Николай вас величал князем. Кто знает, как вы отреагируете на простое обращение. Вы ведь только сегодня приехали?

— Несколько часов назад, — ответил я, — Поселились в соседнем с вами доме. У нас три женщины, так что вам будет с кем общаться. Они сейчас налаживают быт, а я свое дело сделал и теперь гуляю и знакомлюсь с городком.

— Вы не тот Мещерский, о котором писали в газетах? — спросила она.

— Если писали о статье, то тот, — ответил я. — Только не нужно меня благодарить и говорить о том, какой я смелый, я это и сам знаю.

— Вы от скромности не умрете, — засмеялась она. — Ладно, не буду мешать мужскому разговору.

Она повернулась и вышла, продемонстрировав изящную фигурку.

— Ну как вам моя жена? — спросил Николай.

— Очень понравилась, — сказал я правду. — Маленькая, как воробей, с густыми, красивыми волосами и большими выразительными глазами. У меня жена такая. Если бы я ее не любил без памяти, влюбился бы в вашу и попытался бы отбить. Как здесь с женщинами?

— Немного больше, чем мужчин, — ответил он, — но не у всех получается устроить судьбу. Нас здесь все-таки слишком мало, чтобы все могли найти себе пару по душе, поэтому уже были браки с заводскими.

— Спасибо за компанию, — поблагодарил я. — Пойду к своим, может, им нужна помощь.

Перед тем как идти домой, решил еще раз зайти в магазин. Я оставил его хозяйке много денег, и не смог унести все, что хотел купить. Пока шел, встретилось немало гуляющих и спешивших по своим делам жителей городка. Прохаживались и в одиночку, и парами, а некоторые были вместе с детьми. Погода была теплая и без ветра, как раз для прогулок. Мне приветливо улыбались и раскланивались, но никто не заговорил. Видимо, здесь это было не принято, а Николай меня окликнул по-соседски. В магазине какая-то женщина только что купила сливочное масло. Я с ней поздоровался, и подошел к хозяйке.

— У вас есть пирожные? — спросил я. — Лучше заварные или из слоеного теста.

— Вам просто с кремом или чтобы были орешки? — спросила она, открывая холодильник. — Есть с миндалем. Если хотите, у меня большой выбор бисквитных. Здесь много сладкоежек, поэтому я их постоянно заказываю. У нас через день подвоз продуктов из Тюмени, поэтому все свежее. Есть вкусные слойки, их часто берут на ужин те, кому лень ходить в столовую. Я там покупаю много выпечки.

— Вас как зовут? А то я вам представился, а вы о себе скромно умолчали. Светлана?

Так вот, Светлана, дайте мне всего понемногу на пять человек. У вас найдутся на время две сумки? Вот и хорошо. В одну сложим сладости, а в другую я у вас наберу продуктов.

— Все помнете, — сказала она. — Я лучше дам корзинку, а вы завтра вернете. Чай вам давать? По-моему, вы его не брали.

— Давайте, — согласился я. — Вы мне почаще напоминайте, что братъ, я у вас весь магазин унесу. Кофе у вас есть? Лучше молотый, а то я еще не обзавелся кофемолкой.

— Из Французского Конго подойдет? — спросила она. — А кофемолки есть в галантерейном магазине у Ольги, так что потом можете взять и зерновой. Его берут больше, а молотый это для лентяев. Сразу предупреждаю, что мне запрещают завозить сюда водку, но на вина ограничений нет. Сигареты не нужны?

— Нет, спасибо, — отказался я. — У нас их никто не употребляет. Да и вообще хватит, а то вы меня загрузили, как ишака.

— Веселый вы человек, — сказала она, передавая мне через прилавок сумку с продуктами. — Подождите, а то уйдете без своих пирожных.

К сумке прибавилась одуряюще пахнувшая ванилью корзинка, после чего я попрощался и пошел домой. Первым делом направился на кухню к холодильнику. За кухонным столом, подперев щеку рукой, сидела грустная сестра.

— Почему грустим? — спросил я. — Есть повод?

— Тебе хорошо, — без прежней злости сказала она. — Тебя ждет Вера, а мама воркует с отцом, одна я никому не нужна. Раньше у меня хоть были подруги.

— Рано тебе еще грустить, — сказал я. — В твоем возрасте подругами обзаводятся легко. Подумаешь, потеря! Сердечного друга не было? Значит, появится здесь. А насчет того, что никому не нужна, глубоко заблуждаешься. Я тебя люблю, хоть ты и дурочка.

— Сам такой, — отозвалась она. — Что это ты притащил? Пахнет ванилью.

— Принес продукты и кое-что к ужину, чтобы не возиться с готовкой, — ответил я, ставя на стол корзинку. — Разложишь в холодильник? Только не вздумай съесть все пирожные: оставишь нас без сладкого, а себе испортишь фигуру.

— Съем одно пирожное и слойку, — решила она, осмотрев все, что я принес. — Иди к своей Вере, а то она уже заждалась, я здесь все уберу.

Жена лежала на застеленной покрывалом кровати, заложив руки за голову. Увидев меня, она обрадовалась и бросилась обниматься.

— Вроде недавно виделись, — пошутил я, обняв ее за плечи. — Откуда, интересно, такая радость?

— Скорее бы ночь! — шепнула она, прижавшись ко мне. — Я с этой дорогой уже забыла, что у меня есть муж. Ты где ходил?

— Познакомился с теми соседями, которые слева, — начал перечислять я. — Сходил в магазин за продуктами...

— Опять без меня, — сердито сказала Вера. — Что хоть купил?

— Накупил пирожных и сдоек, — ответил я. — Вечером поьем с ними чай или кофе. Есть еще сумка с продуктами. Все это сейчас разбирает Ольга.

— Она разберет, — недовольно сказала жена. — Если съест все пирожные...

— Лучше пусть она растолстеет, чем ты, — засмеялся я. — Я без ума от таких худышек, как ты. У соседа, кстати, жена очень похожа на тебя. Вера, не дерись! Зачем она мне нужна? Ее еще нужно обхаживать с риском получить в морду от мужа, а ты у меня рядом и готова на все. Зачем тогда другие?

Шутливая борьба распалила обоих. Жена закрыла дверь на щеколду и начала раздеваться, но тут не вовремя принесло маму.

— Алексей! — постучав в дверь, сказала она. — Оля сказала, что ты вернулся. Можно мне войти?

Пришлось идти открывать.

— Я вам не помешала? — спросила мама. — Отцу интересно, что ты узнал, да и мне тоже. К тому же ты нам хотел что-то рассказать. Может, сделаешь это до ужина?

— Сейчас придем, — сказал я. — Вера, где моя гитара?

— В ближнем к выходу шкафу, — сказала жена. — Мне ее не на что было повесить, поэтому положила туда. Будешь играть?

— Мама точно испугается, а я своей игрой заглажу ее страх, — объяснил я. — Да и вы послушаете.

Мама не испугалась, она мне просто не поверила.

— Так не бывает, Алексей, — сказала она, выслушав отредактированный вариант моей исповеди. — У тебя всегда была богатая фантазия...

— Мы ездили к Акулову, — сказал отец. — Николай устроил Алексею экзамен и сказал, что у него знания выпускника университета. И еще Алексей ему рассказал что-то новое в науке. Я в этом ничего не понял, но он был удивлен. Нам и помогли из-за его знаний. И эти рассказы...

— Мало ли что он мог где-нибудь вычитать! — возразила мама. — А память у него с малых лет была на зависть другим. Я никогда не верила ни в какие переселения душ, а тут еще и из другого мира! Вы, конечно, можете верить...

Мои песни заставили ее мне поверить, но не успокоили, а, наоборот, напугали. Спел я их целых пять.

— Как же так, сыночек... — растерянно сказала она, беспомощно глядя на меня. — Ты и какой-то старик...

— Во мне от старика только память его жизни, — сказал я, обняв ее за плечи. — Я как был, так и остаюсь твоим сыном, и, как показала история со статьей, не таким уж умным и опытным. Хотя меня за эту статью все здесь благодарили.

— Уже похвастался? — утвердительно спросила сестра.

— Не было необходимости, — ответил я ей. — Стоило только назвать фамилию, как сразу узнавали. Статью здесь не читали, но в местных газетах напечатали о том, что в ней было. Запомните, что большинство здешних жителей сидит в городке кто по десять, а кто и по двадцать лет, поэтому все друг друга знают как облупленных и общаются по-дружески. Ты у нас, конечно, княжна, но я бы не советовал об этом всем говорить. Все равно быстро узнают, а так ли важно, как к тебе обращаются? В человеке главное не титул, а он сам.

— Нам тоже сидеть здесь десять лет? — ужаснулась Ольга.

— Я думаю, что гораздо меньше, — постарался я ее успокоить. — Но два-три года посидеть придется.

— А что было в той твоей жизни? — спросил отец, посмотрел на побледневшую маму и поправился. — В жизни того старика? Я тебя об этом раньше не расспрашивал, но это не значит, что мне было неинтересно. Расскажешь?

— Это интересно только тебе или остальные тоже хотят послушать? — спросил я. — Если нет, я тебе расскажу потом.

— Рассказывай! — сказала мама. — Мне немного страшно, но все равно интересно.

Если в тебе его память, то понятно, почему ты так сильно изменился. Я думала, что это из-за любви к Вере.

— Я ему уже говорила, что чувствую в нем старика, — сказала Ольга. — Он никогда раньше так не говорил! Но песни удивительные. Я никогда не слышала, чтобы так кто-нибудь пел.

Я им рассказывал до самого ужина. Сначала пришлось пройти по истории, начиная с Первой мировой войны. Когда я рассказал о революции и гражданской войне, отец вспомнил мой вопрос об Ульянове.

— Теперь мне понятно, почему он тебя заинтересовал. У нас его убили до семнадцатого года в эмиграции. Подробности я не помню.

О Советском Союзе при Сталине я говорил недолго. Я не слишком хорошо знал этот период истории СССР, и почему-то было немного стыдно о нем рассказывать, а вот о Второй мировой войне я рассказывал подробно и до ужина успел рассказать только половину того, что хотел. Мы выпили горячий чай, съели все принесенные мной сладости и опять собрались у отца. Я продолжил рассказ и в этот вечер успел рассказать о родителях и детстве, после чего объявил забастовку:

— Все остальное услышите в следующий раз, а то я завтра не смогу говорить.

— Неужели и у нас будет республика и отменят дворянство? — спросила мама.

— Вряд ли, — немного подумав, сказал отец. — В этот лагерь вложены огромные деньги, а Алексею сказали, что он не один. Во всем этом задействованы тысячи людей. Пусть большинство из них безвылазно сидит по лагерям, но ведь есть еще такие, как Кулагин или Павловский. Пусть они все поголовно патриоты, да еще хорошо оплачиваемые, за десятки лет нашлась бы паршивая овца, а то и не одна, а шума нет, и все продолжается по-прежнему. О чем это говорит?

— Ну и о чем? — спросила мама.

— Как минимум о том, что главари контролируют наше третье делопроизводство. Любая утечка о таком лагере пошла бы туда. И вообще мне ясно, что наверху находятся очень серьезные люди. Не удивлюсь, если узнаю, что в деле и наш министр. Вряд ли главари заговора десятилетиями тратят такие деньги и рискуют собой для того, чтобы устроить республику. Спасти империю — вот их цель. А править посадят или послушного их воле человека, или династия начнется с кого-нибудь из них самих. Если у них все получится, многое должно поменяться. Наверняка будут масштабные чистки, после которых на освободившиеся места будут сажать своих. Идея идеей, но имения, титулы и чины лишними не бывают. Тебе, Алексей, еще оплатят твою статью, а если поможешь знаниями...

— Знаний я им дам много, — ответил я, — но вряд ли этим сильно помогу. Заговорщики просто не успеют ими толком воспользоваться. Можно создать мощное оружие, но для этого требуется время. За десять лет успели бы, а за два-три года смогут разве что сделать опытные образцы.

— Не успеют воспользоваться сейчас, используют потом, — сказал отец. — Если удастся отбиться, с нами долго никто не захочет иметь дел, а самим за всеми угнаться — пупок развяжется. А с твоими знаниями нам не придется никого догонять. Это они за нами будут долго бежать вслед. Это дорогого стоит!

— Интересно, что здесь придумали, чтобы отбиться от кредиторов, — сказал я. — Сколько ни думаю, ничего не идет в голову.

— Ты уже хрипишь! — сказала Вера. — Давайте ложиться отдыхать.

— Да, уже девять часов, — спохватилась мама. — Все за сегодня устали, а отцу давно пора спать. Еще наговоримся.

— Вы купались? — спросил я маму.

— Все, кроме отца, помылись под душем, — ответила она, — а ему я помогла обтереться. Иди купаться, там много горячей воды. Только потом все выключи, а то жарко.

Я с удовольствием помылся, сбегал в пристройку погасить котел и вернулся в свою комнату, где меня с нетерпением ждала жена.

— Хорошая кровать, — сказала она часом позже, — и дом хороший, хоть и маленький. Но теперь я почувствовала, что он действительно мой!

Проснувшись утром, я вспомнил о своих спортивных занятиях. В пристройке с котлом лежал какой-то железный хлам, поэтому я в нее сбегал посмотреть, не найду ли на время замену гантелям, а заодно разжег котел и отрегулировал газ с учетом вчерашнего опыта. Железо я нашел, но это были какие-то детали к котлу, грязные и неудобные для использования. Пришлось заниматься без груза. Закончив, я помылся уже теплой водой и пошел смотреть, что можно приготовить на завтрак. Наши женщины еще спали, а если бы и поднялись, завтрак я им не доверил бы. Ели бы мы тогда одну ветчину с хлебом или копченую колбасу. Проверив кухонный инвентарь, обнаружил, что помимо кофемолки отсутствуют терки, мясорубка и разделочные доски. Можно было не дергаться и подождать, пока не появится прислуга, но я решил все это купить, а заодно сделать заказ на гантели. Жаль, что нам не сказали, в котором часу придут говорить, и теперь нельзя уходить из дома. Сделав ревизию своих запасов, я опять пустил в ход сало. Растопил его на самой большой сковородке, положил в нее почищенную и нарезанную кружочками картошку и пожарил. Вчера от запаха жареного сала проснулся один отец, сегодня они проснулись все.

— Картошка! — обрадовалась Ольга, как будто я приготовил невесть какой деликатес. — А с чем мы ее будем есть?

— Из мяса есть ветчина и колбаса, — перечислил я. — Еще есть соленые огурцы и хлеб. Если бы ты вчера не умяла все слойки, было бы что подать к чаю. Ты умеешь заваривать чай?

— Что его там заваривать, — пренебрежительно ответила она. — Зальешь кипятком и получишь заварку.

— Жаль, что мы не в Японии, — сказал я, разрезая ветчину на ломтики. — Там дворянок учат, как правильно заварить чай, а наши его умеют только пить, да и то причмокивают. Умывалась? Тогда садись. Сейчас поешь, а потом накормишь отца, а чай я заварю сам.

Через полчаса все поели этот немудреный завтрак, поблагодарили повара, а отец после благодарности попросил его побрить.

— Ничего не могу взять в руки, — виновато улыбнувшись, сказал он мне. — Ты еще не бреешься, но, может быть, в той жизни...

— Я и там не брился этой штукой, — ответил я, взяв в руки опасную бритву. — Понимаешь, у меня сначала была электрическая, а потом кассетная. Ею можно было слегка порезать кожу, а этой ничего не стоит отрезать голову. Я тебя боюсь ею брить.

— Лежи небритым, — решила мама. — Я эту бритву тоже боюсь. На улицу тебе не идти, а мы как-нибудь переживем твою щетину.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я вышел на крыльцо и увидел что-то копающего в палисаднике соседа. Чтобы не кричать, прошелся к их калитке, поздоровался и спросил, почему он не на работе.

— Не все же время работать, — засмеялся Николай, — иногда надо и отдыхать, например, в воскресенье.

— Не скажете, здесь есть парикмахер? — спросил я. — Спрашиваю потому, что отец лежит небритый с простреленными руками, а я еще не пользовался бритвой и боюсь отрезать ему голову.

— Вот, значит, как! — сказал он. — Отлилась вам эта статья. По вашему вопросу даже

не знаю, что сказать. Здесь есть женщина, которая стрижет и делает дамам прически, но я не слышал, чтобы она кого-нибудь брила. У нас этим каждый занимается сам. С другой стороны, волосы тоже нужно подбривать... Знаете что, сходите к ней и поговорите, а моя жена вас проводит. Я бы это сделал и сам, но она дала задание вскопать клумбу, и вид у меня сейчас для копки, а не для визитов.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Только хождение с вашей женой может плохо закончиться для моего здоровья. Она у вас слишком красивая, чтобы моя жена не отреагировала на такие хождения. Я лучше попрошу это сделать мать, заодно женщины познакомятся.

— Тогда я ее сейчас предупрежу, а вы зовите свою мать, — сказал он, воткнул в землю лопату и ушел в дом.

Я вернулся домой и нашел всех женщин, которые о чем-то беседовали в гостиной. При моем появлении они почему-то замолчали. Меня обсуждали, что ли?

— Мама, не хочешь познакомиться с соседкой и прогуляться? — спросил я. — Здесь есть женщина, которая работает парикмахером, а Лена покажет, где она живет. Поговори, может, она побреет отца.

— Та самая Лена, которая в твоём вкусе? — спросила жена. — Тогда я тоже схожу. Надо же оценить твой вкус!

— Я тоже не буду сидеть дома! — заявила Ольга. — Ты все равно никуда не уходишь, вот и проследишь за отцом. Эта женщина делает дамам прически?

— По словам Николая, это ее основная работа, — ответил я. — Пойдемте, я вас познакомлю.

После моих слов женщины занялись наведением марафета, и мы смогли выйти только полчаса спустя. Николай уже вскопал свою клумбу и переоделся в костюм, а Лена тоже надела красивое платье и даже бусы. Или у них было принято наряжаться по выходным, или нарядились к приходу моей матери. Я всех познакомил и поспешил вернуться домой. Как выяснилось, спешил я не зря: у нашего крыльца стоял пожилой, худощавый господин среднего роста с грубоватым лицом и пышными усами.

— Вас же просили никуда не уходить, — недовольно сказал он. — Я жду уже минут пять.

— Сами виноваты, — ответил я. — Надо было хоть приблизительно сказать время или позвонить перед выходом. Мы только вселились, и появились вопросы, которые нужно решать. Я и вышел-то на несколько минут. Дома сейчас только отец, а женщины ушли.

— Мне не нужны ваши женщины, — сказал он. — Давайте я быстро поговорю с вами и вашим батюшкой, да пойду. У меня сегодня, знаете ли, тоже выходной.

— Заходите, — пригласил я, распахнув дверь. — Идите за мной.

Мы вошли в спальню, где лежал отец и сели на стулья.

— Я ваш цензор, — сказал нам гость. — Зовите Александром Евгеньевичем Нарышкиным. Основная моя работа — это проверка переписки и входящих посылок, а такие беседы бывают очень редко. У нас остались всего два незаселенных дома, а в последний раз заселялись с полгода назад.

— А исходящих посылок не бывает? — спросил я.

— Правильно поняли, — сказал он. — Мне и с вашей перепиской мороки хватает, хоть пишут редко. Здесь живут только проверенные люди, которым нет смысла вредить, но мы должны исключить любую случайность. Письмо, в отличие от посылки, проверить не очень

сложно, но тоже приходится возиться, поэтому будет просьба писать не слишком часто.

— А как приходит входящая корреспонденция? — поинтересовался я. — Неужели на этот адрес?

— Что вы, как можно! — ответил цензор. — Вот возьмите адрес, который нужно указать. По нему вам будут писать, а потом наши люди все переправляют сюда. С почтой все ясно? Тогда поговорим о режиме. Выхода из лагеря для вас не будет — это должно быть ясно, а вот в рабочий городок выходить можно. Там у нас церковь, да и вообще жители двух поселков много общаются. Людей здесь мало, поэтому сословные различия для многих стираются, тем более что в рабочем городке живет много образованных людей. Нужно говорить о том, что доступа к уголовным нет?

— Нам эта публика не нужна, — ответил отец. — Главное, чтобы у них не было к нам доступа.

— Их очень хорошо охраняют, — сказал он. — На вышках даже есть пулеметы. Им живется очень неплохо, и попыток побега нет, хотя им, в отличие от рабочих, освобождения не обещали.

— А рабочих освободите? — спросил отец.

— А как же иначе? — удивился цензор. — Производственные секреты знают единицы, и они будут с нами работать уже свободными, а остальные получают заработанные деньги и смогут очень неплохо устроиться. Конечно, все это только после победы.

— А если ее не будет? — глядя ему в глаза, спросил я.

— Это вряд ли, — ответил он, — но и при таком финале, вас всех освободят и дадут возможность уехать. Не будет какой-то необходимости все здесь зачищать, поэтому вам даже помогут, насколько это будет в наших силах. С режимом все ясно? Тогда поговорим о вашей работе. Давайте начнем с вас, Сергей Александрович. Это ничего, что я к вам обращаюсь без титула? У нас их здесь используют только в общении с теми, кому претит простое обращение. Таких немного, но они есть.

— Мне сын уже говорил, — сказал ему отец. — Не имею ничего против. Так что вы для меня придумали?

— Вы специалист в российском законодательстве, с ним и будете работать. Вам передадут необходимые материалы, а ваша задача оценить указанные законы и предложить свои правки, в соответствии с пожеланиями заказчика. Вы у нас такой не один, поэтому можете писать что вздумается. Потом с вашими предложениями будет работать специальная комиссия. Понятно, что все это только после вашего выздоровления. Теперь с вами, Алексей Сергеевич. С завтрашнего дня вы выходите на работу. Вы ходили по территории?

— Вчера прошелся, — ответил я. — В парке не сидел и по всем улицам не ходил, но общее представление получил.

— А вам больше ничего и не нужно. Возле парка стоят два четырехэтажных дома. В левом нижний этаж отдан под столовую, а в верхних работают наши ученые. В правом доме, на первом этаже, располагается гимназия. Детей у нас немного, поэтому мы не стали вводить отдельного обучения, классы и без того небольшие. Верхние этажи занимают инженеры и те, кто им помогает. Одним из таких помощников вы и будете. Поднимитесь на третий этаж в одиннадцатый кабинет к старшему инженеру Владимиру Петровичу Фролову, а дальше будете делать все, что он вам скажет.

— Я тут уже кое с кем познакомился, — сказал я. — Естественно, начал расспрашивать. Мне сказали, что из-за режима здесь сквозь пальцы смотрят на многие секреты. Мол, все

равно никому ничего передать нельзя...

— Не совсем так, — возразил он. — Поймите нас правильно. В этом городке живут не чьи-то шпионы, от которых мы оберегаем секреты. Большинство жителей с ними работает. Они не просто нанятые специалисты высокой квалификации, а наши сторонники и единомышленники. Наши проекты для многих — дело жизни. Конечно, изоляция напрягает, но все понимают, что это вынужденная мера. Поэтому я не столько выискиваю что-то злонамеренное, сколько смотрю, чтобы случайно не проскочило что-то для нас опасное, на что писавший просто не обратил внимания. Ищу и скрытые вложения, но больше потому, что так положено. Но это не значит, что любой из вас должен знать все секреты проекта. Знают то, что нужно для работы. Если кто-нибудь проговорится, или просто услышите разговор, не предназначенный для ваших ушей, вас за это никто наказывать не станет, но такое не поощряется. Что вам можно знать, а что — нет, будут решать те, с кем вы будете работать. Им и задавайте свои вопросы. Если ко мне больше ничего нет, я, пожалуй, пойду. Только сначала один вопрос: вы привезли какое-нибудь оружие?

— У нас два пистолета, револьвер и сотни две патронов, — ответил я.

— Целый арсенал, — удивился он. — Вообще-то, ввоз оружия на территорию запрещен, и у всех его изымают раньше. Вам почему-то сделали послабление, и я об этом буду говорить с Кулагиным. А сейчас соберите все стволы и боеприпасы в какую-нибудь сумку и принесите мне. Сумку я вам потом верну.

Я собрал оружие и проводил цензора до калитки. Он ушел, приветливо кивнув возвращающимся женщинам. Проводил я трех дам, а встретил четырех. Парикмахершей оказалась невысокая, стройная женщина лет сорока, которую можно было бы назвать миловидной, если бы не чересчур длинный нос. Я поздоровался, пропустил женщин в дом и вошел сам. Мама с гостьей пошла к отцу, а мы заняли гостиную.

— Кто это от нас выходил? — спросила Вера.

— Здешний цензор, — ответил я. — Рассказал о режиме и о нашей работе, забрал оружие и ушел. Тебе, кстати, надо бы написать отцу. Он может ответить и даже прислать посылку, а нам разрешены только письма.

— Это мы уже знаем, — сказала жена. — Лена рассказала. Мама у нее узнала, что можно было сходить в церковь на литургию, но было уже поздно. Я, наверное, в следующее воскресенье с ней пойду.

— Не замечал за тобой большой религиозности, — сказал я. — Да и за мамой такого не водилось. Иконы в доме были, но вы ни одной из них с собой не взяли.

— Мама взяла, — сказала мне Ольга, — и я тоже забрала свою детскую икону Богородицы. Это ты свою оставил. Крест хоть не забыл надеть?

— Я его не снимал, поэтому и не забыл, — улыбнулся я. — Ладно, вы мне лучше скажите, какое впечатление от прогулки?

— Нет у меня пока впечатлений, — вздохнула Ольга. — Чисто, удобно и аккуратно, но прожить, никуда не уезжая, десять лет... Не знаю, я бы, наверное, не смогла.

— Просто у тебя пока нет любимого человека, — возразила Вера. — Если будет муж и появятся друзья, многое можно перетерпеть. А у здешних есть цель и важная работа. Без дела, конечно, трудно. Да, Лена мне тоже понравилась. Только учти, что для тебя это ничего не меняет. Я не ревнивая, но если дашь повод...

— Не дам я тебе повода, — успокоил я ее. — А насчет дела... Не знаю, найдут ли нам в понедельник кухарку, но до ее появления надо дожить и не помереть от голода. Столовая

сегодня выходная, все магазины — тоже. Надо посмотреть, что можно приготовить из наших продуктов. У нас три женщины, которые маются от безделья, вот и попытайтесь приготовить хотя бы обед. Резаную колбасу можете не предлагать. Если будете совсем беспомощными, я могу помочь, но постарайтесь управиться своими силами. Мне интересно, что у вас получится. Можете перед готовкой помолиться.

— Нашел развлечение! — рассердилась жена. — Думаешь, я что-нибудь приготовлю, если не помню, как это делать? Только переведу продукты, а ты откажешься есть! Давай ты будешь говорить, что и как делать, а мы сделаем.

— Говори за себя, — сказала Ольга. — Я лучше помою посуду.

Мы болтали до тех пор, пока не закончила работу парикмахер. Мама ушла ее провожать, а я вошел в спальню к отцу. Он лежал гладко побритый и приятно пах незнакомым мне одеколоном.

— Быстрее бы вылечиться! — сердито сказал он, увидев меня. — Так надоела эта беспомощность! Хотя не представляю, чем здесь буду заниматься, разве что по вечерам играть в карты с такими же бездельниками.

— Тебе же предложили работу? — удивился я. — Чем она тебя не устраивает? Вроде по твоей должности.

— Я вел надзорную работу, — сказал он, — и законы знаю достаточно для ее выполнения, но такие, как я, не занимаются законотворчеством. Мнение я выскажу, толку-то! Наверное, мне подсунили эту работу, чтобы не рехнулся от безделья. Это у тебя будет настоящее дело. Чем думаешь сегодня заняться?

— Готовкой, — ответил я. — Полный дом женщин, и ни одна не умеет готовить! Ольга сразу отказалась, мама еще не знает, а Вера согласилась этим заняться, но под моим руководством. Чувствую, что все придется делать самому.

— Мать не трогай, — предупредил он. — Она в своей жизни, наверное, даже ни разу не резала хлеб. Порежет себе пальцы, а у нас даже нет йода и бинтов. Сделайте с Верой хоть что-нибудь, а завтра надо все-таки постараться найти кухарку.

Как я и думал, готовить пришлось самому. Вера начала чистить к супу картошку и сразу же порезала палец. Я неудачно пошутил по этому поводу, вызвав слезы. Палец забинтовали полоской какой-то чистой ткани, а я доварил суп и вышел во двор. В десяти шагах от меня за низким забором возился с цветами наш второй сосед, которого я до этого еще не видел. Это был массивный мужчина лет семидесяти с огромными залысинами, седыми и слегка вьющимися волосами и лицом киноактера Гафта. Не полная копия, но очень похож.

— Здравствуйте! — поздоровался я, подходя ближе. — Может, познакомимся?

— Здравствуйте, — отозвался он, тоже подходя к забору. — Вы, видимо, младший князь Алексей Мещерский? О вашем приезде уже всем известно. Сбежали после статьи?

— Пришлось, — ответил я.

— Вы, князь, сделали большое дело, но сделали его глупо, что неудивительно, если учесть ваш возраст, — усмехнувшись, сказал он. — Непонятно только, о чем думал ваш отец. Если уж решились на такое, то убегать нужно было до выхода статьи, а не после. Тогда и он был бы здоровым. Да, я Дан Евгеньевич Суханов. Когда-то был профессором химии.

— Почему когда-то? — не понял я.

— Потому что меня вместе с женой тридцать лет назад похоронили на Новодевичьем кладбище. Здесь и кроме нас есть живые покойники, только мы одни из самых первых. Не хотите зайти и поболтать со стариком? У меня есть неплохой набор вин на любой вкус. Сам

я их уже не употребляю, держу для более молодых друзей. Продлим, так сказать, знакомство. Здесь теперь редко можно увидеть нового человека, а друзья малость надоели. Что за интерес вести беседу, если заранее знаешь все, что тебе могут сказать? Идите в калитку, там открыто.

Я воспользовался приглашением и через несколько минут сидел в гостиной соседа. Его дом по планировке и отделке немного отличался от нашего и почему-то производил впечатление нежилого.

— Неуютно? — понял он мое состояние. — С тех пор как два года назад умерла жена, я на все махнул рукой. Еще кое-что делаю по работе, но больше по инерции, а здесь не живу, а доживаю. Если дотяну, через три года исполнится восемьдесят. Удивились, что так молодо выгляжу? Это у нас семейное.

— А чем вы занимаетесь? — спросил я. — Или это секрет?

— Конечно, секрет, — хмыкнул он. — Только об этом секрете все знают. Я сейчас самый крупный в империи специалист по ядам. Вы очень быстро узнаете, что их изготавливают в промышленной зоне, так что я вам не открыл никаких секретов. Состав — это секрет, куда эта отравка уйдет — тоже секрет, хотя многие уже догадались.

— Вы делаете химическое оружие? — дошло до меня.

— Не совсем оружие, но можно назвать и так, — подтвердил он. — Не нравится?

— А кому такое понравится? — сказал я. — У газов небольшая эффективность, а восстановим против себя весь свет!

— Молодой человек! — строго сказал бывший профессор, наставив на меня палец. — Никогда не беритесь судить о том, в чем вы не разбираетесь! Низкая эффективность у хлора, которым немцы травили своих кабре в африканских колониях! То же самое можно сказать и о горчичном газе. Они в этом убедились на собственном опыте и сумели убедить остальных. Мы тоже подписали эту конвенцию, так что никто не собирается применять газы. Их из-за больших объемов трудно доставить в нужное место, а на применение влияет погода. Подул ветер, и где ваш газ? Я вам говорил не о газах, а о ядах! Бельгийцы лет двадцать назад применили какой-то сильный яд в Конго. Там вспыхнула эпидемия болезни, после которой не оставалось выживших. К чести бельгийцев нужно сказать, что они попытались как-то помочь. Когда заболели и умерли присланные на помощь аборигенам врачи, все такие попытки прекратились. Зараженный район окружили солдатами, а в деревни пустили тех же солдат, но в закрывающих тело костюмах и с фильтрующими масками на лицах. Они незаметно отравили все источники питьевой воды и ушли. Точное число отравленных неизвестно, но сами бельгийцы говорили о пятидесяти тысячах человек, точнее негров. Кто-то все же не отравился и попытался удрать из этого могильника, но их убили солдаты. Деловой подход? И трудно их осудить, потому что, убив эти пятьдесят тысяч обреченных негров, бельгийцы спасли сотни тысяч, а может быть, и миллионы еще здоровых!

— И как вы собираетесь травить солдат? — спросил я.

— Я — никак, — ответил он, — а как это будут делать наши хозяева, меня не касается. И почему вы думаете, что травить будут солдат? Армия неплохо защищена, мобильна и не привязана к какому-то месту, а вот население, особенно городское... Если очень сильные яды распылить в разных местах большого города, выжившее население в него потом не заманишь калачом! А в городах осталось жилье, все запасы и транспорт! Если такая диверсия произойдет во многих крупных городах какой-нибудь страны, наступит экономический крах. Ее правительству будет не до войн на чужой территории, а армия из-за

отсутствия снабжения не вынесет длительной позиционной войны. Главное — выдержать первый удар!

— И как же их распылять? — похолодев, спросил я.

— Эк вас перекосило! — неодобрительно сказал он. — Они хотят потравить большую часть нашего населения наркотиками, а вы распускаете слюни! Не слышали о тройственном пакте? Конечно, ведь вы только что приехали! Так вот, чтобы вы знали и меньше их жалели. Есть жутко секретное соглашение между Великобританией, Францией и Германией о разделе нашей империи. Но главное даже не в том, что они ее хотят растянуть на куски, а в том, что одновременно запланировано радикальное сокращение численности коренного населения. Сколько его сокращать и какими средствами, в пакте не уточнили, так, обозначили намерения. Это политика, молодой человек, а в ней никогда не было ничего порядочного!

— И сильные у вас яды? — спросил я.

— Разные, — ответил он. — Есть такие, капля которых убивает тысячу человек! Конечно, вы эту каплю не разделите на дозы, но если взорвете большой бидон... В природе существует много очень сильных ядов, беда в том, что все их можно получить в мизерных количествах из живых существ. Создать искусственно не получается, или они выходят золотыми. А у нас такое получилось! На это ушли годы, пришлось даже поехать в Южную Америку за всякой ядовитой дрянью. Ловили даже лягушек и медуз. У нас не получилось точно воссоздать природные яды, но мы создали свои, еще более смертоносные! Были большие проблемы с их хранением, но мы справились.

— Здесь не работали с ракетами? — задал я очередной вопрос.

— О каких ракетах идет речь? — не понял профессор. — Об осветительных? А зачем с ними работать?

— О ракетах вы не знаете, — сказал я. — Самолеты могут летать недалеко, и их нетрудно сбить. Так как же доставлять отраву на место? Снаряды?

— Как вы узко мыслите! — попенял мне разговорившийся профессор. — Я уже вам говорил, что об этом никому точно не известно, но думали многие и потом поделились своими мыслями с другими. Вы это все равно услышите, поэтому могу сказать и я. — Допустим, я хорошо знаю английский язык.

— Допустим, — согласился я. — Я его тоже неплохо знаю.

— Не перебивайте, — недовольно сказал он, — иначе не буду рассказывать. Одного языка мало, поэтому меня готовят, обучая всему, что знает чистокровный англичанин. После этого снабжают документами и деньгами и переправляют, скажем, в Лондон. Я там покупаю дом и живу несколько лет, притираясь к местным. Могу даже жениться. А потом мне переправляют бидоны с отравой и взрывчаткой, а я их ставлю на крышу своего дома или еще куда-нибудь. У нас здесь много инженеров, занятых радио, так что взрыв можно устроить и дистанционно. Возможно, все до времени хранится в каком-нибудь подвале.

— Жуткий вариант, — сказал я. — Мне в нем видится самое слабое звено — это люди. Вживаясь в чужую жизнь, можно изменить к ней отношение и отказаться от таких планов. Вы представляете, сколько заплатят тому, кто отдаст ваши баллоны властям?

— Мы этим занимаемся тридцать лет, — напомнил он. — А теперь представьте, что где-то собрали маленьких мальчишек и лет за двадцать воспитали в них жестких и непримиримых бойцов, фанатично преданных кому-то из наших хозяев. Жизнь европейцев им чужда, как и они сами, а если в них еще разожгли ненависть и дали большие деньги...

Ведь надо быть идиотом, чтобы увериться в том, что тебя за предательство заваяют золотом. Скорее всего, что-то заплатят, но вряд ли много. А отношение будет как и к остальным русским, даже хуже. Предателей не любит никто, хоть ими пользуются.

— А здесь делается что-то еще, кроме отравы? — спросил я.

— Что-то вы совсем скисли, — неодобрительно сказал профессор. — Учтите, что почти все, что я вам рассказал, — это вымысел. Может быть, все будет совсем не так, как фантазировали местные мыслители. А делают много чего и не только у нас. Не удивлюсь, если узнаю, что кое-что изготавливают на столичных фабриках. Это, конечно, дороже, но у нас не все можно сделать. Я обещал вам вино, но совсем заболтался и забыл.

— Ничего страшного, — успокоил я его. — Я, Дан Евгеньевич, вообще не пью.

— Больны? — сочувственно спросил он. — Нет? Похвально, но странно для вашего возраста. Уже уходите? Жаль. Приходите ко мне в любое время без приглашения. Как выздоровеет отец, передайте, что я его тоже пригласил.

Домой я вернулся в подавленном состоянии. Я почему-то сразу уверился в том, что рассказанные мне домыслы имеют очень много общего с реальностью. Если это так, то будущее вырисовывалось страшное. Миллионы погибших горожан, паника и полный хаос. Война будет и в этом случае, но Суханов прав в том, что нужно выдержать только первый натиск. Не станут с нами воевать, когда не останется тыла. Армии вернут домой, чтобы навести хоть какой-то порядок. Но это вражда и ненависть с основными государствами Европы, и не на годы, а как минимум на сто лет. Одно дело, когда ты сам где-то в Африке травишь негров, и совсем другое, когда травят тебя. А ведь после такого развалится вся колониальная система, и весь мир полностью изменится.

— Очень похоже на правду, — сказал отец, после того как я пересказал ему разговор с профессором. — Если удалось получить такие яды, то остальное — это только вопрос времени и денег. Турции не очень трудно дать по зубам, а одна Япония на нас не полезет. Даже в случае каких-то успехов она не удержит захваченное, может и свое потерять. Остаются одни Американские штаты. В Америку никакую отраву не повезут, но и они одни у нас много не навоюют. А вот воспользоваться случаем и перехватить колонии своих союзников янки могут. На все сразу у них не хватит сил, но большую часть возьмут, а потом так усилятся, что доставят много неприятностей. И еще одна неприятность будет в том, что через некоторое время подобные яды будут у многих. И не так уж сложно будет все повторить и привезти отраву в наши города. Жить в изоляции?

— Такие яды не так просто создать, — сказал я. — В мире старика их сделали еще более сильными, но на это затратили огромные средства и много времени.

— Здесь тоже долго работали, но ведь сделали, — возразил отец. — Найдут и время, и деньги, и умные головы.

— Вот тогда и пригодятся мои знания, — сказал я. — Я очень много знаю, и если нам дадут время усилиться, никто на нас с кулаками уже не полезет.

Подшло время обеда, и я без всякого аппетита поел суп с ветчиной и, оставив Ольге мыть тарелку, ушел в свою комнату и лег на кровать. Я хотел обдумать все, что узнал, разложить по полочкам и понять, к чему приведет мое вмешательство. Чем дольше я думал, тем больше мне все здесь не нравилось. Если верно то, что мне рассказал профессор, то все кончится гонкой вооружений в первую очередь с Американскими штатами. Да и европейские государства рано или поздно придут в себя и к ней подключатся. Неужели мы обречены на борьбу с ними? И мои знания дадут лишь временное преимущество. Пока еще

мы сможем все сделать! Многое все равно не получится держать в секрете, иначе толку от него...

— Что ты такой мрачный? — спросила Вера. — Узнал что-то неприятное?

— Узнал, что бог нас создавал зря, — ответил я. — Столько жадности, злобы и ненависти к себе подобным, сколько их у людей, больше нет ни у каких других существ.

— Хороших людей больше! — возразила она. — И вообще в жизни много хорошего. Расскажи, что тебя так расстроило. Может, тебе наврали, и не стоит себя так изводить.

— Может быть, малыш, — согласился я и, притянув ее к себе, начал целовать.

— Не сейчас, — она оттолкнула меня и отодвинулась к краю кровати. — У тебя получился очень вкусный суп, которым я объелась.

— Хорошо, — согласился я. — Отложим на потом, а сейчас просто полежим, и ты мне расскажешь о своей жизни. Позор: женился и почти ничего не знаю о своей жене. Вечером я буду досказывать о себе, а сейчас послушаю тебя.

Она подобралась поближе, положила голову мне на грудь и начала вспоминать детские годы. На время тяжелые мысли были забыты.

Утром все-таки пришлось прибегнуть к колбасе с хлебом и свежим огурцам.

— Я постараюсь раньше освободиться и сходить в продуктовый магазин, — сказал я женщинам. — Светлана говорила, что с кухаркой не должно быть проблем, вот я у нее и узнаю, почему мы завтракаем колбасой. Заодно куплю продукты взамен съеденных. Но если быстро освободиться не получится, тогда я позвоню, и в магазин придется идти вам.

Я вышел за пятнадцать минут до начала работы и, пока шел, поздоровался с двумя десятками спешащих туда же мужчин и тремя женщинами. За столом для вахтера никто не сидел, а обе двери в гимназию были заперты на всяческие замки. Я поднялся по лестнице на третий этаж, нашел дверь с номером одиннадцать и постучал.

— Войдите! — услышал я ослабленный дверью голос и вошел.

Это был не кабинет, а, скорее, рабочая комната инженера. У стены стоял громоздкий кульман, повернутый так, чтобы свет от окна падал на доску. Еще в комнате были два письменных стола, сейф на тумбочке, несколько стульев и закрепленная на одной из стен школьная доска с мелками. Сам Фролов сидел за одним из столов с авторучкой в руках. При моем появлении он слегка привстал, наметив поклон.

— Вам должны были обо мне говорить, — сказал он, жестом руки предлагая мне сесть. — Кто вы, я тоже знаю, так что будем считать, что мы с вами знакомы. Хотелось бы знать, нужно мне упоминать ваш титул, или без этого можно обойтись?

— Если вас нужно называть по имени-отчеству, то и меня извольте называть так же, — с улыбкой ответил я, — а если Владимиром, то и мне будет достаточно Алексея. Если не подружился, князем я для вас стану, когда выберусь из этого лагеря.

— Годится! — улыбнулся он. — Мне о вас, Алексей, рассказали удивительные вещи. Поверить в такое трудно, я и не поверил. С другой стороны, вы мне кажетесь умным юношей и должны понимать, что ваши обещания ничего не стоит проверить.

— Давайте проверять, — согласился я. — Только учтите, что я знаю слишком много, и запись этих знаний займет несколько месяцев. Понятно, что их ценность будет для вас разная. Вы их рассчитываете использовать сейчас?

— Это было бы неплохо, — кивнул Владимир, — но и потом никакие знания не будут лишними. У нас слишком много врагов, и техническое превосходство поможет уравнивать шансы.

— На потом у меня будет много, — вздохнул я, — а вот на быстрое использование мало что наберется. В технике все взаимосвязано, поэтому перескакивать через этапы не выйдет. Через год вы сможете в лучшем случае получить опытные образцы, а еще нужно запустить производство и обучить тех, кто этим будет пользоваться.

— Мы с вами говорим ни о чем, — сказал он. — Вы пока только обещаете.

— Давайте сделаем так, — предложил я. — Я за два-три дня коротко изложу то, что знаю, а вы ознакомитесь с записями и скажете, что вас интересует в первую очередь. По этим вопросам могу сразу дать развернутые объяснения, а потом буду все подробно расписывать по темам.

— Годится, — сказал он. — Только зачем писать? И вам больше работы и другим будет труднее разбираться. Вы где хотите работать, здесь или у себя дома?

— А можно? — спросил я. — Я имею в виду работу на дому.

— А почему нельзя? — удивился он. — Вам для работы ничего не нужно, по крайней мере пока. У нас кое-кто из ученых так и работает, а сюда приходят только тогда, когда нужно пообщаться с коллегами или воспользоваться оборудованием лабораторий.

— А общаться по телефону запрещено? — спросил я.

— Прямого запрета нет, потому что линии не выходят за пределы нашего городка, — ответил Владимир. — Я понял, что вас больше устраивает дом. Значит, примерно через час к вам отвезут печатную машинку...

— А может, обойдемся ручкой? — спросил я. — Я себе все пальцы отобью. И треск...

— Ерунда! — отмел он мои возражения. — Машинка электрическая и почти не шумит, а нажатие на клавиши очень мягкое. Немного поработаете и забудете о своей авторучке. Неужели никогда не использовали?

— У нас был совсем другой способ печати, — ответил я, — а механической машинкой печатал очень давно и недолго. Но если вы ее так расхваливаете, не откажусь.

— Сейф вам не нужен, — продолжил Владимир. — Все отпечатанные материалы будете в конце рабочего дня относить сюда. Идти здесь всего ничего, так что добежите в любую погоду. Возьмите папку, чтобы было удобней носить. На ее внутренней стороне я записал номер своего телефона. Всегда звоните перед выходом, чтобы потом не ждать под дверьми. Давайте запишу еще свой домашний номер, можете звонить и на него. Идите, Алексей, буду с нетерпением ждать результатов вашей работы.

Я попрощался и ушел. Хотелось пообщаться и попытаться узнать ответы на возникшие у меня вопросы, но если прямо говорят, что я вру, какие могут быть разговоры? Первым на моем пути попался галантерейный магазин. Его хозяйкой была невысокая пожилая дама, которая обрадовалась мне, как родному. Пришлось выслушать о ее родственниках и о том, что она не стеснена в средствах, а магазин держит не для прибыли, а для души.

— У всех все есть, князь, — жаловалась она мне, — а на нитках и мыле не сделаешь оборота. Да и бог с ним, с оборотом, так ведь почти не заходят!

— У меня есть нужда в ваших услугах, — обрадовал я ее. — Дорогая, Ольга Николаевна, у вас можно заказать гантели?

— А зачем заказывать, когда можно просто купить? — не поняла она. — Вон они стоят. Или вам эти не подходят? Их кто-то заказал лет пять назад, а брать не стал. Я уже и не припомню, кто это был. Вам нужно только это железо?

Я у нее купил все, что собирался, и выпросил сумку, чтобы сложить хозяйственные мелочи. Из-за груза не стал заходить в продуктовый магазин, отложив это на потом. Дома ждал приятный сюрприз. Оказывается, как только я ушел, пришла подобранная Светланой служанка. Убирать и делать другую работу по дому она не занималась, только готовить. Но здесь были две прачки, которым можно было отдать в стирку белье, а уборку комнат мы могли делать сами. Я отдал кухарке мясорубку и все остальное, себе оставил только гантели. От помощи в покупке продуктов она отказалась, сказав, что без труда справится сама. Девушкой она была крепкой, поэтому я ей свою помощь больше не предлагал.

— Почему так рано? — встретила меня вопросом жена.

— Пришел проверить шкафы, — неудачно пошутил я.

Неудачно, потому что она не поняла шутки, а когда я объяснил, что имел в виду, обиделась. Впрочем, обида была быстро забыта, когда она узнала, что я теперь надомник и почти все время буду рядом с ней. Вскоре к дому подъехал «форд», из которого выгрузили здоровенный агрегат. Он оказался обещанной мне печатной машинкой. К ней прилагалась

толстая пачка плотной бумаги и запасная красящая лента. Я ее опробовал и был приятно удивлен действительно тихой работе и мягкому нажатию клавиш. Теперь осталось только научиться печатать. Помогла прекрасная память, поэтому я уже в тот же день, не глядя на клавиши, быстро набирал текст, правда, пока только одним пальцем. Весь следующий день я просидел за машинкой, отвлекаясь только для того, чтобы уделить внимание еде, жене и гантелям. Слава богу, питание опять стало вкусным и разнообразным, и мне не нужно было им заниматься. Отец чувствовал себя значительно лучше и на четвертый день после приезда уже ел сам, осторожно действуя правой рукой. Ольга помаялась два дня, а потом узнала, что у соседей через три дома живут сестры-двойняшки ее возраста и зачастила к ним в гости.

— Знаешь, что я узнала? — говорила она мне после одного из таких визитов. — Девушки сказали, что старшеклассников иногда вывозят из лагеря. Их в прошлом году несколько раз возили на отдых к лесной реке и еще три раза в Тюмень в театр и в кино, так что и я смогу увидеть хоть что-то, кроме этого забора. У них совсем небольшой класс, но в нем вместе с девушками учатся парни!

Мама тоже с кем-то познакомилась, но пока из-за отца из дома отлучалась редко, а к нам тоже никого не приглашала. Женщины совместными усилиями украсили дом милыми безделушками и статуэтками, которые мама уложила в саквояжи вместе с одеждой, и в нем стало гораздо уютнее.

Свою работу я, как и обещал, окончил на третий день. Кое-что пока придержал, в том числе и атомное оружие, но все равно отданного получилось много. Как мне и советовал Фролов, я ему позвонил, убедился в том, что он у себя, и отнес бумаги.

— Завтра сидите дома, — предупредил он. — С вашим творчеством будут знакомиться и, если будет нужно, вызовут.

Наверное, знакомиться начали в тот же день, потому что на следующий позвонили еще до девяти. Когда я подошел, Владимир познакомил меня с низким и полным мужчиной лет пятидесяти, с большой лысиной и торчащими ушами, оказавшимся инженером Марком Валерьевичем Аверьяновым. Выглядел он комично и невольно вызвал у меня улыбку. Я ее постарался скрыть, но Марк заметил.

— Можете улыбаться, — сказал он мне. — Я уже привык к такой реакции. Садитесь, Алексей Сергеевич, поговорим. В ваших листах изложены поразительные вещи! Если вы это не выдумали, ваши знания могут перевернуть всю нашу жизнь! Я пока посмотрел далеко не все, но глаза в первую очередь уцепились за описание твердотельных усилительных приборов, которыми можно будет заменить лампы. Вы печатали очень сжато и не описали принципа действия. Можете это сделать сейчас?

— Конечно, — ответил я. — Но где-то нужно будет писать. Доска не подойдет?

— Лучше мы сядем за стол, а вы возьмете бумагу, — сказал Марк.

Мы сели за один из двух столов, и я с час объяснял принцип действия биполярного транзистора, особенности транзисторов, изготовленных по разным технологиям, и способы их применения, рисуя все необходимое на бумаге.

— Я все понял, — сказал Марк, когда я закончил. — Есть неясности по технологиям изготовления, но и вам они известны только в общих чертах. Ничего, привлечем химиков. Вы сказали все, что знаете?

— Шутите, Марк? — улыбнулся я. — Если я что знаю очень хорошо, так это полупроводники и их применение. Чтобы рассказать все, мне придется месяц болтать без перерыва. Другое дело, что большая часть моих знаний вам пока не нужна, вы их просто не

сможете использовать.

— Значит, начинайте печатать ту часть, которую, по вашему мнению, можно использовать, — сказал Владимир, резко изменивший свое отношение после моих объяснений. — Сколько времени может понадобиться для изготовления ваших транзисторов?

— Я затрудняюсь с ответом, — сказал я. — Если у вас нет нужных чистых материалов, то первые образцы можно сделать только через несколько месяцев, но чтобы начать серийное производство, нужно создать много оборудования, иначе будем гнать сплошной брак. Если ограничиться германием, то уложимся в два–три года. На кремний уйдет больше времени, но я бы начал с него.

— Не пойдет, — с сожалением сказал Владимир. — Столько времени у нас нет. Но вы все равно начинайте работать. У нас многие сейчас мало загружены, вот мы и подключим их к этой работе.

— Думаете, все случится раньше? — спросил я у обоих.

— Скорее всего, — ответил Владимир. — Перед нами не отчитываются, но поставлена задача — закончить все необходимое до весны.

Я с ними простился и ушел домой мучить свой палец. Искусство печати двумя руками еще только предстояло освоить, но пока устраивал и палец, из-за того что я работал по памяти и много времени тратил на иллюстрации, поэтому большая скорость печати не требовалась. Перед тем как приступить к работе, я зашел к отцу. Он уже не лежал, а сидел в кровати и читал газету.

— Что скажешь? — спросил он, оторвавшись от чтения. — По–прежнему не доверяют?

— Недоверия нет, — ответил я. — Отец, они считают, что скоро начнется.

— Очень может быть, — сказал он. — Общество уже созрело, а если они подготовились, то не вижу смысла тянуть время. Наоборот, потом будет труднее. А для нас это хорошо тем, что не придется долго здесь сидеть. Это у тебя много работы, а остальным будет скучно. Они все-таки привыкли к совсем другой жизни.

— Ваше величество, прибыл глава третьего делопроизводства департамента полиции граф Апраксин! — доложил адъютант.

— Передайте, чтобы вошел, — сказал чем-то недовольный император. — Где остальные?

— Ожидает только глава Дворцовой канцелярии барон Вейсман фон Вейсенштейн!

— Скажи ему, чтобы подошел позже, — приказал император. — Мне пока не до канцелярии.

Адъютант скрылся за дверью, и почти тотчас же в кабинет вошел одетый в мундир тайного советника высокий, подтянутый мужчина лет шестидесяти, который остановился, не доходя десяти шагов до стола.

— Подойдите ближе! — сказал император. — Я хочу знать, что вы мне можете сказать по последним покушениям! За десять дней три убийства, и все бывших иностранцев! Мало мне было Дюкре, из-за которого пришлось выслушивать нотации от французского посла, так теперь два этих англичанина! У меня вчера был разговор с графом Малмсбери, который настаивает на скорейшем выявлении и наказании виновных!

— Ваше величество, в случае с Дюкре мы нашли убийц, — сказал Апраксин, — а по остальным пока ничего не известно. Покушения произошли всего два дня назад и выполнены

профессионально. Люди работают, но нужно время.

— И сколько вам его нужно? — еще больше рассердился император. — Сколько времени прошло с момента убийства главы вашего департамента? Вы сказали, что нашли убийц, но мне об этом почему-то ничего не известно!

— Мы их определили, — поправился Апраксин. — Сейчас их ищут.

— Я вами недоволен! — сказал император. — И не только вами, но и работой всей вашей службы! Раньше вы были опорой трона, а сейчас демонстрируете удивительную беспомощность. Не потому ли, что убитые были иностранцами? Смотрите, граф, мое терпение не безгранично! Если вам надоела ваша должность, можете мне об этом прямо сказать! Одним словом, даю вам на расследование десять дней. А сейчас можете идти!

Покинув императорский кабинет, Апраксин направился к выходу из Александровского дворца, где его поджидал бронированный «медведь».

— Едем на Итальянскую к Шуваловым, — приказал он шоферу, открывшему начальству дверцу. — Проверься, как обычно.

Поездив по улицам и не обнаружив «хвоста», шофер высадил графа возле парадного входа дворца. Через несколько минут Апраксин уже входил в одну из гостиных, где его ожидал сорокалетний граф Иван Павлович Шувалов.

— Рад вас видеть, Петр Николаевич! — поздоровался хозяин. — Присаживайтесь и говорите, какая у вас нужда. К сожалению, вы ко мне без дела не приезжаете.

— Слишком много работы, Иван Павлович, — ответил Апраксин. — Вы правы, я к вам по делу. Пройдем в кабинет?

— Если недолго, то можно поговорить здесь, — сказал Шувалов. — Прослушивания здесь нет, а слуг я удалил.

— Можно и здесь, — согласился Апраксин. — Хочу спросить, вы долго намерены тянуть?

— Есть мнение начать этой зимой, — осторожно сказал Шувалов, — но есть и возражающие. А в связи с чем ваш вопрос?

— Я не могу никак не реагировать на акции, которые устраивает ваш брат! — недовольно сказал Апраксин. — Боевому крылу не терпится себя проявить, а меня не сегодня-завтра уберут. Я понимаю, что это ненадолго, но если на моем месте будет кто-нибудь другой, нашим людям в департаменте будет сложнее оказывать вам поддержку.

— Я скажу Петру, — пообещал Шувалов. — Эти устранения не его инициатива, они были в планах Совета, но если за вас взяли всерьез...

— Только что имел счастье лицезреть Государя Императора, — сказал Апраксин. — Мне дали десять дней, а потом укажут на дверь. Еще одного француза могли простить, но эти англичане были лишними.

— Француз мешал лично вам, — возразил Шувалов, — а англичане мешали финансовой группе. Вы не думали что-нибудь сфабриковать? Например, повесить на Мещерских еще одно убийство? Устройте перестрелку и сожгите автомобиль с какими-нибудь телами.

— Это не так легко сделать, как вам кажется, — ответил Апраксин. — Все мои люди сидят на руководящих постах, а оперативники, как правило, ни во что не посвящены.

Они слышали приближающиеся шаги и замолчали. Открылась дверь, и в гостиную вошел Петр Павлович Шувалов, который возглавлял боевое крыло Братства. Он был на три года младше брата и заметно выше ростом.

— У нас гость! — воскликнул он, увидев Апраксина. — Рад вас видеть, граф! Вас еще не

выгнали из-за нас?

— Выгонят через десять дней, — ответил Апраксин. — Только меня, в отличие от вас, это не радует.

— Вы серьезно? — спросил отбросивший шутливый тон Петр. — Плохо, если так. Мы ожидали шума, но поменьше. Не думали об операции прикрытия?

— Не с кем мне ее проводить, — сердито сказал Апраксин. — В этом мои возможности ограничены. По Дюкре работали вы, я вам только помог.

— Теперь мы вам поможем, — пообещал Петр. — На этот раз даже не понадобится ваше содействие.

— Что ты надумал? — спросил брат.

— Опять использовать Мещерских, — засмеялся Петр. — Купим в предместье небольшой дом, оформим продажу на те дни, когда мы их вывозили, а потом заселим. Пять подходящих тел найдем в морге, пожар устроить нетрудно, труднее будет сфабриковать улики, и подбросить их полиции, чтобы было достоверно и не вызвало вопросов. Ладно, справимся, не впервой.

— Как-то это выглядит несерьезно, — с сомнением сказал Апраксин. — Я бы не поверил.

— Вы профессионал, — возразил Петр. — И сомнения могут быть у ваших профессионалов, а ваша задача — сделать так, чтобы они ни с кем своими сомнениями не делились. Они все заинтересованы в том, чтобы закрыть эти дела, потому что вашей отставкой могут не ограничиться.

О своей смерти я узнал в конце августа. Мы уже прижились в городке, познакомились с большей частью его жителей, а с некоторыми, можно сказать, подружились. По вечерам чуть ли не каждый день ходили в гости к соседям или приглашали их к себе. Отец выздоровел, но временами еще побаливало плечо. Он не сильно утруждал себя комментариями к законам, а больше проводил время с профессором Сухановым. Мама завела столько подруг, что вызвала удивление у всех, кроме моей жены, которая не знала ее прежней жизни. В столице у матери были только две приятельницы, да и к тем она ездила редко, а здесь ее трудно было застать дома. Ольга тоже обзавелась подругами и с нетерпением ждала начала занятий в гимназии. Исключением в семье стала Вера. Знакомых у нее было много, но она ни с кем из них не стремилась общаться, почти все время проводя со мной. Но я был занят работой и не мог уделять ей много времени, а у нее никаких дел не было. Даже уборку в доме теперь делала нанятая для этого женщина.

— Почему ты ни с кем не дружишь? — спросил я, обеспокоенный ее безразличным видом. — Нельзя же все время сидеть рядом со мной и слушать тарыхтение машинки! Возьми хоть почитай книгу или газету.

— Не хочу я их читать, — отказалась она. — А свои газеты читай сам: нет в них ничего интересного.

Ее нежелание читать газеты оказалось благом. Если бы она тогда это прочла, не знаю, чем бы все кончилось. Первым сообщение прочитал отец и тут же позвал меня.

— Читай! — сказал он, протягивая мне сложенную в два раза газету. — Внизу справа.

— Ни хрена себе! — высказался я, прочитав короткую заметку о том, что на окраине столицы в частном доме при пожаре сгорела вся семья известного террориста князя Мещерского, который был виновен в убийстве иностранцев. — А почему иностранцы во

множественном числе? Ты убил еще кого-то, кроме Дюкре?

— Кто-то в очередной раз нами прикрылся, — зло сказал он. — Судя по заметке, выполнено довольно топорно, но преподносится, как официальная версия. Так обычно бывает, когда все заинтересованы закрыть какое-нибудь дело. Нет, никто там никого не убивал, взяли бесхозные тела в одном из моргов, одели в приличную одежду и подожгли дом. Понятно, что позаботились о том, чтобы остались нужные улики, например, обгоревшее письмо.

— Слушай, а ведь родственники Веры теперь думают, что она погибла! — дошло до меня. — Организаторам нужно было горе родных, поэтому вряд ли их предупреждали, что это инсценировка. Значит, и наши письма никуда не отправили!

— Правильно, — кивнул он. — Нас подобное задевает не очень сильно, хотя для Катерины это удар, а для Веры — это трагедия. Представляешь, как переживают ее отец и брат? Сейчас-то им уже можно было бы все рассказать, но кому нужно этим заниматься!

— Ничего, займется! — сказал я. — Я сегодня понесу отпечатанные листы и предупрежу, что это последняя порция и больше ничего не будет. Если к нам такое отношение, то и я отнесусь точно так же. В ценности того, что я знаю, уже никто не сомневается, вот пусть и передадут выше, что я им свернул фигу, а мы посмотрим, чем все закончится. Вера в гости не ходит и газет не читает, поэтому надо только предупредить мать с сестрой, чтобы не проговорились. На нее и так эта изоляция влияет больше других, не хватало еще, чтобы она изводила себя из-за отца с братом.

Я быстро допечатал тему, собрал листы в папку и, захватив с собой газету, ушел к Фролову. Скандалов я ему закатывать не стал, просто дал почитать газету и все объяснил.

— Хреново, — сказал он, укладывая папку в сейф. — Значит, вы объявляете забастовку. Жаль, но я вас понимаю. Сегодня же обо всем передам руководству. Только учтите, Алексей, что дорога в оба конца займет дней восемь, да еще неизвестно, сколько времени будут решать в столице. Идите отдыхать, пока не придет ответ, да не мотайтесь так легко одетым, это вам не Питер.

Действительно, уже в середине августа сильно похолодало, а сейчас по вечерам температура вряд ли поднималась выше десяти градусов, но идти было недалеко, и ветра не было, поэтому я легко оделся.

— Финита! — сказал я дома жене, закрывая машинку чехлом. — Мне дали десять дней отпуска для сведения мозоли на пальце. Не вижу на твоем лице радости. Неужели так привыкла к ее стрекотанию, что уже без этого не можешь жить?

— Да рада я, рада, — улыбнулась она.

— И не думай, — сказал я. — Я не для того буду сводить мозоль с одного места, чтобы приобрести ее на другом. Поэтому помимо любви мы с тобой займемся спортом! Я тебя как следует погоняю, и мигом слетит вся хандра! Мне нужно на ком-то отрабатывать приемы, вот я тебя и использую! Если не захочешь ходить в синяках, будешь заниматься. Начну лепить из тебя боевую подругу, которая будет завязывать мужиков узлом. Наследственность у тебя хорошая, просто лентяйка. А еще выпишем сюда рояль или хотя бы пианино и прибор для записи пластинок. Разучим несколько песен и запишем, а потом будем стричь деньги с продажи пластинок. Хорошая идея?

— Ты шутишь? — неуверенно спросила она.

— Какие шутки? — делано возмутился я. — Посмотри на себя в зеркало, на кого стала похожа! Я боялся за сестру, а надо было бояться за тебя! Целыми днями ничем не

занимаешься, так же можно рехнуться или заболеть, а то и вовсе отдать богу душу. Нет, дорогая, мне рано становиться вдовцом. Если бы Лена была свободна, еще куда ни шло...

Шутливая потасовка закончилась в кровати.

— Первый пункт выполнили, — отдышавшись, сказал я. — С любовью закончили, теперь займемся борьбой. Вставай!

— Уйди, зверь! — начала она слабо отпихиваться. — Я больше ничего не хочу!

— А придется, — сказал я, поднимаясь с кровати и стаскивая с нее жену. — Надень на себя что-нибудь посвободнее, а то никто не поймет, чем мы занимаемся. А на будущее сошьем для тебя кимоно, да и для меня заодно. Не знаешь, что это? Видела когда-нибудь грузчиков? Вот они в кимоно и ходят. Такая одежда не мешает двигаться, только для тебя нужно будет выбрать ткань помягче, чтобы не натерла кожу.

— Вот когда сошьем, тогда и буду заниматься, — заявила она, забираясь обратно в кровать, — а сейчас не мешай отдыхать.

Я не стал ее ломать и дал поваляться в постели, а утром повел к женщине, которая многим шила одежду. Она сняла с нас мерки, взяла мои рисунки и пообещала, что сделает к завтрашнему утру. Вера на меня сердилась, но лучше пусть сердится, чем будет ко всему равнодушной. Вторым заходом мы пошли в галантерею.

— Выручайте, Светлана! — сказал я хозяйке. — Мне срочно нужно пианино. Сможете достать? За инструмент заплачу вперед.

— Я даже не знаю... — растерялась она. — Никто никогда не делал таких заказов... Я попробую, Алексей, но не могу ничего обещать.

Я отвел Веру домой и направился к Фролову.

— Я обо всем сообщил, — сказал он, после того как мы поздоровались. — Думаю...

— У меня есть просьба, — перебил я его. — Я сделал заказ на пианино, но Бельская не уверена, что сможет выполнить. От кого это зависит?

— От коменданта, — ответил Владимир. — Он должен выделить машину и грузчиков и дать разрешение на ввоз. Я ему позвоню. Есть что-нибудь еще?

— Представьте, есть, — ответил я. — Нужен аппарат для записи грампластинок и набор болванок.

— Хотите увековечить игру своей жены? — пошутил он.

— Хочу увековечить нас обоих, — серьезно сказал я. — Я ведь не жил одними формулами и знаю множество замечательных песен. Не все их здесь можно петь, но многие. Жена замечательно играет на рояле, а я неплохо — на гитаре. И голоса у нас тоже не хуже, чем у тех, кого здесь записывают. А потом под псевдонимами отдадите тиражировать пластинки в какую-нибудь компанию. Я на вас пашу бесплатно, сертификатом пока воспользоваться нельзя, а взятые с собой деньги скоро закончатся.

— Это я тоже передам, — кивнул Владимир. — Не думаю, что такой аппарат будет сложно достать.

— Я тоже так не думаю, — сказал я. — В мире моего старика была поговорка, что с кого много спрашивается, тому много и дается. У вас ко мне миллион вопросов, но мне не дали ничего, кроме убежища, да и то перед этим подставили, видимо, чтобы был более сговорчивым. Жить здесь можно и даже неплохо, но вам, мне или другому, у кого есть дело, а вот моя жена в такой жизни потерялась, и это может плохо кончиться, причем и для меня тоже, потому что я не представляю без нее своей жизни. Я не возражаю, если вы запишите эти слова и отправите своему начальству. Пусть хорошенько подумают, стоит ли отказывать

в моей просьбе.

— Я передам, — пообещал он. — Сегодня же отправлю.

Ничего отправлять начальству не пришлось, потому что оно приехало к нам само. Примерно через два часа после моего ухода от Фролова он позвонил и попросил срочно прийти.

На месте Владимира сидел уже немолодой, худощавый мужчина с резкими чертами лица, небольшими усами и бородкой, а инженер стоял возле своего кульмана, можно сказать, навтыяжку. Когда я вошел, сидевший посмотрел на меня с таким выражением превосходства, что я сразу же разозлился. Я таких типов не терпел в прежней жизни, а молодой князь Мещерский и подавно не выносил пренебрежения.

— Здравствуйте, господа, — поздоровался я с обоими. — Вы просили подойти, Владимир Петрович?

— Это я вас вызвал, — не ответив на приветствие, сказал приехавший. — Хотелось бы узнать, почему вы отказываетесь работать?

— Вы ему не объяснили, Владимир? — спросил я Фролова, решив не церемониться с тем, кто ведет себя по-хамски.

— Я передал все, что вы сказали, — ответил он.

— У вас проблемы с головой, или просто желаете со мной пообщаться? — спросил я приехавшего, — В таком случае неплохо бы представиться.

— Выйдите, Фролов! — приказал он, дождался, пока инженер закроет за собой дверь, и продолжил: — У нас не принято представляться, а вы не в том положении, чтобы что-то требовать!

— Очень интересно, — сказал я, без приглашения садясь на второй стул. — Я считал, что заключил соглашение с порядочными людьми, выходит, ошибся.

— Что вы имеете в виду, когда говорите о нашей непорядочности? — спросил он. — Объяснитесь.

— Ну как же! — сказал я. — Нам дали здесь убежище с условием, что либо я оплачиваю ваши услуги знаниями, либо из своих собственных средств. Знаниями я с вами больше делиться не намерен, а наши сертификаты у вас. Не имею ничего против того, чтобы вы из них оплачивали аренду дома и стоимость охраны. Понятно, что не всей охраны лагеря, а только той ее части, которая приходится на нашу долю. А что-то от меня требовать у вас нет прав. Если продолжите в том же духе, я просто пошлю вас подальше, развернусь и уйду!

— И не боитесь? — с любопытством спросил он.

— А чего? — в свою очередь спросил я. — Того, что вы начнете на меня давить через семью или потянете в пыточную? Вообще-то, можете, потому что уже продемонстрировали, что неразборчивы в средствах.

— Вы говорите, но не заговаривайтесь! — рассердился он.

— Я говорю только то, что думаю! — отрезал я. — И так думать у меня есть все основания! Вы нас не столько спасли, сколько использовали в своих целях, спастись мы могли и сами, пусть и с определенным риском. И жили бы сейчас гораздо лучше и не в этой комфортабельной тюрьме! Вы подставили моего отца, повесив на него убийство, чтобы вывести кого-то из-под удара и навязать нам свои услуги. Очень порядочный прием! Ладно, это я еще могу как-то понять, но для чего было проводить эту инсценировку с пожаром и вешать на нас свои жертвы? Мне наплевать на то, чем вы руководствовались, сделав это без нашего согласия и не поставив в известность сестру отца и родных моей жены! Их горе на вашей совести! Это хорошо, что моя жена не читает газеты и пока ничего не знает. Но это только пока! Наши письма вы не отправили, понятно, что не будет писем и от Водениковых.

Зачем писать покойникам? У нее и так депрессия, а тут еще и это. Я не уверен в том, что она такое перенесет, а если с ней что-нибудь случится, вам не придется рассчитывать на мою благодарность. Я, знаете ли, не тот мальчишка, каким кажусь. Мне мои знания не с дуба упали, они результат семидесяти лет жизни, опыт которой тоже никуда не делся! Я знаю, что для достижения благородной цели далеко не всегда пользуются благородными средствами, сплошь и рядом в ход идет такое... Ладно, оставим общие разговоры и перейдем к тому, на каких условиях я согласен с вами сотрудничать.

— Вы нам ставите условия? — удивился он.

— А что вас в этом удивляет? — спросил я. — Вы хорошо выслушали то, что вам говорил господин Фролов? Значит, вы его не поняли. В моем перечне тем их около сотни, а расписал я пока только одну, да и то не полностью, затратив на это месяц. Конечно, не все я знаю так подробно, но все равно мне вас учить с год, если не больше. Цивилизация, знания которой находятся в моей голове, обогнала вас настолько, насколько вы сами обогнали монголов. Если я откажусь с вами работать, вы можете попытаться что-то вытянуть из меня насильно. Может получиться, а может и нет. А если даже получится, где гарантия, что я вам сказал все или не ввел в заблуждение? Дам вашим ученым какую-нибудь тупиковую идею, и пускай они потом десятилетиями бьются над ее решением! Наука и насилие несовместимы, плохо, если вы этого не понимаете!

— И чего же вы хотите? — спросил он.

— Прежде всего я хочу доверия и уважительного отношения! — сказал я ему. — Напортачили, извольте исправлять! Передадите моей тете и отцу жены о том, что мы живы и переправите нам их письма. Вам будет нетрудно договориться о том, чтобы они молчали, поэтому я здесь не вижу сложностей. Кроме того, должны выполняться все мои заявки.

— Хотите сделать записи для грампластинок? — спросил он. — А зачем это вам? Если нужны деньги, вам их дадут и так.

— Это хорошо, что вы вспомнили о деньгах, — кивнул я. — Мы к ним еще вернемся. Я уже говорил Фролову, что мои знания не ограничиваются наукой. Я хорошо помню множество книг, фильмов и песен. Возможно, я займусь и книгами, но пока будут только песни. Я не могу постоянно печатать, иногда нужно и отдыхать, и как-то развлекаться, вот я и буду петь песни. Думаю, что это занятие поможет мне вытянуть из депрессии жену. Вы все неплохо здесь устроили, но недодумали в части развлечений. Это не пустяк, когда людей изолируют от мира на годы.

— Ладно, я об этом поговорю, — согласился он. — Для вас что-нибудь придумают. И с родственниками не вижу проблем. Что еще?

— Вы правильно подняли вопрос денег. Мы взяли с собой крупную сумму, но моя семья не привыкла себе в чем-то отказывать, поэтому ее надолго не хватит.

— И сколько же вам нужно? — спросил он.

— Пока мне не нужно ничего, — ответил я, — но если потребуются деньги, я их должен получить. В любом случае речь не идет о больших суммах, поэтому это вас не затруднит. И верните наши сертификаты. О каком доверии может идти речь, если нас фактически шантажируют изъятием вкладов?

— Поговорю, но ничего не обещаю, — ответил он. — Это все?

— Хочу задать вопрос, — сказал я. — Вы начнете этой зимой?

— Почему вы так решили? — насторожился он.

— Сюда поступило распоряжение закончить все работы до весны, значит, у вас почти

все готово. Если учесть, что уже до многих дошло, в какой мы все заднице...

— Ну у вас и выражения, князь, — хмыкнул он.

— Надо же, вы вспомнили о моем титуле! — усмехнулся я. — Нас его еще не лишили?

— Собирались, но не успели, — ответил он. — Помешала ваша смерть в огне, так что в чем-то этот пожар пошел вам на пользу.

— Вы начали устранять мешающих вам иностранцев, — продолжил я, проигнорировав его слова о пользе пожара. — Такие резкие жесты после тридцати лет глубокой конспирации тоже говорят о вашей готовности. А зима... Зиму я бы выбрал из-за трудности военных действий.

— Может, вы и правы, — сказал он. — Я не принадлежу к верхушке нашего руководства и о многом, как и вы, могу только догадываться. А почему вы спросили?

— Если все начнется зимой, летом мы должны покинуть лагерь. Помощь я буду оказывать, но где-нибудь в более цивилизованном месте.

— Вы понимаете, что я такие вопросы не решаю? — спросил он. — Кое-что решу сам, а обо всем остальном доложу руководству.

— Я могу подождать, — согласился я, — но работы от меня не ждите.

Я хотел уйти, но он меня опередил: встал из-за стола, кивнул мне и вышел из комнаты. За дверью послышался невнятный разговор, а когда он закончился, вернулся Фролов.

— Ваш гость сбежал, пойду и я, — сказал я ему. — Буду ждать ответа на свои требования.

— Вы произвели на него впечатление, — заметил Владимир. — У нас всего несколько человек, которые могут себе позволить ему возражать, а вы не просто возражали, а ставили условия.

— С такими только так и надо, — сказал я. — По крайней мере, когда их есть чем прижать.

Вернувшись домой, я первым делом нашел отца и все ему рассказал.

— Если бы решали здешние ученые, я бы ни о чем не беспокоился, — сказал он, когда я закончил, — но наверняка решать будут люди, далекие от науки. Смогут ли они оценить твою пользу?

— Посмотрим, — пожал я плечами. — Я не попросил у них ничего особенного, а сам дам столько, сколько не даст и сотня ученых. Может, они далеки от науки, но тупицами быть не должны, иначе уже давно все сидели бы за решеткой или вкалывали на каторге. Давай подумаем, где поставим пианино. В гостиной много места, но мы будем всем мешать. Слушай, а зачем нам кабинет? Я работаю в своей комнате, а ты можешь писать вообще где угодно, хоть в кровати. Полку, для которой пока нет книг, можно убрать в любую из комнат, а стол поставим к Ольге. Ей все равно нужно будет готовиться к гимназии.

— Делай что хочешь, — согласился отец. — Мне кабинет действительно не нужен.

Пианино нам привезли этим же вечером, причем не по заказу Бельской, которой она не успела сделать, а по распоряжению коменданта. Пожилой фельдфебель, под руководством которого рядовые сгрузили с машины пианино и занесли его в дом, предупредил, что за инструмент не нужно платить.

— У меня было точно такое же, — сказала Вера, — только не из красного дерева. Это сделано на фабрике Феврие. Он их делает только по заказу, в том числе и для императорского Двора. Интересно, где его нашли в Тюмени?

— А тебе не все равно? — сказал я. — Сядь и что-нибудь сыграй, а то я тебе поверил,

что умеешь, а проверить не удосужился. Ввел людей в расход, а сейчас думаю, не напрасно ли?

Она не стала отвечать на шутку, села и начала играть, а я заслушался. Мелькали по клавишам тонкие пальцы жены, рождая прекрасную, трогательную душу музыку... Когда она закончила, я увидел, что на пороге бывшего кабинета стоят отец с матерью. Прибежала бы и Ольга, но ее не было дома.

— Замечательно играешь, — сказал отец. — У тебя талант к музыке.

— Я уже давно не садилась за инструмент, — ответила Вера. — Когда-то много и с удовольствием играла, а потом почему-то пропало желание.

— Так вот откуда растут корни твоей хандры! — сказал я. — Ничего, теперь будем и играть, и заниматься спортом! Моя жена обещала, что завтра начнет. Пошьют костюм...

— Тебе не пообещаешь, потащишь заниматься голой, — проворчала она. — Представляете, стянул с кровати в одной рубашке и хотел заставить таскать свои гантели! Изверг! Я их потаскаю, а как потом играть? У меня пальцы не будут гнуться!

— Нечего плакаться родителям, — сказал я. — Тебе нужно заниматься два месяца, прежде чем разрешу взять в руки гантели, да не мои, а полегче. Сделаем скидку на твой хрупкий организм.

— А зачем это вообще, Алексей? — спросила мама. — Видишь же, что она не хочет.

— Не порть мне жену, — сказал я маме, — иначе будете заниматься на пару. Человек по природе ленив, и если чего-нибудь можно не делать, большинство и не будет. Думаете, мне себя было легко ломать? Ошибаетесь! А теперь, если день прошел без занятий, для меня он потерян. И ее потом от борьбы за волосы не оттянешь, главное — войти во вкус!

— Мы не собирались два месяца, — сказал член Совета князь Борис Леонидович Вяземский. — Все наши решения уже выполнены, поэтому нужно окончательно определиться с дальнейшими планами. Большинство членов склоняется к тому, чтобы начать в первых числах декабря, но есть и возражающие.

— И кто возражает? — спросил граф Шувалов. — Пусть обоснует, а мы послушаем.

— Мне не нравится ваш первый вариант, — сказал князь Николай Александрович Ухтомский, — а второй еще не готов. Бомбы и ракетные станки дадут слишком мало жертв, и паника либо совсем не возникнет, либо будет очень недолгой. Я думаю, что вариант со станциями очистки воды будет намного эффективней. Для города с населением в семь миллионов прогнозируемые потери в пятьдесят тысяч — это капля в море.

— А вы хотите потравить всех жителей? — язвительно спросил князь Леонид Васильевич Елецкий.

— Акция должна быть действенной, генерал, — ответил ему Ухтомский, — иначе вообще не стоит затевать возню с ядами, а стать всем на границах и с честью помереть!

— Первый вариант это не прожект, а серьезно проработанная операция, в которую вложено много времени и средств, — сказал Вяземский. — По нашим оценкам она вызовет панику и заставит большую часть населения покинуть самые большие города. Нам нужен хаос, а не миллионные потери среди горожан. Я уже пытался убедить Николая Александровича, но он остался при своем мнении. Вижу, что нам его не переубедить, поэтому предлагаю голосование. Кто за декабрь, прошу поднять руки!

Шестеро сидевших вокруг стола мужчин подняли руки, один этого делать не стал.

— Принято, — продолжил Вяземский. — Теперь давайте решать, как все-таки будем

убирать Романовых. Есть три варианта, но более выигрышным мне представляется использовать социал-демократов, а самим остаться в стороне.

— Вы их все-таки убедили? — удивился князь Александр Дмитриевич Голицын. — Я всегда думал, что они в последний момент откажутся.

— Там остались одни фанатики, — усмехнулся Вяземский. — Для них героическая смерть желанней нынешнего прозябания. Мы их выведем на императорскую семью, а потом всех положим при задержании. И сбережем своих людей, и не навлечем на себя недовольства. Далеко не всем придется по вкусу смена династии. Есть у кого-нибудь возражения по кандидатуре нового императора?

— Оболенский согласился на выкуп? — спросил князь Сергей Семенович Абамелек-Лазарев. — В разговоре со мной он высказывал большие сомнения.

— Согласился, — подтвердил Вяземский. — Его убедили, что наши противники на это не пойдут. Займы никто выплачивать не будет, а долю в банковском деле и промышленности предложим выкупить. Никто из них на это не согласится, а после войны мы свое предложение отзовем. Пусть предъявляют претензии своим правителям.

— Тогда кандидатура Владимира Андреевича меня полностью устраивает, — кивнул Абамелек-Лазарев.

— У остальных возражений нет, поэтому и этот вопрос решили, — сказал Вяземский. — Что у нас с армией, генерал?

— С ней все в порядке, — ответил Елецкий. — Кое-кого временно арестуем, а позже выпустим, остальные останутся в стороне.

— Тогда остался один небольшой вопрос, и можно будет заканчивать, — сказал Вяземский и обратился к Шувалову: — Доложите, Иван Павлович?

— Господа, есть один вопрос по молодому Мещерскому, — сказал Шувалов. — Вас в свое время не поставили в известность, потому что мы с братом просто не поверили в то, что узнали. Для любого здравомыслящего человека это был натуральный бред.

— Пойдите, господа, — перебил его Ухтомский. — Это сын Сергея Александровича? Но ведь они все вроде сгорели в пожаре?

— Пожар подстроил мой брат, — объяснил Шувалов. — Боевое крыло таким образом прикрыло нашего Петра Николаевича. Его из-за англичан могли выгнать из департамента полиции, и мы бы остались без прикрытия. А так все повесили на Мещерских и сожгли купленный дом с телами бродяг. До этого на них же повесили Дюкре, поэтому все прошло гладко. Но я хотел сказать не об этом. Первый раз Алексей Мещерский привлек наше внимание после статьи.

— Храбрый, полезный для нас, но глупый поступок, — сказал Ухтомский. — Я еще недоумевал, почему Сергей Александрович не остановил сына.

— Да, их бы не оставили в покое, — согласился Шувалов. — Мы им собрались помочь, когда получили сообщение от одного из преподавателей университета, которые отбирали для нас перспективных студентов. Он сообщил, что его навестил старший Мещерский с сыном. Сергей Александрович был с ним дружен и поэтому обратился, когда возникла нужда.

— А можно покороче? — спросил Абамелек-Лазарев. — Мы вам и так поверим.

— Боюсь, Сергей Семенович, что не поверите, — усмехнулся Шувалов. — Я сам до сих пор не верю, хотя не могу игнорировать факты и верю тем, кто о них доложил.

— Вы нас уже заинтриговали, Иван Павлович, — сказал Елецкий. — Переходите к делу.

— Перехожу, — согласился Шувалов. — Старший Мещерский сказал своему другу, что в его сына вселилась личность старика, который умер в каком-то другом мире.

— Действительно, какой-то бред, — сказал Ухтомский. — Какой другой мир, Луна, что ли, или Марс? И как могут в одном теле быть две души?

— Давайте, меня никто не будет перебивать, и я вам быстро все расскажу, — предложил Шувалов. — Мир вроде похожий на наш, но более развитый, а вселилась не душа, а личность. Он получил память прожившего там человека, который имел техническое образование и знал то, до чего наша наука дойдет еще нескоро. Конечно, преподаватель в это не поверил, но согласился проверить мальчишку. В результате проверки он убедился, что вчерашний выпускник гимназии сведущ в науках не меньше его самого. После этого экзамена младший Мещерский выложил своему экзаменатору какую-то теорию со всеми доказательствами. Я в науке не смыслю, но он был потрясен и сразу же доложил нам. Мы им все равно хотели помочь, поэтому решили отправить всю семью на третий объект и проверить молодого Мещерского по полной программе. Мы ничего не теряли, но если бы этот бред подтвердился...

— Судя по тому, что вы сказали в самом начале, он подтвердился? — спросил Ухтомский.

— Сразу же, — подтвердил Шувалов. — Сейчас вся научная группа задействована на проверку того, что он им выкладывает. В перечне сотня тем, включая военные. Правда, он подробно расписал только одну, от которой там все сошли с ума, а потом отказался с нами работать. Но, думаю, это ненадолго.

— А в чем дело? — спросил Абамелек-Лазарев. — Молодой человек чем-то недоволен?

— Он недоволен тем, как обошлись с его семьей, — ответил Вяземский. — Сначала на его отца повесили убийство Дюкре, поставив Мещерских в безвыходное положение, а потом и англичан и устроили этот пожар. Родственникам никто ничего не сообщал, поэтому им не пришлось симулировать горе. К тому же у Мещерских изъяли сертификат на два миллиона, пообещав его когда-нибудь отдать. Я бы на их месте тоже обиделся. Перестарался брат нашего Ивана Павловича, которому поручено выправить ошибки. Вам обо всем сообщили для сведения. После того как возьмем власть, третий объект нужно убирать. Оставим только охрану и уголовных, распустим часть рабочих, а всех остальных переведем туда, где будут возможности развернуть масштабные работы, сохранив при этом секретность. Понятно, что перед этим полностью определимся с Мещерским, чтобы не осталось ни малейших сомнений.

— Алексей, к тебе пришли, — из-за двери позвала мама.

— Сейчас узнаю, кому я нужен, — сказал я сидевшей за пианино Вере и вышел из нашей музыкальной комнаты.

Пришедших, а точнее приехавших на «форде», было трое: незнакомый мне мужчина лет пятидесяти, с приятным лицом и два рядовых нашей охраны.

— Возьмите и распишитесь, — сказал мне мужчина, отдавая пакет и раскрытую тетрадь.

— Подождите, — ответил я, — сейчас хоть посмотрю, за что расписываюсь.

Во вскрытом пакете лежали бумаги с цветными гербовыми разводами и иероглифами. Присмотревшись, я нашел на них английский текст. Так, сертификаты нам вернули.

— Писем не передавали? — спросил я, ставя роспись в его тетради.

— Есть письма, — ответил он. — Сейчас вам отдам. А это аппарат звукозаписи. Для вас гораздо удобнее будет магнитный, поэтому его и передали. Если нужно, записи потом нетрудно перенести на пластинки. Всего хорошего!

Они сели в свой форд и уехали, а я взял в одну руку бумаги, а в другую — тяжеленный чемодан с эбонитовой ручкой и вошел в дом.

— Что это у тебя? — спросил встретивший меня в коридоре отец.

— Это наши деньги, — ответил я, отдавая ему пакет, — а это письмо от Катерины. Вряд ли нас будут водить за нос, но ты все-таки проверь, она его писала или нет. А с остальным буду сейчас разбираться.

— Почта, — сказал я жене, заходя в бывший кабинет. — Это от отца, а это от брата.

— Наконец-то! — воскликнула она, взяв у меня конверты. — Не могли ответить раньше. А что это за чемодан?

— Судя по словам того, кто мне его вручил, это магнитофон. Интересно, что в нем, если такой неподъемный?

Я положил аппарат на столик, открыл замок и откинул крышку. Оказалось, что это на самом деле чемодан, а магнитофон был гораздо меньше. Остальное место занимали бобины с лентой. В отдельном кармашке лежали квадратный микрофон со шнуром и книга с описанием. Прежде чем заняться самим аппаратом, я внимательно прочитал инструкцию и посмотрел электрические схемы, которые были вшиты в самом конце. К моему удивлению, магнитофон оказался вполне приличным: судя по схеме, в нем даже было высокочастотное подмагничивание. Лента была бумажная с красноватым магнитным покрытием. Я установил одну бобину, включил магнитофон и, следуя инструкции, записал свой голос. Получилось довольно похоже. Вряд ли бобины хватит больше чем на пару песен, но для нас их не пожалели и положили целый десяток. Лишь бы она не рвалась.

— Что пишут родные? — спросил я у почему-то притихшей жены.

— У них все в порядке, — ответила она. — Только непонятно как-то написано.

— Можно почитать? — спросил я и прочитал письмо от Николая Дмитриевича.

Несомненно, писал он, но я сразу понял, что ее смутило. В одном письме было столько нежных слов, сколько он вряд ли говорил дочери за год. Им запретили писать о наших похоронах, они и не писали, но письма были пропитаны нежностью и любовью.

— Все нормально, — сказал я, возвращая ей письмо. — Просто соскучились. Нам сегодня вернули документы по японским вкладам и выполнили остальные мои условия, а это значит, что конец свободе!

— Ты же все эти дни понемногу печатал, — сказала жена.

— Этого хватит на два дня, а потом нужно опять стучать одним пальцем. Но теперь у нас есть магнитофон и можно записать нашу первую разученную песню.

Первой нашей песней была песня «Ах, если б жить» из репертуара Киркорова, которую мы пели в два голоса. Получилось здорово, но в записи, конечно, будет уже не то.

— Хорошо, — сказала Вера, мечтательно глядя в потолок. — Песню разучили, и ее уже можно записать, письма такие получила, как будто побывала дома... Если бы еще ты не приставал со своей борьбой, было бы совсем хорошо!

— Совсем хорошо — тоже нехорошо, — сказал я. — Счастья не должно быть слишком много, иначе его никто не оценит, а поэтому бросаем музыку и идем заниматься борьбой! Где наши кимоно?

Борьбой пока назывался комплекс упражнений, который я разработал для своей

благоверной. Мышцы у нее напоминали кисель, а с растяжками было немного лучше. Я поставил историческую задачу — за два месяца привести ее тело в порядок.

— Куда такое годится? — вопрошал я, задрав ей блузку. — Посмотри на себя в зеркало. Замечательная фигурка, на которую не реагирует только покойник, но где мышцы? Живот плоский только пока не поешь, а потом вываливается брюшко! И на боках уже начало что-то нарастать, и это не мышцы, а жир. Ешь ты не намного меньше меня и при этом совсем не двигаешься. Всю работу по дому делают другие, а ты только весь день валяешься в кровати или где-нибудь сидишь. Знаешь, во что ты превратишься через десять лет, если не умрешь от родов?

— Это почему я должна от них умирать? — вскинулась она.

— Потому что дохлая! — припечатал я. — Хорошо развитое тело — это в первую очередь здоровье! К тому же борьба и в жизни не помешает, особенно та, которую я тебе дам. Сильная и умелая женщина завалит и трех мужиков, если у них нет ничего, кроме силы.

Насчет трех я немного загнул, но сам как-то видел, как одна невысокая, но накачанная, девушка отметелила двух приставших к ней немного подвыпивших парней. Мне доставило удовольствие смотреть на то, что она с ними вытворяла.

Жена вздохнула, закрыла крышку инструмента и пошла переодеваться. Занимались мы два раза в день минут по сорок. Закончив, я переоделся, положил в папку половину отпечатанных впрок листов и пошел отдавать их Фролову.

— Здорово! — обрадовался он, забирая у меня работу. — Закончилась забастовка? Все сделали, что вы требовали?

— Куда они денутся, — скромно сказал я, шаркнув ножкой.

— Артист, — сказал он. — Вам хорошо, потому что единственный и незаменимый. С другими здесь так не носятся. Смотрите, Алексей, похвастаю.

— Что это? — спросил я, рассматривая отданный в мои руки предмет.

— Как что? — удивился он. — Это мы на скорую руку слепили транзистор. У выводов есть маркировка, чтобы не запутаться. Большой, но это только пока. Сделали вчера в конце дня, а сегодня сняли все характеристики. Работает!

— Поздравляю! — искренне сказал я. — Он у вас больше похож на дикую грушу, поэтому я не догадался. Ничего, придет время, будете делать размером со спичечную головку.

Я отдал ему исторический транзистор, первый в этом мире, и пошел домой. Не доходя до него сотни шагов, стал свидетелем трогательной сцены: моя сестра шла из гимназии в сопровождении здорового парня, который нес два ранца, ее и свой. Я подождал, пока они попрощаются и Ольга зайдет в дом, а потом вошел следом за ней. Попутно осмотрел парня, который мне понравился.

— Оля, — окликнул я сестру. — Давай, наверное, присоединяйся к нам. Позанимаешься, и сразу появятся силы носить свой ранец.

— Еще чего! — задрала она нос. — А вы тогда для чего?

— Симпатичный парень, — сказал я. — Был бесхозный или у кого-то отбила?

— Я на такой вопрос отвечать не собираюсь! — ответила она и заскочила в свою комнату.

Да, подросла сестренка. Еще год-два и выйдет замуж. Хорошо хоть, что перестала на меня злиться. До ужина был еще час, и я решил потратить его с толком и хоть немного постучать по клавишам. Нудная работа, которую немного скрашивало рисование

иллюстраций.

День проходил за днем без особого разнообразия. Печать, спортивные занятия и музыка. Иногда мы ходили в гости, несколько раз я пригласил Фролова с женой и еще одного ученого, с которым близко сошелся, — Вадима Горелого. Он был неженатый, поэтому приходил один. Первый раз мы просто болтали и недолго посидели за столом, а во второй мы позвали своих гостей в музыкальную комнату и исполнили им четыре разученные песни.

— Теперь я понимаю, о чем вы говорили, — ошеломленно сказал мне Владимир. — Это немного чуждо и необычно, но прекрасно и хватает за сердце.

— Да, у нас так не поют, — подтвердил Вадим. — Если появятся ваши пластинки, в лепешку разобьюсь, но достану! Наверное, нас скоро отсюда вывезут, потому что мы выполнили свою задачу, а здесь все делалось под нее. Заниматься другими исследованиями неудобно, из-за что нет ни оборудования, ни нужных специалистов. Да и станочный парк здесь небольшой. Лишь бы все получилось, и не было большой войны!

Идущий по коридору дворца гоф-интендант Аксель Георгиевич Бонсдорф остановился и принюхался. В коридоре явственно пахло дерьмом. Поблизости были расположены туалеты, которыми пользовались слуги и охрана, поэтому он поспешил к ним. Император здесь обычно не появлялся, тем более с утра, но все равно... На его памяти подобного безобразия не случилось ни разу. Услышав за одной из дверей громкие мужские голоса, он ее распахнул. Запах ударил в нос, заставив поморщиться.

— Что у вас случилось, Малахов? — спросил он у одного из двух стоявших возле умывальника мужчин.

— Сейчас все сделаем, господин барон, — почтительно ответил тот.

— Как же я один это сделаю? — чуть не плача, сказал другой мужчина, одетый в рабочую спецовку. — Забился стояк, а я его сам не прочищу! Я уже пробовал, но забито намертво! Ума не приложу, как это могло случиться...

— Не понял! — поднял брови гоф-интендант. — Почему один? Где наши остальные сантехники?

— Самсонов и Федоров почему-то не вышли на работу, — ответил Малахов, — а Иванов два дня назад заболел. Я послал машину, вот-вот должна приехать...

— Это ваши сложности, — сердито сказал гоф-интендант. — Меня не интересует, как вы это сделаете, но чтобы этой вони не было!

— Я не хотел говорить, но чего уж сейчас... — нерешительно сказал сантехник. — Не привезет их ваша машина. Оба вчера малость перебрали и с кем-то повздорили...

— Вот подлецы! — зло сказал Малахов. — Мне ведь никто не позволит везти сюда непроверенных рабочих! Может, обойдешься не сантехниками, а кем-нибудь другим?

— Павел Максимович, ну как я обойдусь? — запаниковал сантехник. — Трос не идет, поэтому здесь все нужно разбирать! Я вам и с другими сделаю, но сколько на это уйдет времени?

— Стойте здесь и нюхайте! — зло сказал гоф-интендант. — Сейчас позвоню, чтобы доставили двух рабочих, а своих пьяниц уволите сами!

Он вышел из туалетной комнаты, хлопнув дверью, и поспешил в свой кабинет. Сев за стол, первым делом снял трубку телефона и набрал номер надворного советника барона Кусова, ведавшего безопасностью кадров всех императорских дворцов.

— Александр Иванович, это говорит Бонсдорф. Мне срочно нужна ваша помощь.

— Всегда готов помочь, — услышал он в трубке голос барона. — В чем у вас нужда?

— У меня в Александровском забились канализация и скоро провоняется весь первый этаж...

— Это немного не по моей части, — хохотнул в трубку барон.

— Вы смеетесь, а мне не до смеха, — обиделся Бонсдорф. — Между прочим, в моей беде есть и ваша вина. По представлению вашего делопроизводства месяц назад уволены два сантехника. Я не знаю, в чем вы их заподозрили, но почему до сих пор нет замены?

— Кандидатуры подобраны, сейчас их проверяют, — ответил Кусов. — А почему такая спешка? У вас ведь еще остались работники.

— Один заболел, а двое нажрались. Теперь и их нужно увольнять, а я не могу этого сделать, пока вы мне не подберете замену!

— Конечно, я вам помогу, — пообещал Кусов. — Двух сантехников вам хватит? Вот и хорошо. Сейчас пошлю за ними своих людей в Зимний дворец. С моими людьми гренадеры их пропустят. Я посмотрю, в чем там задержка по вашим рабочим, думаю, скоро вы их получите.

Довольный Бонсдорф поблагодарил и положил трубку на рычаг, а закончивший разговор полицейский дал отбой и набрал другой номер.

— Валентин, — сказал он в трубку, — все готово, можете начинать.

Полчаса спустя в коридоре Александровского дворца, где находилась злополучная туалетная комната, появились двое рабочих и сопровождавший их полицейский с погонями армейского штабс-капитана. Ждавший их возле двери Малахов замахал руками.

— Быстрее, пожалуйста! — поторопил он рабочих и добавил для полицейского: — Здесь много работы, поэтому вы можете не ждать. Я сам распоряжусь, чтобы сантехников вернули в Зимний.

Тот кивнул и ушел, а рабочие вместе с Малаховым скрылись за дверью.

— Наш сантехник уже начал там все разбирать, — сказал Малахов приехавшим, показав рукой на дверь, за которой находились кабинки. — Инструмент...

Он замолчал и упал на кафельный пол. Убивший его «сантехник» убрал финку и взял тело под мышки. Его напарник открыл дверь в комнату с кабинками и первым в нее вошел.

— А, помощь! — довольно сказал работавший сантехник. — Вы кстати, мне одному...

Получив удар по голове, он потерял сознание и упал на разложенные инструменты. Ударивший его «сантехник» схватил пострадавшего за одежду и оттащил к стене, возле которой уже лежало тело Малахова. Оба прибывших быстро сняли мешковатые спецовки, под которыми оказались прекрасно сшитые костюмы, и протерли ими туфли.

— Документы не забыл? — спросил напарника тот, который был выше.

— Все забрал, — ответил низкий. — Зря ты с ним возишься, только зря теряем время!

— Сколько там того времени, — проворчал высокий, закончил вязать руки сантехнику и засунул ему в рот кляп, свернутый из валявшейся на полу ветоши.

Когда он закончил, оба вышли в безлюдный коридор и пробежались до нужной лестницы. Дальше просто быстро шли в ту часть дворца, где был кабинет императора. Время было выбрано идеально: в десять утра Алексей Николаевич обычно работал у себя в кабинете, а в коридорах дворца почти никого не было. «Сантехники» встретили только двух куда-то спешащих слуг, не обративших на них никакого внимания. У дверей в приемную стоял караул из двух дворцовых гренадеров, которые не успели отреагировать на действия идущих по коридору мужчин. Они получили по одной отравленной игле в лицо и молча упали на застеленный ковровой дорожкой пол. Один из убийц с духовой трубкой вошел в приемную, а второй сразу же вслед за ним потащил туда же одного из гренадеров. В большой приемной находился один адъютант, который сейчас лежал у своего письменного стола и судорожно скреб руками пол. Бросив гренадера, убийца поспешно выбежал за вторым. Все это заняло всего секунд десять, и за это время в коридоре никто не появился. Когда высокий затащил второе тело, низкий достал из-за пояса револьвер, рывком открыл дверь в кабинет и бросился к столу с сидевшим за ним императором. Закрытая им дверь приглушила выстрелы, которые в коридоре вообще не были слышны.

— Кончил? — спросил высокий вернувшегося напарника.

— Мог бы и не спрашивать, — ответил тот, перезаряжая револьвер. — Разделяемся. На мне его жена, а ты займешься щенками. Уходим порознь.

С детьми все прошло быстро и без сложностей. Детские комнаты не охранялись, а сами дети пришли в них после завтрака и потом никуда не отлучались. Обе великие княжны сидели на кровати в комнате младшей и смотрели книгу. Они с удивлением посмотрели на вошедшего в комнату мужчину и получили каждая по игле. Цесаревич, которому исполнилось тринадцать лет, был самым старшим из детей императора. Он успел понять, что от ворвавшегося в его комнату мужчины ничего хорошего ждать нельзя, но смог только уклониться от первой иглы.

С императрицей вышло хуже: в ее комнатах никого не было. Чертыхнувшись про себя, низкий вспомнил инструкцию и поспешил к комнатам фрейлин. На этот раз ему встретились не одни слуги, кто-то даже хотел заговорить, но он эту попытку проигнорировал. Отсчитав нужную дверь, он ее распахнул и довольно улыбнулся. Его не обманули, и императрица была в комнате фрейлины, с которой была дружна. За эту дружбу девушке пришлось заплатить жизнью. Дело было сделано, и нужно было уходить, но убийцы уже растратили все отпущенное им везение. Кто-то обнаружил отсутствие караула, заглянул в приемную и поднял тревогу. Добраться до комнаты, в которой для них были сложены нужные для ухода вещи, не получилось. В конце коридора появились гренадеры в их расшитых красным и желтым мундирах, а позади послышался топот ног и чей-то властный голос приказал бросить оружие и сдаваться. На первом этаже захлопали выстрелы, видимо, напарнику тоже не повезло. Ничего, главное дело в своей жизни они уже сделали. Достав револьвер, он успел два раза выстрелить в гренадеров. Второй раз на спусковой крючок нажал палец уже мертвого человека.

Было еще только третье декабря, а нас уже завалило снегом. Второй день за окнами мела пурга. Смотреть на бешено летящий и кружащийся снег можно часами при условии, что ты сидишь дома и смотришь в окно. Пребывание по другую сторону оконного стекла не вызывало никакого удовольствия. Вчера еще было терпимо, а сегодня к снегу и ветру добавился сильный мороз. Я позвонил Владимиру и сказал, что сегодня не приду. Если сильно нужно, пусть приходят за моей работой сами.

— С ума сошел? — спросил я ввалившегося к нам полчаса спустя Вадима. — Ты похож на снеговика. Я не думал, что кого-то из вас принесет, иначе пришел бы сам!

Вот уже месяц, как я с Владимиром и Вадимом в личном общении перешел на ты. Приятелей было много, но их я уже мог назвать друзьями. А теперь получилось так, что я выгнал Вадима в непогоду вместо себя.

— Ничего страшного, — ответил он. — Для меня, в отличие от тебя, такая погода привычна. И у меня в твоей работе личный интерес, поэтому не терзайся угрызениями совести, а давай сюда бумаги! Во что это ты вырядился?

— Японская одежда для борьбы, — ответил я. — Называется кимоно.

— И твоя жена такое надевает? — не поверил он.

— Моя жена надевает то, что нравится мне, — нравоучительно сказал я. — Ты будешь раздеваться или сразу уйдешь?

— Давай бумаги, — повторил он. — Меня с ними ждут. Если приглашаешь, прибегу вечером.

Я сходил за папкой, отдал ее Вадиму и вернулся в гостиную, где меня ждала жена.

— Не мог быстрее? — недовольно спросила она. — То сам подгонял, а теперь сам же и расхолаживаешь!

Она два месяца занималась своими упражнениями, в том числе и с гантелями, а потом я к ним добавил борьбу. За месяц занятий кун-фу мастером не станешь, но я научил ее правильно падать, всем стойкам и передвижениям. Заниматься она по-прежнему сильно не рвалась, но уже и не отлынивала. Кисель превратился в не очень большие, но крепкие мышцы, а и без того красивая фигура стала такой, что меня на занятиях спасало только ее мешковатое кимоно. Я сам за полгода занятий сильно оброс мясом и раздался в плечах. Мое кимоно ее тоже спасало, но когда на нас ничего не было, мы друг от друга сходили с ума. В прежней жизни я тоже любил жену, но такого безумства у нас никогда не было.

— Не шуми, я и так все сделал быстро, — отозвался я. — Скажи спасибо, что Вадим сбегал вместо меня. Так, отставили разговоры. Куда бить, ты уже выучила, а сейчас будем разучивать простые связки. Простые они только по сравнению с другими, так что настраивайся на тяжелую работу.

Оставшееся время занятий пролетело незаметно. Закончив, мы по очереди сходили в душ, после чего вернулись в гостиную и устроились в креслах возле радиолы.

— Выключи ты этот приемник, — сказала жена. — Все равно в новостях одна ерунда. Давай просто поговорим. Ты все время в делах, а говорить с тобой в кровати у меня не получается. Сначала не до разговоров, а потом уже ничего не хочется.

— Я приглушу. Можно будет одним ухом слушать тебя, а вторым — приемник. Я не Гай Юлий Цезарь, который мог одновременно делать три дела, но на два моих способностей хватит.

— Мы отправили свои песни, а нам до сих пор ничего не ответили. Как ты думаешь, почему?

Месяц назад я передал четыре бобины с двенадцатью записанными песнями, которых хватило бы на три пластинки, но ответа пока не было. Репетиции продолжались, но жена начала доносить такими разговорами.

— Что ты от меня хочешь услышать? — сказал я. — Руководству сейчас не до нас с нашими песнями, да и потом они не будут этим заниматься. Отдали кому-то из исполнителей, а пока те еще прокрутят! Даже если приняли в какой-нибудь компании, то поставили в очередь, а времени прошло немного. Захотелось славы? Так на пластинках все равно не будет фамилии, только имена. Вот после победы ты прославишься. Мало того что из знаменитой семьи князя-террориста, который, не щадя живота, боролся с иностранцами, так еще и воскресла, как птица феникс из пепла. А когда узнают, что это ты очаровала всех своим пением, не дадут прохода.

— Ты все шутишь, — вздохнула она, — а я беспокоюсь не из-за славы. Просто хочу, чтобы наши песни слушали и пели другие.

— Совсем не хочешь известности? — не поверил я.

— Самую капельку, — призналась она, — но пою я не из-за славы.

— Подожди! — остановил я ее, делая громче звук. — Только что сказали, что сейчас с важным сообщением выступит канцлер.

Сразу же после убийства семьи императора Братство принялось выполнять план захвата власти. Боевым отрядом было занято Министерство внутренних дел, а граф Апраксин, арестовав министра, занял его место. Поскольку на ключевых постах в департаменте полиции сидели его люди, какого-то существенного противодействия этому захвату не было. То же самое произошло и в Военном министерстве, но в нем место арестованного министра

заял сочувствовавший Братству начальник Генерального штаба генерал от инфантерии Александр Дмитриевич Шуваев. Все остальные министры тоже были задержаны и помещены под крепкую охрану. Канцлера задержали, когда он примчался в Александровский дворец.

— Что это значит? — возмущенно спросил он у осуществлявшего задержание офицера.

— Вам все объяснят, — невозмутимо ответил тот. — Прошу сесть в нашу машину. Поверьте, князь, не стоит нас вынуждать прибегать к силе. Результат будет тем же самым, а вот отношение к вам — совсем другим.

Почти сразу же взяли контроль над Центральным телеграфом, Центральной телефонной станцией и станцией правительственной радиосвязи. Собственные возможности Братства были ограничены, поэтому для арестов среди чиновников использовали департамент полиции. Пока арестовывали немногих, в первую очередь принятых на службу за последние полгода иностранцев. Великий князь Михаил Александрович уже тридцать лет вместе со всей семьей жил в Германии, и по ряду причин никого из них не стали трогать. Семьи дочерей вдовствующей императрицы тоже не представляли опасности для заговора, а ее саму взяли под негласный контроль, чтобы позже отправить в ссылку. Задержанного канцлера привезли в Министерство внутренних дел к Апраксину. Разговор между ними состоялся в кабинете нового министра.

— Здравствуйте, Николай Дмитриевич! — привстав из-за стола, поздоровался Апраксин. — Присаживайтесь, у нас с вами будет разговор не на пять минут.

— Злодейское убийство императора и его семьи — ваших рук дело? — спросил канцлер.

— Помилуйте, князь, — усмехнулся Апраксин. — Разве я похож на убийцу? Я даже вас не убил, хотя очень хочется. Сдерживает лишь то, что есть надежда вас использовать, да еще жалко ваше семейство. Сколько у вас детей, не считая внуков? По-моему, семь. И жена-француженка, которая вряд ли вынесет сибирские морозы. А императора я не убивал, в чем могу вам поклясться. Он был застрелен фанатиками из социал-демократов. Глупо было это не использовать, мы и использовали.

— Мы? — спросил канцлер.

— А вы думали, я такой один? — засмеялся Апраксин. — Нет, Николай Дмитриевич, нас много! В нашем Совете заседает и ваш брат Александр. Это в немалой степени способствовало тому, что вас привезли сюда, а не за город, чтобы потом где-нибудь закопать. Вы не заслужили ничего другого за вашу деятельность на посту канцлера!

— И в чем меня обвиняют? — спросил канцлер.

— Вы же умный человек! — сказал Апраксин. — Прекрасно понимали, к чему все идет, и всячески этому способствовали!

— Обвинять легко! — рассердился канцлер. — Вас бы на мое место!

— Мне и на моем неплохо! — отставив показную веселость, жестко сказал Апраксин. — Каждый из нас сам выбирал свое место, князь! У меня не так уж много времени, чтобы вас уговаривать. Или вы едете с моими людьми на радиостудию и зачитываете написанное нами обращение к народу, или уже сегодня вместе с женой будете высланы очень далеко! И ссылка у вас будет бессрочной. А с вашими детьми еще будем разбираться, пока просто не до них.

— А если прочитаю? — спросил канцлер.

— Ваших детей не тронут, а вас сошлют не так далеко и ненадолго. Как только мы

разберемся с делами, вам разрешат вернуться. И о ваших делах в печати ничего не дадим, чтобы не позорить род Голицыных.

— Что нужно читать?

— Можете ознакомиться, — сказал Апраксин, протягивая канцлеру бумагу с текстом обращения. — Читать нужно слово в слово с подходящим для фраз выражением! Ваше выступление сначала запишут, а потом выпустят в эфир.

— Вы сошли с ума! — потрясенно сказал канцлер, прочитав обращение. — Меня обвиняли, а сами хотите уничтожить империю! Нам этого никогда не простят! Армия слаба и быстро ее сильной не сделаем! А если бы такое и можно было сделать, что мы сможем противопоставить объединенной силе европейских государств? Понятно, почему вы выбрали зиму, но это только даст отсрочку на несколько месяцев! Кого вы хотите возвести на престол?

— Владимира Андреевича Оболенского, — ответил Апраксин.

— Хорошая кандидатура, — согласился канцлер. — Ладно, текст я прочитаю, вы мне просто не оставили выбора. Я бы вам посоветовал выбросить этот абзац, если бы не понимал, что это бесполезно. Когда мне ехать?

В это же время граф Шувалов разбирался с министрами, собранными в одной из комнат для совещаний Мариинского дворца. Они здесь были все, кроме министров внутренних дел, Императорского Двора, Военного и Морского министерств.

— Господа! — сказал им Шувалов. — Довожу до вашего сведения, что наш император сегодня убит социал-демократами. Да, они еще уцелели и не оставили старых замашек. Вместе с императором погибла и вся его семья. Честно говоря, мне не жалко императорскую чету, а вот их дети пострадали безвинно.

— А в чем виноват государь? — спросил министр путей сообщения.

— Задавая этот вопрос, Петр Ильич, вы или лукавите, или, что хуже, на самом деле ничего не знаете. Но в последнем случае вам место не в вашем министерстве, а в каком-нибудь депо. Вас бы, кстати, куда-нибудь туда и отправили. Вашим товарищем, если я не ошибаюсь, был арестованный нами немец. За год он бы вошел в курс ваших дел, а потом вас бы просто убрали. И такая же судьба ждала каждого из вас. Империя нам и так почти не принадлежит, а скоро убрали бы и видимость государственности. Сейчас вам всем раздадут бумаги, с которыми нужно хорошо ознакомиться. В них в сжатом виде описано реальное состояние нашей промышленности, финансов и всего остального. Там же есть программа, которой мы будем придерживаться в управлении империей. После прочтения каждый из вас должен решить, с нами он или хочет уйти отсидеться в стороне. Сразу предупреждаю о двух вещах. Во-первых, отсиживаться придется далеко и вместе со всей семьей, а во-вторых, в случае согласия товарищами вам будут назначены наши люди. Пока не докажете делом, что вам можно доверять, работать будете под контролем.

С полчаса девять сидевших за столом мужчин внимательно читали выложенные перед ними тонкие стопки отпечатанных листов, потом задвигались, переговариваясь с соседями.

— Минуточку внимания! — поднял руку Шувалов. — Сейчас вы будете решать, можете даже поговорить между собой, а я пока поговорю с обер-прокурором Священного Синода. Давайте, Николай Алексеевич отойдем, чтобы никому не мешать.

Князь Шаховский выбрался из-за стола и вместе с Шуваловым отошел к одному из окон.

— Мне нужно, чтобы вы срочно съездили в Синод, — сказал Шувалов, — поэтому у вас меньше времени на размышления, чем у остальных.

— С чем мне ехать? — спросил семидесятилетний князь.

— С этим обращением. Можете его сейчас не читать, сделаете это по пути в Синод. Здесь то, что вы уже прочитали, только очень кратко. Это запечатанное письмо отдадите Святейшему. Вот перечень членов Синода, в поддержке которых мы уверены. Постарайтесь добиться поддержки остальных. Наше поражение — это их гибель, они это должны понимать.

— Сделаю все, что в моих силах, — пообещал Шаховский. — Я долго этого ждал и уже не думал, что дождусь.

Закончив с министрами, никто из которых не выразил желание уезжать в ссылку, Иван Павлович подошел к телефону и позвонил Вяземскому.

— Что вы решили с главами фракций, Борис Леонидович? — спросил он.

— Они решили устраниваться, — засмеялся Вяземский. — Я ничего другого не ожидал. Предложил нас поддержать или уйти в бессрочный отпуск. Было еще предложение распустить их совсем, но на это не пошли. Я им даже обещал частично сохранить денежное содержание. Теперь будут торговаться.

— Лучше им платить за отсутствие, чем за работу, — согласился Шувалов, — Практически все думцы куплены, а продажный человек редко бывает смелым. Ну что, мы с вами почти все сделали по первому плану. Остались мелочи, которые за неделю доделают другие.

— Есть еще два плана, — вздохнул Вяземский. — И нужно готовить земский собор. Сейчас поработаем с газетчиками и запустим наши программы на всех радиостанциях. Нельзя допустить никаких случайностей.

— Ну вот и случилось, — сказал я, снова приглушив звук. — Канцлера, конечно, использовали. Не удивлюсь, если он читал это обращение под дулом пистолета.

— А мне жалко княжон, — грустно сказала Вера. — Очень славные девочки. Мне и цесаревича жалко, но там хоть понятен мотив убийства, а этих-то за что? Династия все равно считается по мужской линии, а после земского собора это вообще не будет иметь значение.

— Мне тоже жалко, — согласился я, — но примерно представляю, кто их пошел убивать. Жизнь этих людей не пожалела, и они никого жалеть не станут. Они были смертниками и понимали, что шансов уйти почти не будет. Да и не дали бы им это заговорщики. Они не только нас подставили, этих тоже. Убийство целой семьи, как его ни оправдывай, все равно вызовет неприязнь к тем, кто это сделал. Зачем им самим пачкаться? А для нас главное, что мы сможем отсюда уехать. Пойду расскажу родителям и Ольге.

Отец отреагировал на мое сообщение спокойно, а вот мама заплакала. Я передал, что обращение скоро должны повторить, и они сели его ждать возле радиолы. Ольга была влюблена, и ее очень мало интересовало все, что не касалось ее друга, поэтому она к моей новости осталась равнодушной. Друзьям я звонить не стал: придут домой и сами узнают. Во многих семьях приемники по вечерам не выключали, а новость была такая, что ее трудно пропустить. Следующие несколько дней наш городок бурлил, но потом все как-то успокоилось. Многие жившие в нем люди приехали сюда по собственной воле и отдали годы жизни для того, чтобы случившееся стало явью, но почти никто не выражал радости. Преобладающими чувствами были озабоченность и страх. На второй день после сообщения отец немного простыл, и мама не пустила его к профессору Суханову. Я давно не был у Дана

Евгеньевича, поэтому выбрал время и сходил к нему вместо отца. Старик мне обрадовался.

— Хорошо, что вы зашли, Алексей! — сказал он, усаживая меня пить горячий чай. — Одному как-то тоскливо, особенно после сообщения.

— А почему вы так восприняли это известие? — спросил я. — Половина вашей жизни...

— Вы еще мальчишка, Алексей, — сказал он. — Берите малиновое варенье, меня им недавно угостили. У вас есть знания и опыт чужой жизни, но мозги и тело принадлежат юноше, и это оказывает свое влияние. Вы не всегда можете правильно использовать полученное богатство или делаете это уже задним числом. Может быть, для вас это и неплохо. Мудрый и предусмотрительный юнец — это ненормально. Таким нужно быть не в начале пути, а к концу. И у вас это будет, просто раньше, чем у других. Вот вы спрашиваете, почему я не радуюсь. А чему мне радоваться? Человек, знаете ли, очень противоречивое существо. Я мечтал сделать дело и вновь обрести свободу, а для чего она сейчас? Единственный сын давно умер, и я даже не знаю, где его могила. А могила моей жены здесь. Здесь и дом, в котором для меня все знакомо и связано с моей Ниной. Куда мне ехать и зачем? В Питер? Кому нужен воскресший из мертвых старик? Я даже нашим хозяевам уже не нужен, потому что голова соображает плохо, а скоро не будет соображать совсем. Что поделаешь, годы! Они меня, конечно, не оставят своим вниманием. Многие из членов Совета не чужды благодарности, к тому же я слишком много знаю. Я все чаще думаю, что самым лучшим выходом для меня было бы принять одно из моих изобретений. Быстро, безболезненно и никому никаких хлопот. Останавливает вера. Не хотелось бы, знаете ли, гореть в аду вместе с остальными самоубийцами. Вы видели, чтобы в городке многие радовались? Удовлетворение есть, а радости нет. И этому много причин. Нет, смерть детей императора если и повлияла, то несильно. Просто для нас всех сейчас настанут тяжелые времена, и их нужно будет пережить. И многих угнетает та цена, которую за это придется заплатить европейцам. Мы все делаем правильно. Гибель сотен тысяч жителей Лондона, Берлина и других крупных городов позволит избежать страшной войны с миллионными жертвами. Но это рассудок и математика, а у нас еще есть чувства. Ваша матушка плакала из-за смерти княжон? Вот видите! А там таких детей будут тысячи! И какое дело этим детям до нашей математики, если мы отнимаем у них жизнь? Никому из европейцев не нужна наша правота, потому что для каждого человека своя рубашка ближе к телу. И ведь отравленные будут не единственными жертвами! Выгоните в поле миллионы людей, да еще в условиях пусть и мягкой, но зимы. И большая часть транспорта и запасов тоже останется в залитых отравой городах. Конечно, отравы там будет не так уж и много, и многим смогут воспользоваться, если удастся навести порядок. А это будет нелегко сделать! Это вражда на поколения. Вы пейте чай, а то остынет.

— Но вы ведь уедете вместе со всеми? — спросил я.

— А куда я денусь? — ответил он. — У меня готовят и убирают проходящие девушки, сам я теперь способен разве что заварить чай. Нет, один я здесь не останусь. Этот городок, Алексей, очень удобное место. В нем есть все для жизни, кроме свободы. Сейчас будут проводить чистки, в первую очередь в центральных губерниях. Кто-то дослужился до тюрьмы или до каторги, но будут и такие, которых посчитают полезными, но на время изолируют. Так вот, городок — это идеальное место для такой изоляции. Но мне жить среди таких... Если не задушат, сдохну от одиночества, да и не позволят. Я сдружился с вашим отцом, поэтому куплю себе квартиру где-нибудь поблизости от вас. Не откажете от дома

болтливому старику?

— Ну что вы такое говорите! — сказал я, встал из-за стола и обнял его за плечи.

Он прослезился, поэтому пришлось успокаивать и задержаться дольше, чем я рассчитывал. Когда вернулся домой и вышел из прихожей в коридор, услышал доносившуюся из гостиной музыку и пение. Пел я с Верой песню «Мы желаем счастья вам». Бобину с записью мы отправили, поэтому это могло быть только радиопередачей. Я поспешил в гостиную и увидел у радиолы плачущую Веру.

— Почему ты плачешь? — сказал я, обняв прижавшуюся ко мне жену. — Надо не плакать, а радоваться!

— Я так радуюсь, — шмыгнув носом, ответила она. — Когда плачешь, легче переносятся и горе, и радость.

— Глупенькая! — сказал я. — Радость нужно не переносить, с ней нужно жить! Передали только эту песню?

— Не знаю, — ответила Вера. — Я только что включила и сразу на нее попала. Сказали, что передают запись новой пластинки «Алексей и Вера. С любовью к вам». Как ты предложил, так и написали.

Посол Великобритании в Российской империи граф Малмсбери и так в последние дни был взвинчен до предела, а тут еще приезд главы российского департамента Форин Оффиса графа Чарлза Девона. Мало того что предстояло оправдываться и выслушивать нотации, так еще от мальчишки, которому не исполнилось тридцати лет!

— Я не принимаю ваших претензий, граф, — с раздражением сказал он гостю. — Мы здесь не у себя дома и проводили свои планы, опираясь не на сотрудников посольства, а на местную элиту и агентуру разведки. Большую помощь оказывали те, кто вел здесь торговлю наркотиками. И где все это теперь? Это Братство десятки лет работало под самым носом императора и его департамента полиции! Более того, как оказалось, этот департамент и был главной силой заговорщиков! За все это время мы не получили от своей агентуры даже намека на их существование. Недовольных в среде дворянства было много, но ни о какой организации речи не шло! Если не верите мне, спросите у генерала.

— По моей линии об этом ничего не было, — подтвердил сидевший здесь же военный атташе генерал-майор Альфред Ламберт. — Потрясающий пример конспирации. Взять под контроль всю полицию империи, а потом обезопасить себя с ее помощью. Они могли давно убрать императора, но тянули до последнего. Видимо, опасались того, что не удержат власть.

— А что не так с агентурой? — спросил граф Девон.

— Ее почти не осталось, — ответил генерал. — Мы могли в открытую действовать через министерства и окружение императора, поэтому не возникало большой необходимости в секретных агентах и их никогда не было много. Этого добра было достаточно у Бенсона, но он пропал вместе со всем своим окружением. Скорее всего, их взяли русские.

— Почему вы так думаете? — спросил граф Девон.

— Это напрашивается само, — ответил генерал. — У Бенсона уцелел один молодой человек, которого перед переворотом отправили в Москву. Вернувшись, он не нашел в их конторе ни людей, ни бумаг и попытался разобраться. Как я уже сказал, у них было много агентов, которые наверняка интересуют Братство, поэтому этот Грин начал с их проверки. Понаблюдав за двумя квартирами, он заметил в них посторонних людей и убрался от греха подальше под наше крыло. Русская полиция не применяет пыток при дознании, но у нее есть свои, достаточно убедительные методы. Если Бенсон или его люди попали в руки спецов третьего делопроизводства, они им все выложили. Мы, кстати, проверили склады с наркотиками. Они все под замком и охраняются солдатами. Моих людей завернули, не дав никаких объяснений. Они отменили закон о слабых наркотиках, но у поставщиков в Лондоне нет никаких официальных документов, мы это сразу проверили.

— Прошло целых две недели, а от вас было всего три донесения, — сердито сказал граф Девон, — и из них вообще трудно было понять, что здесь происходит!

— Нам надо было сначала разобраться самим, — пожал плечами посол. — Арестованы почти все, на кого мы опирались в своей работе, а немногие оставшиеся запуганы и мало что знают. Давайте я вам сейчас расскажу то, что удалось узнать, а потом зададите свои вопросы.

— Рассказывайте, — согласился граф.

— Начну с убийства императора, — продолжил посол. — У меня нет никаких сомнений в том, что его спланировали и осуществили боевики Братства, а погибшие социал-демократы только послужили им прикрытием. О том, что собой представляет Братство, говорить не буду: все это есть в моих отчетах. Сразу же после акции оказались изолированы все неудобные для заговорщиков фигуры, включая канцлера, некоторых министров и генералов, а также все наши ставленники в органах управления. Оставшиеся на свободе министры полностью контролируются Советом Братства. Их поддержал Священный Синод, а Думу фактически разогнали, хотя обещали выплачивать депутатам половинное содержание.

— И что дальше? — спросил граф Девон. — Я читал их обращение. Сначала все подумали, что заявление насчет долгов — это популистский жест, но они перестали выплачивать проценты по займам!

— Я все это время пытался встретиться хоть с кем-то из членов их Совета, — сказал посол. — То же самое хотел сделать Жорж Катру, но все наши попытки закончились безрезультатно. Нам прямо сказали, что не собираются вести переговоры до выборов нового императора. Земский собор соберут через две недели, а потом нужно будет ждать, пока император утвердит состав нового кабинета.

— Неужели нельзя узнать хоть что-нибудь частным образом? — спросил граф Девон. — Это же Россия!

— Кое-что я узнал, — ответил посол. — Они действительно хотят аннулировать все государственные долги, а частные признать, но при условии снижения процентной ставки с десяти до двух процентов. Это примерно треть от всех сумм, причем больше половины из них должны выплачивать выкупленные нами компании и банки.

— Нам же и расплачиваться? — удивился граф Девон.

— Вы еще не все слышали, — сказал посол. — Будет принят закон, согласно которому никто из иностранцев не сможет владеть любым производством или каким-то приносящим доход заведением, если сумма его оценки превысит миллион рублей. Он должен будет продать его или получить российское подданство. Подданство получить нетрудно, но в этом случае все налоги останутся здесь, да и перевод больших сумм за границу будет достаточно трудным делом. И еще одно. Если продать не получится, имущество выкупит казна с рассрочкой платежей на двадцать лет!

— Они сошли с ума! — воскликнул граф Девон. — Кто же на такое пойдет?

— Я не знаю среди них сумасшедших, — возразил посол. — Власть захватили талантливо. Я думаю, здесь другое. Никто не собирается платить, поэтому и делают предложения, которые мы не сможем принять. Мол, мы предлагали, а вы отказались. Отзовут свои предложения и все свалят на нашу неуступчивость.

— Я это уже понял, — сказал граф Девон, — не понял, как они собираются себя защищать. Только идиот может рассчитывать на то, что мы утремся и просто так отдадим деньги и имущество. По вашим отчетам, генерал, российской армии не существует! Или вы страдаете слепотой?

— У меня отличное зрение, граф! — ответил Ламберт. — По моим докладом численность российской армии составляла только пятую часть от того числа солдат, которое есть у союзных держав. У них в достатке стрелкового вооружения и довольно много артиллерии, но отсутствуют современные боевые самолеты, и почти нет танков. Но если мы дадим время, все это у них будет. Сейчас ведется мобилизация резервистов и, по моим

данным, к лету численность армии удвоится. На казенных заводах в пять раз увеличены заказы на вооружение и сейчас ведутся переговоры с частными компаниями. Оплачиваться все это будет из тех средств, которые они сейчас не выплачивают по займам.

— Значит, к лету их армия станет в два раза сильнее? — спросил граф Девон.

— Нет, — покачал головой генерал. — В современной войне главная сила — это не вооруженный винтовкой солдат, а тяжелые боевые системы, а у нас их будет в пять раз больше. Русские это прекрасно понимают, поэтому готовятся к позиционной войне. Об этом говорят их заказы. Заказываются много оборонительного оружия, в первую очередь — это мины. Здесь придумали очень эффективные спаренные зенитные пулеметы, которые могут причинить много вреда нашей авиации. Как удалось узнать, Военное министерство заказало беспрецедентно большое количество ручных и станковых пулеметов. Но чтобы нормально подготовиться и закрыть от нас свои границы, русским нужно не полгода, а лет десять. Они не глупее меня и должны это понимать, но демонстрируют непоколебимую уверенность в собственных силах. Это не может быть блефом, но пока не удалось узнать, что лежит в основе такого поведения.

— Что у них с этим земским собором? — спросил граф Девон. — Нельзя как-то помешать утверждению нового монарха?

— Некем мешать, — ответил посол. — Я рассчитывал на Бенсона, а теперь нет ни его, ни агентуры. У нас были связи с несколькими частными радиостанциями, но договориться не получилось. На станциях дежурит полиция, а хозяева напуганы. Фактически Братство через департамент полиции контролирует все радиостанции. С газетами контроль не такой плотный, но редакторы газет с большим тиражом строго предупреждены, да и цензоры не пропустят наши статьи. Население усиленно обрабатывают, Дума выведена из игры, а Священный Синод поддерживает кандидатуру Оболенского, поэтому я думаю, что его выберут без возражений. Плохо, что у нас нет своих станций на русском языке.

— Кто же знал, что так повернется? — сказал граф Девон. — При прежнем императоре в этом не было необходимости. Так, я не могу возвращаться с пустыми руками. Меня сначала разорвут держатели русских ценных бумаг, потом нужно будет объяснить владельцам кокаиновых плантаций и фабрик, почему они не получают прибыли, а напоследок соберутся главы тройственного союза. Если с меня до этого не снимет шкуру кто-то другой, это сделают они. Все отношения между нами основаны на разделе этих территорий, поэтому либо мы выполним намеченное, либо союз распадется!

— Об этом могли бы и не говорить! — сердито сказал посол. — Вы можете что-нибудь предложить?

— Если они не дураки, то должны усилить контроль границы, — задумался граф Девон, — хотя, когда я ее пересекал, этого не заметил. Но везти через границу опасные грузы сейчас слишком рискованно. У вас есть возможность достать стрелковое оружие? Хотя что-нибудь, чтобы стреляло, но его нужно много.

— Могу попробовать, но ничего не обещаю, — сказал генерал. — Расскажите, для чего оно вам, мне будет легче работать.

— Используем поляков, — объяснил граф. — Нам нужны беспорядки на русско-германской границе. Поляки не любят русских и охотно пустят им кровь. Организуем так, чтобы на это не смогли закрыть глаза. Если хорошо подготовиться, русским придется вводить армию в Привислинский край. Можно было бы еще использовать Остзейские губернии, но толку будет мало. Они могут травить русских своим спиртом, но за оружие не

возьмутся. Поляки драчливее, и от них будет больше пользы. Убьем одним камнем двух птиц. Новому российскому правительству придется задействовать часть армии на разборку с поляками, что ослабит возможности по защите границ, а если поляки зальют русских кровью, те ответят им тем же, а это для нас повод вмешаться. Одно дело — прийти с оружием за деньгами, и совсем другое — для восстановления справедливости и порядка. Но полякам нужно дать оружие, иначе от их восстания будет мало пользы.

— Постараюсь, — сказал генерал. — У русских есть склады, на которых хранится много годного, но уже ненужного оружия. В свое время его держали для ополчения, а для чего держат сейчас, наверное, уже не помнят сами. Здесь все чиновники продажные, поэтому главное — найти среди них достаточно смелого. Мне нужно два–три дня. Но везти придется с неделю. Летом было бы быстрее, а сейчас быстро не получится.

— Зимой и мы не будем воевать, — успокоил генерала граф Девон. — Они не зря выбрали для начала именно зиму. Ничего, еще месяца три–четыре, и можно будет начать.

— Вы не в курсе, когда вернется посол Германии? — спросил граф Малмсбери. — У немцев в столице много связей и своя агентура, это сейчас может сильно помочь.

— Нам сказали, что примерно через неделю. Женит сына и приедет. Хотя теперь его могут поторопить. А зачем вам посол, не можете напрямую обратиться к тому, кто у них ведаёт агентурой? Они должны поделиться сведениями.

— Может, они и должны делиться, но мы от них ничего ценного не получили, — сердито сказал Ламберт. — Граф Шуленбург с нами в эти игры не играл. Или в союзе что-то изменилось?

— Я разберусь, — пообещал граф Девон. — Сделайте для меня полный отчет и возьмите билет на ближайший экспресс. И помните, господа, что в нашей игре слишком большие ставки. Если мы проиграем, домой вам лучше не возвращаться.

— Что у вас есть по английскому эмиссару? — спросил Иван Павлович Шувалов приехавшего к нему Апраксина. — Его биография меня не интересует.

— Жаль, потому что биография — это единственное, что мне о нем известно, — усмехнулся Петр Николаевич. — У англичан сейчас связаны руки и практически не осталось агентуры, но и у нас в их посольстве никого нет. У них даже уборщицы свои, доставленные с туманного Альбиона. Он приехал всего на один день, а на следующий уехал обратно. Команды ему мешать не было, а я посчитал, что нам сейчас не нужны скандалы, а его устранение ничего не даст. В лучшем случае выиграем несколько дней. Что бы они ни решили, все продублируют в дипломатической почте.

— А что могли решить?

— Трудно сказать, — ответил Апраксин. — Мы уже над этим думали. На земский собор они могут повлиять только через польских выборщиков, но сколько их там будет тех поляков по сравнению со всеми остальными! Пошумят, но к их выходкам уже привыкли. Я не жду каких-то неожиданностей от собора. Они могут серьезно навредить только в промышленности и финансах, но сейчас на это не пойдут. Если что, Совет все сразу же национализирует. Мы через одного «продажного» чиновника подбросили Мальмсбери черновик одного из ваших заседаний, поэтому он знает, что на это пойдут. Единственное, что приходит на ум, — это беспорядки на наших западных окраинах, скорее всего, у поляков. Тех хлебом не корми, дай только пошуметь желательно с оружием в руках. Если оружия будет много, то и шум может выйти приличный. Придется вводить несколько дивизий и лить

кровь, причем не только поляков, но и наших солдат. Это оттянет часть наших сил и даст прекрасный повод для вторжения. Мы усилили охрану границы и контроль грузов, но при желании найдут лазейку для доставки оружия.

— Как только мы начнем, им станет не до поляков, — сказал Шувалов. — Но нужно попробовать избежать кровопролития. Ладно, об этом будем говорить с военным министром. Петр Николаевич, принято решение включить вас в Совет. Надеюсь, вы не станете возражать?

— Спасибо, — ответил Апраксин. — Это большая честь, а собираетесь вы не очень часто, так что избрание не должно сказаться на моей основной работе.

— И вот вам, как члену Совета, первое поручение, — Шувалов достал из ящика стола папку и положил ее перед Апраксиным. — У нас есть кое-какие секреты, с которыми незнакомы те, кто не входит в Совет или не сталкивался с ними по работе. Это один из них. Вас ознакомят со всеми, а пока прочитайте это заключение и выскажите свое мнение.

Петр Николаевич развязал папку, достал из нее один-единственный лист бумаги и погрузился в чтение. Закончив, еще раз бегло просмотрел отпечатанный текст, вернул бумагу в папку и положил ее на стол.

— Кто проводил исследование? — спросил он. — И как это было выполнено?

— Брали выборки в самых разных местах, — ответил Шувалов. — Психологи проверили все сословия и отразили средние результаты. Потом с помощью химии и гипноза опрашиваемым помогли все забыть. Да и не придавал никто из них большого значения нашим вопросам, хотя отвечали правдиво.

— Плохо, если так, — расстроено сказал Апраксин. — Если округлить, то за удар ядами по городам Европы нас осудят девять соотечественников из десяти.

— Все верно, — подтвердил Шувалов. — А если предварительно провести разъяснительную кампанию, не раскрывая наших замыслов, то и тогда от нас отвернутся семь или восемь человек из десяти. Вот если на нас нападут ведущие страны Европы, тогда одобряющих будет больше половины. Вывод?

— Первыми бить нельзя, — вздохнул Апраксин. — Придется изо всех сил укреплять армию и нести потери, но это лучше, чем восстановить против себя свой собственный народ.

Я шагнул вперед, нанося прямой удар. Вера его не блокировала, она просто уклонилась и ударила меня ногой. Попытка ее поймать успехом не увенчалась. Жена была для меня слишком быстрой, и мое превосходство в силе не давало большого перевеса. Навыков у меня было гораздо больше, но она быстро училась, наконец-то войдя во вкус занятий.

— Хватит! — сказал я, поднимая руки. — Пойдем помоемся, а то мне к пяти относить папку, а нужно еще высохнуть.

— Пойдем вместе, — решила она. — Я прогуляюсь с тобой, а то сегодня еще никуда не выходила. Мне дольше сохнуть, поэтому я пойду мыться первой.

Мы покупались под душем и ушли в свою комнату. Воспользовавшись тем, что освободилась гостиная, в нее пришел отец, который сейчас слушал новости, передаваемые правительственной станцией.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил я.

— Завтра земский собор, об этом и говорят, — ответил он. — Если услышу что-нибудь интересное, потом расскажу, а пока не мешай слушать.

Мы вошли в свою комнату и сели в недавно купленные кресла. После полуторачасовых

занятий хотелось лечь, но надо было сушить волосы. Фен был один, и им сейчас пользовалась жена. Чтобы высушить ее гриву без обдува, нужно было сидеть в тепле три часа.

— Мы с тобой отправили все катушки, а до сих пор нет пластинок даже по первой партии, — сказала Вера. — И катушек больше нет, на чем будем писать?

— Пока будем только разучивать, — ответил я. — Подожди еще немного, сейчас всем в Питере не до нас. Утвердят императора, он утвердит правительство, а потом возьмутся за наш городок. Надо еще определиться с тем, куда всех селить и где будем работать. Я бы вообще отвез всех в Москву, да и правительство отправил туда же.

— Из-за возможной войны? — догадалась она.

— У нас почти такой же флот, как и у немцев, — сказал я. — Еще столько же кораблей у французов, а у англичан — самое малое в два раза больше. И линкоры у них посерьезнее наших. Что будет, если навалятся всей силой? Можно набросать мин, но для них есть тральщики. Потеряют время и, возможно, понесут какие-то потери, но пройдут. Береговые батареи нанесут большой ущерб, да и авиация у нас хоть немного похуже той, какая у союзников, но у них не так уж много авианосцев, а мы будем действовать с аэродромов, не испытывая ни в чем недостатка. Ну и орудия самих кораблей. И все равно можно прорваться и обстрелять город. Знаешь, сколько весит снаряд орудия в шестнадцать дюймов? Я точно не помню, но больше тонны! Можешь представить, что будет со столицей. А ведь в Питере сосредоточено все управление империей, поэтому он будет одной из главных целей. А если уедут император и совет министров со своими министерствами, то и Питеру меньше достанется. В мире моей половины столицу перенесли в Москву. Климат там, кстати, тоже лучше. И нас нужно отправить туда же. В Москве есть все условия для работы, а у нас еще моя тетя с дворцом.

— Дворец — это хорошо, — согласилась жена. — Все, я уже сухая. Тебе нужен фен?

— Я тоже сухой, — ответил я, пощупав волосы. — Давай раньше сходим.

Сегодня была безветренная и не очень морозная погода, а шубы у нас делались для прогулки на полюсе холода, поэтому немного мерзло только лицо. Снега навалило по пояс, и его отгребли, освободив дорогу и расчистив к ней проходы от домов. Теперь до следующего снегопада можно было ходить, как по асфальту. Мы вышли раньше, поэтому не спешили и добрались до нужных домов минут за двадцать. Занятия в гимназии закончились два часа назад, и вахтер уже ушел, заперев обе двери, а инженеры работали только в нескольких комнатах третьего этажа, поэтому было такое впечатление, что во всем здании нет никого, кроме нас.

— Жутковато, — передернула плечами Вера, когда мы поднимались по лестнице. — Никогда не любила наш дом на Гороховой, в котором сейчас живет брат. Все такое огромное и почти нет людей. Понятно, что мы там не зажигали все лампы. Я шла маленькая и слышала слабое эхо своих шагов, как будто кто-то крался сзади. Особенно жутко было в темных местах. Я до сих пор не люблю оставаться одна в темноте. Мне еще тогда прочитали страшные сказки...

— Убивал бы тех, кто читает детям всякую гадость, да еще на ночь глядя, — сказал я. — Кто это так над тобой издевался?

— Брат, — засмеялась она. — Он на три года старше, но читать уже научился. Ему почему-то нравились страшные сказки, вот он их и заказывал.

Мы пришли, и я открыл дверь, предварительно в нее постучав. В комнате было трое:

Фролов, Горелый и еще кто-то из химиков, с которыми я почти не общался. Его звали Сергеем, а отчества я не помнил.

— Привет халявщикам! — поздоровался я. — Налетайте: знания прибыли!

— Прибыла Вера Николаевна! — радостно сказал Вадим, который, по-моему, был равнодушен к моей жене. — Наше вам почтение! Снимайте шубу, а то у нас жарко.

— А чем вы здесь занимаетесь? — спросила она, с его помощью снимая шубу.

— Кто чем, — ответил Владимир. — Я, например, занимаюсь памятником вашему мужу.

— Надеюсь, не на могилу? — пошутил я. — Памятник хоть в натуральную величину?

— Сегодня химики получили окись пропилена, — ответил он мне. — Пришлось повозиться, но теперь этой жидкости будет достаточно для опытов. Я буквально на коленке набросал конструкцию для ее распыления. Придется экспериментировать с количеством взрывчатки и временем срабатывания второго заряда. Я думаю, что все должно получиться, поэтому и сказал о памятнике. Ставить его будут наши генералы, у меня на такое не хватит оклада.

— Какой памятник? — наморщила лоб Вера. — О чем вы говорите?

— О самом мощном оружии, которым с нами поделился ваш муж, — ответил ей Вадим. — И его реально сделать до лета. Конечно, не ракеты, а что-нибудь попроще. В самом простом варианте это может быть минирование местности или бомбы.

— Заканчивайте свою работу, — предложил я. — Памятником займетесь завтра. На улице чудесная погода, а вы здесь душитесь. И табаком воняет, признавайтесь, кто курил!

— Курили еще до обеда и не мы, — отмахнулся Владимир. — Просто не проветрили, а у тебя нос, как у собаки. Вы можете бежать, а я здесь еще поработаю. Если успею закончить, завтра отдам в работу, а через два дня попробуем испытать. За это время и химики управятся. Мы доложили наверх и получили команду все бросить и заниматься только этим. Попробуем, как все работает, а потом займемся рабочей конструкцией бомбы. Ты слышал новости?

— Новости слушает отец, — ответил я, — а мне их слушать недосуг. Все равно до утверждения императора ни о чем другом говорить не будут, только о соборе, а с ним не должно быть никаких неожиданностей.

Я их все-таки разогнал, и мы ушли все вместе. Перед этим Владимир убрал мои листы и свои чертежи в сейф и запер сначала свою комнату, а потом и выходную дверь. Я им предложил зайти к нам, но все отказались, даже Вадим, который обычно не пренебрегал приглашениями.

— Устал, — признался он. — С вашим появлением работаем на износ. У меня уже от твоих знаний сворачиваются мозги. Еще долго будешь печатать?

— С месяц, — ответил я. — У меня и потом будет кое-что вспоминаться, но только по тем вопросам, которые я вам уже дам или по каким-то второстепенным. Я ведь даю не все, что знаю, а то, что вспоминается. Иногда ваши вопросы помогают вспоминать то, что не пришло на ум при печати. Ладно, если не хотите заходить, не буду настаивать.

Мы попрощались и свернули к дому. В прихожей освободились от зимних вещей, я запер входную дверь и сходил на кухню. Кухарка приготовила ужин и убежала домой, и сейчас его ели родители и Ольга.

— Вас ждать не стали, — сказала мама. — Быстрее мойте руки и садитесь. Валя приготовила очень вкусный пудинг с изюмом. Если затяните с ужином, все съедим сами, и

вам останутся только блины со сметаной.

Мы проголодались и поспешили за стол.

— Что-то ты какой-то хмурый, — сказал я отцу, когда расправился с пудингом и сделал перерыв перед блинами. Что-то услышал в новостях?

— Услышал, — ответил он. — Сообщили, что прибыли все выборщики, кроме поляков. От них тоже есть, но не больше трети от того числа, которое для них выделено. Не к добру это.

— Я в прошлой жизни не любил поляков, — сказал я. — Считаешь, что они могут ударить в спину?

— А кто их любит! — сердито сказал он. — Сильный, красивый и способный ко всякому делу народ, но лучше бы они жили в Австралии. Они были для нас паршивыми соседями, а теперь такие же паршивые и неуживчивые подданные. Отдельные поляки могут быть замечательными людьми, но все вместе... Был у меня как-то откровенный разговор с одним из них. Вы, говорит, нас завоевали! То, что они сотни лет пытались отгрызть от Руси куски, он в расчет не брал. Завоевали их! Да мы их подобрали, когда у них не было никакой государственности! Если бы не мы, их бы разделили между собой Австрия, Англия и Франция. Возможно, кусок отхватила бы Пруссия. Никаких польских земель тогда вообще не было бы, как не было бы и польской речи! Я ему об этом говорю, а до него не доходит, хоть вроде не дурак. Говорю, что ваши земли вошли в империю, но и она все тоже ваша! Вся от моря до моря, как когда-то мечтали ваши предки. Бесплезно!

— Надеюсь, что за ними присмотрят, — неуверенно сказал я. — Если придется защищаться от тройственного союза на враждебной территории, будет плохо. И отпускать их тоже нельзя. В том мире отпустили, а потом не имели от них ничего, кроме расходов и неприятностей. Для поляков важны только поляки, всех прочих они за людей не считают. Хотя с немцами и англичанами могут ужиться, это мы у них смертельные враги.

— Хватит за столом разговаривать о политике, — недовольно сказала мама. — Доедайте, и Ольга все уберет, а вы, если хотите продолжить, идите в гостиную. А императора выберут и без поляков!

Я не ждал неожиданностей от земского собора, и их на самом деле не случилось. Собравшиеся единодушно выбрали новым императором князя Владимира Андреевича Оболенского. Так у нас появился Владимир первый. У него была жена, два взрослых сына и дочь, так что сразу появились и императрица, и цесаревич, и великий князь. Дочь была уже замужем, поэтому осталась графиней. С коронацией не затягивали и провели ее в тот же день в Успенском соборе. На следующий день сообщили, что Совет Братства в полном составе вошел в Государственный совет империи, из которого были выведены девятнадцать членов. Председателем Государственного совета и председателем Совета министров стал князь Иван Павлович Шувалов, а новым канцлером — князь Борис Леонидович Вяземский. Апраксина оставили министром внутренних дел. Большинство министров сохранили свои посты, некоторых заменили. Большие изменения произошли в императорском Дворе, кроме того Зимний дворец переходил в ведение казны, а в Александровском, оставшимся за новой династией, заменили большую часть слуг. Надо полагать, что этим новшества не ограничились, но по радио больше не передали ничего важного. Прошло пять дней, и меня пригласили на первое испытание устройства объемного взрыва. Испытывать уехали по расчищенной дороге на двадцать километров от лагеря в сторону Тюмени. Ехали на пяти легковых автомобилях и грузовике, который вез само устройство и охранявших нас солдат.

Когда остановились, солдаты прокопали в снегу проход метров на сто в сторону от дороги. Потом по нему туда доставили металлический цилиндр, размером с небольшой бочонок. Последнее, что сделали, это уложили в проходе провод.

— Плохо, что он лежит на земле, — сказал Владимир. — Часть жидкости при взрыве смешается со снегом.

— Сколько вторичных взрывателей? — спросил я.

— Пока только один, — ответил он. — Нам главное — убедиться в том, что все сработает, а улучшать конструкцию будем потом. Разлет должен быть не слишком большим, поэтому я взял одну десятую секунды.

— Вы долго будете разговаривать, господа? — спросил кто-то из заводского начальства. — Надо бы начинать, а то уже замерзли.

— Сейчас согреемся, — засмеялся Владимир и крутанул ручку индуктора.

После первого испытания через неделю провели второе. В новом устройстве было в четыре раза больше горючей жидкости и использовался воспламенитель с большим временем задержки. Саму «бомбу» поместили на специальном помосте в пяти метрах над землей. Испытывали за лагерем на полигоне, где когда-то отрабатывались устройства для распыления ядов. Солдатам охраны пришлось потрудиться, чтобы расчистить туда дорогу. Наблюдателей на испытаниях было намного больше, присутствовали даже прибывшие из столицы военные. Я не знаю, в каких они были чинах, потому что их принадлежность к армии чувствовалась только по выправке и манере разговора, а мундиры если и были, то под шубами. Учитывая опыт прошлого испытания, расположились намного дальше от места взрыва.

— Надо было бы выкопать окоп, — сказал кто-то из заводских, бывших с нами на первом испытании. — В эту столько залили...

— И так далеко отошли и ничего толком не увидим, — недовольно сказал кто-то из гостей. — Если у вас все готово, давайте начнем.

Подрыв, как и в прошлый раз, осуществили по проводам. На месте помоста вспухло ослепительное облако, которое как-то скачком увеличилось в размерах и быстро погасло. После него несколько мгновений никто не мог нормально видеть. Взрывная волна заставила покачнуться, и кто-то даже оступился и упал в снег. Она же обдала нас водой пополам со снегом.

— Однако! — удивленно сказал тот военный, который торопил с подрывом. — Что же было там, если здесь сбивает с ног!

Оказалось, что полностью исчез помост и весь снег в радиусе больше ста метров или испарился, или был сдут взрывом. Сначала шли по мокрой земле, потом грязь под ногами исчезла, а за полсотни метров от места взрыва исчезли остатки прошлогодней травы. Не было даже пепла.

— Не стоит туда идти, — прикрывая рукой лицо от жара, посоветовал я остальным. — Испортите обувь.

— Надо как можно быстрее развернуть производство таких бомб, — сказал второй военный. — Они должны быть эффективней всего того, что у нас есть.

— Вы читали мои записи? — спросил я его. — Это оружие имеет свои недостатки, поэтому вы им полностью не замените обычные боеприпасы. Сильный ветер или дождь...

— А вы кто? — с недоумением спросил он.

Меня задел не сам вопрос, а тон, которым он его задал.

— Аз есмь князь! — сказал я ему. — Житие мое...

Отвернулся от удивленно уставившегося на меня офицера и пошел к машинам.

Видимо, у приехавших военных были большие полномочия, потому что по их указанию начался вывоз тех инженеров и химиков, которые были заняты новым оружием. Уезжали и Владимир с Вадимом. С собой забирали только личные вещи в чемоданах, поэтому всех вывезли за один день. Я знал, что мы следующие на очереди и что всех отправят в одно место, но все равно расставаться с друзьями было грустно. Следующий день начался как обычно и так же продолжался до тех пор, пока к нам не прибежала кухарка профессора с известием о его смерти. Он умер во сне и сейчас лежал в своей кровати с безучастным

выражением лица и закрытыми глазами. Отец позвонил коменданту, чтобы организовали похороны и забрали вещи покойного. Мы тоже съездили на небольшое кладбище и простились со стариком, а после обеда меня ждал сюрприз: к нам в дом приехал сам комендант с завещанием Суханова.

— Я знаю его больше двадцати лет, — сказал он мне. — Можно сказать, что мы с ним в лагере со дня его основания. Дан Евгеньевич оставил совсем немного бумаг, поэтому с ними было нетрудно разобраться. Эту должны забрать вы.

— Почему я? — растерялся я, рассматривая платежное поручение на мое имя на два миллиона рублей.

— Теперь уже некого спрашивать, — вздохнул комендант. — У него ведь никого не осталось, наверное, поэтому наш профессор решил, что лучше отдать эти деньги вам, чем оставлять их банку.

— Для него смерть — это лучший выход, — сказал мне отец после ухода коменданта. — Не придется терзаться, когда от его ядов начнут гибнуть сотни тысяч. Он бы этого не выдержал. Умер мой приятель, уехали твои, быстрее бы уже уехать и нам. Надоело здесь сидеть и ничем не заниматься.

Я писал еще две недели, а на следующий день после того, как отдал свои листы вместе с папкой, нам сказали, что завтра отъезд. Было третье марта, но здесь пока даже не пахло весной: по-прежнему стояли морозы, часто поднимался сильный ветер, и шел снег. В той жизни я любил зимы и жалел, что они стали гнилыми, без морозов и снега, но за последние четыре месяца я всего этого наелся вдосталь. Жизнь в городке тоже надоела однообразием, поэтому я воспринял новость с радостью. Остаток дня потратили на сборы. Мы ничего здесь не покупали из вещей, кроме кресел и кухонной утвари, поэтому все опять уместилось в саквояжах. Мне было жаль пианино, но с нашими деньгами нетрудно было купить инструмент и получше. Утром мы в последний раз воспользовались услугами кухарки и сразу же после завтрака с ней расплатились. Машины приехали к одиннадцати, и два прибывших с ними солдата быстро перенесли все саквояжи в грузовик. Провожал нас на вокзал Кулагин, приехавший на шестиместном «медведе». Он сам вел машину, поэтому мы в ней нормально поместились, и мне не пришлось, как в прошлый раз, везти жену на коленях. Перед отъездом он забрал у нас липовые паспорта и вернул оружие.

— В поезде вас будут сопровождать, но и это не помешает, — сказал он, раздав стволы. — Не будете скучать по здешней жизни?

— Шутите? — спросила Вера. — Я от здешней жизни готова не только уехать на вашей машине, могу до Тюмени идти пешком!

— Отношение к этой жизни будет зависеть от будущей, — сказал я. — Здесь было немало хорошего, но сейчас это уже в прошлом.

Машины, набирая скорость, поехали к выезду из городка, и наш дом скрылся за поворотом дороги. До Тюмени ехали три часа. Разговаривать при Кулагине не хотелось, а смотреть было особенно не на что, поэтому вскоре наши женщины уже спали. На железнодорожном вокзале встретились с охранниками, которые должны были доставить нас до места назначения. Это были двое незнакомых мужчин, которые почему-то вызвали у меня неприязнь. Кулагин и его солдаты задержались и помогли сдать вещи в багаж, после чего уехали, а мы сели в свой вагон, заняв два купе. Вскоре поезд тронулся, и я, немного посмотрев в окно, лег на верхнюю полку читать купленную на вокзале газету. В ней меня поджидал сюрприз. В небольшой статье с заголовком «Воскресшие из мертвых»

рассказывалось о семье князя Мещерского. Наверняка это была перепечатка из какой-то столичной газеты, потому что приводились подробности, которые не могли знать местные журналисты. О причинах, по которым жертв пожара выдали за нас, ничего не говорилось, просто написали, что мы оказали большую услугу Братству. В самом конце статьи раскрывался секрет дуэта, который в последнее время пользовался огромной популярностью. Закончилось наше инкогнито. Может быть, это к лучшему: легче будет добиться хоть какой-то самостоятельности. Без охраны нас теперь не оставят, но и взаперти сидеть не будем.

— Прочти эту статью, — сказал я жене, опустив вниз руку с газетой. — Знаю, что ты можешь сказать о газетах, но здесь пишут о тебе. Потом отдай прочитать маме и Ольге.

Отец занял место в соседнем купе с охранниками, а я ехал с женщинами.

— Ольга уже заснула, — сказала мама. — Я тоже не люблю газеты. Лучше скажи своими словами, что ты в ней вычитал.

— Мы живы и оказали услугу правительству, — ответил я. — И теперь все знают, кто поет новые песни. Это если совсем коротко.

— В таком случае я тоже почитаю, — передумала она. — Вера, потом передашь газету.

Жена дочитала статью, отдала матери газету и полезла ко мне на верхнюю полку.

— Дай руку, а то не за что ухватиться, — сказала она, поставив ногу на ступеньку.

— С ума сошла? — спросил я. — Если жаждешь пообщаться, лучше я сам к тебе спущусь, чем мы вдвоем отсюда грохнемся.

Я быстро спустился вниз, уложил ее на полку и сел рядом.

— Как ты думаешь, чем все закончится? — тихо, чтобы не мешать матери и не разбудить Ольгу, спросила она. — Я спрашиваю не вообще, а для нас с тобой.

— Долго я консультировать не буду, — ответил я. — Знаю я еще много, но большой пользы от этих знаний пока не будет. Сейчас трудно сказать, чем придется заниматься. Неизвестно, как будут развиваться отношения с Европой, а от этого будут зависеть судьбы всех, и неизвестно, какие планы относительно нас у правящей верхушки. Наверняка на них придется работать, но где и в качестве кого... Единственное, что могу пообещать, так это то, что будем продолжать петь, теперь уже под своими именами. Заодно тебя сделаем законодательницей моды.

— Что ты еще придумал? — не поняла она.

— Мужчины здесь и в мире старика одеваются очень похоже, — начал объяснять я, — а вот женские наряды застыли в развитии, и это нужно исправить. Посмотри на свой наряд.

— Посмотрела, — сказала она. — Приличное и теплое платье. Не пойму, чем оно тебе не нравится.

— Прежде всего длиной, — ответил я. — Платье в дороге — это вообще неудобная одежда, а такое длинное и подавно. Зимнее хоть лучше греет, а для чего делать летнюю одежду такой длины? Неудобно, некрасиво и дорого.

— И какой длины подолы у вас? — спросила она.

— Разные, — ответил я. — В основном чуть выше коленей, но есть и до середины бедра. Женщины часто носят шорты или брюки.

— С ума сошел? — сказала она. — Кто же у нас будет такое носить? Я сама знаю, что штаны — удобная одежда и могу их надеть дома, если нет гостей, но выходить в таком виде на улицу? А такие короткие платья не надевают даже шляхи! Неужели там женщины вообще не носят нормальных платьев?

— На балы и в торжественных случаях могут надеть, но такое бывает редко. Запомни, что ввести можно любую моду, главное, кто ее будет вводить и как. Люди в своем большинстве ничем не отличаются от обезьян: так же подражают более сильным или своим кумирам. Если такая известная и любимая всеми женщина позволит себе короткий подол, на это посмотрят снисходительно, а когда привыкнут и поймут, что это красиво и удобно, будут подражать. Нужно только не сразу оголять ноги, а делать это постепенно. Вот ты учишь борьбу, а где ты ее сможешь применить в таком платье? Если со мной в спальне, так я тебе и так сдамся.

— Посмотрим, — неопределенно сказала Вера. — Сначала нужно, чтобы меня все любили. С юбкой проще: ее можно укорачивать понемногу, а брюки понемногу не наденешь.

— Вы еще долго думаете дурачиться? — спросила мама. — Я бы хотела до обеда поспать.

Первый день поездки прошел на редкость скучно: все только спали и ели те блюда, которые развозили от ресторана. Отец прочитал статью, и было видно, что он доволен тем, что больше не будет слухов о терроре и не нужно разбираться с мнимой смертью в огне. На второй день он почти все время провел в нашем купе. Мы много говорили и даже сыграли в карты. Мама их взяла для того, чтобы разложить пасьянс, но я воспользовался случаем и научил всех играть в подкидного дурака. До такой игры здесь почему-то не додумались, хотя другие игры, сходные с нашими, были. Часа два азартно играли, а потом мне надоело.

— Садись вместо меня, а то ты какая-то печальная, — сказал я Ольге. — Это не из-за того, что пришлось расстаться с Сергеем?

— Это ненадолго, — ответила она, садясь на мое место. — Его отцу уже сказали, что они через неделю уедут. И всех повезут в одно место. Но я Сергею на всякий случай дала адрес Катерины, а через нее всегда можно будет списаться.

— А это нечего, что твой избранник не имеет титула? — поддел я ее.

— Он дворянин, а титулы все равно не передаются по женской линии, — не обидевшись, ответила она. — А я не собираюсь из-за своего титула сидеть в девках!

— Рано вам еще об этом думать, — недовольно сказала мама. — Сначала окончите гимназию. Сергей мне самой нравится, но ему следует прежде женитьбы подумать, чем он будет заниматься. Если женится после гимназии, какая учеба?

Второй день прошел быстрее, а утром третьего дня мы прибыли в Москву. Один из охранников, с которыми я так и не познакомился, пошел куда-то звонить, а потом занялся получением багажа, в то время как второй сидел с нами в зале ожидания. Грузовика нам не прислали, но хватило трех «газелей» с большими багажниками на крышах. Шоферы сложили на них наши саквояжи и закрепили их ремнями. Я плохо знал Москву, но дом, в который нас привезли, раньше видел. Это был огромный пятиэтажный доходный дом на Сретенском бульваре, где для нас сняли квартиру. Квартира располагалась на втором этаже и по площади была раза в два больше оставленного дома. В ней было пять комнат, кухня—столовая и большая ванная комната с отдельно расположенным туалетом. Паркет очень походил на тот, который был у нас в оставленной в столице квартире, но здесь на полу повсюду лежали ковры и ковровые дорожки. Мебель была очень дорогая и размерами под стать комнатам. В трех комнатах стояли телефонные аппараты с разными номерами.

— Вы не должны никуда выходить без предупреждения, — сказал нам старший из сопровождавших. — За вами закреплены две автомашины и пять телохранителей. Если что-нибудь понадобится, позвоните. Если возникнет необходимость сходить самим, тоже

звоните, и вам выделяют автомобиль с охраной. Дверь держите закрытой и открывайте или тем, с кем вас познакомят, или хорошо известным людям. Готовить и убирать будет женщина, которую вам пришлют. Примерно через час к вам приедет тот, кто будет с вами заниматься, с ним решите все вопросы. В холодильнике для вас обед. Сегодня не планируйте никаких поездок, потому что можете понадобится. Всего хорошего, господа!

Они ушли, а мы заперли входную дверь и стали осматриваться.

— Они не могли поставить кресло поменьше? — пожаловалась Ольга, осмотрев свою комнату. — Я его еле передвинула!

— Надо было заниматься борьбой вместе с Верой, — сказал я ей. — Она теперь такое кресло поднимет, причем вместе с тобой.

— Все очень мило, — сделала вывод мама. — Но нам опять ограничили свободу.

— Это надолго, — сказал отец. — Ты у нас теперь важная персона, а охрану, если к ней привыкнуть, перестаешь замечать.

— Какая я тебе персона! — возразила она. — Я, может, и привыкну к охране, но это будет труднее сделать тем, с кем я буду общаться.

— Жизнь изменилась, — пожал плечами отец. — С этим уже ничего не поделаешь. Как ты думаешь, что станет делать наш сын, если тебя выкрадут и пришлют ему твой палец с обещанием прислать все остальные, если он не согласится развязать язык?

— Что ты такое говоришь?! — побледнела мама. — Как это отрезать палец...

— Успокойся, — сказал я, обняв ее за плечи. — Это крайность, которой никогда не случится, если мы будем осторожны. Но возможны другие неприятности, поэтому давайте соблюдать все, что от нас требуют. Эти люди знают свое дело, а наша задача — не затруднять им работу.

Осмотрев квартиру, мы вернулись в комнату, которую выбрали своей спальней.

— Здорово! — сказала Вера, пробуя кровать. — Смотри, какая мягкая! А комната в два раза больше той, которая была. Вполне можно здесь же заниматься борьбой. Уже нет сильных морозов, поэтому легко проветрим. Хорошо, что здесь так тепло, я все-таки намерзлась, пока ехали. А батареей я нигде не видела.

— Видишь эти решетки? — показал я рукой на выход вентиляции. — Из них поступает нагретый и увлажненный воздух. Об этом говорили, когда ты смотрела кухню.

— Давай позвоним твоей тете? — предложила жена. — Пусть приедет. Заодно мы с ней познакомимся.

— Хорошая идея, — согласился я, — только ее придется отложить. Мы не знаем ее номер телефона, а в справочниках под аппаратами только номера разных служб и учреждений. Вот приедет наш куратор, его и озадачим.

Куратор приехал, как и говорили, через час. Им оказался высокий плечистый мужчина лет сорока, немного похожий на Николая I, каким его изображали на портретах. Звали его Денисом Васильевичем Машковым. Мне он сразу понравился.

— Здесь у вас будет более свободная жизнь, но все равно не обойтись без ограничений, — сказал он всей семье. — И придется соблюдать все наши требования. Вам, Сергей Александрович, предлагается поработать в охранном отделении. Немного не по профилю, но вы справитесь. Вы, Ольга Сергеевна, будете учиться в одном из классов закрытой гимназии, организованной для семей особо ценных специалистов, у которых родственники могут подвергаться опасности из-за характера их работы. А вам, Алексей Сергеевич, сейчас придется съездить со мной к одному человеку, который хочет с вами поговорить. С ним вы и

обсудите то, чем будете заниматься. Скоро привезут вашу домработницу, тогда мы и поедем.

— А что с нашими пластинками? — спросила жена.

— Мы привезем представителя компании, которая их выпускает, — пообещал Денис Васильевич. — У них к вам большой интерес. Он отдаст вам пластинки и произведет расчет.

Когда он закончил отвечать на вопросы женщин, зазвенел дверной звонок. Приехавшей домработницей оказалась невысокая стройная женщина лет тридцати, с густыми каштановыми волосами и грубыми чертами лица. Вместе с ней в квартиру поднялись два охранника, нагруженные сумками с продуктами. Они все оставили возле холодильника и вместе со мной и куратором пошли к машине, а представившаяся Натальей домработница взялась за приготовление ужина.

Ехали минут десять. Машин на московских улицах было заметно больше, чем на столичных, но пока не так много, чтобы они мешали друг другу. Я немного знал только центр города и тот район, в котором на Поварской улице жила Катерина, поэтому понятия не имел, куда меня привезли. «Медведь» заехал во внутренний двор большого пятиэтажного дома и остановился возле крайнего подъезда. На четвертый этаж поднялись на лифте. Первым из него вышел один из охранников, который поспешил позвонить в левую из двух квартир. Встретил нас охранник, который знал куратора, поэтому обошлись без проверок. В большой гостиной сидели двое мужчин, общим у которых был только возраст — около пятидесяти лет. Во всем остальном, внешне и поведением, они очень сильно отличались.

— Петр Павлович Шувалов, — представился тот, который при первом взгляде вызвал у меня неприязнь. — Я тот, кому вы обязаны своей опалой и безвременной смертью. Извиняться не буду: не было у меня времени вас обхаживать, да и положение было такое, что приходилось использовать все возможности.

— Петр Леонидович Капица, — представился второй, который смотрел на меня, слегка прищурившись. — Мне вы, князь, пока ничем не обязаны, а вот я вам обязан многим. И буду рад, если мой долг перед вами продолжит расти.

— Здравствуйте, господа, — поздоровался я. — Мне не нужны ваши оправдания, граф. Для вас цель оправдывает средства, а ваша совесть как-нибудь переживет горе наших родственников. На будущее хочу пожелать больше думать о тех, кого вы планируете использовать. Не так уж сложно было предупредить мою тетю и старшего Воденикова, они бы промолчали и даже изобразили бы горе. Рад с вами познакомиться, Петр Леонидович. Вы и в реальности моей второй половины изрядно наследили в физике. О чем будем говорить?

— Прежде всего о ваших знаниях, — ответил не обративший видимого внимания на мой выговор Шувалов. — Давайте сядем, господа, разговор будет долгим. А вы, Денис Васильевич, пока можете быть свободным.

Машков вышел, а мы сели в кресла возле большого низкого столика.

— Нас интересует, о многом ли вы умолчали, — сказал Шувалов. — Вот господин Капица считает, что ваши откровения — это лишь отдельные выбранные по своей полезности темы. Он прав?

— Я этого никогда не скрывал, — ответил я. — Давал то, что полезно и может быть реализовано в ближайшие годы. Понятно, что мои знания не ограничиваются этими выжимками. Вижу, что вы не до конца поняли, поэтому поясню на примере. Лампы — это тупик, поэтому вы получили полупроводники. По этой теме я напечатал больше всего, но и здесь дал в лучшем случае только половину. Первый транзистор, который собрали на моих глазах, был с кулачок маленького ребенка, а вскоре вы их начнете делать серийно размером

с вишневую косточку. В другом мире самые маленькие были в корпусе не больше спичечной головки. Но вам сейчас ни к чему сильно уменьшать размеры, важнее улучшать характеристики, и все нужные для этого знания у вас есть. Следующий этап — это сложные устройства размером с монету, в котором будут сначала тысячи, а потом и миллионы транзисторов.

— Бред! — решительно сказал Шувалов. — Даже мне, далекому от техники человеку, понятно, что вы говорите ерунду!

— А для чего применялись такие устройства? — спросил Капица.

— В первую очередь для вычислительной техники, — пояснил я. — У вас должны быть такие машины на лампах, но, с моей точки зрения, это убожество. Представьте себе, Петр Леонидович, вычислитель размером с небольшой чемодан, содержащий сотни миллионов логических элементов и громадную память и работающий по очень сложным программам.

— Не могу, — ответил он. — Просто не хватает фантазии. Вы создали искусственный разум?

— Я ничего не создавал, — сказал я. — Делюсь с вами чужими воспоминаниями. Разума создать не успели, но по поведению такие машины было сложно отличить от людей.

Я с ними беседовал больше часа. Почти все вопросы задавал Капица, а Шувалов молча слушал мои ответы, глядя на меня с каким-то непонятным выражением.

— Клондайк, — в заключении сказал Петр Леонидович. — Жаль, что у вас на многие вопросы нет ответа, но это и понятно: что изучали, то и помните, а остальное прихватили случайно. Но и так мы из вас много вытянем!

— Я не возражаю, — ответил я. — Составляйте свои вопросы, а я постараюсь на них ответить.

— Вы можете рассказать о том, как развивался тот мир? — спросил Шувалов. — Я понял, что он был очень похожим на наш.

— В чем-то почти копия, — ответил я, — но есть и отличия. Там в двадцатом веке в Европе дважды начинались войны, в которых участвовали десятки государств. Их потом называли мировыми. Здесь ничего этого не было. Рассказать об этом трудно, мне будет проще написать.

— Значит, мы определились с тем, чем вы займетесь в ближайшее время, — сказал он. — Опишите то, о чем я вас попросил, и будете давать ответы на вопросы ученых. Что вам для этого нужно?

— Машинку, — вздохнул я, — а для вашей работы было бы неплохо прислать машинистку. Это над вопросами Петра Леонидовича мне нужно долго думать, и моя медленная печать не мешает, а по истории могу диктовать быстро.

— Пришлем, — пообещал Шувалов. — Продолжите заниматься своими песнями?

— Нельзя же днями напролет печатать, — ответил я. — Так можно и рехнуться. Да и для жены хоть какое-то занятие.

— Если будет что-то нужно, обращайтесь к Машкову, — сказал он. — Теперь последний вопрос. На днях в Москву приедет император, который, возможно, захочет вас увидеть.

— И в чем сложность? — спросил я. — Меня нужно инструктировать, чтобы чего-нибудь не ляпнул?

— У вас не только чужая память, — покачал головой Шувалов. — Вы говорите и думаете, как много проживший человек. Восемнадцатилетний князь Мещерский совершенно

иначе отреагировал бы на то, что я вам сказал. Вы понимаете, с чем связано его желание?

— Скорее всего, обыкновенное любопытство, — пожал я плечами. Императоры в этом ничуть не отличаются от всех остальных. Мне тоже на его месте было бы интересно поговорить с человеком из другого мира. Мои научные отчеты ему неинтересны, интересно, что я могу рассказать о той жизни. Я не вижу других оснований для подобной встречи.

— Ладно, — сказал он. — Мы еще об этом поговорим. Сейчас найдут Машкова, и поедете домой.

Денис Васильевич сидел внизу в машине, поэтому мы через несколько минут выехали обратно. Пока ехали, я решил с ним все вопросы.

— Мне нужно пианино, — сказал я куратору. — Раскошелиться самому?

— Привезем мы вам инструмент, — пообещал он. — Что-то еще?

— Мы оставили в лагере магнитофон...

— Можем доставить, — сказал Денис Васильевич, — но лучше подождите представителя компании. У них в Москве есть специальная студия, где можно делать записи. Качество в любом случае будет заметно выше.

— Подождем, — согласился я. — Скажите, здесь есть наплечные кобуры, чтобы носить пистолет под пиджаком? Если есть, то мне нужна одна, да и ствол посерьезней моего.

— Сделаю, — коротко ответил он. — Это все?

— Вы обо мне слишком плохого мнения, — усмехнулся я. — Еще нужно сегодня привезти к нам мою тетю. Можно было бы обойтись номером телефона, но у вас перед ней должок.

— Через два часа будет нормально? — спросил куратор. — Значит, привезем. Выходите, князь, приехали. До двери вас проводят.

В сопровождении одного из телохранителей я поднялся на второй этаж и после трех звонков был допущен в квартиру.

— Надо было тебе взять ключи, — сказала открывшая дверь жена. — У родителей работает радиола, и они не слышат звонка, а Ольге мать запретила открывать кому-нибудь, кроме тебя. Отец ее все-таки сильно напугал. Но Ольга обижена и открывать не пойдет.

— Остаешься одна ты. И тебе лень открыть дверь любимому мужу? Или я уже не любимый?

— Пошли быстрее! — сказала она, схватив меня за руку. — Сейчас я тебе докажу, что любимый! Три дня без любви — это же можно сдохнуть! Заодно опробуем кровать.

Пробовали мы ее долго, пока я не выложился полностью. Когда немного пришел в себя, хотел сказать Вере о приезде Катерины, но в голову пришла мысль, которая поначалу показалась дикой. Но чем дольше я думал, тем больше убеждался, что не такая уж она дикая, как показалось вначале. Вера отдохнула и начала опять ко мне ластиться и хулиганить.

— Хватит, малыш, — сказал я, отодвинувшись от нее на безопасное расстояние. — Скоро приедет тетя, а мы с тобой не готовы. Я и родителям ничего не успел сказать.

— Тогда поднимаемся, — она согнала меня с кровати и соскочила сама. — Быстро одевайся, а потом поможешь мне, а то я одна не успею. Нет, вначале надень халат и предупреди родителей.

Марафет навели, но перед самым приездом тети. Могли бы не стараться: она почти все время плакала и из-за слез вряд ли рассмотрела бы огрехи в нашем внешнем виде. Все были перецелованы, а больше всех ее восторгов почему-то досталось моей жене. Несмотря на волнения, Катерина не забыла привезти нам свою единственную изданную книгу. Когда

немного успокоились, сели за стол и поужинали, а потом Катерина рассказала, как хоронили наши останки, а потом заказали шикарные надгробья.

— Этим уже занимался отец Верочки, — опять прослезившись, говорила она. — Сейчас на Новодевичьем кладбище столицы украсили все пять ваших могил. Надо бы их убрать, а то непорядок. Кого же это мы похоронили, Сережа?

— А я знаю? — пожал плечами отец. — Нашли тела каких-то бродяг, их и сожгли.

В восемь часов Катерину увезли домой. Она взяла наши номера телефонов и оставила свой, взяв с нас обещание обязательно навестить ее в самом ближайшем будущем. Когда она уехала, мы еще с час посидели в гостиной, а потом разошлись по своим комнатам.

Прошло пять дней. Я продолжал выкладывать свои знания на бумагу, как это делал в городке, но на этот раз большую часть работы на машинке выполняла очень симпатичная женщина, которую прислали на следующий же день. Пальцы ее рук так быстро мелькали по клавишам, что я не успевал диктовать за ее печатью. Она же отдавала вопросы и забирала мои ответы. Я сразу поставил условие, что ответы ученым, если у меня есть что сказать, отдам без задержки, а свой исторический опус — только после его завершения. Были у меня на это резоны. Я решил пока ни с кем не делиться мыслью, которая пришла в голову в день приезда. Если получится встретиться с императором, поговорю с ним, а если он раздумает со мной встречаться, так и быть, расскажу все Шувалову. Не хотелось мне к нему с этим идти. У меня при первой же встрече возникла к нему неприязнь, и потом она только крепла, хотя он вроде бы не давал для этого поводов. Я не только передавал ученым ответы с машинисткой, два раза с ними пришлось встретиться. Одно из многочисленных зданий МГУ использовалось как секретная правительственная лаборатория, в нее мы и ездили. В первый мой приезд там присутствовал Капица, познакомивший меня со своими коллегами. Они забросали меня вопросами и в общем остались довольны ответами. Ответил я в лучшем случае на один вопрос из трех, но для них и это был хлеб. То ли месяцами напрягать голову, то ли сразу получить готовый ответ — есть разница? Сегодня я узнал, что многих из городка, в том числе и моих друзей, поселили в казенном жилье при заводах братьев Брамлей. Заводы были выкуплены казной, но по-прежнему назывались именами их бывших владельцев с добавлением порядкового номера. На них, а также на Московском электроламповом заводе и Государственных химических лабораториях, разрабатывались опытные образцы многих моих новинок. По-хорошему, для большинства из них нужно было строить отдельные предприятия или хотя бы цеха, но пока на это просто не было времени. Хотелось встретиться с Фроловым и Гореловым, но с этим пока ничего не вышло. Я обратился с такой просьбой к Машкову и получил отказ.

— Встретитесь, но не сейчас, — сказал он мне. — Это вас поселили по-царски, у них неплохие условия, но с вашими не сравнить. Нужно многое сделать дома, а они не вылезают с работы. Такой визит к ним засветит вас в нашей программе, а этого хотелось бы избежать. Привозить их к вам... Право же, это несвоевременно. Потерпите, изменится ситуация, и многое будет сделать гораздо проще.

А сегодня он позвонил после обеда и предупредил, что скоро приедет с обещанным представителем завода грампластинок, а к вечеру привезут пианино. Я передал наш разговор жене, и она сразу занялась своей прической. К их приезду мы уже навели марафет по полной программе, а Наталья приготовила все к чаю.

— Марк Альбертович Гинер, — представился вошедший следом за куратором пожилой еврей. — Княгиня, позвольте выразить вам свое восхищение! Если вас сфотографировать и наклеить фото на пластинки, их вмиг раскупят, не глядя на то, что мы на них записали. Возьмите, пожалуйста, ваши пластинки. Их здесь десять.

— Пройдемте в гостиную, — пригласил я. — Попьем чай, а заодно поговорим.

Пока пили чай и ели пирожные, болтали о пустяках, а как только закончили и Наталья убрала посуду, перешли к делу.

— У нас большой интерес к сотрудничеству, — сказал Гинер. — Ваши песни за

оригинальность и хорошее исполнение расхватывали даже при не очень хорошем качестве записи. Все-таки есть разница, делать шаблон в студии или с магнитофонной ленты. У вас был неплохой аппарат, но все равно он многое испортил, поэтому мы вам предлагаем все перезаписать. У вас есть новые песни?

— Еще шесть, — ответил я. — Но у меня будет к вам встречное предложение. Прежде чем делать запись, подберите нам музыкантов с нужными инструментами. Мы с их помощью так оформим песни, что вы не будете успевать печатать пластинки. Можете это сделать?

— Это нетрудно, — осторожно ответил он, — но не пропадет ли после этого ваш стиль?

— Постараемся, чтобы этого не произошло, — сказал я. — Кое-что можно оставить так, как играли раньше, но остальные песни от этого только выиграют.

Мы с ним обговорили детали, получили чек на пять тысяч рублей и простились довольные друг другом. На деньги мне было наплевать, я бы для него спел бесплатно только из-за горящих восторгом глаз Веры. После его отъезда в сопровождении одного из наших телохранителей прибыл рояль. Грузчики бережно внесли инструмент в квартиру и установили в гостиной. Даже с просторными коридорами и широкой дверью сделать это было непросто. С ними приехал настройщик, которого фабрика Беккера отправила проверить инструмент после перевозки. Он проверил и остался доволен, ну и жена была так довольна, что потом играла чуть ли не до сна. Даже на ужин я ее отвел за руку.

На следующий день произошли два события. После завтрака прислали машину, на которой отец в первый раз уехал на службу, а через несколько часов почтальон принес выписанную нами газету «Русское слово». В ней на первой странице сообщалось о решении перенести столицу из Санкт-Петербурга в Москву. О сроках этого переноса не упомянули, но на третьей странице в придворной хронике напечатали, что на днях император и императрица на несколько дней приедут в Москву. Наверное, они решили сами осмотреть Большой Кремлевский дворец и определиться с местом проживания. Я бы тоже такое никому не доверил, а посмотрел своими глазами. Вызовет ли он меня к себе, как предполагал Шувалов? Я был готов к разговору.

С этой поездкой вышла задержка, скорее всего, из-за событий в Радомской губернии. Семнадцатого марта в Радоме было совершено покушение на губернатора — статского советника Евгения Ивановича Севастьянова, и в тот же день вооруженная толпа напала на солдат одного из двух находящихся в окрестностях губернской столицы пехотных полков. Покушение было неплохо подготовлено и прошло для поляков без потерь. Они спрятались на чердаках двух домов по обе стороны улицы, по которой в обед ездил губернатор, и обстреляли из винтовок его автомобиль и охрану. Всем гражданским властям Привислинского края и военачальникам расположенных в нем воинских частей было приказано усилить караулы и держать солдат в полной боевой готовности, но усиленная охрана из двух десятков драгун не спасла Севастьянова. Получив две пули в бок и одну в голову, он был убит на месте. Ехавший рядом с ним офицер получил два ранения, но выжил благодаря шоферу, который с ранением в руку сумел вывезти машину из-под обстрела. Драгуны тоже понесли потери, но сумели ответным огнем заставить поляков отступить. За городом произошло более масштабное столкновение. Вот уже двадцать лет высочайшим указом было предписано при всех пехотных и кавалерийских частях иметь подсобные сельские хозяйства, на которых работали выделенные в наряд солдаты. Эти фермы в основном занимались выращиванием свиней и кур и были выгодны казне и полковому

начальству. Кое-что доставалось и солдатам, но такое было нечасто. Мясо в основном забирали офицеры, казна сэкономила на питании солдат, а те не бездельничали, а были при деле. Вот на такое подсобное хозяйство и напала толпа поляков, вооруженная ножами и дубинами. Наверняка такое оружие взяли не случайно, а с умыслом. В обычное время полторы сотни поляков легко справились бы с тремя десятками солдат первого года службы, которых только и посылали на такие работы, но на этот раз все сложилось по-другому. В соответствии с приказом в хозяйстве присутствовало отделение вооруженных винтовками солдат во главе с унтер-офицером, поэтому напавшие не добились своей цели и отступили, потеряв три десятка ранеными и убитыми. Это послужило сигналом к массовым выступлениям поляков в Радоме, Ломже, Петрокове и других городках поменьше. В Варшавской губернии волнения удалось предотвратить, потому что туда заранее стянули большие силы армии и жандармерии. Кроме того, полицией в Варшаве была проведена успешная операция с арестом главарей националистического подполья и изъятием большого количества оружия и боеприпасов. Вооруженные выступления продолжались несколько дней, до тех пор, пока против восставших не применили химические гранаты, вызывающие временную слепоту и другие расстройства. Ими удалось, не прибегая к оружию, быстро разогнать толпы плохо вооруженных горожан. А вот с теми, кто был хорошо вооружен и организован в отряды, не церемонились. Очаги сопротивления подавлялись пулеметным огнем, а в отдельных случаях и огнем малокалиберной артиллерии. В прессе большинства европейских государств разразилась настоящая истерия, в которой русских обвиняли во всех смертных грехах, а поляки выставлялись невинными жертвами произвола. Как выяснилось позже, поляки выступили намного раньше срока, поэтому остались без обещанной поддержки тройственного союза.

Двадцать седьмого марта император приехал в Москву. В эту поездку он не взял жену. На следующий день мне позвонил Машков и предупредил, что за мной сейчас приедут.

— Вас повезут к тому, о ком мы говорили, — сказал Денис Васильевич, — поэтому быстро приводите себя в порядок. Да, оружие оставьте дома, в этой поездке оно вам не понадобится.

Приехали за мной на «медведе», на котором я уже ездил несколько раз. Помимо знакомого шофера был лично князь Шувалов и двое крепких мужчин в гражданском, но с армейскими замашками. Я уже наловчился и мог сходу определить офицера, во что его не наряди. В прошлой жизни это тоже было заметно, но далеко не всегда и не так сильно. Мы поздоровались, после чего один из сопровождавших спросил, есть ли у меня с собой оружие.

— Оставил дома, — ответил я. — Можете проверить, я не обижусь.

Он принял к сведению мой ответ и не стал ничего проверять. Мы сели в машину, но поехали не в Кремль, как я думал, а совсем в другую сторону. Целью нашей поездки был двухэтажный особняк где-то далеко от центра. Его огораживала литая чугунная ограда, а за ней был разбит небольшой, но красивый и ухоженный парк. Листвы на деревьях не было, поэтому можно было хорошо рассмотреть дом с колоннами. Летом я бы его из-за ворот не увидел, разве что крышу. Нам открыли ворота, и машина подъехала к дому по узкой асфальтированной дороге. Мы с Шуваловым вышли из салона, а остальные уехали куда-то за дом. Меня все-таки обыскали два встретивших нас на первом этаже охранника, а Шувалов прошел без проверки. Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж, где нас поджидал мужчина лет пятидесяти с волевым умным лицом. Он, как и все здесь, был в гражданском.

— Здравствуйте, господа, — поздоровался он с нами, после чего обратился к Шувалову:

— Его Величество желает говорить со своим гостем наедине, поэтому вы, Петр Павлович составите мне компанию. А вас, князь, прошу пройти в ту комнату. Вас ждут.

Я ожидал увидеть нечто вроде кабинета и одетого в форму императора. На самом деле моим глазам предстала шикарно обставленная гостиная и сидевший в прекрасно пошитом сером костюме—тройке Владимир Андреевич, которого я знал по уже появившимся портретам. Выглядел он значительно моложе своих пятидесяти трех лет. Я подошел ближе, остановился в десяти шагах от него и поздоровался.

— Садитесь, князь! — сказал он, показав рукой на стоявшее рядом с ним кресло. — Ну же! Я вас вызвал не на допрос и не собираюсь с вами перекрикиваться.

Я сел в предложенное кресло и стал ждать, что он скажет.

— Вы не могли не думать о том, в чем причина моего интереса, — сказал он. — Что-нибудь надумали?

— Любопытство? — попробовал я угадать. — Может быть, еще недоверие. В такое трудно поверить.

— Вы правы, — сказал он, — все есть, и любопытство, и недоверие. Если бы не фонтан изобретений и знаний, поразивших наших ученых, вам бы никто не поверил. Но нельзя не верить очевидным фактам, поэтому в конце концов поверил и я. И теперь возникают вопросы: кто же вы на самом деле и с чем связано ваше появление? Я беседовал с опытным психологом, так вот, он считает, что юноша, получив память жизни другого человека, уже не сможет сохранить себя как личность. Он во многом станет тем, чьи знания получил. Князь Шувалов, который вас сюда привез, сказал, что, по его впечатлению, в вас словно живут два человека. Один из них — пожилой и умудренный жизнью мужчина, а второй — мальчишка, который не слишком склонен обдумывать последствия своих поступков.

— А если даже и так? — сказал я. — Это что-то меняет? Пусть даже две личности слились в одну, личность князя Мещерского никуда не делась. Я не ощущаю в себе никакой раздвоенности. Некоторая импульсивность в действиях есть, из-за чего я иногда попадаю в неприятности. Позже, все обдумав, я понимаю, что в той жизни так бы не поступил.

— Ваша статья, — кивнул он. — Хотя вы могли недооценить опасность просто из-за незнания. Не скажете, в связи с чем возник такой феномен, как вы? Вряд ли подобное случалось раньше. Даже реинкарнация индусов не подходит. Память прожитой жизни подарит знания прошлого, а не будущего. Вы очень вовремя появились, князь, и это наводит на мысли.

— Людям такое не по силам, — сказал я, — а если это дела тех, кто выше, мы с вами в их мотивах все равно не разберемся. Я всеми силами хочу помочь отечеству, а вам нужно только этим воспользоваться.

— Вот и я об этом говорю, — согласился он. — Кстати, вы меня называли по титулу только тогда, когда приветствовали, а сейчас беседуете, как с равным. Странное поведение для молодого князя Мещерского.

— Извините, ваше величество, — смутился я. — Я исправлюсь.

— Исправитесь потом, — сказал он, — когда отсюда выйдете. А сейчас я бы хотел знать, нет ли у вас желания сказать мне что-то такое, с чем не можете или не хотите обращаться к другим?

— Есть у меня одна мысль, — начал я. — Когда мы жили в лагере, где было развернуто производство химического оружия, приходилось общаться с многими умными людьми. Руководство Братства никого из них не посвящало в свои планы, но эти люди очень много

знали и сделали, с моей точки зрения, правильные выводы...

— А поскольку это их домыслы, они их от вас не скрывали, так?

— Совершенно верно! — кивнул я. — Перевозка контейнеров с ядом в крупные города тройственного союза и акция, которая посеет страх и приведет к панике и неразберихе в экономике. Воевать в таких условиях будет только идиот, поэтому войска вернут.

— Очень похоже, — согласился император. — Ваша мысль связана с этим?

— Я думаю, что умнее будет вбить клин между союзниками, — сказал я. — Травить только англичан и французов, а с немцами вступить в соглашение.

— Уже думали, — ответил он. — Не вы один такой умный. Не получается, немцы на это не пойдут.

— А мне кажется, что пойдут, — возразил я. — Давайте я попробую обосновать свое предложение.

— Обоснуйте, — согласился он. — Если у вас получится, разгону всех советников и возьму вас.

— В своих рассуждениях я буду опираться на историю другого мира, — сказал я. — Там Германия тоже обошла всех своих соседей в развитии экономики, а потом и росте военной мощи. И ее тоже сковывали размеры национальной территории и недостаток ресурсов. Колонии поделены в основном между Англией и Францией, а Германии осталась сущая ерунда. Отвоевать их, не развязав войну в Европе, было нереально. Да и в самой Европе, кроме нас, завоевывать некого: территории и ресурсов мало, а населения, которое не уничтожишь, много. В том мире война началась в четырнадцатом году.

— И кто с кем воевал? — спросил император.

— Еще в восьмидесятом году прошлого века наша империя заключила военный союз с Англией и Францией, — сказал я, а потом обрисовал расстановку сил и то, кто с кем воевал, и чем все закончилось.

— Мы такого договора не заключали, — заметил он. — И что было дальше?

Я не стал рассказывать о возникновении Советского Союза, потому что это был разговор на полдня, а просто сказал, что империя стала республикой, и было отменено сословное деление, после чего сразу перешел ко Второй мировой войне.

— Это все интересно, — послушав меня минут пять, прервал он, — но вторая война возникла из-за первой, поэтому давайте к ней и вернемся. Я вас с удовольствием послушаю, но как-нибудь в другой раз.

— Хорошо, — согласился я, — давайте вернемся. Главной целью для Германии были мы, просто, не разгромив наших союзников, они не могли завоевывать империю. Никто не дал бы Германии настолько усилиться. Поэтому даже англичане, которые всю свою историю нам пакостили и были противниками, в обеих войнах воевали на нашей стороне. Впрочем, они всегда тянули до последнего, отсиживаясь на своем острове и ожидая, пока мы с немцами не ослабим друг друга. Французы в этом не лучше, просто у них не получалось отсидеться. Я все сильно упрощаю, потому что воевали многие, даже в колониях, но это определяющее.

— Англичане были нашими союзниками в войне с Наполеоном, — сказал император, — а в остальном вы правы, хоть действительно сильно упрощаете.

— Здесь я вижу почти ту же самую картину, — продолжил я, — только почему-то европейские державы не передрались, а договорились решить свои проблемы за счет нас. Но ведь и здесь никто не желает усиления Германии! Отдать ей часть империи, чтобы немцы

смогли обеспечить себя продовольствием, дешевой рабочей силой и сырьем, и что потом? Долго просуществует независимая Франция, не говоря уже об остальных? Поэтому я думаю, что в грядущей войне постараются переложить всю ее тяжесть на немцев, а потом сунуть им что-нибудь, что не сильно жалко. Мы даже в своем нынешнем состоянии не так уж и слабы, поэтому одним немцам хорошо пустим кровь, а англичане с французами сохранят силы и возьмут их за горло. Наверное, у немцев есть какие-то козыри, но, скорее всего, они просто неверно оценивают расклад сил. Есть за ними такой грех.

— И вы им хотите раскрыть глаза? — насмешливо спросил император.

— Прежде всего я хочу их напугать, — сказал я, — а потом, не посвящая в детали, рассказать о грядущих событиях и предложить английские колонии, а если они нам помогут, то и французские. Конечно, все они захватить не смогут, но наедятся вдосталь. Да и мы себе сможем что-нибудь прибрать. Колонии нам не нужны, но военно-морские базы не помешают. Американцы тоже постараются что-то урвать, но наследство большое, его хватит на всех.

— Как вы себе это представляете? — спросил он, удивленно на меня посмотрев. — У англичан неплохая армия и громадный флот. Даже наш удар по городам не разрушит их могущества, только на время ослабит.

— Англичане, да и французы, приведут к нашей границе большие армии, — сказал я. — Даже если они планируют толкнуть немцев в огонь, чтобы те таскали для них каштаны, все равно поучаствовать придется, а потом придет время дележки, а это лучше делать с дубинкой в руке. И вряд ли они будут мешать своей армии с немцами, постоят где-нибудь в стороне. И если немцы нам подробно расскажут, где и что стоит... Наделать вакуумных бомб не так сложно, а в ночное время и наша немного устаревшая авиация сработает нормально. Выбрать хорошую погоду...

— И они будут стоять и ждать? — с сомнением сказал император. — Если объявят войну...

— А зачем ждать нам? — в свою очередь спросил я. — Выберем время и объявим им войну сами! Вручить ноту послам, а через час ударить. Они именно так и действовали. А чтобы подорвать их силы окончательно, направить к берегам Англии субмарины. Пусть скрытно подойдут к базам их флота в Портсмуте и Девонпорте. На Кипр можно послать. Я не знаю, где флот французов, но должны знать адмиралы. А если еще поучаствуют немцы... Это во время войны базы очень серьезно охраняются, а в мирное время это делается постольку-поскольку. Чего бояться «Владычице морей» у своих собственных берегов? И удар нанести одновременно и по их передовым частям, и по городам, и по морским базам! А немцы пусть немного затянут начало войны, чтобы дать нам больше времени на подготовку.

— Сумасшедший план! — с восхищением сказал император. — Но если получится... А как вы хотите пугать немцев?

— Я бы приготовил десятка два вакуумных зарядов и взорвал их одновременно, пригласив на это зрелище немецкого посла. Уверяю вас, что он будет потрясен. Немцы не идиоты и должны понимать, что их хотят использовать. Наверное, их согласие объясняется нашей слабостью. А если убедить, что никакой слабости нет...

— Посмотрим, — сказал император. — Все нужно хорошо взвесить и обговорить с самыми разными людьми. Я мало знаю о состоянии нашей военной авиации, а о подводном флоте не знаю совсем. Пока не было времени этим заниматься. Давайте все-таки вернемся к тому, почему два почти одинаковых мира так сильно разошлись в развитии.

— Первое, что мне бросилось в глаза, — это результаты Русско-японской войны, — сказал я. — Там был разгром, здесь — ничья. Но вряд ли это сильно повлияло на немцев, разве что лишний раз показало нашу слабость. Но договор восьмидесятого года здесь не заключали, а это было гораздо раньше.

— А если вы здесь такой не один? — предположил император. — Если кому-то из тех, кто определял европейскую политику тоже дали знания будущего, но не такого далекого, как у вас. Никаких научных знаний у него не будет, а вот последствия войны он может знать. По большому счету в вашей войне все проиграли, разве что меньше других потеряли англичане, но во второй войне, которая явилась следствием первой, и им досталось. Есть повод все переиграть? Вот что вам нужно будет сделать. Садитесь-ка у себя дома и в подробностях опишите все, что помните, по этим двум войнам. Опишите и период между ними. Свои записи отдадите мне.

— Ваше величество, — обратился я к нему, отреагировав на командный тон. — Все это уже сделано по распоряжению графа Шувалова. Осталось допечатать совсем немного.

— Вот как? — удивился он. — А Петр Павлович мне об этом не говорил. Ну и ладно это очень кстати. Заканчивайте и отдайте ему. Еще один вопрос, и я вас отпущу. Песни из другого мира?

— Конечно, — ответил я. — Чтобы сочинить музыку и стихи для стольких песен, да еще за какие-то полгода, надо быть гением. Я их знаю сотни две, просто не все можно петь.

— А мне споете? — спросил он. — Не сейчас, а как-нибудь потом? Я бы хотел послушать о том мире. Не одни же в нем были войны! Наверное, было немало полезного, помимо науки. Но все это, когда мы переедем в Москву. Заодно и жена послушает, она без ума от ваших песен. Спасибо, князь, за то, что приехали, и за интересные мысли и прощайте! Да, скажите графу Шувалову, чтобы он ко мне зашел.

Я попрощался и вышел, закрыв за собой дверь. Шувалов о чем-то говорил со встретившим нас господином, поэтому пришлось оторвать его от беседы и передать слова императора. После этого я хотел отойти в сторону, но не получилось.

— Задержитесь, князь, — попросил меня неизвестный. — Я вас знаю, а сам вам не представился. Хочу исправить эту оплошность. Я хозяин этого дома генерал-адъютант князь Алексей Дмитриевич Хилков. Как и многие, являюсь большим поклонником ваших песен. Вы пока не почувствовали своей популярности, но уверяю вас, что это ненадолго. Как только узнают о том, что вы поселились в Москве, не дадут прохода вам и вашей жене. А пока я хочу воспользоваться случаем и пригласить вас к себе. Не сейчас, а позже, когда перевезу сюда семью из Питера. Вы не станете возражать, если я вас побеспокою?

— Беспокойте, князь, — разрешил я. — У нас здесь совсем нет знакомых, если не считать мою тетю, так что с удовольствием вас навестим.

Из гостиной вышел Шувалов и быстрым шагом направился к нам.

— Вы уже поговорили? — спросил он Хилкова. — Тогда мы уезжаем. Дела, уважаемый Алексей Дмитриевич!

Уже в машине он повернулся ко мне и с укоризной спросил:

— Была необходимость говорить государю о вашей неоконченной работе?

— Завтра я ее закончу, — ответил я. — Я не собирался, Петр Павлович, этим хвастать, просто император дал мне ту же самую работу, что и вы. Я не считал возможным хитрить и сказал, что она уже делается по вашему распоряжению и близка к завершению. Я что-то сделал не так?

— Все так, — вздохнув, сказал он. — Просто я хотел... впрочем, это неважно.

Весь остальной путь проехали молча. К себе я поднялся в сопровождении телохранителя. Уже в прихожей я услышал доносившийся из гостиной громкий голос отца Веры. Когда я открыл в нее дверь, был схвачен и так сжат в объятиях, что затрещали кости.

— Папа, ты его задушишь! — засмеялась жена. — Отпусти, он мне еще нужен живым!

— Подрос и заматерел! — говорил Николай Дмитриевич, поворачивая меня своими ручищами. — Уже не тот хилый мальчишка, которому я отдал дочь! И эту лентяйку заставил заниматься, хвалю!

— Извините за то, что произошло, — смущенно сказал я. — Затея с пожаром не наша, но косвенно я виноват. Если бы не та статья...

— Если бы да кабы, — сказал он. — Ладно, чего теперь об этом говорить. Горе мы, конечно, испытали, но была и радость, когда все выяснилось. И теперь у вас есть могилы, поэтому будете жить долго-долго!

— Надолго к нам? — спросил я.

— Сегодня побуду, а завтра вернусь, — ответил он. — Все дело на сыне, а он еще слишком молод для того, чтобы долго его тянуть.

В нашей комнате зазвонил телефон, и пришлось на время прервать разговор. Звонил Гинер.

— Здравствуйте, князь! — услышал я из трубки голос Марка Альбертовича. — Я подобрал вам музыкантов. Сколько песен вы думаете записывать под два инструмента?

— Можем записать восемь песен, — ответил я. — Как раз на четыре пластинки.

— Тогда я завтра пришлю за вами машину, — сказал он. — Запишите песни и тут же начнете работать с музыкантами. У нас на студии много подходящих помещений. К которому часу приезжать?

— К трем, — ответил я. — Только у меня будет своя машина, поэтому достаточно будет сказать адрес и встретить у входа, чтобы мы вас не искали.

Договорившись с нашим «импресарио», я вышел в коридор и увидел вернувшуюся из гимназии Ольгу. Вид у сестры был невеселый.

— Не приехал? — спросил я. — Не расстраивайся, я завтра озадачу Машкова, и он быстро найдет твоего Сергея. Выше нос, сестренка! Приехал Николай Дмитриевич, не будем его расстраивать твоим унылым видом.

Я ее немного растормошил, и вечер у нас прошел замечательно. Утром, вскоре после отъезда отца Веры, появилась машинистка. Она отдала мне лист с вопросами, взяла мои ответы и с час печатала то, что я диктовал. Когда закончили, я собрал и отдал ей полторы сотни страниц нашей совместной работы. Интересно, ее тоже заставят все забыть химией и гипнозом? Когда машинистку увезли, я занялся вопросами ученых. Сегодня повезло: из девяти вопросов я смог дать ответ на четыре. Правда, в двух из них вспомнилось немного, но ученым достаточно было дать подсказку, а все остальное они делали сами. Только я закончил, как зазвонил телефон.

— Я говорю с князем Алексеем Мещерским? — спросил меня мужской голос. — Это вас беспокоит Дунаевский из Московской филармонии...

— Вы, что ли, Исаак Осипович? — ляпнул я, не подумав.

— Вы меня знаете? Это очень приятно, — сказал он. — Я к вам звоню по поручению директора нашей филармонии. Хотелось бы узнать, можно ли надеяться на ваше выступление в одном из наших залов? Хотя бы два-три концерта?

— Скажите номер телефона, — попросил я. — Я сейчас не могу ничего обещать, но как только появится возможность, сразу же вам позвоню.

Он продиктовал мне два номера, свой и директора, и попрощался, а я пошел в гостиную, в которой жена играла на рояле.

— И эта женщина врала мне, что ей надоело играть! — сказал я, обняв ее сзади за плечи. — Знаешь, откуда только что звонили?

— Откуда мне знать? — не прекращая играть, ответила она. — Говори, что замолчал?

— Да вот думаю, принимать нам предложение выступить в большом зале консерватории, или ну их всех на фиг?

— Я во всем этом вижу достаточно сложностей и риска, — сказал министр иностранных дел граф Александр Николаевич Муравьев. — Во-первых, трудно будет убедить немцев, не раскрывая им всех наших планов, а делать это очень рискованно. А, во-вторых, предложенный вариант с послом просто нежизненный. Даже если нам удастся его убедить, сам он ничего не решает, а переговоры через посредников займут слишком много времени и вряд ли закончатся так, как мы рассчитываем. Слишком мало времени, к тому же переговоры с немцами привлекут внимание их союзников. Если уж договариваться, то с кем-то из ближнего окружения кайзера Августа. Я бы рекомендовал его младшего брата принца Иоахима. У нас есть к нему подходы, и я думаю, его можно будет убедить приехать, причем сделать это так, чтобы не привлечь к этому визиту большого внимания.

— Проработайте это в черновом варианте, — приказал император. — Потом соберемся и решим окончательно. Теперь вам слово, Сергей Евгеньевич.

— Идея очень интересная, — сказал морской министр адмирал Алексеев. — Я имею в виду не союз с немцами, хотя и он, по моему мнению, возможен, а дальний рейд наших подводных соединений к берегам Великобритании и Кипра. Я такого не предлагал только потому, что стояла задача защиты нашего побережья от вражеских флотов, а не их превентивное уничтожение в собственных портах. Для этого важно нанести удар в условиях мирного времени, потому что с началом военных действий охрана военных баз будет совсем другая. Будет осуществляться постоянное боевое патрулирование, запретят движение гражданских судов и задействуют все возможности по прослушиванию. Тогда даже одной лодке будет трудно подобраться, что уж говорить о целом соединении. А автономность у подводных лодок ограниченная, поэтому мы не сможем долго держать их вдали от своих баз. Но если объявить войну самим и сразу же ударить, может получиться. Только у нас не хватит сил еще и на французов. По ним пусть работают немцы, им это будет сделать гораздо проще.

— А что с подводными лодками? — спросил император.

— Это на армию постоянно урезали ассигнования, — сказал Алексеев. — Нас это почти не коснулось. Больших надводных кораблей в последние годы не строили, а вот подводные лодки закладывали постоянно. Основа ударных сил флота — это подводные лодки «Гринда». Их у нас сто три, причем почти все в Черном море. Эти лодки водоизмещением в полторы тысячи тонн могут погружаться на глубину больше ста метров и пройти в надводном положении около пяти тысяч миль. До Кипра всего тысяча миль, а до побережья Великобритании немногим больше двух. Основная сложность в погоде. Если на переходе попадут в шторм, придется погружаться, а в подводном положении и скорость гораздо меньше, и время нахождения всего три-четыре дня. Вооружены восемью торпедными аппаратами и имеют на борту шестнадцать торпед. Есть и орудие калибром сто миллиметров. На Кипре английские корабли можно расстрелять, как в тире, то же касается и базы флота в Девонпорте, а вот в Портсмуте корабли стоят так, что сразу до всех не доберешься. Учитывая противодействие береговых батарей и авиации, которое будет оказано вскоре после нападения, у англичан там может уцелеть треть кораблей. Кроме того, часть боевых кораблей находится в колониях и в плавании, поэтому суммарно они могут потерять две трети флота.

— С учетом остальных факторов этого будет достаточно, — сказал император. — Вы

ничего не хотите сказать, Александр Дмитриевич? Что у нас с боевыми самолетами?

— Не так хорошо, как хотелось бы, но задачу мы выполним, — ответил военный министр Шуваев. — С обычными бомбами, да еще без разведки и в дневное время мы мало что могли бы сделать и быстро потеряли бы большую часть машин. Но если немцы дадут нам цели, можно действовать ночью. Это обеспечит внезапность и сведет на нет преимущества самолетов противника. И по немцам не работать, а значит, можно больше самолетов бросить на их союзников. Ну и новые бомбы, которые мощнее имеющихся на вооружении самое малое в шесть раз. Мы сейчас приводим в порядок все машины и через месяц начнем строительство полевых аэродромов вблизи границ, в том числе и с ложными целями. Нужно создать большие запасы горючего и всего остального. Мы не успеем подготовиться раньше июля, да и новых бомб не будет в нужном количестве. Поэтому, если немцы затянут...

— Понятно, — сказал император. — Все лучше, чем я думал. Хотите что-то сказать, Борис Леонидович?

— Да, ваше величество, — сказал Вяземский. — С вашего позволения, я дополню. Я здесь несколько раз слышал о риске, но не совсем понял, что имелось в виду. Немцы узнают о нашей затее с ядом? И ради бога, могут даже поделиться этим с союзниками, на наши планы это почти не повлияет. Ну не сможет Сергей Евгеньевич послать свои подводные лодки на Кипр, но это мелочи. Будет курсировать вдоль побережья и топить английские корабли здесь. Не нужно мне возражать, я и сам знаю преимущества внезапности, но сейчас говорю о другом. Представьте себя кайзером Августом. Вам стало известно, что эти русские сволочи вот-вот зальют смертельной отравой столицу. И что вы сможете сделать, да еще за месяц-два? Мы внедряли своих людей десять лет назад, а уже потом завозили для них все необходимое. Их документам и легендам уделялось первостепенное внимание. Таких агентов почти невозможно обнаружить, пока они не начнут действовать. Никаких радиопередатчиков у большинства нет, поэтому они не погорят на связи. Каждый в определенное время слушает одну из станций по обычному приемнику. Две нужные песни подряд и несколько сказанных цифр будут сигналом к действию. Теперь подумайте, как вы будете искать в многомиллионном городе наших агентов, которые ничем не отличаются от его жителей?

— А как бы искали вы? — спросил канцлера император.

— А никак, ваше величество, — ответил он. — Такую ситуацию просто нельзя допускать, а если уж допустили... Я бы не смог предотвратить удар, просто постарался бы ослабить его последствия. Вывез бы правительственные учреждения, запасы продовольствия и транспорт и приготовил палатки, пункты обработки и план расселения людей. Заодно можно создать запасы продукции тех заводов, которые нужно будет на время остановить. В последнюю очередь предупредил бы жителей, как себя вести. Даже обычные очки с уплотнением и мокрая повязка могут помочь выжить. Конечно, не везде, а где яда будет совсем немного. Но такие мероприятия не скроешь, и они могут ускорить акцию. Так что немцам можно все говорить начистоту. Учтите еще то, что Братство передало армии восемь тысяч химических бомб и пятьдесят тысяч полных респираторов и защищающих от ядов костюмов. У нас не было новых бомб, и упор делался на яды. Их ни у кого нет, поэтому и в войсках нет никакой защиты. Это еще один кнут для немцев. Если они воспользуются нашей откровенностью и обо всем доложат союзникам, нам не останется ничего другого, как пустить в ход все, что у нас есть. И наши химические бомбы полетят на немецкую

территорию! Тогда мы уже не станем разбирать, где чьи войска. Многие части будут стоять вблизи городов, а ночью легко промахнуться и сбросить бомбы на какой-нибудь город. Я считаю, что для немцев приготовлен достаточно большой и вкусный пряник и тяжелый кнут. Я бы на месте их императора не колебался. Немцам придется добить остатки войск бывших союзников и потопить французский флот. Это будет не так уж сложно сделать, но после этих действий они будут надолго привязаны к нам. Ненавидеть их будут еще больше, чем нас: мы враги, а они все-таки были союзниками. А наш с ними союз очень естественный, при условии, что они получают в колониях все, что нужно для развития.

— Вы учитываете, что Англия и Франция оправятся и постараются отыграться? — спросил Муравьев.

— Вы читали переданные вам материалы? — в свою очередь спросил Вяземский.

— Читал и не верил своим глазам, — ответил Муравьев.

— А вы поверьте, — усмехнулся канцлер. — Потерять гораздо легче, чем потом вернуть потерянное. Великобритания не вернула свои колонии, да и Франция тоже. А без подпитки из колоний, да еще после нашего удара, им придется долго восстанавливаться. Препятствия из колоний уже больше не будет. И вряд ли Американские штаты станут сильно помогать, скорее, постараются занять их колонии и место в мире. Германия очень быстро усилится, да и мы не будем стоять на месте. У нас навалом своей неосвоенной территории, поэтому я бы не рвался захватывать колонии, захватил бы только небольшой кусок Африки на побережье для нужд нашего флота.

— Может получиться, — задумчиво сказал Муравьев. — Изоляции у нас в любом случае не будет. Силу уважают и побаиваются, поэтому многих против нас не настроят.

— Я не боюсь за будущее, — сказал Вяземский, — нам бы отбиться сейчас. А потом займемся ракетами. Не сейчас, а лет через десять. Со временем сможем достать и до Америки. Неплохо, кстати, напомнить американцам, что через четырнадцать лет истекает срок аренды Аляски. Я думаю, что мы не будем его продлевать. Надо только так работать, чтобы не выкрали наши секреты. Есть план постройки в Сибири небольших закрытых городов с учеными и секретными заводами. Средства найдем. Мы сейчас приведем в порядок армию на одни процентные выплаты по займам, а если возьмем в казну всю собственность иностранцев... Кстати, немцам можно сделать послабление. Мы им должны меньше, чем другим, а стоимость предприятий можно частично оплатить. Это будет им еще одним пряником.

— А когда все-таки будут готовы первые бомбы? — спросил император. — А то мы строим планы, а нет еще ни одной готовой!

— Дня через три будем испытывать первую, — ответил Вяземский. — Я вчера разговаривал со старшим группы. В них нет ничего сложного, так что наделаем быстро. Тонкостенный корпус полностью заполнен горючей жидкостью. В центре установлен стержневой заряд взрывчатки, который ее распыляет. В хвостовой части есть стабилизатор и небольшой парашют, а из носовой части свисает тросик метров десять для подрыва на этой высоте. Еще есть воспламенитель. Все части отработаны, осталось только сбросить с самолета уже изготовленный образец. Сейчас готовят место для испытания. Это в часе езды от столицы, поэтому можно будет посмотреть.

— Замечательно, — довольно сказал император. — Давайте обсудим, как у нас идут дела с переносом столицы, и на этом закончим.

— Мне уже надоели эти звонки! — недовольно сказала мама. — Мало того что постоянно звонят вам, теперь начали звонить и по нашему телефону!

— Я его никому не давал, честное слово! — поклялся я. — Да и свой дал только кое-кому из филармонии. Наверное, как-то узнали через администрацию дома или на телефонной станции. А тебе нужно просто посылать всех подальше. Нет их по этому телефону и все!

— Я не так воспитана, — ответила она, — тем более что звонят такие люди...

Звонки начались после нашего второго концерта. Мы уже разучили четыре песни вместе с оркестром, который с небольшой натяжкой можно было назвать эстрадным, но их на концерте не пели и выступили только со своими инструментами. Полтора десятка песен, среди которых были три новые, привели московскую публику в восторг. Конечно, слушать наше исполнение было намного приятнее, чем первые паршивые записи. Мы уже перезаписали часть песен и теперь готовились сделать то же с остальными. В филармонии и после концертов приходилось со многими знакомиться, и кое-кто из этих знакомых так меня заинтересовал, что я им оставил свой телефон. Теперь за это приходилось расплачиваться. Хоть я уже не тратил время на историю, его по-прежнему было не слишком много. Аппетиты ученых росли, и много времени занимали репетиции с оркестром. Шувалов высказал недовольство по поводу наших концертов и частых поездок, но я его вежливо послал, объяснив, что наше творчество — это прекрасное прикрытие моего участия в их проекте. Сейчас мы тоже собирались уезжать, но не на репетицию, а в гости. Два часа назад позвонил Дунаевский и напомнил о моем обещании его навестить.

— Приезжайте вместе с женой, князь, — попросил он. — У меня в гостях будут очень интересные люди. Все надеются, что будете и вы. Вы обещали мне, а я почти обещал им...

Он был вторым человеком в консерватории, и я любил его творчество в той жизни, поэтому и дал обещание. Хотелось с ним поговорить и понять, почему здесь все искусство, с моей точки зрения, серо и уныло. Я пробовал читать много книг, но не увлекла ни одна. Утомительные описания, косноязычные диалоги и посредственный сюжет. Попадались такие, которые не вызывали сонливости, но и к ним подходило в лучшем случае не слишком лестное определение — «можно читать». Это были по большей части отечественные и французские исторические романы. С кино было еще хуже. Как выяснилось, здесь не было своего Чарли Чаплина. Снимались другие комедийные актеры, но до Чарли им было далеко. Не было и Макса Линдера, и многих других. Фильмы снимали черно-белые, но с нормальной частотой кадров и приличным качеством, вот только смотреть их было просто скучно. Жена трижды вытянула меня в кино, один раз это была кинокомедия. Многие смеялись, а я скучал. В театре было чуть лучше, но ненамного. Единственным спектаклем, который я посмотрел с удовольствием, была постановка Шекспировского «Короля Лира». Хоть этот здесь отметился. Музыка во всех фильмах тоже была посредственная. Видимо, не вдохновляло такое кино композиторов на создание шедевров. Песни в своем большинстве были... так себе. Я не любил романсы, а здесь их пели больше всего. Вот симфонии звучали классно, но я не был любителем классической музыки. Оставались стихи и живопись, но я в них еще не разбирался. Александр Блок здесь был, но мы оба его не любили, а остальных поэтов я не знал. Пушкина и Лермонтова не считаю — это седая старина.

Вызванная группа сопровождения приехала без задержки, и уже через пятнадцать минут мы были у дома, в котором жил композитор. Охранники проводили нас к нужной квартире и вернулись к машине. Встретил нас сам хозяин и сразу же представил своей жене. Насколько

я помнил, его жену в это время звали Зиной. Здесь это была миниатюрная женщина с именем Ольга и лицом Натальи Варлей. Потом она весь вечер притягивала мой взгляд. И что эта красивая женщина нашла в мужчине с такой заурядной внешностью, как у Исаака? Квартира Дунаевских не блистала роскошью, но была большой. В просторной гостиной стоял громадный стол, за которым собрались в основном мужчины. Среди них сидели только две женщины, обе молодые и хорошенькие. Процедура знакомства не затянулась. Кроме одной из девиц, которую взяли с собой за компанию, все остальные гости были писателями, поэтами и музыкантами. Одним словом, сборище творческих личностей. Ни одно из имен мне ни о чем не говорило. Стол был уставлен блюдами и напитками, но все было еще нетронутым, видимо, ждали нас. Поначалу отдали должное еде, а когда все подкрепились и оприходовали пять бутылок вина, всякая сдержанность пропала, и до конца вечера уже никто не закрывал рта. Мы были нарасхват, и когда просто разговаривали, сидя уже не за столом, а на диване и стоявших возле него креслах, и позже, когда стали танцевать.

— Вы пишете стихи к своим песням, — говорила танцующая со мной Ольга, — значит, поэт! А написали что-нибудь просто так, для души? Наверное, стихи о любви?

Она чувствовала, что на меня сильно действует ее внешность и пыталась форсировать отношения, откровенно прижимаясь ко мне грудью, да и всем остальным. Я читал о том, что Дунаевский был бабником, но и женушка у него оказалась тоже из любительниц тяжелого флирта. Я бросил взгляд на жену, но ей было не до меня. Веру обхаживали сразу три ловеласа, пытавшихся превзойти друг друга в оригинальности и остроумии. Одним из них был уже подвыпивший Исаак. Ольга ничем не рисковала, но мне не нравилось поведение моего организма, поэтому эти прижимания надо было прекращать.

— Да, пишу, — признался я, безуспешно пытаюсь отстраниться. — Если хотите, могу прочитать. Только не нужно меня так откровенно соблазнять: у меня из-за этого путаются мысли, хоть я ничего не пил.

— Пойдемте со мной, князь! — зашептала она мне на ухо, помимо воли рождая желание. — Это ненадолго, и никто не заметит! А если заметят, промолчат: здесь все натуры утонченные... А стихи подождут!

«Зря я сюда приехал, — подумал я. — И Веру зря привез. Обычная пьянка местной богемы. Еще добавят, и придется сбегать».

— Вам не повезло, Ольга, — сказал я, убирая ее руки со своей шеи. — Увы, я не любитель чужого меда, мне хватает своего. Вы очаровательны, но я не хочу расстраивать свою жену и наставлять рога вашему мужу. Танец закончился, пойдемте я вас провожу на диван.

— До дивана я как-нибудь дойду сама! — сердито сказала она. — Порядочные кавалеры так себя не ведут!

Ольга ушла на свой диван, а я направился к жене. Не о чем с ними было беседовать, по крайней мере сейчас.

— Спасибо за компанию, — сказал я хозяину. — Увы, нас ждут дела, иначе мы бы посидели с вами допоздна.

Конечно, нас уговаривали остаться, демонстрировали обиду и все такое, но я взял жену под руку и ушел. Поездка вышла пустой, просто я еще раз убедился в том, что может нравиться творчество человека, но не он сам, и что на такие посиделки нам лучше не ездить. Машина нас ждала возле подъезда, поэтому скоро уже были дома.

— Почему мы так рано уехали? — спросила Вера, когда вошли в свою комнату. — Это

из-за Ольги? Видела я, как она на тебя вешалась!

— Вешалась, — не стал я отвергать очевидного. — Даже пыталась затянуть в спальню, что из этого? Скажи, тебе там понравилось?

— Поначалу было весело, — ответила она, — но потом все быстро напились. Если бы мы с тобой тоже пили...

— То я бы сейчас развлекал Ольгу, — откровенно сказал я, — а тебя бы тоже кто-нибудь охмурил. Это ты трезвая все понимаешь, а если накачают вином и откажут тормоза... Это такие люди, и такая у них жизнь. С ними или не нужно водиться, или нужно быть точно такими же. Разок съездили, посмотрели и хватит.

— А она тебе сильно понравилась? — ревниво спросила Вера.

— Мне когда-то очень нравилась киноактриса, на которую она сильно похожа, — ответил я, — поэтому все время хотелось смотреть на ее лицо. Это фокусы памяти и ничего больше. Красивых женщин много, а любимая только одна. Может, для других иначе, а для меня так. Пока есть ты, мне никто больше не нужен.

— А от ее ласки не отказывался!

— Какое сегодня число? — спросил я.

— Третье апреля, — ответила жена. — А почему спрашиваешь?

— Надо записать в дневник, — объяснил я. — В первый раз получил семейный скандал! Такое обязательно нужно отметить.

— У тебя же нет дневника! — сердито сказала она. — Ты мне зубы не заговаривай!

— Ну и что ты от меня хочешь? Женщина разогрелась вином и решила, как привыкла, разнообразить себе жизнь. Видела, как она в меня вцепилась? Я должен был устроить скандал, отрывая ее от себя? Я это сделал без рук и скандала, одними словами. Ну потерлись мы немного пупками...

— Ах ты! — Вера бросилась на меня с кулаками, но я заманил ее на кровать, где мы сначала разобрались с одеждой, а потом и со своими отношениями.

Самый лучший способ решать любые проблемы с женой. А меня еще сильно завел тот танец, поэтому я себя совсем не сдерживал.

— Дикий зверь! — довольно сказала Вера, когда мы с ней отдыхали.

— Кто бы говорил, — лениво отозвался я. — Всего погрызла. Слушай, как ты отнесешься к тому, что я начну писать книги?

— Рассказы о том сыщике? — спросила она. — А почему ты сейчас об этом вспомнил?

— О Шерлоке Холмсе нельзя, — с сожалением сказал я. — После того, что скоро случится, писать об Англии будет... непатриотично. Но это неважно: я помню очень много книг. Не дословно, конечно, но если учесть, что в прошлой жизни был писателем, а у вас никто не умеет толком писать, то должно получиться не хуже, чем с песнями. Понимаешь, мне стало немного скучно жить. Вопросов привозят не меньше, но ответов у меня на них немного. И остается одно наше пение, а мне этого мало. Мне ваши книги даже не хочется брать в руки, по крайней мере те, которые читал до сих пор. Может быть, после меня и другие станут нормально писать?

— Это не наши книги неправильные, а ты сам, — сказала жена. — Я же видела, как ты смотришь кино. Всем интересно, а ты зеваешь. Хотела бы я посмотреть те фильмы, которые тебе нравились. Наверное, все дело в том, какая жизнь. У нас жизнь скучнее, поэтому тебе скучно в кино, а мы не знаем другой жизни, поэтому нам и это хорошо. Попробуй что-нибудь написать. Только могут сказать, что ты ненормально талантливый. И песни

пишешь, и книги...

— Добавь сюда стихи. Я сегодня сказал Ольге, что их пишу. Нет, это не я распустил хвост. Просто она сказала, что в моих песнях замечательные стихи, поэтому я их и так должен писать. Вообще-то, я их много знаю.

— Не связывайся со стихами, — сказала жена. — Может получиться так, что придется что-то писать самому. Лучше пиши прозу.

— Как съездил? — спросил кайзер Август Вильгельм своего брата Иоахима. — Учти что это в последний раз! Мне из-за твоей выходки пришлось оправдываться и чуть ли не извиняться! На носу война с русскими, а ты к ним поехал. Очень непатриотичный и нелояльный в отношении союзников поступок!

— Мне с тобой нужно серьезно поговорить, — сказал принц. — От этого разговора будет зависеть, останусь я в рейхе или вместе с семьей уеду в Америку.

— Вот даже как! — удивился Август. — Хорошо, поговорим, но не здесь, а в моем кабинете.

Путь к кабинету брата проделали молча. Август не стал садиться за свой стол, а сел на один из стульев для посетителей, хлопнув рукой по стоявшему рядом:

— Садись и излагай, что это на тебя так повлияло в России!

— Если мы вступим в эту войну, случится беда! — сказал Иоахим. — Мы исходили из того, что Россия слаба, и мы с ней справимся без труда, а потом заставим союзников с собой считаться!

— А она оказалась сильнее нас, — насмешливо сказал Август. — Что же тебе такое сказали, что так сразу поменял мнение? До этой поездки у тебя не было возражений.

— Мне и сказали, и показали! Я встречался кое с кем из министров, с канцлером и самим императором. Хочу сразу сказать, что абсолютно уверен в том, что мне говорили правду. Я бы в это поверил, даже если бы не видел своими собственными глазами. Такое просто не выдумает, это слишком ужасно!

— Может быть, ты все-таки перестанешь заламывать руки и объяснишь, в чем дело? — раздраженно спросил Август.

— Что ты знаешь о Братстве? — спросил Иоахим.

— Заговорщики, — пожал плечами император. — Группа родовитых и влиятельных дворян, подготовивших свержение династии. Сейчас сохраняют влияние на нового императора и заняли ряд министерских постов и место канцлера.

— Они готовили свой заговор тридцать лет! И заговор был не против Романовых, а против иностранного засилья. Как ты думаешь, почему они ждали тридцать лет, хотя контролировали верхушку полиции и могли сто раз убрать императора?

— Иногда нетрудно захватить власть, — сказал Август. — Всегда трудно ее удержать.

— Верно, — кивнул Иоахим. — Мне так и объяснили. Общество должно было достаточно сильно пострадать от действий европейских государств, интересы которых защищала прежняя династия. Но это только половина дела. Они прекрасно понимали, что мы будем делать, когда Россия откажется платить по счетам, и мы узнаем, что не получим ни пяди русской земли. И все эти тридцать лет они готовили нам сюрприз! Не только Германии, наши союзники получают ничуть не меньше нас!

— И что же мы получим? — спросил Август. — Не ходи вокруг да около, а переходи к сути!

— Они занялись химическим оружием! — выкрикнул брат. — Что скривился? Это не хлор или какая-нибудь другая ерунда! Они объездили всю планету и нарыли все, что в ней есть ядовитого! Природные токсины получить не удалось, но они получили свои, гораздо более стойкие и ядовитые! Хлор по сравнению с ними не вредней пива! Они воспитали фанатиков и заслали их в наши страны. Не сейчас, а много лет назад. Огромные деньги были истрачены, но теперь во всех крупных городах союза живут их агенты, которых никто не отличит от местных. Каждому из них доставили достаточно отравы, чтобы погибли сотни тысяч жителей!

— Зачем? — спросил побледневший Август. — Если они предъявят ультиматум, их агентов найдут, а что сделают с зачинщиками...

— Во-первых, ты их не найдешь, если не перетряхнешь всю столицу! — зло сказал Иоахим. — И где гарантия, что это не заставит их начать? А, во-вторых, они никого не собираются пугать, кроме нас с тобой. Мы им нужны, а французы с англичанами — нет! Как ты думаешь, что случится с государством, если во всех крупных городах погибнут сотни тысяч, а миллионы из них сбегут? Много оно навоюет?

— И чего они от нас хотят?

— Они хотят отдать нам все колонии Англии. Что так на меня уставился? Я ведь тебе еще не все рассказал. Мне показали испытание нового русского оружия. Ты считаешь, что они слабы? Тебя бы на то поле! Представь себе очень большой луг, на котором построили два десятка домов. Возле них посажены деревья, стоят машины, и орет всякая живность, нет только людей. В небе появляется звено самолетов, каждый из которых сбрасывает по две бомбы. Не сказал бы, что они очень большие, примерно на сто килограмм, может, немного больше. Было видно, как они несутся к земле. До нее не долетела ни одна, все сразу превратились в необыкновенно яркие облака огня, залившие весь луг! Мы стояли довольно далеко, но меня чуть не свалила ударная волна. Потом мы выждали с полчаса, чтобы немного остыла земля, и поехали туда на машинах. Там не осталось практически ничего, Август! Кирпичное крошево и немного пепла. Нет, вру! Еще остались искореженные шасси автомашин. Теперь слушай, что нам предлагают. Если мы согласимся на союз, весь яд с территории Германии уберут. Понятно, что это сделают только после всего остального. Доверие еще нужно заслужить. Они думают, что наши союзники не полезут первыми, а предоставят это нам, но и сами приведут на нашу границу с Россией достаточные силы. В ночное время русская авиация нанесет мощные удары новым оружием по местам дислокации войск Англии и Франции, а мы должны дать им целеуказания, а потом добить уцелевших. Одновременно русские обрабатывают ядом города союзников и уничтожается флот Англии. Уничтожить флот Франции — наша задача.

— И как же они его уничтожат?

— Еще до войны пошлют ко всем базам крупные соединения подводных лодок, потом сами объявят войну и тут же нанесут удар.

— Какая наглость! — с восхищением сказал Август. — Весь флот англичан они не уничтожат, но справиться с его остатками будет нетрудно.

— Если мы не пойдем на союз, они пустят в ход не только свои сверхмощные бомбы, но и бомбы с отравой. А их у русских много тысяч. Мне так и сказали, что в темноте нетрудно промахнуться и вывалить их на какой-нибудь город, а то и не на один. И они будут бомбить не только войска союзников, а всех подряд. И еще одно. Нам они могут частично выплатить долги и компенсацию за имущество.

— А что сказали насчет колоний?

— Им не нужны колонии, своей земли девать некуда. Возьмут какие-то земли на побережье Африки для военно-морской базы, а остальное предлагают забрать нам. Сказали, что наверняка часть колоний захватят американцы.

— И они не боятся нас так усиливать?

— У меня сложилось впечатление, что они сейчас вообще ничего не боятся. Я не знаю, в чем причина такой уверенности в своих силах. Мне сказали, что мы предательством союзников крепко привяжем себя к России. Их устраивает сближение с Германией, причем в долгосрочной перспективе. Я думаю, что второго такого шанса у нас больше никогда не будет. Даже если бы союз победил, нам бы только бросили кость.

— Садись писать отчет! — приказал Август. — Распишешь все без эмоций, одни факты. Потом можешь приложить свое мнение с эмоциями. Сам понимаешь, что это не тот случай, когда я могу все решить сам. Нужно узнать, чем располагает разведка, выслушать мнение командования нашего рейхсвера и рейхсмарине и кое с кем посоветоваться. А потом, скорее всего, направим в Россию того, кто все решит на месте.

О переносе столицы говорили много, а произошел он как-то незаметно. Еще вчера все дела решались в Санкт-Петербурге, а сегодня москвичи узнали из газет, что они уже столичные жители. За один день в их город переехали император с женой и Двором и все министерства. Своей резиденцией Владимир Андреевич, как и ожидали, сделал Большой Кремлевский дворец. В Кремле же разместили военное и морское министерства и департамент полиции. В сообщении говорилось, что это временная мера, и позже они будут перенесены в построенные для этого здания. Прочитав это, я подумал, что вряд ли такое размещение силовых министерств связано с нехваткой в Москве свободных зданий, скорее, их решили перед войной собрать в одном месте для удобства управления и большей безопасности. В пустующих зданиях Кремля можно было легко разместить чиновников всех министерств и еще осталось бы много места.

В нашей жизни почти ничего не изменилось, разве что вопросов ко мне стало меньше, их теперь привозили не каждый день и не торопили с ответами. С музыкой я объявил перерыв. Мы разучили с оркестром восемь песен, и все их записали на пластинки, и один раз выступили с большим концертом вместе со своим оркестром. Успех был огромный, и мы получили много предложений выступить с этим концертом в других местах, но я от всего отказался.

— Сделаем паузу, — сказал я расстроенной моим решением жене. — И так вокруг нас шумиха до небес. Это мешает нашей личной жизни и моему участию в проекте. Отдохни от славы, а я пока напишу книгу, и мы с тобой разучим новые песни.

Выбор тем для написания книги был совсем мал. Я недостаточно хорошо знал здешнюю жизнь, чтобы написать о ней что-нибудь увлекательное, тем более что писать о нашей жизни было нельзя. О прошлой жизни тоже не напишешь: меня просто не поймут. Немного подумав, я решил обратиться к знакомому мне жанру магии и меча. Не знаю, жили ли здесь Говард и Толкин, но никто из моих знакомых их не знал, а российского фэнтези в это время не существовало в обеих реальностях. Я решил не мудрить и воссоздать одну из своих собственных книг, заменив всяких там Гансов Иванами и Василиями и внося минимальные правки. Я быстро восстанавливал текст, а рвавшая у меня из рук только что написанные листы жена была в восторге. Хорошо быть первооткрывателем, мне в свое время за эту повесть пришлось выслушать много всякого. Когда я закончил, Вера потребовала продолжения.

— Как так можно? — наступала она на меня. — У тебя ни одна сюжетная линия не доведена до конца! Я должна обо всем догадываться?

— Давай отошлем это книгоиздателям и посмотрим, что они скажут, — примирительно сказал я. — А продолжение можно написать и позже.

Сам я в издательство не ездил, обратился за помощью к Машкову.

— Книга? — удивился Денис Васильевич. — Когда вы ее успели написать? Я знаком с одним писателем, так он написание книги тратит целый год.

— Он, наверное, хочет написать шедевр и оставить след в литературе, — засмеялся я, — а я в ней только на слежу. У меня чисто развлекательная книга, что-то вроде сказок для взрослых. Я в книгоиздании не разбираюсь, поэтому решил озадачить вас.

— Сделаю, — сказал он, — но сначала вашу рукопись проверят. Вы не должны

обижаться, князь, слишком у нас серьезное дело.

Проверяли мой опус недолго, и через два дня рукопись передали в издательский дом братьев Гранат.

— Я им оставил ваш телефон, а дальше разбирайтесь с ними сами, — сказал мне Машков, когда приехал с вопросами ученых.

— А кто меня проверял? — полюбопытствовал я.

— Наш Петр Павлович, — ответил он. — Я взялся читать вашу книгу, но он ее у меня отобрал. Наверное, читал всю ночь, потому что принес уже утром.

— Получил первого поклонника в лице графа Шувалова, — сказал я Вере, когда уехал куратор. — Я не Лев Толстой, но мои книги будут расхватывать из-за одной новизны. Критики, конечно, не оставят камня на камне!

— У тебя описан чудесный мир, — сказала она. — Вроде бы сказка, но такая, как будто все происходило на самом деле. А на критиков наплюй: книги пишутся не для них.

Видимо, и в издательстве мою рукопись читали ночью, потому что позвонили уже на следующее утро. Узнав, что говорит с автором, редактор попросил разрешения приехать.

— Мы несомненно возьмем вашу книгу, князь! — заверил он меня. — Прекрасный, оригинальный сюжет, хороший язык, колоритные герои...

— Но при всем этом есть что-то, что вас в ней не устраивает, — добавил я. — Об этом хотели говорить? Может, не вам ко мне, а мне к вам съездить? Разве у вас так принято, чтобы редакторы ездили к начинающим авторам?

— А это смотря какие авторы, — засмеялся он. — Мне будет в удовольствие с вами встретиться и поговорить. Потом еще похвастаюсь знакомым!

— Ну если так, то я не возражаю, — согласился я. — Приезжайте, будем вас ждать.

Редактор оказался невысоким полным мужчиной лет пятидесяти, с круглым, добрым лицом и небольшими, закрученными вверх усами.

— Александр Сергеевич Ухтомцев, — представился он. — Позвольте, княгиня, выразить вам свое восхищение! Я вас видел на концерте, но сидел далеко, а от бинокля мало пользы. Вы просто совершенство, а вашему мужу я завидую!

— Пойдемте в гостиную, — пригласил я. — Напоим вас чаем, заодно расскажете, что у меня за огрехи.

— У вас не огрехи, — говорил он, сидя за столом. — У вас очень интересный и оригинальный стиль, но в нем все рассчитано на человека с фантазией. Поверьте, что у большинства ее нет. У вас очень мало описаний, в том числе и описаний внешности. Из-за этого герои получаются какими-то... не совсем живыми, что ли. Вы меня извините...

— Не за что вам извиняться, любезный Александр Сергеевич, — ответил я. — Есть за мной такой грех. Не люблю что-то описывать и оставляю внешность на фантазию читателей. Но если у них с этим плохо...

— Я прочитал вашу рукопись и в некоторых местах на полях сделал пометки. Вам нужно самую чуточку их доработать, и ваша книга оживет. Сейчас это только набор увлекательных и захватывающих действий. Читаешь и поражаешься фантазии автора. Я не мог заснуть, пока не дочитал. Но все равно осталась какая-то неудовлетворенность. Так сделаете? Мы могли бы и сами, но ваш авторский стиль...

— Да прав он, — сказал я сердитой жене, когда проводил нашего гостя. — Просто чтобы так писать, нужно потратить уйму времени, чтобы прорисовать все нюансы характера, особенности разговора и все остальное. Самое неприятное, что такой труд оценят единицы.

Машков говорил, что его приятель тратит на написание книги год, а я их писал за месяц. Есть разница?

— И что теперь? — все еще сердито спросила она. — Может быть, отдадим в другое издательство?

— А теперь я сяду и перепишу отмеченные абзацы заново, — ответил я. — Спешить некуда, и у меня есть ты!

— А я при чем? — не поняла она.

— Рвалась в газету писать статьи? И даже приняли в штат, значит, у тебя есть дар слова. Вот мне и поможешь. У нас часто книги писали двое, вот и мы с тобой напишем одну книгу на двоих. У нас женщины любили повсюду вставлять в своих книгах описания. Мне, например, трудно описывать женские наряды, проще описать голую натуру, а они это делали легко и естественно.

— И я буду в авторах? — уточнила жена. — Тогда согласна! Давай сюда рукопись.

Она взяла тяжелую папку и ушла править текст, а я подошел к зазвонившему телефону. Звонил Шувалов.

— Алексей Сергеевич, — звоню вам по поручению канцлера. — Вы с женой приглашены к императору на завтра к двум часам. За полчаса до этого времени за вами приедет машина.

Я не стал говорить жене об этом звонке, чтобы не прерывать творческий процесс, сказал всем, когда семья собралась за ужином.

— И ты молчал! — рассердилась Вера. — У меня для такого визита нет ни одного платья!

— Платьев навалом, — возразил я. — Наденешь вечернее из розового шелка и всех сразишь!

— Оно летнее, а сейчас только конец апреля!

— Ну и что? — не понял я. — Наверняка во дворце тепло, а ехать всего десять минут. Заверну тебя в шубу... «Медведь» не продувается, поэтому простуда тебе не грозит. Зато вид будет лучше, чем в любом теплом платье. Наденешь рубиновую брошь и серьги, а вместо сапог — туфли. Завтра нужно будет только погладить платье и сделать тебе высокую прическу.

— Возьмешь гитару? — спросила сестра. — Вас же наверняка пригласили из-за песен.

С тех пор как Ольга с моей помощью воссоединилась в гимназии со своим Сергеем, наши отношения стали такими, какими они были до размолвки.

— Вот еще! — ответил я. — Пусть к нему со своими гитарами ездят цыгане. Если захочет нас слушать, инструменты найдут. Когда мы с ним беседовали, он говорил, что хочет с нами пообщаться и познакомиться с женой. Конечно, будут и песни, но не только. Это вы у меня такие нелюбопытные, что не интересуетесь другим миром, а у него от любопытства светились глаза.

— Так уж и светились? — не поверила Ольга.

— Это я сказал образно, — поправился я. — Император, сестренка, такой же человек, как и все остальные, тем более что он императором не родился.

— Хорошо вам, — с грустью сказала мама. — Отец работает, вы все тоже заняты, а я сижу здесь в четырех стенах! Пару раз выбралась к Катерине, но у нее на уме только ее книги. Все подруги остались в Питере, а одной скучно даже ходить в театр. Сходила несколько раз и больше не тянет.

— Мы это поправим, — пообещал я. — Раз отец у нас такой домосед, возьму дело твоего досуга в свои руки. Нас очень многие пригласили к себе, вот мы этими приглашениями и воспользуемся и съездим вместе с тобой. Не в том ты возрасте, чтобы ни с кем не подружиться.

— Я не домосед, — запротестовал отец. — Просто у меня в Москве не было знакомств. Сейчас начал работать, и они появились. Подождите немного, скоро будут и друзья. Весь наш департамент уже в Москве, мне только надо узнать, где они теперь живут.

Закончился ужин, и мы разошлись по своим комнатам. Вера опять села править рукопись, а я стал думать, о чем завтра говорить и что петь. Я описал обе революции и всю историю СССР до его развала, правда, без особых подробностей. Остальная история вышла еще короче и уложилась на тридцати машинописных страницах. Не видел я большого смысла описывать это в подробностях. Все равно ничего из той реальности и близко не повторится. Несомненно, император все прочитает и, скорее всего, даст прочитать жене. И главные вопросы должны быть по истории СССР. Я описал только факты, из которых им будет очень трудно понять, во что же превратилась империя без дворянства и монархии, и как она смогла выбиться на второе место в мире. Сейчас мы были на пятом.

— Почитай и оцени, — сказала жена, протягивая мне лист бумаги. — Я полностью переписала абзац со своими правками.

Я прочитал и с удивлением понял, что в ее записи читается лучше. Может быть, в том мире многим мужчинам не понравилась бы излишняя многословность, но написанное было гораздо легче представить. Наверное, именно этого от меня и хотели.

— Молодец! — сказал я и поцеловал ее в щеку. — Ставлю пять. Перелистывай рукопись, ищи помеченные абзацы и правь. У тебя все прекрасно получилось, так что беру в соавторы.

Окрыленная Вера просидела над рукописью допоздна, пока я ее чуть ли не насильно не затащил в кровать. Утром, сразу же после завтрака, она сама занялась своим платьем, не доверив это домработнице. Потом пришел черед прически, которую Вере укладывала мама.

— Княгини занимаются самообслуживанием, — пошутил я. — Могли бы вызвать парикмахера. По-моему, в справочнике были телефоны. Но у вас и так здорово получилось. Надо было только сначала позаниматься борьбой.

— Какая вам сегодня борьба, — недовольно сказала мама. — Где ты был раньше со своим парикмахером? Уже не в первый раз замечаю, что ты соображаешь с опозданием.

— Может, все-таки вызовем? — нерешительно предложила жена.

— Глупенькая, — сказал я и нежно обнял ее за плечи. — Посмотри на себя в зеркало! Любой мужчина, увидев такую красоту, отдаст все, чтобы ее получить! Но я ее уже получил и никому не отдам. Слава богу, что сейчас не дерутся на дуэли, иначе меня бы быстро убили. От одной твоей шеи можно сойти с ума, а у тебя все такое!

— Ладно, вы здесь сходите с ума, а я лучше уйду, — посмеиваясь, сказала мама. — Только смотри, не помни ей прическу, второй раз точно будешь вызывать парикмахера.

Она вышла, а я принялся целовать Вере шею, но она вырвалась.

— С ума сошел? — спросила она. — Через полтора часа уезжать, а ты чем занимаешься? Лучше займись собой! Надень костюм и расчешись, а я потом посмотрю, что получилось. Ты так и не научился делать себе нормальную прическу.

Через полчаса Вера была полностью готова и, осмотрев меня, поправила волосы. После этого она села за рукопись, а я направился в гостиную к радиоле слушать новости. Ничего

интересного не передавали, поэтому время ползло со скоростью улитки. Когда появился куратор, я быстро помог жене надеть шубу, оделся сам, и мы спустились к машине. В «Медведе» было прохладно, но доехали очень быстро, поэтому Вера не успела замерзнуть. На кремлевских воротах нас внимательно осмотрели и проверили паспорта и находившееся у Машкова предписание, после чего разрешили проехать. До дворца машина не доехала, и метров сто пришлось пройти пешком. В коридорах было много военных и жандармов, а вот гренадеров я почему-то не увидел. Идти пришлось долго, поэтому мы чуть было не опоздали. Не на самолет, но все равно было бы неприятно. У дверей, к которым нас привели, стоял караул из жандармов. Интересно, это постоянное новшество, или просто из-за того, что не успели перевезти Дворцовых гренадеров? Я отдал ротмистру приглашение и наши паспорта.

— Почему в шубах? — спросил он.

— Потому что никто не предложил их снять, — ответил я, — а я сам здесь еще ничего не знаю. Да и холодно в коридорах, а моя жена легко одета.

— Снимайте, — приказал он. — Мы их пристроим.

Я помог Вере раздеться, снял свою шубу и отдал одежду одному из жандармов. Нас внимательно ошупали взглядами, после чего пропустили в большую, богато убранную комнату. Там встретил кто-то из слуг и пропустил в следующую комнату, обставленную как гостиная. В ней на диване сидела женщина, которую я бы не назвал красавицей и в молодые годы. Сейчас ей было сорок с хвостиком. Рядом с ней, повернув к нам голову, стоял император. Женщина, которая, по всей видимости, была императрицей Еленой Николаевной, оделась без всяких изысков в теплое шерстяное платье темно-серого цвета, а на императоре был такого же цвета костюм. Похоже, что он, в отличие от своих предшественников, не любил ходить в военной форме.

— Дорогая, вот и наши гости, — сказал жене Владимир Андреевич. — Подойдите, князь, и не забудьте жену. Не стоит расшаркиваться, я вас сегодня не для того позвал. Мы хотим с вами поговорить, поэтому держите себя со мной так, как это было у Хилкова. В личном общении можно допустить определенные вольности, главное, потом об этом не распространяться. Садитесь в эти кресла. Княгиня, вы просто ослепительны, но можно было одеться и потеплее. Это в комнатах натоплено, а в коридорах в это время прохладно и сквозняки.

— Мы сюда шли одетыми, — объяснил я. — Никто не сказал, где можно снять шубы, а у вас здесь сотни помещений. Раздел уже здесь ваш караул.

— Вы действительно много знаете о другом мире, князь? — спросила императрица. — Песни, которые вы поете, написаны не вами?

— Знаю столько, сколько может знать много проживший человек, ваше величество, — почтительно ответил я. — Я ни в той, ни в этой жизни не написал ни одной песни, просто вынужден выдавать чужую работу за свою. Как иначе объяснить, откуда они взялись? Вот книга, которая скоро будет издана, моя, точнее, того, кто отдал мне свою память.

— Вы и книги пишете? — оживилась она. — И о чем?

— В конце своей жизни он был писателем, — объяснил я. — Я просто быстро вспомнил то, что было когда-то написано, а сейчас жена это улучшает. Писалось все-таки для людей немного другой культуры, и текст без переделки не подойдет. А содержание... У вас пока нет такого жанра. Это что-то вроде сказочных историй для взрослых.

— Я понял, что ваша старшая половина жила в этом СССР, — сказал император. — Можете передать нам свое отношение к этому государству? То, что напечатано с ваших слов,

не может мне объяснить причин их успеха. И не совсем ясно, почему все развалилось.

— Он родился через несколько лет после Второй мировой войны, — начал рассказывать я. — О том, как все происходило, написано много книг и сняты десятки кинофильмов. Много, конечно, врал, что выяснилось уже после развала. Поначалу все было очень плохо. Империя перед войной производила в три раза меньше промышленной продукции, чем Германия. Потом на это наложились неудачная война, революция и гражданская война вместе с интервенцией многих государств. Разруха в промышленности и на транспорте, огромные людские потери, обесценивание рубля и отсутствие опыта управления у новых хозяев... Кроме того, как это обычно бывает, победители начали между собой борьбу за власть. Тому, кто в ней победил, пришлось собирать ресурсы для восстановления народного хозяйства, индустриализации и подъема жизненного уровня народа и одновременно безжалостно уничтожать врагов и давить всякое сопротивление. Когда репрессии принимают большие масштабы, часто слетают головы не только у виноватых, а у всех подряд. Было очень трудно, но к началу новой войны удалось создать мощную промышленность и сильную по тому времени армию.

— Значит, страх, — кивнул император.

— Не только, — не согласился я. — У кого-то был страх, но у многих была идея! Мы первые в мире и самые справедливые и прогрессивные! Идейному воспитанию уделялось первостепенное значение. Начиналось это с младших классов школы! Детьми и молодежью занимались специальные организации. И это была не просто говорильня. Перед войной начали сильно расти доходы населения, для людей реально много делали. Во время войны был массовый героизм, без которого мы бы не выстояли! В бой шли за родину и за того самого вождя, который вызывал у многих любовь и страх одновременно!

— Сильная, должно быть, личность, — задумчиво сказал император. — Я не понял, за что его отравили.

— Среди захвативших власть социал-демократов было много всякой дряни и никчемных людей. По известному принципу многие из них всплыли на самый верх. Этот вождь хотел отстранить партию от управления страной и провести в ней чистку. Его влияние в обществе и власть были так велики, что ему бы это удалось. Видимо, о его планах узнали или догадались. Верхушка партии не могла этого допустить, поэтому в дело пошел яд. А после смерти вождя к власти пришел беспринципный мерзавец, который сделал все, чтобы новое государство стало нежизнеспособным. Потом было еще много всего, но заложенные им в экономику мины сработали и разнесли ее в клочья. Не обошлось и без помощи наших врагов, в первую очередь в Англии и Америке. Но об этом я писал. Ну и вырождение новой элиты, которая с каждым следующим поколением становилась все более бездарной и безответственной. Бесхозяйственность, взяточничество, казнокрадство и прямое предательство национальных интересов.

— Не надолго же их хватило, — сказал император. — А все то, что вы перечислили, есть и у нас. Российских чиновников нужно время от времени пугать и пропалывать, они не понимают другого отношения. Но все-таки мне не до конца понятны причины успеха. На одном энтузиазме мощную экономику не построишь. А там еще из-за войны понесли невиданные людские и материальные потери.

— Главное богатство любого государства — это люди, — сказал я, — но чтобы получить от них максимальную отдачу, нужно сначала дать им образование, научить работать и чем-то увлечь. Можно просто оплачивать труд, но многим этого мало. Человек

гораздо лучше работает, когда он увлечен своим трудом и заинтересован его результатами не только потому, что ему за это больше заплатят. Образование было всеобщим, причем после войны все должны были учиться одиннадцать лет. Было много университетов и техникумов, в которых готовили мастеров. Успехи в труде прославлялись, за них давали награды, как за воинский подвиг. О разных профессиях слагали песни.

— Как можно петь о профессии? — не поняла императрица. — Вы знаете такие песни? Спойте хоть одну, князь, в кресле у окна лежит гитара.

Я сходил за гитарой, а потом спел им «Лесорубов».

— Таких песен было много. В работе геолога мало романтики, в основном это тяжелый труд, но и ее можно воспеть.

Я им спел песню «Геологи»

— То же самое и с наукой. В обществе создали романтический образ ученого, приучая людей к тому, что разгадка тайн природы — это главная задача человечества, а поскольку мы его авангард, то для нас она важнее, чем для всех остальных. Для молодых романтика вообще очень важна, и это использовалось для многого, например, для освоения Сибири. Молодые ехали в необжитые места не за деньгами, а чтобы возвести там города, заводы и электростанции. Кормили комаров, жили в палатках и теплушках, но строили, а потом получали за это государственные награды. Конечно, вы никого так не увлечете в тайгу строить заводы для братьев Рябушинских, но в СССР все принадлежало народу, поэтому работали и терпели лишения для общей пользы.

— А ведь вам нравится то государство, — заметил император.

— У меня к нему очень сложное отношение, — ответил я. — В нем было немало хорошего, но и плохого хватало. Любую идею воплощают в жизнь люди, поэтому результат будет далек от задуманного и так же несовершенен, как и сами строители. Но все-таки способный человек мог без большого труда получить любое образование, хорошую работу и признание общества.

— Общество не состоит из одних способных, — сказал император. — У нас для них тоже мало препонов. И сословное деление не мешает занимать высокие посты.

— Вы правы, ваше величество, — согласился я. — Сильный всегда пробьется. А что делать слабым? Должна существовать поддержка общества, а этого нет. В Союзе жили, в общем, небогато, но каждый знал, что случись с ним беда, и никто его не оставит подыхать под забором. Помогут и поддержат. Это уже потом, после развала, никому ни до кого не было дела. Позже социальная поддержка была, но хилая и не для всех.

— Скажите, князь, вы одобряете убийство семьи Романовых? — неожиданно спросила императрица.

— Старших — да, — ответил я. — Заслужили. Девочек я бы не трогал, я бы даже не тронул цесаревича, просто где-нибудь подержал взаперти до земского собора. После него Романовы утратили бы все права на трон.

— Спойте еще что-нибудь, князь, — попросила императрица. — На ваших пластинках почти все о любви, но вы же знаете много других песен.

— Знаю, — сказал я, — но многого просто нельзя петь публике. Песни о той жизни, о войне, о покорении космоса...

— О космосе в ваших записях ничего не было, — заметил император.

— Рано нам заниматься космосом, — ответил я. — Это очень затратное дело. Чтобы оно начало приносить прибыль, нужно работать десятки лет и вложить в это сумасшедшие

средства. В том мире побывали на Луне и отправили умные машины ко всем планетам Солнечной системы. Над Землей в безвоздушном пространстве летали станции, в которых работали люди, а станции без людей помогали предсказывать погоду и служили для радиосвязи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я минут двадцать рассказывал им об освоении космоса, сказав и об опасности от астероидов.

— Я в вашем рассказе мало что поняла, — сказала императрица. — Много непонятных слов. Наверное, не надо об этом петь, а то уже скоро обед. Спойте лучше что-нибудь веселое. Были такие песни?

Я им спел «Черного кота», вызвав смех, а потом просто по своему выбору исполнил «Березовый сок», «Отчего так в России березы шумят» и «В землянке».

— Вы нам приоткрыли окно в удивительный мир, — вздохнув, сказала императрица, — и сейчас его захлопните. Очень хочется слушать ваши рассказы и песни.

— О чужой жизни не расскажешь за два часа, — отозвался я, — а для того чтобы спеть все известные мне песни, нужно без перерыва петь несколько дней. Но без объяснений вы и половины из них не поймете.

— Ничего, князь, будет у вас еще возможность поговорить и что-нибудь спеть, — улыбнулся император. — Помните, что я вам обещал?

— Значит, приняли? — спросил я. — Очень надеюсь, что все получится, и вам не придется меня костерить. А насчет советника... Может, я вам буду советовать частным образом? Мои знания об этом мире ограничиваются тем, что знала моя молодая половина, а для советника этого мало. Я вам такого насоветую...

— Это не страшно, — засмеялся он. — У меня есть своя голова, и я принимаю не все советы, а с разбором. У вас большой жизненный опыт, а нужное будет нетрудно узнать. Специалистов много, они вас научат чему угодно. Так, осталось совсем немного времени, а мы до сих пор слушали только вас, а ваша жена осталась незаслуженно забыта. Но мы это поправим. Приглашаю вас на обед, там у нас будет время пообщаться и на другие темы.

На обеде, помимо нас и императорской четы, присутствовали еще несколько придворных, с которыми нас познакомили, когда перешли к десерту. Тогда же завязался разговор. Большое оживление вызвало замечание Владимира Андреевича о присвоении мне за заслуги перед отечеством придворного чина камергера и ордена Святого Владимира второй степени. Тем самым он дал понять, что наше присутствие не связано с пением песен. Зря, лучше бы все так и думали. Разговаривали с полчаса, после чего император встал и подал руку жене. Все остальные тоже поспешили покинуть стол. После этого нас не задерживали. Когда вышли в коридор, там уже стояли слуги с нашими шубами, которые помогли нам одеться и проводили к тому выходу, где ждал Машков. Процедура отбытия была проще и не сопровождалась проверками, поэтому уже через пятнадцать минут были дома.

— Я все-таки немного замерзла, — пожаловалась Вера, когда я в прихожей снимал с нее шубу. — Можно было надеть теплое платье, а то вырядилась так, что было неудобно перед императрицей. И за обедом все были одеты скромней.

— Она не молодая дурочка, а умная и опытная женщина, — ответил я, — поэтому на тебя не обидится.

— А молодая дурочка — это я? — уточнила жена.

— Ну не старая же? — пошутил я. — Ты уж выбирай что-то одно: или умная, или красивая — одно с другим не сочетается.

— Нашли место выяснять отношения, — сказала заглянувшая в прихожую мама. — Вера, перестань его душить и оба идите за мной. Были у императора и занимаетесь всякой ерундой вместо того, чтобы отчитаться!

— Мама, скажи, чтобы Нина поставила чай, — попросил я. — И пусть сделает погорячей. Вера замерзла, поэтому будем ее отпаивать чаем, а я тебе все расскажу. Сейчас мы переоденемся и придем.

— Какой чай? — недовольно сказала она. — Вам давно пора обедать!

— Мы были на обеде у императора, — похвасталась жена. — Я так наелась, что для чая нет места. Лучше сейчас теплой оденусь и поговорим в гостиной.

Новости маму поразили.

— Ты обогнал отца! — сказала она. — Камергер это же четвертый класс, а у отца только седьмой! Это же действительный статский советник?

— Если я и буду советником, то не из-за моего камергерства, — засмеялся я. — Это чисто почетный чин, не дающий право на гражданское или воинское звание.

— Все равно, — покачала головой мама. — У камергера много привилегий. И этот орден... А ведь тебе еще нет девятнадцати!

— Если вы не возражаете, ваше высокопревосходительство, объект проверят мои люди, — сказал канцлеру Вяземскому мужчина лет семидесяти, с приятными чертами лица, небольшими усами и редкими, зачесанными назад волосами.

— Никаких возражений, господин Болен, — согласился Борис Леонидович. — Пусть работают столько, сколько нужно. Но нам с вами тогда лучше сесть в машину. У нас в начале мая прохладно, а вы легко одеты.

Разговор велся на немецком языке, которым канцлер владел в совершенстве. Густав Георг Фридрих Мария Крупп фон Болен унд Гальбах не стал возражать и направился вслед за Вяземским к стоявшему в двух десятках шагов «мерседесу». Чуть ближе к объекту стояла вторая такая же машина с его помощниками, а русский канцлер приехал со своей охраной на двух бронированных «медведях». Объект представлял собой аэродром с двумя взлетно-посадочными полосами, забитыми сейчас старыми самолетами, ангаром и несколькими кирпичными строениями. Болен сел на свое место и по радио передал Майеру, чтобы начинали. Стоявший на обочине «мерседес» выехал на шоссе и умчался к аэродрому. Ждать его возвращения пришлось около часа.

— Взрывчатки не обнаружено, — докладывал Болену севший в его машину невысокий широкоплечий мужчина. — Бетон старый, в самолетах нет боезапаса или горючего. Конечно, мы их не разбирали, и что-то можно было спрятать, но такое будет видно по характеру повреждений. Закопанные цистерны для горючего пусты, а в домах только старая мебель.

— Передай, что можно начинать, — приказал Болен и выбрался из салона.

Свою машину покинул и Вяземский, который не спеша подошел к гостю.

— Убедились? — усмехнувшись, спросил он. — Нам нет ни малейшего смысла водить вас за нос, потому что вы начнете только при условии уничтожения нашей авиацией войск ваших союзников. Сейчас тяжелый бомбардировщик сбросит на аэродром всего восемь бомб весом по полторы сотни килограммов каждая. Сегодня низкая облачность, но он будет идти на высоте две тысячи метров, так что увидим.

Ждать пришлось минут десять, и они успели немного озябнуть на ветру.

— Может, все-таки сядем в машины? — предложил Вяземский. — Хотя мы и далеко, но от них будет сильная ударная волна. Не хотите? Ну тогда хотя бы станьте за одно из тех деревьев или прикажите, чтобы подстраховал кто-нибудь из ваших людей. Я это сделаю, хоть моложе вас.

Он прошел немного вперед к нескольким растущим отдельно соснам и взялся рукой за одну из них. Немного поколебавшись, его примеру последовал и гость. Вдалеке возник еле слышный гул, который постепенно усиливался.

— Вон он! — показал Вяземский свободной рукой. — Сейчас откроет люки. Бомбы пошши!

— Вижу, — сказал Болен, провожая глазами несущиеся к земле точки. — У них, кажется, парашюты?

— Совсем маленькие, — ответил Вяземский. — Немного тормозят падение и придают бомбе нужное положение.

Первые бомбы взорвались в дальнем конце аэродрома, а все остальные падали вдоль

взлетно-посадочной полосы и взрывались с задержкой в доли секунды. Для наблюдавших за бомбежкой людей возникшее вдали пламя рванулось вперед и за пару секунд охватило весь аэродром. Когда оно погасло, перед глазами еще несколько секунд мелькали цветные пятна, не позволившие увидеть взметнувшееся над объектом огромное облако черного дыма. Почти сразу же по ушам ударил грохот разрывов, а несколько секунд спустя налетела волна воздуха, чувствительно ударившая собравшихся людей. Охрана канцлера пряталась за машинами и не пострадала, а двух людей Болен сбило с ног. Он сам не упал только потому, что обеими руками вцепился в дерево.

— Что же это вы там взорвали? — отдышавшись, спросил он. — Не похоже на действие обычной взрывчатки. Специально поставили нас так близко?

— Поехали смотреть результаты, — не отвечая на его вопрос, сказал Вяземский. — Пока доедем, там все немного остынет.

Когда доехали до аэродрома, прошло минут десять, но от полопавшегося бетона до сих пор несло жаром. На взлетно-посадочной полосе не осталось ни одного целого самолета, а их обломки виднелись повсюду. Некоторые еще горели чадающим пламенем. На том месте, где стояли дома, виднелись жалкие остатки стен, возвышавшиеся над полем бывшего аэродрома максимум сантиметров на тридцать, ангар был смят, как консервная банка, а трубы от вкопанных цистерн для топлива были порваны и перекручены, как змеи в брачном танце.

— Мы не будем вам демонстрировать химическое оружие, — сказал Вяземский. — Слишком сильная отравляющая и заражающая большая площадь, замучаемся потом чистить. Придется вам поверить нам на слово.

— Не передумали заниматься флотом? — спросил Болен.

— Только английским, — ответил канцлер. — С французами разберетесь сами. У них и флота поменьше, и он рядом с вами. У нас на всех просто не хватит подводных лодок. Удар по городам мы тоже гарантируем. Решайте, Болен, второй раз вам такое никто не предложит. Пусть вы знаете о наших секретах, в случае войны это не сильно поможет. Население вы из городов не выведете, а значительную часть армии потеряете в первый же день. Действуя без вашей помощи, да еще против армий всех стран союза, мы вас всех не уничтожим, но сократим раза в два, а потом начнем отступать, забрасывая ваши войска бомбами. У вас в армиях почти нет средств химической защиты, и быстро вы их не изготовите. Одного респиратора мало, нужно защищать глаза и всю кожу. И потом в местах применения этого оружия долго нельзя будет нормально жить.

— И вы это будете применять на своей территории?

— А куда деваться? — пожал плечами Вяземский. — Ничего, у нас земли много, найдем куда вывезти уцелевших поляков. А дальше Польши мы вас все равно не пустим.

— Что от нас потребуется, кроме целеуказания?

— Мы уже с вами об этом говорили, — терпеливо сказал Вяземский. — Вы можете больше ничего не делать, просто не переходите нашу границу. Только в ваших собственных интересах будет добить остатки войск союзников и потопить французский флот. Тогда вас никто не призовет к ответу и не помешает прибираться к рукам колонии. Захватить все вам не дадут Американские штаты, но половина Африки будет вашей. Я думаю, что вам этого хватит надолго. Мы себе возьмем только протекторат Нигерия. Если заключим военный союз, можем вместе приструнить янки. Это в ваших интересах.

— Когда уберете яд из наших городов?

— Не беспокойтесь, — ответил Вяземский, — с этим тянуть не будем. Как только разобьем ваших союзников, сразу все вывезем и уберем своих людей. Страх — плохая основа для союза. Надеюсь, вы не будете мешать с эвакуацией?

— Проводим с музыкой, — сказал Болен. — Я склоняюсь к тому, чтобы принять ваше предложение. Только учтите, что знать об этом будут немногие, поэтому к войне мы будем готовиться и войска сосредотачивать вблизи ваших границ. Переиграем в самый последний момент. Нужно будет договориться о способах целеуказания и о том, где будут установлены радиомаяки. Что по времени?

— По данным нашей разведки, ваши союзники все запланировали на конец июня. Наверняка теперь и вас будут торопить готовиться к этому сроку. Ваша задача — попытаться затянуть эту подготовку хотя бы до середины июля. Но было бы неплохо, если бы они сами пришли к вам пораньше. Вряд ли они будут ездить по Германии с места на место, поэтому мы сможем узнать заранее обо всех целях. А когда уточним время, сообщим вам или через посольство, или любой передачей радио. Нетрудно договориться об условных сигналах. Вам нужно посвятить во все посла или прислать для связи в посольство доверенного человека.

— Вы верите нам на слово? — прищурился Болен.

— Конечно, нет, — улыбнулся Вяземский. — Что бы вы сейчас ни делали, это не повлияет на наши планы. Мы в любом случае будем наращивать нашу западную группировку. Единственный вред, который вы сможете причинить — это убедить союзников начать раньше. Мы хуже подготовимся к встрече. Но и у вас будет меньше времени на сборы, и нам придется в случае нехватки фугасных бомб заменить их химическими. Вряд ли вы от этого что-нибудь выгадаете. Если сорвете поход наших подводных лодок, мы просто плюнем на Нигерию. Жили без нее, проживем и дальше. Уничтожение английского флота больше выгодно вам.

— Они этот флот потом смогут использовать против вас, — возразил Болен. — Вы у них надолго станете врагами!

— Напомните мне, когда мы с ними дружили, — усмехнулся Вяземский. — Или они с нами воевали, или тихо гадили. У своих берегов мы от кого угодно отобьемся, а по океану пока плавать не будем. Открою вам маленький секрет. Нам нужно только отбиться сейчас, а в недалеком будущем мы будем плевать на злость британцев. И нам будет без разницы, останется у них флот или нет! Поэтому с нами выгодней дружить.

— Если вы усилитесь настолько, что начнете на всех плевать...

— Не на всех, а на тех, кто этого заслуживает! — возразил Вяземский. — И потом, получив колонии, вы тоже не станете слабее. Вы хорошо знаете нашу историю, Болен? Жаль, приедете домой — почитайте. Есть у нас такая особенность — никогда не предавать союзников, даже если это идет вразрез с нашими собственными интересами.

— А нас к этому подталкиваете!

— У вас союз не по воле, а поневоле! Если бы вы его не заключили в надежде на раздел нашей империи, в Европе давно бы разразилась война, каких еще не бывало. И вы прекрасно знаете, что ваши союзники вас боятся и хотят использовать. Мы с вами сцепимся, а они будут наблюдать за этой дракой со стороны, а потом забьют нас, а вам дадут какую-нибудь малость. Вы решили, что справитесь с нами, не потеряв своей силы, и вам не посмеют диктовать условия. Это у вас болезнь, Болен! Мы бьем вас сотни лет, а вы упорно лезете, почему-то считая, что сможете легко справиться с этими русскими. Зря. Прежняя династия немало подгадила, но сил государства не подорвала.

— Я буду в Москве еще два дня, — сказал немец. — Перед отъездом я сообщу, с кем вы будете иметь дело.

— Нападай! — скомандовал я. — И бей в полную силу.

— Зачем мне убитый муж? — спросила Вера, поправляя ленту на лбу. — Я и сама могу пострадать из-за убийства камергера.

— Размечталась, — ухмыльнулся я. — Ты здорово продвинулась в кун-фу и немного быстрее меня, но в целом намного слабее.

— Ты сам напросился! — сощутив глаза, сказала она. — Теперь держись!

На меня обрушился град ударов руками и ногами, которые я едва успевал блокировать. Пришлось полностью уйти в оборону, и жена этим пользовалась. Она не озаботилась своей защитой, все силы вкладывая в то, чтобы взломать мою. Я даже не пытался контратаковать, только отбивал ее удары, причем несколько чувствительных уже пропустил. Мы кружили по гостиной под азартные возгласы Ольги, которая, когда дело дошло до полноценных схваток, начала интересоваться нашими вечерними тренировками. Еще бы! Такое бесплатное развлечение. Моя задача осложнялась еще и тем, что Вера могла бить в полную силу, а у меня такой возможности не было. Если бы я начал ее ломать всей своей силой, на этом наши занятия и закончились бы, потому что с переломами не занимаются спортом.

— Хватит его избивать, — сказала Ольга Вере. — Видно же, что он слабей. Завтра все будете в синяках. И вообще вам уже пора заканчивать с этими занятиями, пока ты еще похожа на женщину.

— А что во мне не так? — спросила жена, прекращая схватку.

— Женщина должна быть слабой, — назидательно сказала сестра. — Она должна походить на серну, а ты похожа на тигрицу! И походка стала какой-то кошачьей. Ты должна привлекать мужчин своей слабостью, рождать желание защитить, а ты в них рождаешь совсем другие чувства. Видела я, как на тебя смотрят мужчины, даже в нашей охране.

— Кто тебе сказал такие глупости? — спросил я. — Или вычитала в одном из своих романов? Много тебе поможет слабость, если попадешь в беду, а рядом не окажется твоего Сергея. И рожать такой хилой просто опасно. Сильная женщина живет без неуверенности и страха. Она не только сама не требует защиты, еще и мужу поможет.

— Постой, — вмешалась жена. — Как понимать твои слова? Мне уже не надеяться на твою защиту? Для того и учил?

— Балда, — сказал я, прижав ее к себе. — Я за тебя, не задумываясь, отдам жизнь. Но теперь я спокоен, потому что ты сумеешь за себя постоять. А была бы ты такой дохлой, как сестра, я бы из-за постоянных переживаний до старости точно не дожил бы.

— Выдумываешь ты все, — неуверенно сказала Ольга. — Откуда будут неприятности при такой охране? А если охранники не справятся с оружием, много вы сможете с пустыми руками?

— Охрана злоумышленникам не нужна, тем более вооруженная, — возразил я. — Ее в первую очередь и положат. А нас убивать нет смысла, нас будут похищать. И к людям, у которых нет оружия, совсем другое отношение. В любом случае лучше что-то знать и уметь, чем быть беспомощным и на кого-то надеяться. И еще это здоровье, о чем я уже устал тебе напоминать. Ладно, можешь и дальше оправдывать свою лень. Вера иди первая мыться.

Девушки ушли из гостиной, а я сел в кресло ждать, когда освободится ванная комната. Мысли опять вернулись к утреннему визиту Шувалова. Он в первый раз появился в нашей

квартире, вызвав у меня своим появлением чувство тревоги.

— Где мы можем поговорить? — спросил он. — Разговор важный и нежелательно, чтобы нам кто-нибудь мешал.

— Здесь только жена и мать, — ответил я, — ну и домработница, которая сейчас на кухне. Давайте пройдем в гостиную, а их я предупрежу.

Я отвел его в гостиную, сообщил женщинам, что у меня гость, и вернулся.

— Вам нужно отсюда уезжать, — сказал Петр Павлович, увидел мою реакцию и усмехнулся. — Не бойтесь, никто вас не засунет в какой-нибудь другой лагерь. На днях переедете во дворец к императору. У вас уже есть придворный чин, а Веру Николаевну сделают статс-дамой. Вашему сочинительству это не помешает, а развлекать своими песнями можете Двор. Сергей Александрович перейдет работать в свой департамент, поэтому для него переезд удобен. Ваша сестра пока будет заниматься частным образом, есть там такая возможность.

— Война? — спросил я.

— Война может начаться в любой момент, — ответил он, — хотя мы ее ожидаем через месяц-два. Император хочет, чтобы, когда это случится, вы были у него под рукой. Он считает, что ваши советы могут быть очень полезны, да и вообще проникся к вам симпатией и всячески это демонстрирует. Для вас его расположение может таить неприятности. Неестественно, когда мужчина в его возрасте тянется к юнцу, а все воспринимают вас именно так. Поэтому распространилось уже много самых разных слухов, начиная от его симпатии к вашей жене и заканчивая тем, что вы один из членов нашего Совета. Вспомнили и об обвинении вашей семьи в терроризме, и о вашей мнимой смерти. Было много шума из-за песен, а еще вышла книга, поэтому в Москве о вас многие болтают. Уже пошли слухи о том, что вы все разъезжаете в бронированных машинах с большой охраной. Даже вашу сестру так возят в гимназию и обратно. Это опасно уже сейчас, а когда начнутся военные действия, опасность только возрастет. Мы хорошо почистили агентуру наших европейских соседей, но они найдут людей. Могут использовать поляков, с которыми у них тесные связи. А для вас, князь, это шанс пробиться на самый верх. Это и мне развязывает руки. Надоело мне вас опекать и нести ответственность.

— Я правильно понял, что вы меня только проинформировали, а мое мнение не принимается в расчет?

— Правильно поняли, — усмехнулся он. — В этом и мое мнение никого не интересует. Скоро начнется такое, что многим придется менять привычную жизнь, просто вам это нужно сделать одним из первых. К завтрашнему дню должны подготовить комнаты, а я обеспечу транспорт и охрану.

Он уехал, а я первым делом отправился к жене.

— Хочу тебя поздравить, — сказал я ей. — С завтрашнего дня ты будешь одной из статс-дам императрицы. Почему на твоём лице нет радости?

— Это граф сказал? — спросила она. — Интересно, в связи с чем такая милость? Нас перетаскивают во дворец?

— Мы в него переезжаем. Малыш, на носу война, поэтому придется на время оставить нашу концертную деятельность. Сейчас всем будет не до песен. Обещаю, что долго мы с тобой царедворцами не будем.

— Хочу свой дом, — уткнувшись мне в грудь лицом, сказала она. — Хочу петь и играть, и чтобы не было ни охраны, ни всяких государственных дел. У нас с тобой мало друзей, и с

ними не получается встретиться.

— Будут еще дом и много друзей, — пообещал я. — Надеюсь, что будет и много детей. А сейчас нужно просто переждать.

— Не обращай на меня внимания, — сказала она. — Просто стало грустно и захотелось поплакаться, а у кого еще плакать на груди, как не у тебя. Во дворец, так во дворец.

Пришедший с работы отец принял новость совершенно спокойно и сообщил, что его повысили до коллежского советника. Мама, наоборот, разволновалась и ушла посмотреть свой гардероб. Хуже всех на новость отреагировала Ольга.

— Я не могу! — заплакала она. — Как ты не можешь этого понять?

— Все я понимаю, но ничего поделать не могу! — сказал я, садясь рядом с ней на диван. — Моего мнения, сестренка, никто не спрашивал. Я не имею права говорить, в связи с чем этот переезд, просто поверь, что он связан с событиями, которые изменят мир. Ты не уезжаешь за море, а наше проживание во дворце долго не продлится. К тому же скоро заканчиваются ваши занятия, а я постараюсь сделать так, чтобы вы летом хоть иногда виделись. Извини, сделать большего не в моих силах.

После моего обещания она немного успокоилась и побежала звонить своему Сергею.

— Ты не заснул? — отвлекла от воспоминаний заглянувшая в гостиную жена. — Иди мыться, я уже закончила.

Я сходил за халатом и пошел принимать душ. Заниматься чем-либо после купания не хотелось, поэтому я прилег на кровать. Вера проявила солидарность и легла рядом.

— Лещ, — сказала она, положив голову мне на грудь. — А мы совсем не будем петь?

— Будем разучивать новые песни, — пообещал я. — Если захочешь, споешь их другим девушкам.

— В статс-дамах нет девушек, — сказала она. — Там, наверное, одни старухи. Буду петь фрейлинам. А Двор большой?

— Не имею ни малейшего понятия, хоть и камергер, — ответил я. — Завтра все увидишь сама.

— Послушайте, Хартман, — сказал глава концерна. — Мы попали в очень неприятное положение, и я даже не знаю, как теперь будем из него выпутываться. Я только что был у кайзера, а за два часа до меня у него побывал французский посол, который в довольно резких выражениях высказался по поводу наших сепаратных переговоров с русскими. Французам известно о ядах в городах и о нашем обещании дать наводку русской авиации на их войска, и вам нужно разбиться в лепешку, но узнать, кто с ними этим поделился. Кайзер сказал, что, кроме моих людей, о нашем соглашении с русскими знают только двенадцать человек, включая его самого. В пяти из них он абсолютно уверен, а остальных сейчас проверяет его секретная служба. А со своими людьми мы должны разобраться сами. Полностью в курсе всего были только я, вы и Клейн, но и те, кого я брал с собой в Россию, многое видели и могли кое-что услышать. Уверен я только в себе, а всех остальных нужно проверить по полной программе! Начать можете с себя.

— Все выполню, — пообещал начальник службы безопасности. — Только я сомневаюсь, господин Болен, что это кто-то из моих парней, скорее, утечка произошла в министерстве иностранных дел.

— Ваше дело не высказывать мнение, когда его у вас не спрашивают, а выполнять мои приказы! — сердито сказал Болен. — Я сегодня вылечу в Москву, поэтому приготовьте мне

охрану. Двоих хватит.

Его самолет приземлился на Ходынском аэродроме поздно вечером, поэтому посол увез высокого гостя к себе. До посольства ехали молча, и разговор состоялся только после позднего ужина в кабинете посла.

— Здесь можно говорить совершенно спокойно, — заверил Фридрих–Вернер фон дер Шуленбург. — Запись есть, но сейчас все отключено. Что-то случилось?

— Обо всем стало известно французам, — ответил Болен. — Их посол вел себя так дерзко и вызывающе, что не оставил у кайзера никаких сомнений в том, что они уверены в нашем предательстве. Конечно, кайзер отверг все обвинения посла и выразил неудовольствие его поведением, но мне он сказал, что находится в затруднении. Союзники нам теперь не поверят и потребуют гарантий, а пойти у них на поводу — значит лишиться самостоятельности. Нас бросят на Россию, а потом ничего не дадут, чем бы все ни кончилось.

— Плохо! — сказал посол. — Французы, вне всякого сомнения, поделятся этим с англичанами. Они не станут воевать с русскими, а вот нас будут к этому подталкивать. Я не вижу выгоды в такой войне для Германии, даже если русские не применяют яд в городах. А если применят...

— Договоритесь, чтобы меня приняли пораньше, — сказал Болен. — Нужно определиться с русскими, а потом что-то решать. Идиотское положение! Германия не может не воевать и воевать она тоже не может!

— А что по этому поводу думает канцлер? — спросил посол.

— Вы думаете, он передо мной отчитывался? — сердито сказал гость. — Сейчас проверяют всех, причастных к этим переговорам, возможно, что и его тоже. Он с самого начала без восторга отнесся к союзу с Россией, но был вынужден уступить. Хотя таких недовольных среди посвященных было большинство.

Болен поздно заснул и очень плохо спал. Мучили не только мысли, но и боли в ногах, которые в последнее время отравляли жизнь. Проклятые врачи могли только тянуть деньги и ссылаться на его возраст. Утром он проснулся сонный, с головной болью, отказался от завтрака и с нетерпением ждал, когда его отвезут к русскому канцлеру.

Я сидел за письменным столом с черновиком второй книги, когда по нервам ударил телефонный звонок. Надо будет где-нибудь раздобыть отвертку и немного повозиться с телефоном, чтобы каждый раз не подсказывать от испуга. Мы уже третий день жили во дворце, и этот день был воскресеньем, поэтому отец был дома. Для придворных дам не существовало выходных, хотя любая могла отпроситься и уехать из дворца, но, по-моему, вся их жизнь здесь была такой необременительной, что смахивала на один большой выходной. Вера нашла среди приближенных императрицы одну девицу, с которой у нее начали складываться приятельские отношения, и после завтрака к ней умчалась, оставив меня заниматься творчеством.

— Я слушаю, — сказал я, подняв трубку.

— Срочно зайдите ко мне, князь! — послышался в ней голос императора.

Я ответил, что иду и, положив трубку, подошел к зеркалу. Волосы слегка растрепались, поэтому я их пригладил расческой и поспешил к кабинету императора. До него было идти всего три минуты быстрым шагом, но взволнованный Владимир Андреевич встретил меня так, как будто я где-то ходил полчаса. В кабинете, кроме него, находился заметно

нервничавший Вяземский.

— Что вы так медленно, князь! — сказал император. — Нам нужно срочно знать ваше мнение. Немцы грязно сработали, и их союзники обо всем узнали! Теперь немцы оказались между двух огней, и им не позавидуешь, но и для нас во всем этом радости мало!

— А, по-моему, все очень неплохо получилось, — сказал я им, вызвав два удивленных взгляда. — Я предполагал, что так может получиться, поэтому уже об этом думал. Германия — это кипящий котел в центре Европы. Ее экономика быстро растет, и немцам все сильнее мешают национальные рамки. Давление пара растет, и, если ничего не сделать, рванет так, что никому мало не покажется. В той реальности так два раза бабахнуло. Две войны, в которых немцы воевали против всех главных государств Европы. И если бы не мы, еще неизвестно, чем бы это закончилось. В обеих войнах их силу переломили русские. А теперь представьте, что мы в такой конфликт не полезем, а то и кое в чем поможем немцам. Я думаю, что Франция будет завоевана за две-три недели, а Великобритания не сможет, да и не захочет ей помогать и сосредоточится на собственной обороне. Немцам нужно не просто разбить французскую армию, а включить Францию в состав своей империи, причем без этих их штучек насчет немецкой исключительности, а на равноправной основе. Вместе с Францией они приобретут и все ее колонии. Конечно, англичан это не устроит, но кто их будет спрашивать? Если Германия получит всю французскую промышленность, англичане ничего не смогут сделать.

— Они могут занять французские колонии, — глядя на меня с интересом, предположил Вяземский.

— Могут попробовать, — согласился я, — если мозги в дефиците. Даже захватить их будет не так просто, а удержать... Пупок не развяжется? Как бы они после этого не лишились и своих собственных колоний. Поскольку они не идиоты, то не будут дробить силы, а сосредоточат их в своих колониях. Вот американцы смогут кое-что захватить, но вряд ли много. А позже мы вместе с немцами попросим все захваченное вернуть. Если не захотят... Их все равно придется ставить на место, и лучше это сделать сейчас, чем потом, когда они усилятся. Хотя... Мы ведь с немцами тоже не будем стоять на месте. Да, янки нужно заранее предупредить насчет Аляски.

— Подождите вы с Аляской! — оборвал меня император. — Какие еще есть мысли по этой войне?

— Немцам не нужны советчики со стороны, — сказал я. — Они и сами неплохо воюют. Но кое-что можно подсказать. Если у них не получится задержать военный флот, то терпящие поражение французы его уведут. Скорее всего, он достанется англичанам, а это лишнее. Поэтому могу предложить утопить его в портах. Почти все моряки останутся живы, а корабли потом будет нетрудно поднять.

— Подводными лодками? — спросил император.

— Подводными пловцами, — поправил я его. — Понятия не имею, есть ли здесь нужные аппараты для подводного плавания, но если нет, могу нарисовать чертеж, и на любом хорошем заводе сделают за неделю. У нас их называли аквалангами, а в других странах как-то иначе. На лицо надевают маску, а на спину — два баллона с закаченным под большим давлением воздухом и используют резиновые ласты. Во вторую мировую войну итальянские боевые пловцы пустили на дно немало кораблей. Нетрудно подплыть под водой под днище корабля и прикрепить к нему магнитную мину с часовым механизмом. Спустить с какого-нибудь корабля груз мин с баллоном, обеспечивающим им нулевую плавучесть, и

толкать к базе флота. Позже сделали устройства для буксировки пловцов и грузов, но немцы и так обойдутся. Подводные лодки теперь вряд ли подберутся к боевым кораблям, а торпеды их так разворотят, что потом придется пускаться на металлолом.

— Хорошая мысль, — кивнул Вяземский. — Других нет?

— Можно будет помочь нашими бомбами, — предложил я. — Не против Франции, — с ней справятся и так — а против Англии. После захвата Франции будет нетрудно перелететь Ла-Манш, он в самой узкой части чуть больше двадцати километров. Если немцы удачно бомбили Англию со своей территории, то из Франции ее можно забрасывать гранатами. Если начнут бомбить промышленные районы, можно будет поделиться своими бомбами. Не смотрите на меня так, Борис Леонидович, секрет этого оружия очень ненадолго. Он лежит на поверхности, поэтому быстро догадаются даже по описанию взрывов. У нас ведь самые простые бомбы. Если помудрить с составом и способом распыления больших объемов горючего, можно сделать бомбу в десятки раз более мощную. Вот конструкция такого оружия дольше будет секретом. А немцам нужно помогать. Лучше пусть они воюют против своих союзников, чем они все вместе — против нас. Нам при этом вообще не придется воевать.

— Все прочитали? — спросил председатель совета министров Луи Виктор Гибер у собравшихся за столом членов кабинета. — Может кто-нибудь из вас объяснить, как мы в это вляпались и что теперь делать?

— Это проверено? — спросил министр торговли и промышленности Шарль Саррьен.

— Быстро такой не проверишь, — ответил приглашенный на совещание директор Второго бюро полковник Раймон Бриан. — По линии русской агентуры у нас нет об этом абсолютно никакой информации, а искать самим агентов Братства в наших городах... Скрытно такое не сделаешь, да и открыто многого не добьемся, только вызовем панику. Можем предложить меры для уменьшения возможных потерь.

— Значит, это может быть блефом, — сделал вывод Саррьен.

— Я бы не рискнул это проверять, — сказал министр внутренних дел Пьер Рувье.

— Будем исходить из того, что это правда, — подвел черту Гибер. — Я не думаю, что русские взорвут свои мины, если мы не объявим им войну, но мы не можем мириться с такой угрозой. И нужно что-то решать с нашими активами в России и с немцами.

— Немцы напуганы, — сказал военный министр генерал армии Анри Легран. — Яд в крупных городах — это очень серьезно. Если их население побежит, в стране будет хаос. К этому можно подготовиться и уменьшить потери, но все равно нам долго будет не до войны. Русские на это и рассчитывали. К ядам добавилось мощное оружие, которым собирались бомбить наши войска. Это помимо химических бомб. У нас по нему нет никаких сведений, кроме сообщения из Германии. Англичане тоже ничего не знают.

— Немцев нужно как-то вовлечь в войну, — ответил на вопросительный взгляд председателя министр иностранных дел Арман Ферри. — Если они не хотят драться с русскими, можно попробовать сделать так, чтобы русские дрались с ними. Но в этом случае мы понесем большие финансовые потери.

— Что вы имеете в виду? — спросил министр финансов Шарль Бриссон. — Не из займы?

— В первую очередь займы, — подтвердил Ферри. — За предприятия они предлагали рассчитаться.

— За двадцать лет! — крикнул Бриссон. — А займы... Да нас с вами разорвут держатели русских бумаг! И не станут русские одни драться с Германией: они не идиоты! А это значит, что нужно образовывать тройственный союз, но на этот раз с Россией против Германии. Вряд ли немцы будут ждать, пока мы это сделаем, как бы нам самим не попасть под удар!

— Ну и заключим, — согласился Ферри. — Главное, чтобы основная тяжесть войны легла на русских. Я ни минуты не сомневаюсь в том, что Германия долго не выстоит против трех держав. Разделить ее после победы и решить вопрос с немцами навсегда! А потом можно будет заняться Россией. Какое бы они ни придумали оружие, армия у них сильно ослаблена, а если ее еще ополовинят немцы...

— Ваше мнение, генерал? — обратился Гибер к военному министру.

— Если русские на это пойдут, то план жизненный, — ответил Легран, — но могут и не пойти. Займы они возвращать не собираются, да и выплаты предложили только потому, что были уверены в том, что мы от них откажемся. И чем вы их привлечете? Перспективами

расчленения Германии?

— А без России? — спросил министр колоний Александр Мелен.

— Одним нам это не по силам, — ответил генерал. — Вместе с англичанами можем победить при условии, что они к этому приложат все силы, а не станут прикрываться нами. Но это будет тяжелая война с большими потерями. Все наши планы строились из расчета, что воевать будут другие.

— Потеряем половину флота, — добавил министр флота адмирал флота Жорж Кремер. — И это при условии, что англичане выставят примерно такие же силы. Но у меня нет им большой веры.

— Я не понял, о чем мы договариваемся, — сказал министр внутренних дел Пьер Рувье. — Если кто-то хочет, чтобы русские для нас дрались с немцами, то это глупость. И не нужно на меня так сверкать глазами. Я встречался с Вяземским и могу вам сказать, что это исключительно умный человек. Да вся деятельность Братства за тридцать лет его существования говорит о том, что в его руководстве нет дураков. Императора ставили они, поэтому или он тоже умен и заодно с ними, или находится под контролем. Обмануть их не удастся, купить — тоже. Так что давайте лучше вернемся к тому, как заставить воевать немцев.

— Вы бы лучше занялись поисками агентов Братства, которым так восхищаетесь! — с сарказмом сказал Ферри. — Это ваша прямая обязанность!

— Я займусь, — отозвался Рувье, — и даже найду, хоть вряд ли всех. Но для этого мне потребуются несколько лет. В двенадцати самых крупных городах, которые почти наверняка заминированы, проживают около девяти миллионов человек. Проверять придется каждого десятого, причем проверка должна быть... деликатной, а не допрос с пристрастием. Увы, быстро такое не сделаешь!

— Надо давить на немцев, чтобы выполнили все свои обязательства по договору! — предложил министр юстиции Эжен Фрейсине. — Пусть теперь начинают сами, а мы подключимся позже. С англичанами консультировались?

— Они в растерянности, — ответил Гибер. — Ход с ядами, несмотря на всю его гнусность, был гениальным. Нас всех взяли за горло! По этой же причине вряд ли немцы поддадутся давлению. Какая война, если у них не будет тыла?

— А, может быть, нам у русских тоже что-нибудь отравить? — спросил Мелен. — Не на самом деле, конечно, а подготовить и пригрозить?

— У вас есть тридцать лет? — неприязненно спросил Бриссон. — Ну так и нечего предлагать ерунду! Они над своими ядами работали годами, а потом долго внедряли к нам людей, причем не просто агентов, а специально воспитанных с детских лет фанатиков. Обычному человеку трудно отравить десятки тысяч человек и не соблазниться выдать свою отраву за вознаграждение. Если на таком поймают, с живых сдерут шкуру!

— Мы с вами сидим целый час, но так ни до чего и не договорились, — сказал Гибер. — Есть хоть у кого-нибудь дельные предложения?

— У меня есть одно, — сказал Фрейсине. — Оно жизненное, но никому из вас не понравится. Нужно собраться главам союза и России на конференцию и решить все самые важные вопросы. Обо всех материальных претензиях к русским придется забыть. Если дать гарантии безопасности, они уберут свою отраву.

— Надеюсь, что это будет не единственное предложение, — вздохнул Гибер, — потому что я с ним к президенту не пойду.

Во дворце нам выделили только четыре комнаты, но каждая была в два раза больше трехкомнатной квартиры из прошлой жизни. Это было немного непривычно. Хорошо, когда у вас большая гостиная, но когда в спальне можно играть в баскетбол...

— Вам хорошо, а я в ней одна, — жаловалась нам Ольга. — В первые два дня долго не могла заснуть. Единственная польза, что вам есть где бегать с вашей борьбой. Смотрите, если узнают, засмеют. Статс-дама вся потная в штанах гоняет по спальне мужа-камергера!

— Меньше будут приставать, — сказала ей Вера.

— Это кто же к тебе приставал? — спросил я. — И почему я об этом узнаю только сейчас?

— А если бы сказала раньше? — спросила жена. — Неужели избил бы цесаревича?

— А ему мало фрейлин? — спросил я. — Как он к тебе приставал, надеюсь, не грязно?

— Зря ты о нем так говоришь, — ответила она. — Вот что ревность делает с самыми лучшими мужчинами. Он, если хочешь знать, с фрейлинами не флиртует, а за мной просто ухаживал, правда, очень настойчиво. Мне это не понравилось, и я ему так и сказала. Сама, мол, знаю, что умница и красавица, а для комплиментов у меня есть муж. Правда, он их редко делает...

— Так и сказала? — не поверила Ольга. — Врешь, наверное.

— Мы сегодня будем заниматься или болтать? — спросил я Веру.

— На этом закончим, — ответила она. — Я уже не буду драться лучше, чем сейчас, поэтому время занятий можно сократить, а то действительно обросту мышцами. Пойду мыться.

Она вышла и сразу же вернулась вместе с императором. Владимир Андреевич посмотрел на меня с веселым удивлением и спросил, чем это мы занимаемся.

— Шел мимо, и возник один вопрос, — объяснил он причину своего появления. — Спрашиваю у вашей матушки, где мой советник, а тут появляется это видение в крестьянской одежде. Мы, говорит, учимся драться. Странное занятие для статс-дамы, причем такой милой, вот меня и взяло любопытство, как у вас поднимается рука ее бить?

— Вообще-то, больше бью я, — сказала жена.

— Тогда беру назад свои слова насчет милой, — засмеялся он. — Показывайте, князь, или мне вас попросить еще раз?

Наверное, Веру вдохновило присутствие августейшего зрителя, потому что на этот раз она превзошла саму себя, и мне пришлось плохо, причем в самом прямом смысле этого слова. А вам было бы хорошо от удара пяткой в живот? Да, в борьбе жена обошла меня во всем, кроме силы.

— Тебе очень больно? — забыв об императоре, причитала она над моим телом.

Я свернулся калачиком и пережидал боль. Пресс я накачал хорошо, но и удар был изо всей дури. Я Веру так и тренировал, чтобы не намечала удары, а лупила. Раньше мне было нетрудно защититься, а свои удары я хорошо контролировал, но сейчас я не успел с защитой, а контролю силы я жену не учил. Бросить, что ли, к черту эти занятия?

— Уже все, — сказал я ей и встал, стараясь дышать поглубже.

— Извините, ваше величество, — смущенно сказала жена.

— А передо мной для чего извиняться-то? — удивился он. — Извиняйтесь перед мужем. Если бы меня жена так била, да еще каждый день, ей богу, развелся бы!

Говорил он серьезно, а глаза смеялись.

— Выйдите, — попросил я девушек, и они, получив подтверждающий кивок Владимира Андреевича, выскочили за дверь.

— В правительстве нет единства по вопросу, когда заниматься национализацией, — сказал он, садясь в кресло. — Я тоже в затруднении. Есть разные предложения, поэтому хотелось бы выслушать ваше мнение.

— Немедленно, — ответил я. — Их ведь предупредили о наших условиях?

— Предупредили и уже давно, но только французов, — сказал император. — С английским послом я встречался дважды, но он эти вопросы не поднимал, хотя наверняка уже все знал.

— Тем более, — сказал я. — Сейчас начнется драка, и всем на какое-то время будет не до нас. Но делать все нужно быстро, и сразу менять управляющих, особенно если они иностранцы. Уже прошло достаточно времени, и у них могут быть инструкции на такой случай. А если их нет, нетрудно прислать. Вряд ли будут портить оборудование, но могут уничтожить документацию, а это тоже неприятно. Хотя не так уж трудно повредить станки. Мало ли у нас таких типов, которые за рубль разобьют что угодно? У них наших предприятий процентов сорок, и если будут действовать решительно и нагло, могут причинить огромный ущерб. Хорошо, что до конца надеялись на благополучный исход, к тому же слишком много хозяев. Правительство французов или англичан даже при желании не выстроит всех, но все же не стоит давать им время.

— Посмотрим, — неопределенно сказал император. — У меня есть еще вопрос. Хочу, чтобы вы познакомились и подружились с моим наследником. Он уже три дня в Москве. Ему двадцать три, а вам девятнадцать — почти ровесники. Мне не нравятся те, с кем он водит дружбу, а с более зрелым человеком он не сойдется. А вы молоды и умны, да еще есть опыт прожитой жизни. Вы ему должны понравиться.

— Это вряд ли, — ответил я. — Ему слишком понравилась моя жена. Мужья в таких случаях вызывают не симпатию, а совсем другие чувства.

— Плохо, если так, — расстроился Владимир Андреевич, — но я все равно попробую. Я вызвал сюда и младшего сына, так что познакомлю еще и с ним. К ним сейчас липнет слишком много дряни, пусть рядом будет хоть один порядочный человек, которому я доверяю.

Он поднялся с кресла, и я тоже вскочил, поморщившись от боли в животе.

— Борьба из той жизни? — спросил император, получил утвердительный ответ и ушел.

В гостиной я застал всех наших женщин. Мама еще не встречалась ни с кем из семьи императора и была очень взволнована его визитом, а Ольга сидела какая-то растерянная. Одну Веру интересовал не визит Владимира Андреевича, а мой ушибленный живот.

— Болит? — спросила она, жалобно заглядывая в мои глаза. — Если бы я знала, что ты будешь такой заторможенный, я бы вообще не была. Побегали бы по комнате... Он все равно смеялся.

— Я вам говорила, что будут смеяться, — встряла Ольга.

— Да, дети, надо с этим заканчивать, — очнулась мама.

— Полностью заканчивать не будем, — сказал я им, — просто сократим число занятий и будем осторожней. Трех раз в неделю будет достаточно. Ты еще не купалась?

— Соображать надо! — сказала мне жена, постучав себя пальцами по голове. — Как я пойду мыться, когда в наших комнатах император? Подожди, мне нужно всего несколько минут.

Пока мы помылись и привели себя в порядок, пришло время обеда. Нам накрывали вместе с другими придворными в большом обеденном зале. Каждый знал свой стол, а приходили кому когда вздумается с часа до двух дня. При прежней династии с этим было строже, но Владимир Андреевич был либералом и не придирался по пустякам к окружающим его людям. Я еще не познакомился со всеми, кто здесь обедал, но знал их в лицо и раскланивался при встрече. Сейчас я тоже улыбался и кивал тем, кто уже сидел за столом. Когда пообедали и направились в свои комнаты, нас обогнал юноша, показавшийся знакомым.

— Великий князь Олег Владимирович, — сказал я своим. — Нет, я с ним не знаком, узнал по фотографии в газете. Император хочет, чтобы сейчас здесь была вся семья. Понятно, что это не коснется его дочери.

— Это из-за войны? — тихо, чтобы не слышали остальные, спросила Вера. — Не говорили, когда начнется?

— Не знаю, — так же тихо ответил я. — Слышал только, что немцы провели мобилизацию. А когда начнут... Давай не будем говорить на эту тему в коридоре.

Начали они через два дня. Обычно раньше при таких войнах вторжение начинали крупными силами пехоты и кавалерии, но немцы поступили почти так же, как и в войне с нами в сорок первом: они бросили на французов авиацию, причем всю, какая была в их распоряжении. Сотни бомбардировщиков в несколько эшелонов ушли бомбить заранее разведанные и хорошо известные цели. Они прикрывались истребителями, которые у немцев были лучше французских. К часу дня у французской армии не осталось ни одного неповрежденного аэродрома. Больше тысячи самолетов сгорели на них, разбитые бомбами и покрошенные огнем авиационных пушек и пулеметов, многие были сбиты при попытке взлететь или в скоротечных воздушных боях. Немцы захватили превосходство в воздухе, и второй удар был обрушен на французские танковые колонны и пехоту, которые командование третьей республики начало срочно подтягивать к границе. В этот же день на военно-морских базах в Бресте и Тулоне в результате диверсий были подорваны боевые корабли. В газетах и по радио об этом сообщили только неделю спустя. В первый день войны, ближе к вечеру, Великобритания объявила войну Германии. Военные действия начались на следующее утро с массового налета английской авиации. Аэродромы и многие другие объекты были хорошо прикрыты зенитными орудиями и возвращенными с французского фронта истребителями, поэтому пострадали мало. Многие английские летчики отбомбились по небольшим немецким городкам. Потеряв больше сотни машин, англичане вернулись на свой остров, и в сражениях с ними наступила пауза. Линии Мажино во Франции не было, здесь вообще отсутствовали какие-то защитные сооружения на границе с Германией, поэтому немецкому наступлению препятствовал только недостаток резервов, которые срочно перебрасывали в зону боев из приграничных с Россией земель. Франция продержалась шесть дней, после чего капитулировала. Единственное крупное сражение флотов произошло на пятый день войны. Английский флот, в который входило соединение французских подводных лодок с еще нетронутой войной базы в Шербур-Октевиле, сошелся в сражении с флотом Германии, прикрывавшим ее побережье от границы с Нидерландами до Дании. Почти шесть десятков кораблей начали сражение, и для многих из них оно стало последним. Англичане считали себя победителями, но понесли такие потери, что были вынуждены вернуться на свои базы, ведя часть поврежденных кораблей на буксире. Сотни самолетов упали в еще холодные воды Северного моря. После этого сражения других

крупных столкновений немцев с англичанами не было. Франция пала, и ее островные союзники лихорадочно готовились к обороне и пытались заручиться поддержкой Американских штатов. Американцы не отказывали, но и не спешили соглашаться, у них была задача поинтересней — захватить временно бесхозные колонии Франции. Находящиеся в них боевые корабли третьей республики были интернированы. Захватить все земли даже в одной Африке было трудно, но янки старались.

На второй день после капитуляции кайзер Август выступил по радио с обращением к населению Франции. Он объявил об объединении двух государств в одну империю.

— Одна империя, один народ и великое будущее! — такими словами он закончил свою речь.

— Сказать можно все, — проворчал слушавший выпуск новостей отец. — Сколько пролито крови! Может быть, у них и будет один народ, но еще очень нескоро.

— Главное, что не пришлось воевать нам, — сказал я. — А немецкая империя будет нашим союзником. Англичане со своим флотом никуда не делись, да и американцев придется гнать из Африки и других мест. Нам выгодно помочь немцам, а им еще выгоднее принять нашу помощь.

— А говорил, что не будем воевать, — отозвалась с дивана Ольга. — Как мы им поможем без драки?

— Войны бывают разные, — объяснил я. — Ты в этом не разбираешься, потому что нам на голову не падали бомбы, и дай бог, чтобы так было дальше! А к войне на море мы подготовимся. С американцами, я думаю, сражаться не придется: сами уйдут, разве что выторгуют что-нибудь у немцев. Ну и мы выторгуем за свою помощь. А вот с англичанами драться придется, но больше немцам, чем нам. Мы им только кое в чем поможем. Здорово все получилось, причем без всяких ядов и травли мирного населения. Это теперь не будем применять даже в Англии.

— Сколько готовили удар, и все зря, — сказал отец. — Оно, конечно, хорошо, что не будет таких жертв, но для многих — это попусту потраченная жизнь. Для Суханова, например.

— Странно от тебя такое слышать, — удивился я его словам. — Яды все равно сделали свое дело. Если бы не они, мы бы сейчас воевали с немцами, причем только обычным оружием. Могли бы и не отбиться, особенно если бы навалились еще их союзники. А в очереди стояли: Турция, Япония и Американские штаты. Профессору Суханову нужно поставить памятник из золота в натуральную величину.

Зазвонил телефон, и я поспешил взять трубку. Почти все звонки были лично от императора или по его поручению от одного из флигель-адъютантов. Этот звонок не был исключением.

— Князь, я вас прошу ненадолго подойти, — сказал Владимир Андреевич. — Помните, я вам говорил о сыновьях? Жену с собой брать не нужно.

— Меня вызывает император, — сказал я всем. — Это ненадолго.

— Подожди, — остановила меня мама. — Жена бежит по подружкам, так хоть я тебя расчесу.

Дав ей возможность расчесать мою шевелюру, я поспешил к покоям императора. Я не любил свой камергерский мундир, а Владимир Андреевич сам редко надевал мундир и от других это требовал только в торжественных случаях, поэтому сейчас на мне был костюм-тройка с галстуком. Я не любил бабочек, которые здесь носило большинство.

В гостиной, куда меня проводил слуга, я увидел императора и его сыновей. Андрей был старше Олега на три года, но я не заметил их разницы в возрасте. Оба, как и их отец, были в гражданском. Как выяснилось позже, Андрей любил военную форму и часто ее надевал, а сейчас был в костюме из-за отца. Оба были среднего роста, широкоплечие, с симпатичными лицами и густыми, зачесанными назад волосами. У Андрея были небольшие усы, а Олег ничего не носил под носом. Видимо, это было связано с его возрастом, потому что мужчины без усов здесь были редкостью. Я вошел, представился по всей форме и замер.

— Бросьте, князь, — сказал император. — Вы сегодня пришли ко мне, поэтому извольте себя вести как обычно. Если моим сыновьям будет претить такое обращение, они вам потом об этом скажут.

— Лучше пусть скажут сразу, как мне к ним обращаться, — ответил я.

— Я не знаю, по какой причине вас в таком юном возрасте сделали камергером, — сказал мне цесаревич, — да еще наградили орденом. Наверное, это сделали не из-за ваших песен или книжки, но пока не узнаю причин, обращайтесь ко мне как положено — ваше императорское высочество. Я тоже либерал, но для фамильярных отношений должны быть основания, которых я пока не вижу.

— Это ведь вы с женой пели песни? — спросил Олег. — Книгу «Преодоление» тоже вы написали? Тогда в подобной обстановке можете называть меня по имени. С женой познакомите?

— Почту за честь, — ответил я ему, — хотя вам нетрудно познакомиться самому. Ваш брат это сделал в день приезда.

— Я не знал, что она замужем, — пожал плечами Андрей. — Приехал и увидел среди фрейлин незнакомую мне очаровательную особу. Кольцо на пальце заметил уже после того, как она меня отшила. Хотя, к вашему сведению, князь, я себе ничего лишнего не позволил.

— С ней позволять себе лишнее опасно, — хохотнул Владимир Андреевич. — Князь ее на свою голову приохотил к какой-то азиатской борьбе. Захожу к ним по делу, а она выбегает вся в мыле и в мужицких штанах. Что это, спрашиваю, за явление природы? А она потупилась и отвечает, что тренируется с мужем бою без оружия. Я над ней немного пошутил, так знаете, как она вскинулась? Глазищами так и засверкала! Правда, тут же опомнилась. Повел я ее к князю и попросил показать, что это за бой.

— Показали? — с интересом спросил Андрей.

— Чтобы мне да отказали, — засмеялся Владимир Андреевич. — Надо сказать, что я от них ушел под впечатлением. Князю, правда, не повезло. Он сильнее жены, но не смог за ней угнаться. Она так быстро двигалась, что было трудно уследить глазами, вот князь и не уследил. Она ему так заехала ногой в живот, что я уже думал, что нужно будет искать другого камергера. Вы это на всякий случай учтите, а то у меня других сыновей нет и больше уже не будет.

— И для чего это? — спросил меня Олег.

— Нам после выпуска одной моей статьи пришлось надолго уехать в одно глухое место, — ответил я. — Жилось там неплохо, но очень скучно, особенно тем, у кого не было занятий. Вот на жену и навалилась хандра. Я этой борьбой занимался давно и решил ее хоть чем-то занять, чтобы весь день не валялась в постели. Не люблю толстых женщин, а при такой жизни не растолстеть... Были еще наши песни, но они не заменят спорта. Сначала занималась из-под палки, а потом приохотилась.

— Вы ее принуждали? — удивился Андрей. — У нее довольно сильный характер.

— Борьба сделала его еще сильнее, — ответил я. — И она сделала очень сильным ее тело, а это придает уверенности и помогает здоровью. Да и в жизни может пригодиться. От навязчивых ухажеров она сможет отделаться без того, чтобы звать меня. Это не о вас, ваше императорское высочество, а вообще...

— Может, ты нам все же скажешь, для чего тебе нужен этот юноша? — спросил Андрей, повернувшись к отцу. — Я не обращаю внимания на слухи и сплетни, поэтому думаю, что дело все-таки не в его жене и не в их песнях.

— Мне нужны его советы, — ответил Владимир Андреевич, вызвав удивленные взгляды сыновей. — У этого юноши большие заслуги перед империей, а наградить его соразмерно им не позволяет его возраст. Все остальное узнаете сами, если он захочет вам сказать. Только хочу предупредить, что все, что касается его самого и его работы, является государственным секретом. Понятно, что я говорю не о песнях и книгах.

— Это немного меняет дело, — сказал мне Андрей. — Пожалуй, я тоже разрешу вам, князь, называть меня по имени в приватной обстановке. Вашей жены это тоже касается.

— Я вас уже выслушал, граф, — сказал Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль Энтони Идену, — теперь послушайте меня. Никакой войны больше не должно быть! Мы проиграли, и продолжение прежней политики приведет нас к краху. Потери в самолетах не позволят нам защититься от воздушных ударов, а если русские еще отдадут немцам свои новые бомбы, нам конец! Немцы понесли большие потери в кораблях, но, получив все ресурсы Франции, за два-три года наделают другие. И я бы не сбрасывал со счета русский флот. Если нас отрежут от колоний, будет плохо! Много мы сможем сделать в изоляции? Американцы слишком уверены в своих силах и не способны думать о будущем, поэтому мы не получим от них помощи!

— Но, сэр, вас никто не поймет! — возразил Иден. — Мы слишком вложились в Россию, а в яды почти никто не верит. И все слишком привыкли...

— Придется отвыкать! — отрезал Черчилль. — Условия диктуют сильные, мы пока к таким не относимся, а я не отношусь к идиотам, не верящим в яды. Слишком многое поставлено на карту, чтобы русские блефовали! А нам сейчас нужно не задираться, а заключить мир с Германией и постараться сблизиться с Россией! Немцам будет достаточно того, что мы признаем их право на Францию и все ее колонии! И мы его признаем!

— А американцы? — спросил Иден.

— Какое мне дело до американцев? — пожал плечами Черчилль. — Они не помогли нам, поэтому пускай теперь попробуют не отдать захваченные в Африке земли. Германия очень быстро усилится, да и Россия не останется в стороне. Русским не нужно усиление янки, им у них еще забирать свою Аляску. Вот пусть и схлестнутся, а мы на это посмотрим со стороны. Нам, граф, важно сохранить свое! Без колоний мы быстро потеряем свои силы и влияние.

— Но может, потребовать от русских выкупа нашей собственности? Они это вроде обещали...

— Когда это было! — махнул рукой Черчилль. — Говорили, зная, что их предложения никто не примет, да и предлагали не нам, а французам. Нет, нам нужно самим от всего отказаться. В конце концов, у нас достаточно золота, чтобы заткнуть рты всем недовольным.

— Хотите сблизиться с русскими, чтобы выведать их секреты?

— И это тоже, — согласился Черчилль. — Выкупим у них право на очистку наших

городов от отравы, а потом надо будет принять меры к тому, чтобы подобное никогда больше не повторилось. Россия и Германия могут быть союзниками, но такой союз не продлится вечно. И наша задача — сделать все, чтобы они побыстрее вцепились друг другу в горло! Вот тогда опять настанет золотой век Британии! А до тех пор нужно наладить с ними дружеские отношения. Пока мы воевали чужими руками, империя процветала. Надо вернуться к такой практике и использовать свои силы только тогда, когда без этого не обойтись.

— Убрать из городов яд, украсть секреты русских и немцев и перессорить их между собой, — сказал Иден. — Я ничего не забыл?

— Нужно не только красть чужое, но и побеспокоиться о том, чтобы было свое! Надо развивать науки, а для этого покупать способных ученых в Европе, да и в Американских штатах. Платить больше, чем они могут получить у себя на родине, и обеспечивать все условия. Можно их даже вывезти куда-нибудь в колонии, чтобы не допустить утечки секретов. И надо там же создавать производство, используя местные возможности. Нам бросили вызов, и на него нужно достойно ответить!

— А почему не пришла Вера? — расстроено спросил Олег.

— Потому и не пришла, что тебя так расстраивает ее отсутствие, — ответил я приятелю.

То, что приятель был сыном императора, не сказывалось на нашем общении. Он сам две недели назад предложил перейти на ты, а я не стал отказываться. Олег был старше меня всего на один год, но мне казался мальчишкой. Искренний и импульсивный, он с трудом сдерживался и о многом рассуждал с юношеским максимализмом. Отец настоял на его приезде в Москву, а все приятели остались в Питере. Скоро кое-кто должен был переехать сюда, а пока Олегу приходилось довольствоваться мной и тремя офицерами охраны, с которыми он время от времени играл в карты. Ко мне Олег прикипел из-за песен, которые приходилось петь при каждой встрече, двух вышедших книг и моей жены, в которую безнадежно влюбился. Как ни странно, он продолжал ко мне по-дружески относиться и при этом не скрывал своих чувств к Вере.

— Плохо быть сыном императора! — сказал он, бросив на диван гитару. — Бери, сейчас чего-нибудь сыграешь, только повеселей, а то я сдохну от тоски! Ты счастливый человек! Влюбился и женился на купеческой дочери, хотя она тебе совсем не ровня. Как уломал отца?

— Откуда узнал? — поинтересовался я.

— Вера сама сказала, — ответил Олег. — Вчера меня пожалела. Сказала, что не нужно мне маяться дурью. Даже если бы не было тебя, она мне не пара. Бывшая купеческая дочь... Сказала правду: хоть она сейчас и княгиня, но купеческие корни никуда не делись. Это для тебя не имеет значения, а в моем случае быстро докопались бы, поэтому отец никогда не дал бы согласия на такой брак. И у его либерализма есть границы. Ладно, я еще могу найти девушку с хорошей родословной, похожую на твою жену, и жениться, а жену для брата отец подберет сам. Скорее всего, это будет одна из двух немецких принцесс. По возрасту обе подходят. Видел я их. Фигурки вроде ничего, но лица... То сами такое осуждали, а теперь...

— А теперь поменялась ситуация, — сказал я. — Мне отец тоже ставил препоны. Честь рода и все такое! Я его уломал, когда сказал, что уйду из семьи. Он приказал привести Веру на смотрины, а после уже сам в ней души не чаял.

— Как я его понимаю! — сказал Олег. — Она не пришла из-за меня?

— Из-за тебя или из-за твоего брата — какая разница? Думаешь, мне приятно смотреть на вашу любовь? И Вере все это неприятно. Андрей ведь и сегодня придет?

— Может и не прийти. Ему всегда сообщают, когда вы у меня, сообщат и то, что ты пришел один.

Старшему брату, в отличие от младшего, император обо мне все рассказал. Андрей не требовал от меня песен, но постоянно просил рассказать о другом мире. Слушал с интересом, но этим наше общение и ограничивалось. К брату он заходил каждый раз, когда приходили мы. Сидел вместе с ним, слушал песни и смотрел на Веру. Меня его взгляды раздражали, а ее заставляли краснеть. Олег жене нравился, и ей с ним было легко, а вот присутствие Андрея заставляло напрягаться и рождало желание побыстрее уйти. Я не рвался общаться с этими парнями, хотя Олег мне нравился, и я понимал всю пользу этого общения. Но какому мужу понравится водить жену к двум воздыхателям? Я даже завел разговор с Владимиром Андреевичем, мол, не слишком ли мы загостились во дворце? Вопросов ко мне уже не было, только несколько раз приезжали для консультации, а сам император три раза

спросил мое мнение, а учли его или проигнорировали, этого я не знал. И для чего тогда здесь сидеть?

— Еще ничего не закончилось, — недовольно сказал он. — И вы мне обещали побыть с сыновьями. Я понимаю ваши сложности, князь, но придется вам потерпеть.

Я не мог ему отказать, поэтому приходилось терпеть, а вот жена терпеть не захотела.

— Если пригласит император, я пойду, — сказала она мне, — а сама к его сыновьям ходить не буду. Я бы еще пережила их любовь, но вижу, как это тебе неприятно. Перебьются без меня, хватит им твоего общества. Нам еще долго здесь сидеть?

— Надоели подруги? — спросил я, взлохматив ей волосы.

— Не порть мне прическу! — отмахнулась она. — Понимаешь, Лещ, не получается у меня с ними дружбы. Сначала вроде сдружилась с Ольгой Бобринской, потом еще кое с кем, но эта стерва статс-дама Надежда Петровна узнала о моем происхождении и всем растрезвонила. Она, видите ли, урожденная графиня Апраксина, а я какая-то купчиха! В глаза мне, конечно, никто такое не скажет, и по-прежнему общаются и с удовольствием слушают песни, но отношение все равно изменилось. Ровней меня теперь не считают. Наверное, на это еще накладывается зависть. Все видят, как к нам относится семья императора, причем никто не может понять, из-за чего нам такая честь, а я вынуждена молчать. А скрытность — это плохая основа для дружбы. Знали бы они, как я мечтаю отсюда уехать и завести свой собственный дом! Не нужна нам благосклонность императора. У нас с тобой есть способности и миллионы, проживем и без его покровительства! Скоро уже все это закончится?

— Англичане ведут мирные переговоры с кайзером, — сказал я. — Об этом ты и сама знаешь. Не сегодня-завтра подпишут мирный договор. Вчера услышал от одного из флигель-адъютантов, что английский посол зачастил к Владимиру Андреевичу, но с чем он ездит, я не знаю, могу только предположить.

— Тоже мирный договор?

— Какой может быть мирный договор, если мы с ними не воевали? — сказал я. — Они знают о ядах и хотят от них избавиться. Наверняка в обмен откажутся от части своих требований по вложениям и займам. Сейчас, наверное, торгуются. Я не сомневаюсь, что им пойдут навстречу, вопрос в том, сколько нам придется выплачивать. Я бы не платил ничего. Не в том они сейчас положении, чтобы что-то требовать, а дружбы между нами не было и не будет.

— А что сейчас с французами? — спросила жена. — Вы с отцом много времени проводите у радио, должны знать.

— Вроде все понемногу успокаивается, — ответил я. — В первые дни после оккупации их к нам много набежало, а теперь потихоньку начали возвращаться. Если немцы не сгруппируются и не будут считать себя первым сортом, то все получится. В Канаде французы уживаются с англичанами, уживутся и с немцами.

— О чем задумался? — оторвал меня от воспоминаний Олег, — Неужели так сложно подобрать песню?

— Не так легко, как ты думаешь, — ответил я. — Я у тебя бываю каждый день, и каждый раз ты из меня вытягиваешь одну-две песни. А теперь тебе еще подавай веселую. Песен у меня много, но не все можно петь.

— А почему ты мне ничего не говорил о своем мире? — спросил он. — Что так смотришь? Мне брат рассказал, откуда твои знания. Не думай, что если я не всегда

сдерживаюсь и режусь в карты с охраной, то мне нельзя доверять секреты. Отец запретил болтать, и мне этого достаточно. И я прекрасно понимаю, что для тебя такая болтовня может быть опасной, а, значит, может пострадать и Вера. Дальше продолжать?

— У меня скоро язык отвалится рассказывать Андрею, — сказал я и осекся.

В дверь постучали и тут же ее открыли. В комнату вошел цесаревич вместе с молодым мужчиной в форме пехотного капитана и крестом Семеновского полка на груди. Он мне не понравился с первого взгляда, потому что терпеть не могу наглецов и хамов, а этот был как раз из таких. Конечно, он держался вежливо, по крайней мере сейчас, но для меня был прозрачен, как стекло. Наверное, это был один из тех приятелей сына, которые не нравились его отцу.

— Здравствуйте, князь, — поздоровался со мной Андрей. — Представляю вам моего друга гвардейского капитана графа Игоря Сергеевича Бутурлина. О вас я ему уже говорил.

— Надеюсь, говорили только хорошее, ваше императорское высочество? — пошутил я.

— Я не преуменьшил ваших заслуг, — ответил цесаревич. — Просто не стал все рассказывать. Если захотите, сделаете это сами. Не скажете, почему отсутствует княгиня?

— Она не в настроении ходить по гостям.

— Жаль, если так, — сказал он. — Значит, посидим мужской компанией. Семеновский полк перевели под Москву, поэтому граф будет у меня частым гостем. Советую вам с ним подружиться. У него на многое свой, отличный от вашего, взгляд, и мне было бы интересно послушать ваш спор. Кажется, Сократ сказал, что в споре рождается истина? Вот и посмотрим, что родится из вашего.

— Я слышал мнение достаточно умного человека, что истина в споре чаще всего погибает, — ответил я, испытывая огромное желание отсюда уйти и больше никогда не приходить.

Надо было императору раньше озаботиться тем, с кем дружит его старший. Пусть он тогда не был императором, воспитание сына для отца должно быть на первом месте. А теперь я должен отвоевывать цесаревича против его желания у приятелей, к которым у него симпатия. Занятие почти безнадежное и мне совершенно ненужное. Очень хотелось встать и уйти, да еще напоследок хлопнуть дверью. Сделав над собой усилие, я им улыбнулся и спросил, по какому вопросу спор.

— Да вот граф полагает, что ничего у нас не выйдет, — сев в кресло, ответил Андрей. — Выгнали иностранцев и отказались оплачивать долги, а сами ни на что не способны. Опять придется идти к ним за помощью и брать в долг, а теперь могут не дать.

— Ну зачем же по себе судить обо всех остальных, — ехидно сказал я. — Умов в русском народе будет не меньше, чем у ваших европейцев, нужно только дать хорошее образование всем желающим. Некоторая лень присутствует, но у любого народа есть черты характера, которые обусловлены историей его развития. Изменяются условия — изменится и характер.

— И чем же обусловлена русская лень? — спросил задетый моими словами Бутурлин.

— Своей ленью, граф, вы обязаны своему воспитанию, — ответил я. — Лично у меня никакой лени нет, хоть я стопроцентный русский. А вот у многих мужиков, которые у нас до сих пор составляют две трети населения, лень есть. Нужное они делают, но жил при этом не рвут и лишнее, с их точки зрения, делать не рвутся. А причина здесь одна — неволя. Напомните вам о двух сотнях лет монгольского ига и о том, когда у нас убрали холопство? Человек трудится в охотку на себя, когда он уверен в том, что воспользуется результатами

своего труда. А когда у него нет ничего своего или есть, но он может в любой момент все потерять, не станет он делать ничего сверх того, что необходимо для жизни. А когда такое тянется сотни лет... Не были наши предки лентяями, пока их не закабалили, потому что никогда не смог бы ленивый народ столетиями сдерживать натиск кочевников и поставить на колени Византию! Так что в этой лени есть вина наших с вами предков. Дайте русским людям цель, обеспечьте нормальные условия и хорошо платите, они вам будут работать не хуже немцев с англичанами! Только для этого нужно сначала убрать от кормушки бездарей, казнокрадов и любителей решать все денежные вопросы спаиванием народа. Не будет здоровым человек с больной головой, это же справедливо и для народов. А вы хааете свой собственный народ, перекладывая на него вину своего сословия.

— Это и ваше сословие, князь! — покраснел Бутурлин. — Странные вещи приходится слышать от камергера! Так недалеко и до слов о необходимости революции!

— А я от своей доли вины не отказываюсь, — сказал я, — и ни на кого ее не перекладываю. Лично я ничего такого не делал, но получил в наследство от предков не только их достоинство и привилегии, но и грехи. У каждого народа есть недостатки, но я не знаю ни одного, который бы спаивали его собственные правители. Что вскинулись? Забыли венценосного юнца и то, как он зарабатывал деньги? По-моему, у него тогда в советниках не было ни одного русского, одни иностранцы. Это же надо было до такого додуматься: заставлять пить и курить! Слава богу, что я не жил в те времена. Вот у вас прокурен мундир, и рядом уже невозможно сидеть. Любой умный и патриотичный дворянин должен понимать, к чему вела империю прежняя династия. Сейчас многое пытаются исправить, так что, может быть, обойдемся без революции. Революция может очистить общество от его язв, но она, скорее всего, лишит его многого из того, что полезно, и принесет в жертву не только тех, с кого следовало бы спросить, но и многих ни в чем не виновных. Так что вы меня на нее не агитируйте, не поддамся.

— Я вас, князь, ни на что не агитирую! — встав с кресла, зло сказал Бутурлин и добавил для Андрея: — Я ухожу! Не о чем мне здесь спорить!

— Уйдем вдвоем, — сказал цесаревич. — Я уже услышал все, что хотел. Спасибо, князь.

— Здорово ты ответил графу, — одобрительно сказал Олег, когда за ними закрылась дверь. — Слишком циничный и наглый тип. Я его не люблю, а брат почему-то привязался. Ты действительно думаешь, что мы справимся без иностранцев?

— От чужого опыта отказываются только идиоты, — ответил я. — Надо только иметь голову на плечах, чтобы правильно судить о том, что нужно заимствовать, а от чего будет один вред. Сельское хозяйство — это основа, а у нас с ним полный порядок, несмотря на то, что мало хорошей земли, и большинство до сих пор пашет не тракторами, а используя коней. Кое-где едят маловато мяса, но можно уменьшить продажу зерна за границу и пустить его на приготовление кормов. В деревнях избыток рабочей силы, поэтому недостатка в рабочих руках для заводов не будет, нужно только улучшить образование. Инициативных предпринимателей тоже достаточно. Их придавили кредитами, но после национализации ряда банков, ставки по кредитам уменьшат до нормальных двух или трех процентов. Наша промышленность хоть и уступает немецкой, но всего раза в два. Инженеров много, поэтому будем сокращать этот разрыв. Средств теперь будет достаточно, а я еще щедро поделился знаниями, так что не вижу больших проблем. Точнее, проблема все та же — в руководстве. Если избавимся от дерьма, то дело пойдет, если на это не хватит решимости или ума, то тогда действительно остается или революция, или идти под немцев.

— А если с ними объединиться, как они объединились с французами?

— Объединяться должны равные, — ответил я, — иначе для слабых такое объединение будет ничем не лучше порабощения. Уничтожить не уничтожат, но и равными не признают. Большая радость для нас и наших детей быть людьми второго сорта? Предки, создавшие самую великую империю в мире, перевернутся в гробах от унижения! А в перспективе... почему бы и нет? Только если такое объединение и будет, то еще очень нескоро.

— Ты будешь петь? — напомнил Олег.

— Не хочется, — признался я. — И до прихода твоего брата не было настроения, а после — и подавно. Мне здесь уже осточертело! Хочется выйти на свободу и заняться каким-нибудь делом. Пусть под присмотром, потому что я знаю, что просто так меня никто не отпустит. Мне уже и петь немного надоело, хотя буду продолжать из-за жены. Больше хочется писать. Видимо, желание одной половины личности, совпадает с желанием другой.

— А как ты себя чувствуешь после вселения в это тело?

— Прекрасно я себя чувствую, — ответил я. — Ты просто не понимаешь. Нет никакой раздвоенности и двух личностей. Все давно слилось воедино, а я их упоминаю просто для удобства.

— Если уедете, вы будете со мной видеться?

— Ты мне нравишься, — откровенно ответил я. — Я бы с тобой общался и без просьбы императора. И Вере ты симпатичен, вот только эта любовь... Влюбись в хорошую девушку, на которой позволят жениться, а потом милости прошу к нам, ну или мы к вам приедем. От одной любви может спасти только другая, причем чем раньше ты ее найдешь, тем будет лучше. Других средств просто нет.

— Что вы мне можете сказать по поводу этой бумаги? — спросил президент Американских штатов Чарлз Фелпс Тафт своего государственного секретаря Джеймса Гранта. — Русские не рехнулись? Неужели они думают, что мы им отдадим один из наших штатов?

— По договору должны, — ответил Грант. — Правда, в нем предусмотрена возможность продления срока аренды, но при согласии обеих сторон.

— Чем они располагают на Тихом океане? — спросил президент.

— У них совсем небольшой флот, — ответил Грант. — Только пять линейных кораблей, остальное — мелочь. Есть еще два десятка подводных лодок. Их флот рассчитан на оборону в портах от Японии, и будет нам на один зуб. Черноморский флот довольно сильный, но весь его на Тихий океан не переправят. Долго, дорого и на их побережье нет нужной инфраструктуры. Кроме того, у России остаются не полностью урегулированные вопросы с Великобританией, да и мы сможем ввести свой флот в Черное море.

— А что у нас по свободным кораблям? — спросил Тафт. — Недавно адмирал Барретт жаловался, что ему их не хватает для оккупации французских колоний.

— На русских хватит, — заверил президента Грант. — Но прежде чем воевать, я бы все-таки попробовал решить дело миром. За такую смехотворную сумму они аренду не продлят, но это все равно может оказаться дешевле войны. В другое время я бы не возражал, но у нас впереди разборки с немцами, а в них флот будет главным аргументом. Кроме того, русские с ними сильно сблизились, и я не хочу, чтобы в нашем споре за колонии они выступили на стороне немцев. И так есть сложности с командами французских кораблей. Мы думали их использовать, а теперь придется разоружать.

— А в чем проблема? — поднял брови Тафт.

— Похоже, что французы уживутся с немцами, а империя претендует на все колониальное наследство Франции. Немцы активно ведут пропаганду, используя для этого французские радиостанции.

— Ну и разоружите, пока они не сбежали вместе с кораблями! — сказал президент. — А нашему послу в России передайте, что никаких возвратов не будет! Если не проявят жадность, согласимся на продление аренды, в противном случае пусть попробуют забрать силой. Что у нас по их ядам?

— Все мероприятия, намеченные на совещании, выполняются, — пожал плечами государственный секретарь, — Но там очень большой объем работы. Пока нет никаких результатов. Если яд в городах Европы не блеф, то у нас его нет. Не было у их Братства надобности его к нам везти, им и с Европой забот хватило.

Переговоры Великобритании с руководством Франко–Германской империи затянулись и закончились только к концу июля. В итоге аннексия Франции была признана законным результатом войны, и стороны признали, что не имеют друг к другу материальных, земельных и прочих претензий. Фактически свои отношения обе империи начали с чистого листа. Правительство Великобритании не признало право Франко–Германской империи на французские колонии, но обязалось их не занимать. Таким заявлением англичане дали понять, что не собираются принимать чью либо сторону в споре за колонии между новой империей и американцами. Переговоры с Россией закончились раньше. Было объявлено, что правительство его величества короля Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Эдуарда VIII аннулирует российские займы, и берет на себя выплату компенсаций всем пострадавшим подданным короля за национализацию их имущества в России. Мало кто был в курсе того, чем вызвана подобная щедрость, для всех остальных это заявление стало шоком. Меня к тому времени вообще перестали беспокоить вопросами. К Олегу я ходил редко, потому что он начал ходить к нам сам. Скоро с его хождениями как-то свыклись, и эти визиты уже не приводили в смятение женскую часть семьи. А вот встречи с Андреем прекратились. В Москву из Санкт–Петербурга перебрались многие из его друзей, поэтому ему было с кем общаться. Чтобы не раздражать отца, цесаревич по большей части встречался с ними вне стен дворца, поэтому мы почти не виделись. Сегодня нас впервые за два с лишним месяца навестил Шувалов.

— Не надоело здесь сидеть? — спросил он меня.

Отец был на службе, а жена видела, что князь хочет беседовать со мной наедине, поэтому оставила нас в гостинной одних.

— Могли бы и не спрашивать, — ответил я. — Надоело и уже давно, по крайней мере нам с женой. Я уже и императору говорил об этом пару раз.

— И что? — поинтересовался Петр Павлович.

— Выразил высочайшее неудовольствие. Потерпи, говорит, вот я и терплю.

— Он больше не будет возражать, — сказал князь. — Вашу жену надо убрать подальше от великого князя, уйти самому у него не хватит сил. Это только один момент, есть и другие.

— Подальше — это куда? — спросил я. — Случайно, не во глубине сибирских руд?

— Вам не так далеко, — засмеялся он. — Поедете жить в свой собственный дворец. Правда, на время он перестанет быть вашим собственным. Вы передали все права на него своей родственнице, а она сдала его нам в аренду на десять лет.

— Неплохой вариант, особенно если в нем провести ремонт, — согласился я. — И чем мы там будем заниматься? Заодно еще вопрос: сможем ли мы ездить в Москву?

— Вас туда посылают не в ссылку, — ответил Шувалов, — поэтому можете ездить в гости или по делам, только под охраной. Остальная ваша семья пока останется здесь. Ваш отец при деле, а там ему делать нечего. Вам сюда приезжать не следует, а они могут к вам ездить. Можете встречаться с ними у своей тети или где-то еще. Основное условие заключается в том, чтобы никто из ваших знакомых не знал, где вы живете. А занятий для вас много. Во дворце будут организованы несколько лабораторий, и постоянно поселят три десятка ученых. Кроме них время от времени будут приезжать инженеры некоторых московских заводов. Заниматься будут вашими полупроводниками и их использованием. Насколько я помню, вы сами говорили, что в этом разбираетесь лучше всего. Была мысль отправить вас в один научный городок, который начали строить в Сибири...

— А что мы там забыли? — спросил я. — Или главное — это увезти нас подальше от великого князя?

— В городке займутся ракетами, поэтому и вам бы нашлось дело, — сказал он, — но там все еще в самом начале, а от вас и здесь будет много пользы, и Вере Николаевне рядом с Москвой будет лучше. Концерты вы пока давать не будете, но вам никто не запрещает писать книги или делать музыкальные записи.

— Чем буду заниматься я? — спросил я. — Или вы этого сами не знаете?

— Все я знаю, — вздохнул он. — Если бы вы знали, сколько мне всего пришлось изучить! Как далеко многое из того, чем сейчас приходится заниматься, от того, что делал всю жизнь. Вы будете помогать в двух темах. Самая срочная — это радиолокация. Все промышленно развитые страны ею уже занимаются, но пока результаты есть только у американцев. С тем, что вы дали, можно быстро обогнать всех. Вторая тема тоже важная, но большой срочности в ней нет. Это телевидение. Будут и другие темы, например, кодированная радиосвязь, но подключаться к ним или нет, будете решать сами. Если появится желание и не в ущерб остальной работе... Я не стану обсуждать материальные условия, это сделают другие.

— И когда переезд?

— Там сейчас делают ремонт, о котором вы говорили, — усмехнулся он, — поэтому переедете через неделю. Третью книгу не закончили?

— Неужели нравится? — удивился я.

— А чему вы удивляетесь? Очень необычно написано, и хороший слог. У меня жизнь уже давно достаточно скучна. Делаю нужное, но неинтересное для меня дело, а ваши книги дают возможность хоть ненадолго от всего отвлечься и погрузиться в полный красок сказочный мир.

— За краски можете поблагодарить мою жену, — засмеялся я. — У меня самого с ними не очень...

— Обязательно поблагодарю, — серьезно сказал он, поднявшись с дивана. — Я дней на десять уезжаю в Сибирь, поэтому до вашего переезда больше не увидимся. Хочу дать совет. Может, это будет выглядеть не очень порядочно, но не надо вам прощаться с великим князем или предупреждать его о своем отъезде. Лучше оставьте ему записку. У вас получится написать так, чтобы он не сильно обиделся.

— Садитесь, — пригласил статс-секретарь морского министерства Франко-

Германской империи адмирал Гюнтер Льютенс бывшего министра флота Франции адмирала флота Жоржа Кремера. — Я вправе ожидать от вас содействия, адмирал.

— Адмирал несуществующего флота! — горько сказал Кремер. — Что вам от меня нужно?

— Есть мнение, что вам можно поручить возглавить тот самый французский флот, которого пока не существует, — невозмутимо сказал Льютенс. — Скоро война с американцами, и в первую очередь она будет на море. Вы такой же офицер империи, как и я, а французы и немцы живут в одном государстве. Неужели вы не заинтересованы в том, чтобы вернуть у наглых янки земли, которые совсем недавно были вашими?

— Допустим, заинтересован, — ответил Кремер, — и что дальше?

— Объединение не означает слияния, — сказал Льютенс. — Это касается многого, а флота в первую очередь. Глупо смешивать команды из немцев и французов или ставить на ваши корабли наших офицеров. Это снизит их боевые возможности. В будущем, возможно, но не сейчас.

— Это понятно, — согласился Кремер. — Но где вы увидели корабли?

— Если согласитесь, займетесь восстановлением своего флота, — сказал Льютенс. — Подорванные в ваших портах корабли сейчас поднимают в плавучие доки, и будут делать срочный ремонт. При их затоплении старались нанести минимальные повреждения, поэтому через год большинство этих кораблей будет в строю. В колониях застряли два десятка ваших кораблей. По нашим сведениям, ваши моряки хотели вернуться, и сейчас американцы собираются их разоружить. Есть план, как этому помешать. В поход к одной из самых крупных группировок из шести кораблей отправятся три подводные лодки и танкер. Он дозаправит субмарины на подходе к цели и вернется. Задача — высадить диверсионные группы, которые освободят экипажи и пустят на дно два стоящих там американских фрегата. Боевые пловцы будут моими, а ваша задача — подобрать офицеров, которым подчинились бы команды кораблей. Потом займетесь вербовкой экипажей на корабли, которые будут на ремонте. И еще одно. На военно-морской базе в Портсмуте стоят ваши подводные лодки. Найдите мне несколько авторитетных офицеров-подводников, которых я туда переправлю со своими людьми. Возможно, у них получится сагитировать часть экипажей вернуться на родину. Беретесь?

— Берусь! — решил Кремер. — Один вопрос, адмирал. Мы будем одни в грядущем противостоянии с Американскими штатами?

— Скорее всего, посильную поддержку окажет флот Российской империи, — ответил Льютенс. — Янки отказались выполнять договор и возвращать русским Аляску, причем сделано это было очень нагло. Я понимаю, что они там прижились, но договоры для того и заключаются, чтобы их выполняли. И не нужно на меня так вопросительно смотреть. У нас был особый случай. Русские взяли нас за горло, иначе мы выполнили бы все, что обещали. У американцев нет никакой угрозы, просто не хотят отдавать то, что почему-то считают своей собственностью. Это плевок в лицо русскому императору, и я не думаю, что он утретя и все простит. Флот у них меньше, чем был у вас или у нас, но не такой уж маленький. Новых кораблей они построить не успеют, но сейчас приводят в порядок те, которые есть. За год-два можно многое сделать, а раньше мы не начнем. Мы в сражении с англичанами потеряли немало кораблей, и эти потери нужно восполнить.

— Это хорошо! — с удовлетворением сказал Кремер. — Русские моряки одни из лучших в мире, они в этой драке не будут лишними. Англичане не станут вмешиваться?

— Они обижены, — усмехнулся Льютенс. — Янки пообещали помощь, а сами бросились захватывать ваши колонии. Но обида — это только предлог, а главное, что англичане понесли большие потери, восстановить которые им будет трудней, чем нам. Если они рискнут влезть в драку и проиграют, лишатся всех своих колоний и влияния, да еще придется платить. Там нет дураков, поэтому никто не будет так рисковать. У Американцев очень сильный флот, и я на месте англичан сидел бы и ждал, наблюдая за тем, как мы топим друг друга. Наверняка они именно так и сделают, ну а мы приложим усилия к тому, чтобы не оправдались их расчеты.

— Вот и лето кончилось, — грустно сказала Вера.

Она сидела рядом со мной в кабинете и смотрела в окно, за которым ветер гнул ветви мокрых от дождя деревьев парка.

— Откуда столько грусти? — спросил я, отложил черновик книги, обнял ее и посадил на колени.

— Не знаю, — ответила жена. — Мне и раньше в эту пору было грустно, а сейчас почему-то хочется плакать.

— Ты, случайно, не забеременела? — спросил я. — У беременных бывают немотивированные смены настроения.

— Все-то ты знаешь, — она поцеловала меня в губы, а потом прижалась щекой к щеке. — Слова какие-то закрученные... Не знаю я, Лещ, но думаю, что пока ничего нет. Если из-за беременности меняется настроение, то не сразу, а позже. Ты стараешься каждый вечер, а результатов нашей любви не видно, и это меня беспокоит. У меня тетя была бесплодной, что если и я тоже?

— Буду стараться, пока не добьюсь результатов, — пообещал я, — а потом будем все повторять. Мне мало одного ребенка! Ну вот! Хотел поддержать, а на выходе получил слезы.

— Сейчас перестану, — всхлипнула жена. — Давай задернем занавеску. Это, наверное, виновата погода.

— Конечно, погода, — сказал я, ссаживая ее с коленей. — Живем в шикарных и почти своих апартаментах, кушать готовят, грязь убирают, даже белье стирают! Дети сопливые не плачут и не мешают спать, муж каждый вечер домогается со своей любовью, а иной раз и днем... Подруга появилась — не разлей вода, три книги выпустила и скоро будет четвертая, а наши песни слушает и поет половина России, а может, уже и вся. И денег у нас куры не клюют, хотя бы потому, что не завели кур. И что тебе еще не хватает? Не выпускают на сцену? Так это временно, записи-то все равно делаем, причем под своими именами. Понял! Ты грустишь из-за того, что я тебя увез от Олега! Захотелось стать великой княгиней, а тут я со своей ревностью. Перекрыл, понимаешь, дорогу к счастью!

— Очень может быть, — засмеялась она. — Он мне нравился, а император ничего не сделал бы. Сбежали бы за границу и там обвенчались. Еще потом и простил бы. Великий князь — это не наследник.

— Я тебе сбегу! — я схватил Веру на руки и вознамерился отнести ее в кровать и там окончательно изгнать хандру испытанным способом, но зазвонил телефон.

Нормальной телефонной станции во дворце не было, но в каждой из четырех лабораторий стояло по аппарату, которыми можно было соединиться с моим.

— Алексей Сергеевич, — услышал я из трубки голос Вадима Глазьева. — Вы сегодня к нам зайдете? Есть проблемы с работой схемы управления индикатора кругового обзора...

— Сейчас подойду, Вадим Владимирович, — ответил я и положил трубку на рычаг.

Дворец был двухэтажным, но не очень большим. Когда я был в нем в последний раз еще мальчишкой, он сильно обветшал, что и неудивительно для здания, которому уже полторы сотни лет. Нужно было делать ремонт, но отец не хотел тратиться, и я его понимал: здесь жили только пятеро слуг, а мы ненадолго приезжали хорошо если раз в три года. Теперь такой ремонт был сделан, и дворец преобразился. Какой-то роскоши не было, но все сделали

добротой, удобно и красиво. Вместо тридцати ученых, о которых мне говорил Шувалов, их поселили только семь, остальные были инженерами. Лишь двое приехали с семьями, остальные или были холостыми, или оставили семьи в Москве и уезжали к ним на воскресенье. В одной из приехавших семей была молодая женщина — жена инженера Николая Лисицина. Умная, живая и общительная девятнадцатилетняя Нина и была его семьей, поскольку детей они еще не нажили, а их старики остались в Москве в собственном доме. Красотой она не блистала, но была очень милой и какой-то несовременной. Скорее, она напоминала девчонок из той реальности. Надеть короткую юбку — и не отличишь. Хорошая фигура, шикарные волосы, которые она обрезала по плечи, и очень милое лицо со слегка вздернутым носиком и россыпью веснушек. Особую прелесть ей придавали огромные широко посаженные серые глаза, опущенные густыми ресницами. Я не назвал Нину красивой только потому, что ее внешность была далека от местных канонов красоты, но встретив ее в той жизни, наверняка влюбился бы, учитывая ее покладистый характер, ум и отсутствие заскоков. Николай был высоким плечистым мужчиной с немного грубоватым лицом, лет на семь старше жены. Он был инженером от бога, схватывавшим на лету любую исходящую от меня идею, поэтому работать с ним было одно удовольствие. Мы пока не сдружились, но к этому все шло. А вот наши жены подружились сразу после знакомства. В этом была большая заслуга Веры, которая взяла инициативу на себя. Лисицины не были дворянами, а тут целая княгиня, поэтому Нина поначалу робела.

Лаборатория, где отрабатывали электронные узлы, находилась в противоположном от наших комнат конце дворца. Когда делали ремонт, дровяной котел заменили на угольный, и во всех помещениях и коридорах поставили радиаторы, но похолодало совсем недавно, и мы еще не топили. В окна не дуло, да и вообще дворец строили с умом, и он хорошо держал тепло, но кое-кто из ученых курил, выходя для этого в коридор, и я велел прислуге его регулярно проветривать. Вот и сейчас пахло табаком, а по коридору гулял холодный ветер от двух приоткрытых окон. Помянув недобрым словом всех курильщиков и себя за то, что не оделся теплей, я пробежался до лаборатории. В ней былолюдно, пахло канифолью и немного горелой изоляцией. Раньше во дворце электричества не было, поэтому, пока шел ремонт, быстро вкопали столбы и протянули от Москвы линию длиной в шесть километров. Сейчас по этим же столбам тянули телефонный кабель. Я подошел к столу, за которым работали Глазьев и еще один инженер — Александр Кулагин.

— Что у вас здесь? — спросил я. — В чем проблема?

— Вот смотрите, — сказал Вадим, пододвинул мне чертеж и принялся объяснять, что у них не работало.

Первую радиолокационную станцию мы разрабатывали на миниатюрных лампах. Серийно выпускались только три типа транзисторов, и они были далеки от совершенства, а флоту требовалось надежное устройство и как можно быстрее, поэтому не стали мудрить и все делали на лампах. Когда я учился в институте, мы на военной кафедре изучали ракетный комплекс, предназначенный для защиты побережья от кораблей, причем изучали уже снятый с вооружения и именно на лампах. Все схемы я, конечно, не помнил, а параметры радиоэлементов никогда не знал, но все-таки запомнилось много, и теперь это пригодилось. Немного повозившись, мы нашли причину неисправности, после чего я попал в руки одного из ученых.

— Алексей Сергеевич, можно вас на минуту, — подошел ко мне Головин. — У меня есть вопросы по операционным усилителям. Мне кажется, что ваши схемы избыточно

сложны. Посмотрите вот здесь и здесь. А если сделать вот так?

Доказав физику, что простота не везде уместна, я спросил у остальных насчет вопросов. Они работали и пока не нуждались в моих услугах, поэтому я ушел из лаборатории и вернулся к себе. Жены не было, а на столе лежала короткая записка: «Я у Нины». Я немного озяб, поэтому надел поверх одежды теплый халат, сел за стол и отдернул закрывавшую окно занавеску. Вечерело, и ветер усилился еще больше. Он гнул струи дождя и раскачивал кроны деревьев. Есть что-то завораживающее в картине непогоды, если наблюдать ее вот так, из теплого помещения через окно. Я засмотрелся на дождь и задумался о жизни. Мне многое нравилось в моей теперешней. Я был знатен и богат, имел замечательную семью и любимую женщину. Из-за молодости и того, что я рано занялся этим делом, была возможность прожить длинную жизнь. Способности никуда не делись, наоборот, добавились новые, которые обеспечили мне известность и уважение. Я и сейчас делал важное дело, единственное, что мне не нравилось, — это связанные с ним ограничения. Личная свобода была урезана, и никто не мог сказать, когда снимут ограничения, ясно только, что это будет еще очень нескоро. Меня не посвящали в то, как использовались полученные знания, лишь Шувалов обмолвился о городке ракетчиков, и я узнал от одного из инженеров, что под Москвой начали строить новый аэродром, а находившийся неподалеку авиационный завод, который раньше контролировали французы, отошел государству. Для него дополнительно набирали рабочих и инженеров, и тщательная проверка при этом наборе наводила на мысль, что именно там будут разрабатывать и испытывать мои новинки. У меня не было сомнения в том, что лет через десять мы будем в техническом отношении впереди всей планеты. Сможем ли только удержать первенство? Все засекретить тоже не дело, поэтому знания будут распространяться. Кроме того, никто не застрахован от предательства. Но вровень с остальными мы станем — это точно. Работать здесь умели быстро и без халтуры, главное, чтобы хорошо платили и был пригляд, поэтому знания и щедрое финансирование давали большие возможности для развития. Все упиралось во время, дадут его нам или нет.

— Мне нужна полная ясность с новыми вооружениями, — сказал император. — Кто из вас начнет первым? Может быть, вы, Борис Леонидович?

— Могу и я, — ответил Вяземский. — По флоту я говорить не буду, чтобы не отбивать хлеб у Сергея Евгеньевича, а расскажу обо всех направлениях нашей работы. В результате национализации и ликвидации долговых обязательств, мы не испытываем никаких недостатков в средствах и не требуем дополнительного финансирования из бюджета. Более того, первые два года будем возвращать в казну часть средств из-за того, что не сможем их все освоить. Плохо, когда денег не хватает, но и их избыток не приведет ни к чему, кроме пустой траты и воровства. Часть предприятий забирается в казну, а ненужные нам выставляем на торги. При этом назначенные временные управляющие обеспечивают их бесперебойную работу. Банки мы себе не брали, но заставили новых хозяев в три раза понизить процентные выплаты по кредитам. Остальным не осталось ничего другого, как только последовать их примеру.

— Давайте от общих вопросов перейдем к вооружениям, — поторопил канцлера император.

— Кое-что запущено в производство, но немного, — продолжил Вяземский. — По эскизам и описанию отработана конструкция автоматического карабина, который Мещерский назвал автоматом Калашникова. По его словам, это было самое

распространенное стрелковое оружие в его мире. Главные его достоинства — простота, надежность и неприхотливость. Можно дать неопытному солдату, можно положить в лужу, а потом слить воду из ствола и стрелять. Наши автоматические карабины не могут этим похвастаться.

— Что с этим Калашниковым?

— У нас такого оружейника нет, а Мещерский не знает подробности его биографии.

— И что получилось у нас? — спросил император.

— Очень хорошее оружие, — ответил Вяземский. — Действительно, надежное и простое в обращении. Нельзя сказать, что совсем дешевое, но будет дешевле всех остальных карабинов. Правда, под него нужно выпускать свои патроны, но работы по подготовке к их производству уже начаты.

— Почему задержка с остальным?

— Очень много предварительной работы, — сказал канцлер. — От идеи до ее воплощения должны пройти годы. Полученные знания позволят все ускорить, но все равно нужно время. Радиолокационные станции начнем строить только через год, а через два они уже будут стоять на всех больших кораблях. Пока их решили делать на лампах, а то потеряем еще два–три года.

— И что они дадут? — спросил император.

— Будет возможность раннего обнаружения кораблей и самолетов противника и увеличения точности стрельбы. Позже планируется ставить на корабли управляемые ракеты, но у них будут свои станции. Пока мы только наполовину построили закрытый городок для специалистов, которые будут ими заниматься. Рядом строится небольшой завод для опытного производства. Чтобы не терять время, работы уже ведем, но пока малым числом специалистов. Большой срочности нет, потому что инженеров будет сдерживать отсутствие необходимых приборов. Сейчас ими занимаются в первую очередь, потому что это надо и для самолетов, и для многого другого.

— Значит, и новые самолеты мы получим через годы? — нахмурился император.

— Не раньше чем через пять лет, — ответил Вяземский. — Там и помимо приборов много чего не хватает. Сейчас идет реконструкция завода, строятся дополнительные цеха и набираются специалисты. Не хватает авиаконструкторов, и у них нет нужного опыта, а полученные от Мещерского знания страдают неполнотой. Создание самолетов с реактивными двигателями и турбинами даст нам много преимуществ, но оно требует больших подготовительных работ. Вертолетами мы пока не будем заниматься из-за недостатка специалистов. В министерство народного просвещения передано распоряжение принять меры к тому, чтобы со следующего года по нужным нам специальностям было принято в три раза больше студентов. Я понимаю, что хочется получить все и сразу, но это не в наших силах.

— Что по самому Мещерскому?

— Работает и неплохо. Его советы существенно ускоряют работы по трем темам. Да и другие у него все еще консультируются.

— Что можете добавить, Александр Дмитриевич? — повернулся император к военному министру.

— Кое-что могу, — ответил Шуваев. — Помимо автомата, о котором уже говорил Борис Леонидович, мы запустили в производство более совершенный пехотный пулемет. Это не имеет отношения к Мещерскому. А вот по его линии есть очень перспективные

предложения по реактивным минометным системам залпового огня. По его словам, это необычайно мощное оружие, предназначенное для обработки больших площадей. В них возможно применение и традиционных взрывчатых веществ, и горючих смесей, и той начинки, которая используется в новых бомбах. Уже создана рабочая группа и определен завод. Первые результаты ожидаем через год. Мы не ждем войны с Франко–Германской империей, поэтому пока не будем тратить больших сил на бронетанковые средства. Война в основном будет на море, поэтому больше внимания уделим флоту. Армию будем усиливать легким и тяжелым автоматическим оружием и артиллерией. Пока нет новых типов самолетов, будем выпускать поршневые, внося в них некоторые улучшения. Армии предлагается многое, но не раньше чем через три года. Ее численный состав пока увеличивать не будем. У меня все.

— Остались вы, Сергей Евгеньевич, — сказал император морскому министру.

— Хоть у меня и не хотели отбирать хлеб, все равно почти все сказали, — усмехнулся Алексеев. — Могу только добавить, что за три года мы хотим модернизировать все корабли Черноморского, Балтийского и Тихоокеанского флотов, причем в ряде случаев будет не просто проводиться ремонт кораблей и замена орудийных стволов, но и замена двигательных установок. О радиолокаторах уже говорили, но помимо них на многих кораблях заменят приборы управления огнем на более совершенные. Заменим и торпеды. Все это повысит наши возможности раза в два. Новых кораблей пока больше строить не будем, на это просто не хватит сил. Немцы эффективно использовали подводных пловцов для диверсий. Мы получили чертежи аппарата для дыхания и кое-что еще от Мещерского. Идея была наша, теперь мы ее начнем применять у себя.

— Все-таки не хотите перегонять корабли, — сказал Вяземский. — Не пожалеете?

— Не вижу смысла, — ответил адмирал. — Мы не сможем так усилить Тихоокеанский флот, чтобы противостоять американцам, а Черноморский, который будет действовать в союзе с немецким, ослабим. В Тихом океане будем действовать подводными лодками и боевыми пловцами и ждать ракеты. Пока они не полетят на американские города, Аляску нам не вернут. Я очень хорошо знаю американцев. Они уважают только силу и плевать хотели на всех, кто слабее. А вот если мы из Владивостока обстреляем, скажем, Сан-Франциско, да еще ядами или новой взрывчаткой, отдадут как миленькие, особенно если до этого немцы вместе с нами накустыляют им по шее и отберут французские колонии.

— Мне по своей части почти нечего сказать, — ответил на вопросительный взгляд императора Апраксин. — Организованной оппозиции в империи нет. Единственные, кто постоянно мутит воду и служит нашим врагам, — это поляки. Раньше через них действовали немцы и французы, теперь этим займутся англичане. Мы стараемся внедрять в ряды недовольных своих агентов, и это себя оправдывает, хоть и не во всех случаях. Франко–Германская империя нам не противник, но есть еще промышленный шпионаж. У французов осталось очень мало агентов, но у немцев их достаточно. Англичане тоже потеряли почти всю агентурную сеть, но сейчас им ничто не мешает ее восстановить. Я считаю, что нужно всемерно поднимать патриотизм и сурово наказывать за измену. Сейчас это ссылка, а неплохо было бы заменить ее большими тюремными сроками или казнью, в зависимости от нанесенного вреда. Нужно устраивать публичные суды и широко освещать в печати. На продажных чиновников пропаганда действует слабо, страх казни подействует сильнее!

— Нынешний состав Думы на это не пойдет, — сказал Вяземский. — Надо думать, что с ними делать. Многие довольны тем, что сидят дома и получают за это половинный оклад,

но есть и крикуны. Нужно менять законы, но думцев нельзя допускать к этой работе, а сейчас возиться с выборами... Может быть, пока на какое-то время императорскими указами...

— Посмотрим, — неопределенно ответил император. — У вас все, Сергей Андреевич?

— Заканчиваю, — заторопился министр внутренних дел. — Мы сейчас применяем повышенные меры безопасности для охраны членов императорской семьи, членов кабинета министров и ключевых фигур в проекте. Выделено отдельное делопроизводство, в ведении которого охрана государственных секретов. У меня все, хотелось бы только попросить увеличить финансирование на внештатных агентов. Приезжает много англичан, и мои люди просто не справляются.

— Я распоряжусь, — пообещал Вяземский. — Подготовьте докладную записку с обоснованием и суммой.

— Ну что же, мне все более или менее ясно, — сказал император. — Вам, Сергей Андреевич, нужно нацелить прессу на патриотический настрой. Американские штаты не выполняют своих обещаний и не возвращают Аляску. Это нужно обыграть, тогда нормально воспримут союз с немцами и брак цесаревича с их принцессой. Поработайте с Синодом, пусть подключится церковь. Теперь последний вопрос, как идет эвакуация ядов и наших людей?

— Из Франко-Германской империи — нормально, — ответил Вяземский, — а у англичан еще не приступали. Эвакуируем нашими боевыми кораблями, а с мест забираем своими воинскими командами. Я думаю, что наш яд не попадет в чужие руки. Все и так сейчас начали работать с ядами, ни к чему облегчать им работу. Мы натолкнулись на свой состав, можно сказать, случайно, посмотрим, что получится у них.

— Надо будет всех этих людей наградить и помочь им устроиться на родине, — сказал Шувалову император, — но так, чтобы никто не знал, чем они занимались. Мы все им очень обязаны, поэтому возьмите это на себя. Никто из них не должен ни в чем нуждаться.

— Идиотская вахта! — сердито сказал Боб Гловер своему напарнику Джону Дункану. — Скажи, кому может понадобиться это французское корыто? Экипажи сидят на берегу под замком, а их корабли стоят на якорях под прицелом наших эсминцев. Кто...

Со стороны едва виднеющихся американских кораблей раздался глухой удар, который повторился через несколько секунд. На кораблях забегали матросы, на одном зажглись огни, а второй так и остался в темноте.

— Они спускают шлюпки! — закричал Гловер, показывая рукой, как будто Дункан сам этого не видел. — Смотри, он наклонился!

Эсминец начал медленно крениться на правый борт, а потом как-то сразу лег набок и скрылся под водой. До солдат донеслись сильный всплеск и отчаянные крики тонущих людей. Попытка рассмотреть второй корабль ни к чему не привела, так как темневший раньше силуэт эсминца бесследно исчез.

— Надо доложить капралу... — неуверенно сказал Дункан и упал, уронив винтовку.

В лицо Бобу плеснуло чем-то теплым, но он не успел удивиться или испугаться.

— Оба готовы, — тихо сказал одетый в гидрокостюм мужчина двум другим в такой же экипировке, убирая в футляр винтовку с оптическим прицелом. — Эти придурки даже не убрали штормтрап. Давай быстрее, пока никто не проснулся. Все-таки мы сильно на шумели.

Сидевшие в надувной лодке боевые пловцы взяли короткие весла и погнали ее к

французскому миноносцу «Ле Малэн». Спящий в капитанской каюте американский капрал так и умер во сне. Часть боевых пловцов с трех субмарин очистила корабли от морских пехотинцев, а остальные быстро покончили с немногочисленной охраной на берегу и освободили запертых в казарме моряков. Прибывшим с пловцами французским офицерам не понадобилось много времени, чтобы договориться с соотечественниками. Забрав оружие убитых американцев, они дошли до пристани, где уже собрались разбуженные взрывами рыбаки, реквизировали у них несколько баркасов и начали спешно переправляться на корабли. Несколько подошедших полицейских сочли за лучшее побыстрее исчезнуть, а немногочисленный американский гарнизон был поднят в ружье и прибыл к пристани, когда уже начало светать, а на рейде не было ни одного судна, кроме брошенных рыбацких баркасов.

— Виски или коньяк? — спросил Стюарт у младшего брата.

— Ничего не надо, — ответил генерал армии Джордж Маршалл. — Ты меня пригласил по делу или просто поболтать?

— Мне не нравится наша политика в Европе, — сказал Стюарт. — В последнее время там творится что-то непонятное, а в Конгрессе это то ли не замечают, то ли не считают нужным реагировать. Мне бы хотелось услышать, что по этому поводу думают военные.

— Ты имеешь в виду новую Франко–Германскую империю или реакцию России на наш отказ вернуть им Аляску?

— Я все имею в виду, Джордж, — ответил Стюарт. — Немцы нагло угоняют французские корабли, перебив при этом наших солдат и потопив несколько кораблей, а правительство отделалось нотой. И это при том, что они еще не оправились от войны с французами и англичанами! Русские выгоняют нашего посла и развязывают в своей прессе кампанию, направленную против Штатов, и на это тоже нет никакой реакции! Мне плевать на посла, но они фактически свернули торговлю, причем прекращают выполнять уже заключенные контракты. Мало того что это делают обе империи, они еще оказывают давление на другие европейские государства, чтобы те поступали точно так же! Мы сейчас поддерживаем нормальные отношения в Европе только с англичанами и турками! Это фактически объявление войны. И чем мы ответили?

— Не ты один недоволен, — сказал Джордж. — Торговая палата подняла шум дней десять назад, а в Конгрессе нет шума, потому что он не нужен. Принято решение о защите наших интересов, которое находится в стадии выполнения. Никто не простил немцам ни наших парней, ни потопленных эсминцев, просто мы еще не готовы ответить так, как подобает. С русскими решили не связываться, потому что они вправе удалить нашего посла, и это небольшая цена за Аляску. Если сами не полезут, их пока никто не тронет.

— Пока?

— Кто же им оставит одну шестую часть суши? — со смешком сказал генерал. — Вы же сами составляли рекомендации. Просто всему свое время.

— По последним данным они начали вкладывать в экономику громадные средства, — задумчиво сказал Стюарт. — Мне это не нравится, Джордж! Огромная страна, не испытывающая нужды в импорте продовольствия, имеющая мощную экономику, все необходимые сырьевые ресурсы и многочисленное население, может усилиться так, что будет нам не по зубам. Стоит ли давать им шанс?

— У нас не такой большой флот, чтобы мы разбирались сразу со всеми, — недовольно

сказал Джордж. — Захватившие все ресурсы Франции немцы гораздо опаснее! Вот им нельзя давать много времени, а русские... Кто их когда-нибудь принимал всерьез? Половина их экономики построена иностранцами, им бы ее сохранить, а не вкладывать деньги в новые проекты. Их столько времени спаивали и кормили дурью, что там, наверное, не осталось нормальных людей. Их только и хватило на азиатскую хитрость с ядами. В России есть агенты, которые доносят, что армия в плачевном состоянии. Там согноли резервистов и каждому дали винтовку. И это армия? Современных танков почти нет, а современных самолетов нет вовсе! С артиллерией, правда, немного получше. Они даже перестали строить корабли, бросив все силы на ремонт старых. Превжня династия хорошо постаралась, готовя раздел своей империи, поэтому Россию можешь не бояться. Разделаемся с немцами, а потом дойдет черед и до нее. А после этого у нас не останется соперников. Скажу по секрету, что в штабе создана группа перспективного планирования, которая разрабатывает планы захвата Японии, Индии и Китая. Конечно, все это еще не скоро, но двадцать первый век будет веком Америки!

— И все это без одобрения Конгресса и компании в прессе?

— Ты ведь знаешь, кто наши хозяева, — с ноткой раздражения сказал младший брат, — и они уже все решили. Подготовка идет, и нам пока не нужна шумиха. Через год выборы, которые сильно обновят Конгресс. Придет новый президент, с которым можно будет нормально работать, тогда и настанет черед компаниям в прессе. Дадим немцам еще что-нибудь потопить, а потом раскрутим так, что для победы не пожалеют выдрать и сдать собственные золотые зубы.

— Значит, год, — сказал Стюарт, — а если учесть выборы и все остальное, то полтора.

— Да, примерно полтора года, — согласился Джордж. — К этому времени у нас будет флот в три раза сильнее того, который смогут выставить немцы. Постараемся заставить принять участие и англичан, чтобы они не отсиживались на своем острове. Справимся и без них, но их участие уменьшит потери. Кроме того, нам нужны базы для авиации, с одними авианосцами много не навоюешь.

— Как ты уверен! — сказал Стюарт брату. — У меня такой уверенности нет. Пожалуй, я на всякий случай приму меры, чтобы не сильно пострадал семейный бизнес.

— Ты просто не представляешь, чем мы будем располагать, — пожал плечами Джордж. — Но если хочешь, можешь подстраховаться.

— Значит, договор подписан, — сказал начальник четвертого отдела Генерального штаба Императорской армии Японии Ёсицугу Татэкава, — и Черноморский флот России будет действовать вместе с флотами новой империи...

— Эта война не ограничится Атлантикой, — сказал бывший посол во Франции Хати́ро Арита. — Американские штаты начнут войну здесь. Это перечеркнет наш спор с Россией.

— Полтора года, — задумался Татэкава, — может быть, даже два. А если мы успеем раньше?

— Меня давно не было на родине, — сказал бывший посол. — Как изменилось соотношение сил?

— Как оно могло измениться, если мы строим корабли, а русские этим не занимаются? — усмехнулся Татэкава. — У них здесь чисто оборонительная стратегия. Отведут то, что называют флотом, в свои базы под прикрытие береговых батарей, выпустят подводные лодки, после чего заминируют подходы к базам. Их подводный флот — это единственная

реальная угроза. Подводные лодки очень неплохие, но их только два десятка. И на суше у нас будет двукратное превосходство в танках и авиации. Русские традиционно сильны своей артиллерией, но она не заменит других родов войск, поэтому они опять будут воевать числом.

— Идите к руководству! — попросил Арита. — Пусть обратятся к императору! Может, для нас это последний шанс! А потом... Кто в этом мире считается со слабыми!

— Поднимем бокалы за уходящий год! — сказал я, подняв свой бокал с шампанским. — Не знаю, как для вас, а для меня он был счастливым!

— Мы еще никогда так интересно и плодотворно не работали, — согласился Глазьев. — И условия идеальные: все дают по первому требованию, так что я с вами полностью согласен!

Больше никто ничего говорить не стал, и мы, выпив шампанское, откупорили еще две бутылки. До нового года остались считанные минуты, и все, кто на праздник остался во дворце, за исключением слуг, собрались в нашей большой гостиной, где стояла красивая, украшенная игрушками елка. Больше половины ученых и инженеров уехали в Москву, но это и хорошо, потому что и так за столом сидели двенадцать мужчин и три женщины.

— Две минуты, — сказала жена. — Всем налили? Тогда давайте скажу я! Я тоже довольна уходящим годом. Довольна тем, что мы сюда приехали, довольна знакомством и дружбой с вами, довольна своими занятиями, которые не оставляют времени для скуки! А от нового года я жду только одного — ребенка! Каждому из вас есть что себе пожелать, вот давайте и выпьем за то, чтобы все наши желания исполнились!

Все дружно поддержали тост, и, когда часы показали ровно двенадцать, комната наполнилась звоном бокалов.

— За вашего будущего ребенка мы выпили, — сказал Лисицын, — но если он появится, что будет со всеми вашими учениками? Что это за тренер с грудничком?

— Ничего, вами займется муж, — под смех собравшихся ответила Вера. — Для меня ребенок важнее!

Она уже два месяца учила кун-фу всех желающих. Началось все с Нины, перед которой жена похвасталась своей борьбой, а потом затащила ее на нашу тренировку. Молодая женщина была в восторге при виде того, как меня гоняет жена, и попросила ее научить. Николай отнесся к этому баловству снисходительно и даже пришел посмотреть, чем занимается его жена. Вере надоели снисходительные ухмылки мужа подруги, поэтому она затащила его на ковер и вознамерилась повозить по нему носом. С этим ничего не получилось, потому что Лисицын был для нее слишком силен и довольно проворен. Получив несколько чувствительных ударов, он перестал ухмыляться и стал защищаться в полную силу. Часть ударов он все-таки пропускал, а зацепить Веру за молотящие его конечности не получалось.

— Брек! — развел я их после пяти минут спарринга. — Тебе Веру не достать, а она не оставит на тебе живого места. Будем считать, что у вас боевая ничья.

Полученные синяки преисполнили Николая уважением к моей жене и к новой борьбе. Прошло несколько дней, и он начал приходить на тренировки вместе с Ниной. Об этом узнали, и со временем у жены появились еще шесть учеников из инженеров помоложе. Вера была очень довольна и взялась их учить, засучив рукава. Был доволен и я, потому что у нее полностью исчезла хандра, и теперь мне меньше доставалось на тренировках.

— Почему у нас пустые бокалы? — спросил Головин, который единственный из ученых остался во дворце. — Давайте их наполним и выпьем за то, чтобы в новом году не было войны!

— Хороший тост, и выпить можно, — сказал я. — Только война, наверное, будет.

— Почему вы так думаете, Алексей Сергеевич? — спросил он.

— Мне по старой памяти кое о чем говорят, — ответил я. — Крохи, но кое-какие выводы сделать можно. Недавно узнал, что мы осенью начали вывозить все население с Сахалина. Многих вывезти не успели и будут этим заниматься весной. Их там около двухсот тысяч, а вывезти и как-то устроить столько людей очень нелегко. Вряд ли этим будут заниматься без крайней необходимости.

— Японцы? — спросил Николай. — Или будем драться с американцами?

— Я думаю, что японцы, — ответил я. — Американцы за нас возьмутся только после того, как разберутся с немцами. Воевать с ними придется, но такая война начнется в Атлантике.

— Плохо, если так, — сказал Головин. — Вы свою станцию закончите только к лету, и на изготовление таких станций нужно время, а остальные вообще работают на перспективу, поэтому мы ничем не успеем помочь.

— Может, хоть в праздник не будет разговоров о политике? — сказала нам жена инженера Маркова Галина. — У меня уже от них в будни уши вянут. Испортите сами себе праздничное настроение, а заодно и нам. Давайте лучше танцевать! А те, кому не хватит партнерш, могут отойти подальше и обмывать кости японцам.

Предложение поддержали, и, пока я включал радиолу и ставил пластинку, к жене выстроилась очередь желающих танцевать. Я этим заниматься не рвался, поэтому ушел в кабинет вместе с Головиным.

— Мы уже много чего выполнили, — сказал он, занимая свободное кресло. — Пусть в единичных экземплярах, но отработать технологии будет не так уж сложно.

— Приготовьтесь к тому, что будет много брака, — предупредил я. — Пока добьетесь нужной чистоты материалов и контроля над процессами, его будет больше половины. Так что легкой жизни не ждите.

— Таких лабораторий десятки, — пожал он плечами. — А сколько их еще на заводах! Правительство не жалеет денег, но не хватает специалистов, тем более что их берут с разбором. Да и нужного опыта поначалу ни у кого нет, мы только сейчас начали работать в полную силу.

— А как вы отнеслись к смене династии? — спросил я. — Я в Братстве не состоял, хоть и был вынужден пользоваться их помощью. Дальше меня ваши слова не уйдут, просто мне интересно. Вы ведь дворянин?

— Дворянин, — кивнул Головин. — Но это имело большое значение для моего отца. Мне мое дворянство иногда помогает, но в душе не затрагивает ни одну из струн. Нет у меня какого-то трепета к императорской власти, но она не вызывает и протеста. Я стараюсь судить по делам. Прежняя династия работала на своих заграничных родственниках, из-за чего мы чуть было не лишились родины. Но ведь не они одни виноваты. У дворянства, особенно высшего, очень много прав и возможностей, но их никто не использовал. Они исправно служили толкавшим нас в пропасть Романовым, а сейчас так же исправно служат Оболенским.

— Нужно большое мужество для того, чтобы пойти против власти, — сказал я. — Любая власть себя защищает, поэтому с большой вероятностью такие походы добром не кончатся. И хорошо, если пострадаешь сам, а не потянешь за собой всю семью. От одиночных протестов толку мало, а попробуй еще организовать! Выдаст кто-нибудь из друзей, и будет еще хуже, чем от простого проявления недовольства. Поэтому большинство

сидит и ждет, пока найдется умный и смелый, который все за них сделает. На наше счастье, такие нашлись.

— Вы же выступили! — возразил он. — Я помню, какой шум был после вашей статьи. И польза была!

— Мое выступление привело к тому, что всю семью хотели убить, — сказал я. — Отца дважды ранили, и всем нам пришлось скрываться. И пользу это принесло только из-за выступления братства, иначе толку от моей фронды... Честно вам скажу, что сейчас я бы так не сделал. Постарался бы что-то написать, но не от себя и так, чтобы на нас не вышли. Так что это была не столько отвага, сколько глупость и неправильная оценка последствий.

— Вы что здесь уединились? — спросила заглянувшая в кабинет жена. — Пойдем, все хотят, чтобы мы спели. Как ты думаешь, что лучше подойдет для Нового года?

Эдуард Альберт Кристиан Георг Андрей Патрик Давид прожил без четырех месяцев полвека и почти восемь лет из них он стоял во главе Соединенного Королевства. А сегодня его отчитали, как мальчишку. Что-то нарушилось в этом мире, если вчерашние партнеры и союзники сочли возможным бросить в трудный час, а потом выкручивают руки, требуя себе помогать. Королевская власть уже сильно истрепалась, но пока еще не стала чисто декоративной. И Соединенное Королевство даже после потери Индии было самым большим государством планеты! Неудачи последних лет привели к ослаблению военной мощи, но приняты все меры, чтобы вернуть себе былое величие. Он знал, кто окопался в государстве, разросшимся из бывшей английской колонии. С ними давно поддерживали связи и согласовывали планы, но раньше подобное сотрудничество было партнерством, теперь же его просто поставили перед фактом.

— Что скажете? — спросил он сидевшего рядом премьер-министра.

— Немного вызывающее поведение, — ответил сэр Уинстон, имея в виду поведение посла Американских штатов, — и его требования идут вразрез с той тактикой, которой нам выгодно придерживаться. У меня сложилось впечатление, что наши американские друзья нашли что-то такое, что дает им право плевать на свои обязательства в отношении кого бы то ни было. Наша разведка доносит об усиленных военных приготовлениях, но во всей их деятельности нет ничего необычного, просто количественное увеличение армии и флота. Основной упор сделан на линейные корабли, десантные средства и авиацию. Это и понятно, если учесть, что у них на носу война с нашими соседями.

— Это заявление очень смахивает на ультиматум, — сказал король.

— Если вы, ваше величество, хотите знать мое мнение, то я бы их требования проигнорировал, — сказал сэр Уинстон. — Править миром без нас у них не выйдет, поэтому пусть сколько угодно высказывают свое неудовольствие. Их война нам выгодна, но пусть воюют самостоятельно. Из-за того, что они нас бросили в прошлой войне, мы понесли большие потери. О какой помощи теперь можно говорить? Нам еще год только восстанавливать флот.

— А аэродромы? — спросил король.

— Мы рискуем, — ответил премьер-министр. — Наши соседи наращивают военно-воздушные силы, и мне бы очень не хотелось, чтобы они бросили их бомбить наши аэродромы. Если бы бомбили только американцев, я бы не беспокоился, но достанется и нам. Помогающий врагу сам становится врагом. Влезем в их войну, понесем потери и ничего не получим взамен. Боюсь, что нас не поймут.

— Значит, ничего не делать?

— Нужно срочно форсировать выпуск всех видов вооружений! — сказал сэр Уинстон. — Англичанам придется немного затянуть пояса. Сейчас все активно вооружаются, и нам нельзя отставать. Я думаю, что скоро Европа запылывает огнем, и нужно не просто прикрыться, чтобы не обожгло пламенем, а иметь силы воспользоваться ситуацией. Нарушены правила игры, которых придерживались столетиями, и осталось только одно право сильного! Скорее всего, этим летом еще не начнут.

— Почему? — спросил король. — Из-за нас?

— Это же американцы, — ответил сэр Уинстон. — Осенью у них выборы, поэтому начнут на следующий год поздней весной или летом. Если мы им откажем с аэродромами, они все равно будут с кем-нибудь договариваться, а потом готовить все необходимое. Значит, у нас в запасе еще год и два–три месяца. Это время нужно использовать.

— Значит, всего тридцать девять, включая три авианосца, — задумался кайзер. — Что по подводным лодкам?

— Шестьдесят семь наших и тридцать пять французских, — ответил адмирал Гюнтер Льютенс. — К лету будут в строю еще шесть. У американцев общее число кораблей примерно в два раза больше, но линейных кораблей и тяжелых крейсеров больше только на треть. У них в составе флота много десантных кораблей и пять авианосцев.

— А авиация? — спросил кайзер.

— Они вели переговоры с англичанами, — ответил адмирал. — Результаты для нас благоприятные. Им не будет помощи флотом и аэродромами. Сейчас переговоры насчет аэродромов ведутся с правительством Норвегии. Мы пытаемся помешать, но боюсь, что ничего не получится. Если у нас и будет преимущество в самолетах, то небольшое. Без русского флота мы сможем отбиться только в портах.

— Будет флот, — сказал кайзер. — Соглашение об этом уже есть. Более того, русские поделятся своими бомбами. Ладно, идите, адмирал, я вами доволен.

Когда Льютенс вышел, в кабинет заглянул секретарь.

— Ваше величество, по вашему приказу прибыла воспитательница принцессы Александры!

— Пусть войдет, — приказал кайзер. — Предупредите принцессу, чтобы была в своих комнатах. Я скоро к ней зайду.

Секретарь удалился, и через минуту в кабинет вошла пожилая некрасивая женщина, которая, не доходя нескольких шагов до стола, сделала реверанс.

— Садитесь, баронесса, — сказал кайзер. — Через несколько дней должен приехать цесаревич, поэтому я хочу знать, все ли сделано из того, что вам поручили?

— Принцесса уже может изъясняться на русском языке, — ответила женщина, — но пока не очень чисто и не на все темы. Я не смогла сделать большего за такое малое время. До приезда жениха занятия будем продолжать. Вашу дочь познакомили с православием и обновили ей знание истории Российской империи.

— А все остальное? — спросил Август.

— Все сделано полностью в соответствии с вашими пожеланиями, — ответила женщина.

— Хорошо, — сказал он. — Я вами доволен.

Покинув кабинет, кайзер поднялся на третий этаж и прошел по длинному коридору

Городского дворца до апартаментов своей старшей дочери принцессы Александры. Предупрежденная девушка ждала отца в своей гостиной. Он быстро подошел к ней и обнял.

— Ты как?

— Не хочется никуда уезжать, отец! — прижалась к нему дочь. — Бросать тебя, сестру и братьев и переходить в чужую веру...

— Глупости, — сказал Август. — Вера та же самая! Тебя не турку отдают, а христианину. Давай сядем и поговорим. В прежней династии несколько поколений русских императоров выбирали себе в жены немецких принцесс. Фактически в них почти не осталось русской крови. Их близостью к нам попытались воспользоваться. Больше пятидесяти лет европейские державы, в том числе и мы, готовили раздел России. Манили ее земли и несметные богатства, а сами русские были не нужны. По нашим планам большинство из них должно было со временем исчезнуть. Мы просчитались. Среди них нашлись влиятельные и решительные люди. Выбрав момент, они уничтожили одну династию и возвели на трон другую. Нынешний император был их единомышленником. Нас взяли за горло, и вместо войны с Россией, которая привела бы к поражению, пришлось воевать с Францией. А теперь ты станешь женой наследника. К твоему мужу будут присматриваться, а еще больше будут присматриваться к тебе. Они уже обожглись на таких браках и пошли на еще один только потому, что сближение наших империй жизненно важно и для нас, и для них. Скоро начнется война с американцами, в которой мы, возможно, будем сражаться плечом к плечу. И еще ничего не закончилось с англичанами. Наступили времена перемен, когда рушатся и создаются империи. В такое время даже сильным страшно жить в одиночку, и они ищут, с кем заключить союзы. Россия для нас жизненно важна, поэтому ты примешь православие и станешь женой цесаревича Андрея. Думай в первую очередь не о нас, а о своем новом народе. Мы позаботимся о себе сами, а тебе надо стать там своей, только тогда ты сможешь в случае необходимости помочь родине. До тех пор это может вызвать лишь подозрения, неприязнь, а то и ненависть.

— Мне страшно, отец!

— А вот бояться не надо! У тебя будет сильный и красивый муж, который со временем станет правителем огромной империи. Люби его и будь помощницей во всем и получишь в ответ любовь и защиту. Мне сказали, что ты уже неплохо говоришь по-русски. Продолжай учить язык, для тебя это очень важно. Твой жених придет через пять дней. Ну что ты, глупышка, не нужно плакать! Жаль, что умерла твоя мать, она бы тебя лучше подготовила к браку, чем твоя баронесса. Дочери всегда уходят из дома, это их судьба. А пристроить принцесс сложно, так что тебе еще повезло. Так и воспринимай свой брак.

— Откуда это? — взволнованно спросил император.

— За эти фотокопии пришлось много заплатить, — ответил Апраксин. — Мы никогда не раскрываем источники. У нашего департамента в Американских штатах не так много агентов, но они есть и неплохо работают.

— Вы проверяли подлинность этого? — спросил Владимир Андреевич, не выпуская из рук фотографии.

— Только косвенно, — ответил Апраксин. — В Военном министерстве в Вашингтоне действительно есть отдел перспективного планирования. Создан приказом министра примерно год назад. Возглавляет его бригадный генерал Александер Брукс. Как видите, расшифровка на подписи именно такая. А больше ничего нашими средствами не проверишь.

— Я думаю, эти фотографии очень заинтересуют японцев, — сказал тоже сидевший в императорском кабинете Вяземский. — Я бы на их месте хорошо подумал, стоит ли затевать с нами войну, когда они у американцев следующие на очереди после нас. Нам с ними нужно не воевать, а заключать оборонительный союз. А чтобы они думали еще меньше... У императора четыре дочери, причем старшей принцессе Тэру скоро исполнится восемнадцать, а другой ее сестре принцессе Хисе почти шестнадцать и обе не замужем. Две другие принцессы еще слишком молоды для брака. А у нас великий князь не может найти жену. Кроме того, зачем воевать с нами, когда у них под носом есть другие земли? Окоротим американцев, и пусть занимают Филиппины. Если не боятся каких-то Нидерландов, могут воевать за Индонезию, а у нас для них и климат неподходящий.

— Вот что, Петр Николаевич, — сказал император Апраксину. — Обратитесь от моего имени в министерство иностранных дел к Александру Николаевичу, чтобы выбрал кого-нибудь потолковее из Восточного отдела. Отправим его к императору Сёва с этими фотографиями и нашими предложениями. Пусть все тщательно проработают вместе с теми, кого выделит Шуваев. А я немедленно поговорю с сыном. Если все получится, избавимся от ненужной войны, сэкономим силы и приобретем союзника.

Разговор императора с сыном состоялся десять минут спустя в комнатах великого князя.

— Мне жениться на японке? — удивился Олег. — Вот уж чего никак не ожидал!

— А что тебе не нравится? — спросил отец. — Говорят, что японские женщины очень изящные. Пойми, это поможет нам избежать войны и огромных жертв. Это очень важно особенно сейчас, когда у нас намечается война с Америкой. Мы даже население Сахалина не сможем защитить и вынуждены его вывозить. Ты представляешь, что это такое — оторвать от хозяйства двести тысяч человек и вывезти их на материк?

— У вас хоть есть ее фотография?

— Надо спросить у Муравьева, — сказал отец. — Олег, это нужно сделать!

— Делайте что хотите! — сказал сын. — Сколько ей лет?

— Канцлер сказал, что семнадцать. По возрасту она тебе прекрасно подходит. Если отдадут...

— А могут не отдать? — оживился Олег.

— Не отдадут эту, найдут другую, — сказал отец. — У императора есть еще одна подходящая дочь, правда, ей всего шестнадцать. Но у отца императора, помимо сына, были четыре дочери, и у всех есть дети, так что ты не останешься без принцессы. Откажутся только в том случае, если не станут менять планы. Но это надо быть совсем без головы, а там народ умный.

— Скажи хоть, куда от меня спрятали Веру!

— У тебя есть ум? — рассердился Владимир Андреевич. — Зачем тебе чужая жена? Она тебе не нужна и ты ей не нужен! Из-за твоей блажи я был вынужден удалить человека, советы которого меня несколько раз выручали. Запомни, чем скорее ты забудешь эту любовь, тем будет лучше для всех!

Сегодня выдался удивительно теплый для конца апреля день, поэтому многие вышли во двор, не застегнув пальто, а некоторые вообще в одних свитерах. День был не только теплым и солнечным, он был для всех нас особенным. Три дня назад рабочие сколотили деревянную вышку, высотой десять метров, на которой была смонтирована антенна первой в России радиолокационной станции. Сейчас заканчивали подключение кабелей, уходивших в окно

лаборатории, в которой на двух стойках была собрана станция. Все ее блоки были испытаны, а сегодня должны были проверить всю станцию на реальных целях.

— Долго еще? — спросил меня приехавший на испытания полковник Суворин.

— Спросите у Глазьева, — ответил я. — Думаю, с полчаса. В лаборатории все уже подключено, да и здесь почти закончили.

— Скоро закончите? — спросила подошедшая к нам жена.

— Как спустятся с вышки, так и начнем, — сказал я ей. — Застегни пальто! Это обманчивое тепло, а ты после зимы дохлая. Не хватало еще простудиться. Бери пример с Игоря Николаевича.

— Я бы тоже с удовольствием расстегнул шинель, — сказал полковник. — Увы, слишком много начальства.

Начальства действительно хватало. Помимо самого полковника приехали еще два генерала. Кроме них во дворе стояли офицеры Семеновского полка, солдаты которого теперь охраняли наш объект вместо занимавшихся этим раньше жандармов. Стоявший в отдалении флигель заняли два отделения солдат, а командовавшего ими подпоручика поселили во дворец. Для меня не очень приятным сюрпризом была встреча с капитаном Бутурлиным, который сюда приезжал с инспекцией охраны. Надеюсь, что готовящемуся к свадьбе цесаревичу было не до его дружка. Он мог сказать о нас брату, а мне для полного счастья не хватало только появления здесь страдающего от любви великого князя.

— Все! — крикнул с вышки Лисицын и вместе с помогавшим ему инженером начал спускаться по лестнице.

— Здесь нам делать нечего, — сказал я полковнику, — а когда эта штука заработает, лучше находиться от нее подальше. Зовите своих и пойдем в лабораторию.

Все и так уже увидели спускавшихся инженеров и направились к левому входу во дворец. Мы дождались Николая и пошли следом за ними. В лабораторию набились человек двадцать, поэтому к пульта управления станцией было не подойти.

— Я уже позвонил, — сказал один из генералов, — Через несколько минут поднимут цель.

— Одна цель уже есть, — сказал Глазьев, и все взволнованно зашумели. — Смотрите, вот она! Идет с запада примерно в тридцати километрах от нас.

Я тоже подошел полюбоваться. На круглом экране электронно-лучевой трубки вращался зеленый луч, высвечивающий медленно перемещающуюся точку цели. Внезапно в другой части экрана появилась еще одна отметка.

— Вот он! — сказал второй из генералов, который сидел у пульта вместе с Глазьевым. — Какая здесь дистанция?

— Примерно пятнадцать километров, — ответил Вадим. — На этом экране максимум, что можно увидеть — это сорок километров. В рабочей станции сделаем больше. Видите, он уходит.

Отметка цели с каждым оборотом луча немного смещалась к краю экрана.

— Посмотрела? — тихо спросил я вставшую на цыпочки жену. — Пошли, больше не будет ничего интересного.

— Леш, а они теперь уедут? — спросила Вера, когда пришли к себе и я ей помогал снять пальто.

— Только те, кто занимался станцией, — уточнил я. — Ее будут доводить до ума и запускать в серию на одном из заводов. Мне тоже жалко расставаться с Николаем. Ничего,

будем переписываться, а потом и увидимся. Сюда вместо них пришлют других, а ученики у тебя еще остались.

— Хоть ни с кем не дружи! — сердито сказала она. — Я сдружилась с Ниной, а теперь ее придется отрывать от себя с кровью! Что мне твои письма, когда мне ее нужно видеть каждый день!

— Это жизнь, — сказал я, обняв жену. — Ты будешь знакомиться с очень многими людьми, некоторые из них войдут в твое сердце. С кем-то придется расставаться, и, уезжая, они заберут с собой его кусочек. Даже матерям приходится расставаться с детьми, потому что у многих не получается сидеть на месте. Я тоже скучаю по Олегу Гагарину, по Фролову с Гореловым, а теперь буду скучать и по Лисицыну, но никакой трагедии в этом нет. Они живы и где-то есть, а встреча — это только вопрос времени.

— Тебе хорошо так рассуждать, имея за спиной одну жизнь, — буркнула она. — Я не дура и все прекрасно понимаю сама, только это понимание ничего не меняет! Они уедут, и приедут совсем другие, чужие для меня люди, с которыми, может, не будет никакой дружбы! Слушай, сегодня опять приехал этот граф. Мне не нравится, как он на меня смотрит. Так и хочется подойти и врезать по морде!

— Бутурлин, что ли? — спросил я. — Мне он сегодня не попадался. Что-то он сюда зачастил. Одна надежда на то, что у него неважные отношения с Олегом, хотя может к нему подкатить только для того, чтобы сделать мне гадость. Я его сильно разозлил при первой встрече, а натура пакостная, поэтому может попытаться отыграться.

Я как в воду смотрел. Бутурлин действительно нашел способ сообщить о нас великому князю, и тот даже собрался нас навестить, но ему помешали. Из Японии приехал посланный туда с секретной миссией статский советник Евдокимов. Узнав результаты его поездки, император вызвал сына к себе.

— Могу тебя поздравить, — сказал он Олегу. — Ты у нас теперь жених. С принцессой Тэру ничего не получилось: она уже невеста. Тебе предлагают на выбор или дочь императора принцессу Хису, или дочь сестры императора принцессы Фусако и принца Китасиракава Нарухиса. Читаю по бумажке, потому что имена твоих новых родственников сразу трудно запомнить. Вот фотография принцессы Ёсико, которая мне кажется лучшим выбором. Ей уже семнадцать, и она гораздо красивее принцессы Хисы, которой к тому же не помешало бы повзрослеть. Вот ее фотография.

— Действительно, совсем еще девочка, — согласился Олег. — А эта красивая, но какая-то необычная, что ли.

— Это хорошо, когда в женщине есть что-то необычное, — сказал Владимир Андреевич, — так что тебе еще повезло. Невесту твоего брата не назовешь красавицей, хорошо хоть то, что стройная фигура.

— Так что у нас с Японией? — спросил Олег. — Если согласились на брак, надо полагать, что получилось и все остальное?

— Войны между нами не будет, — ответил отец, — поэтому с теплом начнем возвращать на Сахалин тех, кого оттуда вывезли. Японцы согласились не сразу, видимо, по своим каналам проверяли, не подсунули ли им фальшивку. Результаты проверки их напугали, поэтому все наши предложения были приняты за несколько дней. Договор об обороне от моего имени подпишешь ты, когда поедешь туда за невестой. И выехать нужно пораньше. Сближение с Японией может принести большие выгоды и нам, и им. Японцы, несомненно, давно начали бы политику захватов, если бы не Англия и Американские штаты.

С Англией после ее поражения в последней войне можно не считаться, но остаются американцы. Они не дадут японцам двигаться на юг, поэтому для них остается только север, то есть мы. Китай они по многим причинам затрагивать не будут. Теперь все меняется. С одной стороны у японцев появилась угроза войны с Америкой, с другой — Америка сама скоро начнет войну с европейскими державами. Если американцы потерпят поражение или понесут большие потери, это развяжет японцам руки. Имея нашу поддержку, они могут действовать без оглядки на другие державы.

— И мы будем им помогать вести захватнические войны?

— Меня сейчас не интересует какой-то Сингапур, — сказал император. — Главное, что мы надолго отводим угрозу от наших границ и ослабляем противников. А что будет дальше, сейчас не скажет никто.

«Виллис» миновал ворота и, набирая скорость, поехал по территории базы к видневшимся за летным полем ангарами. Рядом с ними стояли три одноэтажных домика, возле которых шофер остановил машину.

— Добро пожаловать на авиабазу «Мюрок»! — сказал сидевший на заднем сидении военный с погонами генерал-майора своему спутнику, одетому в коричневый шерстяной костюм. — А это ее командующий бригадный генерал Майкл Брукс. Генерал, оставляю вам представителя нашего президента Николаса Коулмана. Покажите ему все, что у него вызовет интерес.

Последние слова были сказаны встретившему их офицеру. Он был невысокого роста, широкоплечий, с ежиком поседевших волос и некрасивым, волевым лицом.

— Добрый день, сэр! — поздоровался генерал с гражданским. — Прошу вас пройти со мной. Это совсем рядом, и нам не понадобится машина.

«Виллис» уехал, а командующий базой вместе со своим гостем направился к ангарами.

— Мне сообщили, что президента интересуют новые виды оружия, — сказал генерал. — На базе сейчас почти ничего нет, но мы можем показать образцы.

— Не понял! — удивился гость. — Если нет оружия, зачем меня привезли на эту базу?

— Оружие есть, но его пока мало, — объяснил Брукс. — К весне база должна быть полностью загружена, а до начала военных действий мы успеем все перегнать через Канаду в Норвегию.

— А на других базах? — разочарованно спросил Коулман. — Неужели и там такая же картина? Ведь президента уверяли...

— Я не могу вам с точностью утверждать, что так везде, — терпеливо сказал генерал, — но у наших соседей примерно такое же положение. Заводы работают на полную мощность, и техника начала поступать, но нужного количества до весны не будет.

— Показывайте, — вздохнул гость. — Куда идем?

— В этот ангар, — сказал генерал. — Подождите, сейчас я наберу код.

— А почему здесь нет охраны? — спросил Коулман.

— Сейчас включу свет... — сказал Брукс. — У нас хорошо охраняется сама база и ведется наблюдение за летным полем, а караулы стоят у всех значимых объектов. Ангарами сейчас пустуют, только в этот свезли все необходимое для демонстрации.

Он щелкнул выключателем, и ангар залил свет двух десятков светильников, расположенных под потолком и на стенах.

— Какой он огромный! — восхищенно сказал Коулман, подходя к действительно очень большому самолету.

Размах его крыльев был метров тридцать, фюзеляж казался немного короче, а кабина находилась на высоте около шести метров.

— Летающая крепость! — гордо сказал генерал. — Этот красавец может обрушить на противника восемь тонн бомб с высоты больше шести миль! Причем новый прицел обеспечит попадание точно в цель! И летает он на одной заправке с полной боевой нагрузкой около двух тысяч миль! На этом самолете больше десятка крупнокалиберных пулеметов, так что даже на небольших высотах он отобьется от двух-трех истребителей, хотя прикрывать истребителями, конечно, будем.

— Надеюсь, это не все? — спросил Коулман.

— Естественно, — усмехнулся Брукс. — Идите сюда.

Они обошли самолет и увидели лежавшие на специальных подставках бомбы.

— Самолет — это только средство доставки, — сказал генерал. — А вот это наши сюрпризы. Это кассетная бомба, состоящая из пятидесяти относительно небольших бомб. На нужной высоте заряд взрывчатки разрывает тонкий корпус и разбрасывает бомбы по большой площади. Мы используем противопехотные и зажигательные бомбы. Эта еще не самая большая. А вот эта — наша гордость!

— Сколько же она весит? — пораженно спросил Коулман, дотрагиваясь рукой до огромной бомбы.

— Десять тысяч фунтов! — сказал генерал. — В ней тысяча бомб, каждая из которых имеет в качестве поражающих элементов триста стальных шариков! Когда с неба обрушится стальной дождь, площадь поражения составит треть квадратной мили! Если учесть, что пехотинцы воюют без брони, одной такой бомбой можно нанести колоссальный урон. Ну и в городах будет действовать неплохо. Убойная сила шаров невелика, но раны очень тяжелые, а когда их много...

— Отличная идея! — сказал Коулман. — Но жаль, что вам нужно так много времени на подготовку.

— Не нам одним, — пожал плечами генерал. — Этой птичке, для того чтобы сесть или взлететь, нужна очень хорошая полоса бетона длиной почти в милю. Для нескольких сотен самолетов придется строить хотя бы пять–шесть аэродромов. Если в Норвегии есть хоть один такой, то только в столице. И быстро их не построишь. Да и флоту нужно время на подготовку. Поспешное выступление может привести к таким потерям, после которых мы не скоро оправимся. Вряд ли это понравится избирателям. Вы меня понимаете? Армия не меньше президента заинтересована в том, чтобы начать. И не из-за провальной избирательной компании, а по другим причинам.

— Вы откровенны, — заметил Коулман.

— Не вижу смысла играть с вами в прятки, — сказал Брукс. — Нам всем нужна победоносная война, но если президент решит начать этим летом, выборы он все равно не выиграет, а мы не выиграем войну. Постарайтесь это до него донести.

Гость уехал, а час спустя генералы встретились у тех же домиков. База преобразилась: на летном поле стояли полтора десятка самолетов, ездили заправщики и бегали люди.

— И к чему были эти смотрины? — спросил Брукс. — Неужели не нашлось никого, кто объяснил бы ему с цифрами в руках, что это авантюра?

— Он проиграет выборы и прекрасно это знает, — ответил генерал-майор Стив Харрис, — а удачно проведенная война может дать шанс задержаться в президентском кресле. На него надавили, но, видимо, недостаточно. Я думаю, что сейчас обрабатывают все его окружение. Он не идиот и сделает все, что от него требуется. Лучше проигранные выборы, чем пуля в голове.

— Показывай невесту! — весело сказал Владимир Андреевич, разрывая объятия. — Кто из них?

— Ёсико! — позвал Олег. — Подойди к моему отцу. Вторая — это служанка.

Одна из двух японок поспешно приблизилась и низко поклонилась.

— Приветствую моего императора! — довольно чисто по-русски сказала она.

— Красавица! — сказал Владимир Андреевич зарумянившейся девушке. — А ты еще не хотел ехать.

— Дайте и мне посмотреть, — сказала Елена Николаевна. — Да, очень славная, только худая. Куда дел свиту?

— Я их распустил, — ответил Олег. — Они целый месяц не были дома, а здесь мне пока не нужны. У тебя своих женщин толпа.

— Пошли, родная! — сказала императрица принцессе. — Сейчас я распорядюсь, и тебя отведут в твои покои и приставят тех, кто о тебе позаботятся. Служанку тоже забирай. Твои вещи сейчас доставят.

Женщины ушли, и Олег остался наедине с отцом.

— Договор я подписал, — сказал он. — Наш экземпляр у секретаря. Мы еще много чего обсуждали, потом об этом поговорим.

— Как тебе невеста? — спросил отец, пытливо взглянув сыну в глаза. — Нравится?

— Она не может не нравиться, — ответил Олег. — Я в нее влюбился. Только меня беспокоит, что у них принцессы такие слабые, что не все доживают до старости. Она умудрилась простудиться в дороге, хоть закутывали и кормили только горячим. И мой врач сказал, что такие женщины переносят роды через одну.

— И с чем связана такая слабость? — с недоумением спросил отец.

— Он считает, что с недостатком движения и с наследственностью. В семьях императоров Японии традиционно была высокая детская смертность.

— А не могли покрепче найти? — недовольно спросил Владимир Андреевич. — Дали самую дохлую?

— Отец! — возмутился Олег. — Я ее выбрал сам!

— Ладно, что-нибудь придумаем, — сказал Владимир Андреевич. — Есть у меня мысли по этому поводу. Но сначала ее нужно крестить, потом вас поженим, а все остальное подождет.

С крещением тянуть не стали и провели его на следующий день в Благовещенском соборе. Принцессу Ёсико нарекли Еленой Владимировной. В тот же день прибыли из поездки в Санкт-Петербург брат Андрей и его жена Александра Августовна. Братья увиделись после долгой разлуки и познакомили друг друга со своими избранницами. Александра уже чисто говорила по-русски, а Ёсико-Елена пока этим похвастаться не могла, но уже понимала большую часть разговора. Встреча произошла в комнатах, которые занимала невеста. Оставив женщин общаться в большой гостиной, братья вышли в малую.

— Красивая, — с ноткой зависти сказал Андрей, — но слишком бледная. И в бедрах узкая, они там все такие?

— Я ей бедра не мерил, — ответил Олег, — а бледность уберем. Отец сказал, что у него по этому поводу есть мысль, но и я кое-что придумал.

— Я смотрю, ты к ней неравнодушен, — заметил брат, — а как же Вера?

— Что ты хочешь от меня услышать? — спросил Олег. — Какой смысл в любви, если она не принесет ничего, кроме неприятностей и страданий?

— А в ней вообще есть смысл? — усмехнулся Андрей.

— В моей к Елене есть! — ответил Олег. — Мы сделаем друг друга счастливыми и оставим после себя детей. Если в жизни и есть какой-то смысл, то он в этом! Я Алексея считаю своим другом, хоть он и обошелся со мной немного по-свински. И любовь к его жене я из себя вытравил, хотя она по-прежнему волнует как женщина. Но влечение

мужчины к красивой и сильной женщине — это еще не любовь. Если бы не было моей невесты, я бы продолжал страдать, теперь я думаю только о ней.

— Хорошо, если так, — сказал Андрей. — Ты что-то говорил насчет мысли?

— Вера говорила, что была очень дохлая, — улыбнулся Олег. — Муж заставил ее заниматься борьбой, а потом она приохотилась сама. И мой врач говорил, что большинство болезней проистекает из-за недостатка движений. Вроде это нарушает обмен. Старики, говорит, потому и болеют, что мало двигаются. А кого гоняют, тот до ста лет проживет без болезней!

— С ума сошел? — спросил Андрей. — Я не знаю, какой была Вера, но сейчас она мне напоминает дикую кошку. Такая же маленькая, но сильная, гибкая и всегда готова показать когти. А твоя Елена развалится на части, да и не позволит тебе отец ее этим занять. Об этом узнают и будут болтать.

— А что в этом позорного? — спросил Олег. — Необычное занятие для женщины? Так она у меня сама необычная. А с отцом я поговорю, только уже после свадьбы.

— Когда венчание?

— Примерно через неделю, — ответил Олег. — Отец еще точно не решил.

— Куда теперь? — спросил я Шувалова.

— Вы о чем? — не понял Петр Павлович.

Он приехал во дворец несколько минут назад и сразу же направился к нам. Мой вопрос последовал после обмена приветствиями.

— Ну как же, — сказал я. — Вы к нам приезжаете только для того, чтобы сдернуть с одного места и перевезти куда-нибудь в другое.

— А вы так сильно держитесь за свой дворец? — спросил он.

— Какой он мой! — ответил я. — Надо будет поговорить с тетей, чтобы она его продала казне. Это уже не дворец, а научный центр. А насчет того, что держусь... До того как вы убрали тех, кто занимался радиолокацией, мне было бы жалко уезжать, а теперь уже нет. Там были друзья, да и от меня была реальная польза, а с новым пополнением дружба как-то не складывается, да и нет среди них женщин. И темы такие, что толку от меня мало: все, что я по ним знал, уже давно выложил.

— А зачем вам женщины? Мало жены? — пошутил Шувалов.

— Уехала ее подруга, — объяснил я. — Да и большинство тех, кого она учила борьбе, тоже сейчас в Питере. Занять себя нечем, поэтому у нас опять хандра.

— Слышал об этих ее занятиях, — кивнул он. — И как результаты?

— Кто как занимался, — ответил я. — Многие за четыре месяца уже кое-чего достигли. Если не бросят, толк будет. А почему вас это интересует?

— Есть одна мысль, — хмыкнул он. — Три дня назад женился великий князь...

— Изящный ход с японцами, — сказал я. — Аплодирую. Я думал, что с ними придется воевать.

— Я тоже так думал, — сказал Шувалов. — В той большой бочке меда, которую мы привезли из Японии, оказалась ложка дегтя — здоровье принцессы.

— И чем она больна? — спросил я. — Или это секрет?

— Ее после свадьбы обследовали и не нашли никаких болезней, но излишне субтильное сложение и слабость... Врачи полагают, что в нашем климате она будет часто болеть, и могут быть сложности с родами.

— У наших дворянок такие сложности через одну, — сказал я. — Многие после второго или третьего ребенка прекращают рожать, а то и вовсе отдают богу душу. А крестьянки рожают по десятку и без всяких проблем. Все от лени и безделья. Видели бы вы мою Веру: пока я за нее не взялся!

— А возьметесь за великую княгиню? — спросил он, вогнав меня в ступор.

— Вы долго думали, прежде чем такое сказать? — отойдя от удивления, спросил я.

— Вообще-то, это не моя идея, — сообщил с интересом наблюдавший за мной Шувалов.

— Эта мысль почему-то пришла в головы великого князя и императора. Врачи императорской семьи выразили сомнение...

— Это понятно, — кивнул я. — Покажите мне врача, который в такой ситуации возьмет на себя смелость что-то советовать. Я бы на их месте тоже сомневался. Скажу вам больше, я и на своем месте сильно сомневаюсь! Я свою жену вытягивал в спорт насильно, причем был совершенно уверен, что у нее нет никаких болезней, кроме лени. А с вашей княгиней я ни в чем не уверен! Насколько я помню, императорская семья в Японии никогда не отличалась большим здоровьем. И медицина сейчас... так себе. Просмотрят какую-нибудь гадость, а мы окажемся крайними.

— Не замечал раньше за вами трусости, — покачал он головой.

— Боятся все! — ответил я ему. — Страх у человека — это нормальное чувство, которое помогает ему выжить. Превозмогать страх нужно тогда, когда он мешает, — в этом и заключается мужество. А когда страх разумный, бороться с ним — это глупость.

— Ладно, может, вы и правы, — согласился он. — В любом случае вы это будете решать не со мной. Принято решение вернуть вас в ближний круг императора. Придворных должностей вас никто не лишал, а комнаты остались за вашей семьей, так что нужно только собрать вещи и переехать. Когда вам это удобно сделать?

— Вещи мы соберем хоть сегодня, — сказал я, — а переезжать лучше завтра, в первой половине дня. Я здесь не надрываюсь на работе, но кое-какие дела есть, и их нужно закончить.

— Значит, завтра в одиннадцать будут машины и охрана, — сказал он, поднимаясь с кресла. — Когда выпустите следующую книгу? Сами говорите, что нет работы, а за три месяца не написали ни одной книги.

— На днях отправим рукопись в редакцию, — ответил я, тоже встав, чтобы его проводить. — Книги не пирожки, а мы вам не булочки. Как получается, так и пишем.

Когда я рассказал о нашем разговоре жене, она растерялась.

— Я не против того, чтобы отсюда уехать и вернуться к родителям, но заниматься с этой японкой? Я занималась с теми, кто смотрел мне в рот и делал все, что я говорила. По-другому в этой борьбе просто нельзя. А как ее заставить что-то делать? И потом почему обязательно борьба? Если она, как ты говоришь, дохлая, достаточно обычных упражнений. Их все равно нужно делать, прежде чем переходить к занятиям.

— Посмотрим, — сказал я. — Нужно послушать, что нам скажут, поговорить с врачами и познакомиться с женой Олега. Может быть, все решится как-нибудь иначе. Мне самому не хочется с этим связываться. Никогда бы не подумал, что такое может прийти в голову императору. Нам с тобой нужно забрать все нужные вещи и проститься с ребятами. Твои ученики будут расстроены.

— Их только трое, — ответила Вера. — Необходимый минимум они получили и при желании смогут заниматься без меня. А вещи я сегодня соберу, тебе не нужно этим

заниматься.

Я в этот же день обошел лаборатории, оповестил всех о нашем отъезде и ответил на некоторые из возникших вопросов. По-хорошему надо было собраться и посидеть за столом с теми, с кем у нас завязались приятельские отношения, но проводить такие посиделки не тянуло. Вера высказалась точно так же.

— Были бы здесь друзья — другое дело, а собираться из-за одного твоего Головина я не хочу. О чем можно втроем говорить весь вечер без водки?

День закончился, а на следующий за нами приехали сразу после завтрака.

— Если вы еще не готовы, велели подождать, — сказал мне командовавший охраной штабс-капитан.

— Давно готовы, — успокоил я его. — Прикажете солдатам забрать вещи.

Провожать нас, бросив работу, вышли все ученые и инженеры. Я помахал им рукой из окна «медведя» и почему-то подумал, что уже сюда не вернусь. Наверное, Вера подумала о том же, потому что всхлипнула и прижалась ко мне. Нервы у жены в последнее время слегка растрепались. Неустроенность из-за этих переездов с места на место и страх бесплодия действовали на нее не лучшим образом.

До окраин Москвы ехали минут десять и в два раза дольше добирались до дворца. На воротах стояли знакомые офицеры, которых о нашем приезде предупредили заранее, поэтому не было проверки документов. За все время отсутствия родители выбирались к нам всего два раза, а потом только звонили по телефону, поэтому встреча получилась очень теплой. Сестра пока жила здесь, но скоро оканчивала гимназию и собиралась замуж.

Долго мне общаться с родными не дали: зазвенел телефон, и взявший трубку отец позвал меня к аппарату. Звонил сам император.

— Я в кабинете, — сказал он и положил трубку.

Интересно, нельзя было сказать это отцу? Я сообщил родным, что меня вызывают, и поспешил в императорский кабинет. В охране стояли императорские гренадеры, которые меня не знали, но из дверей выглянул секретарь и велел пропустить.

— Проходите в кабинет, князь, вас ждут, — сказал он мне и сел на свое место в приемной.

В кабинете собралась вся мужская часть императорского семейства. Сам Владимир Андреевич сидел за своим столом, а его сыновья заняли стулья, которыми пользовались те из посетителей, кому это позволяли их положение или хозяин кабинета. Я их приветствовал как положено, начиная с императора. Получилось довольно долго, но меня не прервали.

— Закончили? — спросил Владимир Андреевич. — Тогда перейдем к делу. Петр Павлович должен был вам передать, в чем у нас нужда.

— А почему именно я? — спросил я. — И почему обязательно борьба? У вас есть куча врачей, под руководством и наблюдением которых княгиня может заниматься спортивной гимнастикой. Это и легче, и безопаснее, и не вызовет лишних разговоров.

— Я, между прочим, предлагал то же самое, — вставил Андрей.

— А почему вы сами не ограничились гимнастикой? — спросил император.

— Гимнастика развивает мышцы и связки, — ответил я. — Регулярные занятия делают женщину здоровой и сильной. А если заниматься долго и много, намного проще переносятся роды. Я не ограничился физическими упражнениями потому, что моя жена ленилась, и ей было неинтересно нагружать тело пустой работой. Кроме того, борьба закаляет характер и дает возможность испытать себя в схватке, что редко выпадает женщине. Развивается

координация движений, увеличивается скорость реакции и появляется уверенность в собственных силах. Вашим женам такое вряд ли понадобится, а для моей, да еще при той жизни, которую мы вели, это было нелишним. Мне и сейчас гораздо спокойнее, потому что она может за себя постоять. У Веры оказался талант к борьбе, другим, чтобы добиться ее мастерства, требуется намного больше времени.

— Я тебя все-таки попрошу, — сказал Олег, перейдя со мной на ты при отце и брате, заставив их переглянуться. — Я говорил с Еленой, она согласна. Неужели не поможешь?

— Вы не понимаете, о чем просите, — ответил я. — Заняться гимнастикой согласен, могу даже заняться индийской йогой, а заниматься борьбой — увольте!

— Жаль, — сказал Олег. — Я думал, что ты мне все-таки друг.

Его слова меня разозлили и заставили плюнуть на этикет.

— Да, друг! — сердито сказал я. — Но я не смогу заниматься с твоей женой так, как занимался со своей. Дворянки не привычны к труду и к каким-то усилиям, а здесь придется изо дня в день нагружать себя все больше и больше! Конечно, потом она скажет спасибо, но до ее спасибо еще нужно дожить! А до этого ее нужно заставлять заниматься. И нужен постоянный врачебный контроль. У моей жены отец размером с медведя, и никто в их семье серьезно не болел, а японского императора можно перешибить соплей, да и вообще...

Я замолчал, решив, что и так сказал больше, чем следовало.

— Значит, так! — сказал Владимир Андреевич. — В двенадцать покажете великой княгине все, на что способны. Заодно Веру Николаевну осмотрит мой врач. А потом решим.

— Готовься к демонстрации! — сказал я Вере, когда злой вернулся к семье. — Через час будем давать представление для японки. Только не вздумай меня так же приголубить, как при просмотре императором. Ей такое может понравиться, а мне — нет. Надо было вчера отрепетировать для них танец.

Я немного ошибся: смотрела нас не одна великая княжна, а все императорское семейство, да еще два врача в придачу, так что мы смогли увидеть не только Елену Владимировну, но и Александру Августовну. Японка мне понравилась, хотя я их видел более красивых, правда, только на фотографиях, а немка могла работать моделью, если бы была красивее лицом. Фигура у нее была замечательная. Все были одеты без лишней роскоши, но все равно мы в своих кимоно на их фоне смотрелись бомжами. Роль татами выполнял большой персидский ковер, а зрители сели с двух сторон на стоявшие у стен стулья. Перед схваткой император лично представил нас своим невесткам. Дрались мы две минуты, на большее меня не хватило. Вера, как обычно, превратилась в пропеллер, в котором роль мелькающих лопастей выполняли ее руки и ноги. Я за ней постоянно не успевал, пропуская удар за ударом. Было больно, но она старалась не доводить удары до конца, поэтому я продержался так долго.

— Хватит! — разорвав дистанцию, сказал я. — Я надеюсь, что все оценили?

— Тебе понравилось? — спросил Олег у жены.

— Княгиня — страшный воин! — вздрогнув, ответила Елена, медленно подбирая слова. — Она может убивать сильных мужчин. У нас таких женщин-ниндзя называют куноити. В переводе это означает «несущие смерть цветы». Они были в древности, сейчас таких мастеров нет. Я готова у нее учиться, но, боюсь, что у меня не получится. Чтобы так научиться, нужно начинать учебу еще ребенком.

— А меня можете научить? — спросила немка. — Наверное, это здорово — так владеть своим телом. Свободного времени все равно много.

— Я буду учить хоть всю семью, — покорно согласился я. — Не понравится — бросите.

— Учить будет ваша жена, — сказал император. — Сейчас ее осмотрят врачи.

Вера вместе с эскулапами ушла в соседнюю комнату, где они пробыли минут десять, после чего вышли. Врач императора — Борис Карлович Гаевский — подошел к Владимиру Андреевичу и отчитался о медосмотре.

— Удивительно сильная и гибкая женщина, — сказал он о Вере. — За всю мою практику я таких видел всего дважды. Сильных женщин много среди крестьянок, но они имеют совсем другое строение и весят гораздо больше княгини. Я не против занятий, но при условии, что кто-то из нас будет рядом.

— Так и сделаем, — решил император, не поинтересовавшийся желанием моей жены учить его невесток. — Княгиня, скажете, что вам нужно для занятий и, когда все сделают, можете начинать. А вы, князь, получили свой чин камергера против правил, поэтому мы это немного поправим. Оформим вас в дополнении к камергеру действительным статским советником по ведомству министерства иностранных дел, а службу будете проходить у меня. Сегодня займитесь оформлением, а с завтрашнего дня будьте в моем кабинете к десяти.

— Как ты взлетел! — с удивлением сказал отец, когда я ему рассказал о своем назначении. — Еще нет и двадцати, а уже имеешь право на чин генерал-майора. А Вера что такая грустная?

— Она не грустная, а задумчивая, — засмеялся я. — Никогда не думал, когда начинал учить ее кун-фу, что она сама когда-нибудь будет учить тому же самому великую княгиню и будущую императрицу. Когда-нибудь будет рассказывать внукам, что с нее в семьях высшего дворянства вошло в моду обучать девиц драке. Я, скажет, возила носом по ковру саму императрицу!

— А ведь действительно, — очнулась от раздумий жена. — Это ты во всем виноват! Побить тебя, что ли?

— Если ты это сделаешь, побегу к сыновьям императора, — в шутку пригрозил я. — Продемонстрирую синяки и скажу, кто их посадил. Думаю, они после этого быстро передумают учить бою своих жен, а ты так и останешься обычной статс-дамой.

— Так ты не шутил? — дошло до отца. — Как же так? Ведь это же совсем не дамское дело...

— Я сначала тоже обалдел, — кивнул я. — Совсем так же, как ты сейчас, а потом подумал: почему бы и нет? В моей второй реальности принцессы и не таким занимались, только было это лет на тридцать-сорок позже.

— Все равно как-то это неправильно, — вздохнул отец. — Есть привычный круг занятий для девиц их положения, и о ваших занятиях будут говорить с неодобрением.

— Пускай, — равнодушно сказал я. — Для тех, кто с неодобрением отзывается об императоре и его решениях, существует ваш департамент, вот вы ими и будете заниматься, а Вера только выполняет свои придворные обязанности.

— Странное время, — задумчиво сказал отец. — Сколько всего случилось в империи и во всем мире! А ведь все началось с тебя!

— Династию сменили бы и без меня, — возразил я. — И к созданию Франко-Германской империи я не имею отношения. Ну посоветовал кое-что императору, но до этого додумались бы и без моих советов. И к появлению японской принцессы я непричастен, я думал, что мы с ними будем воевать. Я своим появлением много чего здесь поменяю, но будет это года через три-четыре, раньше просто не получится.

Этот разговор состоялся вечером, когда задержавшийся на службе отец пришел домой, а до этого я обежал несколько учреждений, включая и родное теперь для меня министерство иностранных дел, и оформил кучу бумаг. Осталось только заказать мундир, но это было не к спеху: можно было ходить в камергерском или просто в гражданской одежде.

На следующий день я, как и было предписано, направился к императорскому кабинету минут за десять до назначенного срока. Вера осталась дома, потому что ее занятия были назначены на более позднее время. Наша судьба изменилась в очередной раз, и теперь предстояло оценить, к худу или к добру эти перемены.

Мы уже две недели жили с родителями. Я каждое утро, кроме воскресений, отправлялся на службу. Служба была необременительной и заключалась в ознакомлении с отчетами министерств, которые ежедневно присылали императору. У него этим занимался не один я. На мою долю выпали отчеты военного и морского министерства, а также министерств внутренних и иностранных дел. По промышленности и финансам отчеты просматривал тайный советник Николай Михайлович Рейтерн, которому уже перевалило за семьдесят лет. Раньше на моем месте работал генерал-адъютант и генерал-лейтенант Василий Николаевич Братанов, которому было лет восемьдесят. С моим появлением его отправили на отдых. Сами отчеты были выборкой всего самого важного, что произошло за прошлый день с прилагаемыми пояснениями по отдельным вопросам. Нашей задачей было читать отчеты, отмечать в них самое важное и в случае надобности дать к ним свои комментарии. Эту надобность мы определяли сами, а поскольку отчеты составляли профессионалы, она возникала очень редко. Я пока от себя ничего не добавил, да и Николай Михайлович при мне занимался только чтением или болтал, когда немного отошел от удивления из-за появления на месте его престарелого напарника такого юнца, как я. Несколько раз император вызывал меня советоваться по разным вопросам. Во второй такой раз я набрался нахальства и спросил, для чего нужна наша работа.

— Если вы думаете, что это синекура, то заблуждаетесь, — недовольно посмотрев на меня, сказал Владимир Андреевич. — В правительстве работают знающие люди, но они дают оценки пристрастно, исходя из своих представлений и интересов, а мне трудно судить обо всем и не сделать ошибки. Кроме того, читая отчеты, вы будете в курсе всех дел и сможете дать полезный совет. Так что отнеситесь, князь, к своей службе со всем вниманием.

Возня с отчетами занимала меня до обеда, а после него я чаще всего оставался в своих комнатах. Если в моем присутствии возникала необходимость, звонил секретарь императора или кто-нибудь из его флигель-адъютантов. Вера занималась со своими высокородными ученицами, а на мои вопросы, какие у них успехи, отвечала, что занимаются усердно и ее во всем слушают.

— Какие могут быть успехи за такое небольшое время? — говорила она. — Потихоньку нагружаю и слежу, чтобы они ничего себе не потянули. Александра сильнее, но у нее неважные растяжки. Елена гибче, но очень слабая. Только начало появляться что-то похожее на мускулы. Мне с ними заниматься упражнениями еще месяца два или три. Боюсь, что им раньше все это надоест.

— А что они за женщины? — спросил я.

— А об этом нужно спрашивать у великих князей, — засмеялась она. — Мне они нравятся. Обе у нас совсем недавно и еще не обзавелись подружками. Александра хоть занимается рисованием и пробует читать книги на русском, а у Елены совсем нет занятий. Говорит, что любит писать стихи, но кому у нас нужны стихи на японском! Все равно что-то пишет и читает своей служанке. А для чтения книг она еще недостаточно хорошо знает язык.

— Взяла бы и почитала ей наши, — в шутку посоветовал я.

— Попробую, — сказала жена. — Она ко мне тянется, а говорить нам особенно не о чем, а так хоть будет чем занять время. Тебя до обеда все равно нет.

Эффект от чтения наших фантазий превзошел все ожидания. Жена оказалась отличной

рассказчицей и читала с выражением, поэтому в нее вцепились обе скучающие великие княгини. То ли самой продираться через текст, отпечатанный на чужом пока языке, не испытывая от чтения никакого удовольствия, то ли слушать рассказ — есть разница? А тут еще такая захватывающая то ли сказка, то ли быль. В дополнение к чтению от Веры потребовали петь. Александра узнала от мужа, что понравившиеся ей пластинки — это наши записи, и поделилась этой новостью с Еленой. Сначала они довольствовались женой, а потом взялись за меня.

— Леш, — сказала Вера, когда я пришел обедать. — Они хотят, чтобы ты что-нибудь спел. Нас пригласили на вечер и сказали, что будут мужья.

— А цыганского хора не будет? — недовольно сказал я. — Тебе было бы лучше держаться от Олега подальше.

— Как ты это себе представляешь? — спросила она. — Общаться с женами и сторониться их мужей? Андрея я вижу редко, а Олега — каждый день. Но он без ума от своей жены, поэтому ты зря ревнуешь. Вчера он сказал, что они всей семьей в июле поедут отдыхать на Черное море. Нас с тобой тоже пригласили. Давай съездим? Я с отцом несколько раз ездила, только не в Крым, а у них в Ливадии большой дворец...

— А отработать эту поездку нужно, развлекая их песнями, — сказал я. — Ладно, споем. Мы с тобой немного запустили свои песни. Книжки продолжаем писать, а ни одной новой песни за год не записали. И наш ансамбль давно разбежался.

— Уже и другие так поют, — сказала Вера. — И наши песни, и мне незнакомые. Я несколько раз слышала по радио.

— Давай тоже споем новую песню, — предложил я. — Время еще есть, а музыку ты подбираешь влет. Неинтересно петь то, что все уже слышали не по одному разу. И песня у меня есть из тех, которые сочинили японцы. У нас ее сначала пели на японском, а русский текст появился позже. Называется «Каникулы любви». Подожди, сейчас возьму гитару.

Я сходил в нашу комнату за гитарой, вернулся в гостиную и, чтобы было удобней играть, сел на диван. Мое исполнение не тянуло на дуэт двух японок, но получилось тоже неплохо.

— У моря, у синего моря со мною ты, рядом со мною. И солнце светит, и для нас с тобой целый день поет прибой. Прозрачное небо над нами, и чайки кричат над волнами, кричат, что рядом будем мы всегда, словно небо и вода.

— Замечательная песня! — сказала жена. — Почему ты мне ее раньше не пел?

— Да как-то не приходило в голову, — ответил я. — Садись и подбирай мелодию, а я пока запишу текст. Если нужно, сыграю еще.

К вечеру жена выучила песню, и в семь мы уже были у апартаментов великого князя. Нам назначили встречу на то время, когда во дворце обычно ужинали, поэтому я не удивился тому, что в одной из комнат был накрыт стол.

— Немного подождем, — сказала встретившая нас Елена. — Муж с остальными сейчас должен подойти. Может, вы пока мне что-нибудь споете, князь?

— Можно, — согласился я. — То, что у вашего мужа есть рояль, на котором приходится играть жене, я знаю. А как насчет гитары?

— Аяка, принеси князю инструмент! — приказала Елена служанке.

Та поклонилась и, мелко семеня ногами, выбежала в другую комнату. В отличие от своей госпожи, носившей местные платья, эта девушка была замотана тканью на японский манер. Вернувшись, она опять поклонилась и протянула мне гитару. Я с позволения хозяйки

сел на диван и исполнил ей песню Высоцкого о рае в шалаше.

— Украду, если кража тебе по душе, — зря ли я столько сил разбазарил? Соглашайся хотя бы на рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял!

— Вы, князь, будете почище Казановы, — услышал я голос Андрея. — Вот так оставляй с ним жен! Свою от нас увез, а наших охмуряет!

Оказывается, пока я рвал душу и терзал струны, пришли недостающие участники вечеринки.

— Меня попросили — я сыграл, — пожав плечами, ответил я, откладывая гитару. — Княгиня просто чудесная женщина, но у меня уже есть свое чудо!

Мы сели за стол, на котором, помимо большого торта, были фрукты и много других сладостей, и с полчаса ими наедались, разговаривая о разных пустяках. В конце говорили о картинах Александры, с которых переключились на ее родственников.

— Я так за них боюсь! — сказала она. — Американские штаты — очень сильное государство, и если будет война...

— Будет, но не в этом году, — сказал я. — Основа их ударной мощи, помимо флота, — это авиация. Корабельной мало, а другим самолетам нужны аэродромы в Европе. Англичане отказались давать свои, а в Норвегии до следующего лета просто не успеют построить. И нужно перевезти через океан слишком много солдат и боевой техники.

— Вы меня не сильно успокоили, князь, — вздохнула Александра. — Мне муж уже говорил и об их выборах, и об аэродромах, но все это только отсрочка. Я рада, что российский флот поможет Франко-Германской империи, но мне все равно страшно. Почему мужчины так любят воевать? Этих колоний... их же очень много. Почему нельзя разделить?

— Американцы почувствовали свою силу и не удовлетворятся малым, — покачал я головой. — Они захотят единолично править миром. Дурная затея, которая за тысячи лет так никому и не удалась, но все равно желающие находятся. Если им вмазать как следует, на время утихнут. Постоянного и долгого мира не было никогда и нигде. Люди слишком драчливые и жадные до чужого добра, чтобы тихо сидеть на своей земле и пользоваться только плодами своего труда. Им вечно чего-нибудь не хватает, да и напрягаться неохота, а у соседей всегда всего больше, да еще не по праву!

— У нас действительно очень мало хорошей земли, — грустно сказала Елена. — Раньше в плохие годы в деревнях старики уходили умирать, чтобы не отнимать еду у детей и внуков.

— В ближайшие годы в этом мире многое изменится, — сказал я. — Наша империя должна стать сильнее многих. Новая империя и Япония — наши союзники, которых мы не оставим без помощи. Главным сейчас будет отбиться от янки. А вам не нужно так переживать. Это не принесет пользы вашим близким и нанесет ущерб вам. У императора Августа под рукой два народа, мощная промышленность и сильные армия и флот. Американцы всегда были немного самоуверенной нацией, я думаю, что Бог их за это накажет.

— После этих слов я спокоен за наше будущее, — усмехнулся Андрей. — Мы, кажется, собрались повеселиться? Князь вы не объелись? Петь сможете?

— У нас приготовлена одна новая песня, а остальной репертуар старый, — предупредил я. — Так получилось, что мы давно не занимались пением.

Меня заверили, что с удовольствием послушают и старые песни, после чего вся компания перешла в ту комнату, в которой у Олега стоял рояль. Он сам на нем умел неплохо играть, только сейчас пользовался редко. Мы пели и играли больше часа. Великие князья

уже слышали почти все песни, когда мы ходили их петь к Олегу, а их жены довольствовались не слишком хорошими здесь грампластинками, поэтому были в восторге от живого пения. Больше других понравилась песня «Каникулы любви», которую слушали в первый раз.

— Что вы хотите, князь, за этот чудесный вечер? — в шутку спросил Андрей.

— С вас море, — ответил я. — Жена сказала, что отпустят в Крым, вот я и выкладывался.

— Я поговорю с отцом, — пообещал он. — Он не всегда с нами ездит, но на время найдет вам замену, так что считайте, что вы уже на пляже. Нужно только подождать полтора месяца.

Мы простились и вернулись в свои комнаты, где узнали о грядущей свадьбе Ольги.

— Мне уже семнадцать, и я окончила гимназию, что вам еще от меня надо! — сердито выговаривала она родителям. — Если и дальше будут проволочки, я просто уйду в семью Сергея!

— И на что вы станете жить? — спросил отец. — Сидеть на шее у его родителей? Твой Сергей уже решил, чем он будет заниматься?

— Он будет инженером, как и его отец! — ответила Ольга. — И не нужно мне ничего говорить! Он это не я: ему брак не мешает учиться, а его родители согласны. Я понравилась его деду, и он обещал, что будет нам помогать. Он очень состоятельный человек!

— Ты и мне нравишься, — обнял я ее. — Так что обойдемся без чужого деда. Что я не найду денег для родной сестры?

— Ты это одобряешь? — удивился отец.

— Пусть выходит замуж, — сказал я. — Сергей хороший парень, и из них получится прекрасная пара. Ему немного рановато, но если сестре не терпится... Если есть средства, мужчине семья не помеха для учебы.

В общем сестра нас уломала. Мы, как я и обещал, помогли ей деньгами, хоть родители Сергея были этим недовольны, по крайней мере на словах. Свадьбу назначили на конец июня и переложили ее организацию на семью жениха. Только разобрались с Ольгой, как пришло известие о гибели американского эсминца. Если верить сообщениям американских радиостанций, его кто-то подорвал торпедой в двухстах милях от их восточного побережья. В некоторых передачах прямо обвиняли Франко-Германскую империю. Якобы была радиопередача с эсминца, что обнаружен перископ подводной лодки.

— Есть мысли? — спросил вызвавший меня император. — Я созванивался с кайзером. Ни одной их подводной лодки у берегов Америки сейчас нет.

— Ни минуты не сомневался в том, что империя здесь ни при чем, — ответил я. — Обострение отношений не в их интересах, а с военной точки зрения подобная операция просто нелепа. Или этот эсминец по какой-то причине взорвался сам, или ему помог это сделать кто-то из американцев. Только неясно, для чего это было делать именно сейчас. Через год — понятно, но сейчас американцы еще не готовы к войне, а реагировать придется. Они уже лишились нескольких кораблей и ограничились нотой в адрес кайзера. Сейчас это будет трудно сделать.

— Думаете, они его взорвали сами? — задумался император. — И чья это может быть работа?

— В известной мне реальности в Америке все было по-другому, — ответил я, сопроводив ответ пожатием плеч, — а в этой реальности я о ней мало знаю. У нас есть

знатоки в министерстве, вот их и нужно спрашивать.

Император позвонил в министерство иностранных дел, и через пятнадцать минут такой знаток был доставлен в его кабинет.

— Коллежский советник Данилов, — представился он после положенного приветствия.

— Хотелось бы знать, с чем мог быть связан подрыв американцами своего корабля? — спросил его Владимир Андреевич.

— Если это не случайность, то даже не знаю... — в замешательстве ответил чиновник. — Для войны такая провокация будет несвоевременной.

— А если ее все-таки объявят, но не начнут? — спросил я. — Кто от этого будет в выигрыше?

— Прежде всего президент Олбен Баркли, — немного подумав, ответил он. — Демократы проиграют выборы, причем и президентские и в Конгресс. В этом уже никто не сомневается. Но если он получит согласие Конгресса и объявит войну Франко-Германской империи, то это позволит ввести военное положение на всей территории страны и отменить выборы до окончания военных действий. Такое предусматривается конституцией, хотя за всю историю ни разу не использовалось. Кроме того, президент у них является главнокомандующим, а это в случае удачной войны...

— И Конгресс даст ему такое право? — с сомнением спросил император.

— Я думаю, что даст, — ответил чиновник. — У демократов в нем значительное большинство, а этот взрыв так обыграют в прессе, что будет очень опасно выступать против войны. Нужно немного подождать. Если это действительно президент, он должен выступить сегодня или завтра. В органах власти в войне обычно в первую очередь заинтересованы военные, но не в этом случае. Эта провокация может помешать их подготовке в Норвегии. Производящие военную продукцию предприятия и так загружены заказами, поэтому взрыв эсминца ничего не дает их хозяевам.

Выступление американского президента последовало через три часа после первых сообщений о трагедии. Он сказал следующее:

— Граждане Американских штатов! Со скорбью и гневом хочу вам сказать, что сегодня вблизи наших берегов неизвестная подводная лодка потопила наш эсминец, прервав жизнь двухсот семидесяти трех наших соотечественников! Подобное преступление не должно остаться без возмездия! Не так давно, когда мы занимали бывшие колонии Франции, чтобы не бросать без присмотра их население и привести туземцев в лоно цивилизации, головорезы кайзера Августа совершили ночное нападение на наших моряков и морских пехотинцев. Подводные лодки потопили два наших корабля, а высаженный с них десант вырезал наших солдат. Погибло в общей сложности почти восемьсот американцев. Я уже тогда хотел обрушить на захватившую Францию Германскую империю всю силу нашего гнева, полагая, что разговаривать с убийцами бесполезно, но воспротивилась республиканская часть Конгресса, и для объявления войны у меня не было в нем нужного большинства. Мне сказали, что мы должны ждать и готовиться, чтобы нанести удар наверняка и с минимальными потерями. Я дал им себя убедить и, как выяснилось, зря! Ничем иным, кроме нападения немецкой подводной лодки, сегодняшняя трагедия быть не может! Я вторично обращаюсь к Конгрессу с требованием вручить мне всю полноту власти для ведения войны. Прогнившие монархии Европы бросают вызов самой демократичной стране мира! Я обещаю, что наши доблестные армия и флот сокрушат их с вашей помощью и принесут свободу на земли, откуда пришли наши прадеды! Величие Американских штатов и

наши идеи равенства покажут освобожденным народам Европы истинный пример жизни! А виновные в преступлениях будут сурово наказаны по нашим законам. Враг силен, поэтому каждый из вас должен сделать все, что в его силах, чтобы помочь своим соотечественникам, которые, рискуя жизнями, будут отстаивать свободу с оружием в руках! Мы победим, потому что на нашей стороне Бог и правда!

— Как он завернул! — сказал сидевший со мной у приемника отец. — Прогневшие монархии Европы! Это не только немцы с французами, но и мы. Наверное, узнали о нашем союзном договоре. Только ведь сюда можно включить и англичан. Не хотят ли они заодно отобрать колонии и у короля Эдуарда?

— Пуп у них развяжется воевать против всех сразу, — ответил я. — Хотя сказано очень нагло. Не нравится мне это. Он абсолютно уверен в том, что все мы — это уже прошлое, а для этого должны быть какие-то основания.

— Ложились бы вы спать! — сказала заглянувшая в гостиную мать. — Уже двенадцатый час! Завтра все узнаете.

— Уже идем, — ответил ей отец и обратился ко мне: — Действительно, выключай приемник и ложись. Это у американцев четыре часа дня, а мы с тобой завтра из-за них не выспимся. Все равно все будет в утреннем выпуске новостей.

Я не стал спорить, потому что тоже уже хотел спать. Дурное дело — не выспаться и ходить сонным, особенно когда в этом нет никакой необходимости. Но утром я первым делом побежал включать приемник. Отец встал позже меня.

— Ну что там? — спросил он, появляясь в гостиной. — Мне уже некогда слушать новости, нужно идти завтракать и на службу.

— Морские министры наших империй выступили с заявлениями, что их подводных лодок вблизи Америки не было, поэтому никто этот эсминец не топил. Англичане пока молчат, но их никто и не обвинял. Но для американцев наши оправдания — это только лишнее подтверждение нашей вины и лживости. Сегодня ожидается заседание Конгресса. Американские комментаторы совершенно уверены в том, что война будет объявлена. Не знаю, что будет в их газетах, а в эфире подняли такую бучу! Настоящая истерика! Не удивлюсь, если скоро многие американцы понесут свои деньги в фонд обороны. Компания организована очень профессионально. Даже мне захотелось побежать в банк и чего-нибудь им перевести.

— А мы хотели спокойно дожить до следующего лета, — вздохнул отец. — Ладно, ты слушай, а я пошел.

Долго я сидеть не стал, потому что подозревал, что разбора отчетов сегодня не будет. Так и оказалось. Стоило мне прийти в расположенную неподалеку от императорского кабинета комнату, где мы с Николаем Михайловичем возились с бумагами, как зазвонил мой телефонный аппарат, и раздраженный Владимир Андреевич велел все бросить и идти к нему. При моем появлении императорские гренадеры отдали честь и слаженно расступились в разные стороны. Секретарь вскочил со своего места и поспешил открыть передо мной дверь. Раньше за ним такой предупредительности не водилось. В кабинете, помимо императора, сидели канцлер и военный министр. Я начал приветствие по всей форме, но был прерван.

— Садитесь за стол, князь! — сказал Владимир Андреевич. — Считайте, что уже со всеми раскланялись. Меня сейчас интересуют не ваши манеры, а то, что бы вы стали делать.

Я послушно сел за стол и начал:

— Я, конечно, далекий от армии и флота человек, хоть и имею воинское звание, но мне кажется, что ситуация для нас очень благоприятная. Ну объявят войну нашим соседям...

— Уже объявили, — перебил меня Вяземский.

— Мы знали, что так и будет, только думали, что это случится позже, — продолжил я.

— Но начав так рано, они подгадили сами себе. Нельзя атаковать побережье силами только одного флота без мощной авиационной поддержки, а у них ее сейчас нет и до следующего лета не будет.

— У них будут пять или шесть авианосцев, — возразил министр, — а это четыреста самолетов.

— Насколько я помню, там в основном пикировщики, — в свою очередь возразил я. — Истребителей будет совсем немного. Если бросить на американский флот много самолетов, он одними зенитными средствами не отобьется. Потери в самолетах будут большие, но корабли они перетопят! Кроме того, для нормального ведения войны с сильным противником где-то в Европе должна быть база, куда нужно заранее перевезти кучу припасов и много солдат и техники. Того, что могут взять на борт десантные суда, будет совершенно недостаточно. Отказав янки в помощи, англичане им сильно подгадили.

— Они развернули строительные работы в Норвегии, — сказал канцлер. — Солдат там пока мало, но припасы и технику уже везут.

— Ну и разбомбить все это к чертовой матери! — посоветовал я. — Войну кайзеру уже объявили, так что я бы на его месте не думал ни минуты. Большого прикрытия от налетов авиации у американцев сейчас нет, так что немцы там все разнесут в пух и прах. И норвежцам будет урок. Вряд ли после этого найдется много желающих оказывать помощь Америке. Франко-Германскую империю и так обливают грязью, так что хуже в этом уже не будет. Кайзер этой операцией нанесет янки большие потери, затруднит им всю военную компанию, выиграет время и поднимет дух своим подданным. Вот нам пока встречать нежелательно. У американцев на Тихом океане полно кораблей, как бы они не решили отыграться на нас. Но бомбы объемного взрыва я бы союзникам дал. У нас с ними союз всерьез и надолго.

— Я об этом думал, — сказал Вяземский, — но были сомнения. Не хотелось начинать первым.

— Все равно не получится отсидеться, — возразил я. — Мира уже не будет, так зачем давать противнику укрепиться и создать плацдарм для нападения? Они объявили войну, не пожалев своего собственного корабля. Пусть даже это сыграл президент, нарушив тем самым чьи-то планы, остановиться теперь не сможет никто.

— Будут еще какие-нибудь мысли? — спросил император.

— Только одна, — ответил я. — Усилить против янки компанию в прессе. К началу боевых действий весь народ должен ненавидеть американцев, начиная с чистильщика сапог и заканчивая их президентом. О том, что в Америке не одни мерзавцы, можно будет поговорить после войны. Война будет долгой и тяжелой, и нужна поддержка всех сословий. Американцы уже объявили о сборе пожертвований на поддержку военного строительства, а чем мы хуже? Это сейчас нам хватает средств, в военное время их никогда много не бывает.

— Спасибо, князь, — сказал мне император. — Можете идти, но пока не отлучайтесь из своей комнаты.

Я вернулся к Николаю Михайловичу и застал его у невесты откуда взявшегося радиоприемника.

— Слушаю новости, — сказал он. — Нам его принесли, как только вы ушли. Не хотите присоединиться? Передают много интересного.

Я присоединился, но ничего интересного не услышал. Американцы по-прежнему нагнетали военную истерию, англичане отмалчивались, а станции, вещавшие на немецком и французском, обвиняли янки в провокации и запускали в эфир патриотические передачи. Испанского языка мы не знали, поэтому оценить реакцию Латинской Америки не смогли. В любом случае я бы на месте латиноамериканцев не радовался. Закусившие удила и отбросившие прежние правила Американские штаты были опасным соседом. Если они и раньше не слишком считались со странами Южной Америки, что хорошего можно было ждать теперь? Пока янки не до них, но не нужно большого ума, чтобы понимать, что рано или поздно придет и их черед. А вот наши радиостанции выглядели бледно. Общая направленность передач несомненно была антиамериканская, но какая-то беззубая, что ли. Так одна из трех самых популярных станций всего лишь выражала сомнения в том, что эсминец был потоплен немцами. Когда я об этом сказал Рейтерну, он пожал плечами.

— А что вы от них хотите, князь? Это же купеческая станция. Там главные акционеры Губонин и Рябушинские, а они больше других пострадали от нарушения торговых связей с Америкой. Люди неглупые и все должны понимать, но радости у них от этого нет. Наверное, надеются, что все как-нибудь утрясется, и не хотят портить отношения с американцами. Отсюда и эти осторожные оценки. Сейчас такие станции нужно брать под правительственный контроль. Ладно, займусь своими отчетами. Вам не мешает приемник? Тогда пусть работает, может, услышим что-нибудь важное.

Важного мы в тот день не услышали. На следующий день тональность передач на русском радио заметно поменялась, став более агрессивной и наступательной. Мы уже не оправдывались и высказывали осторожные предположения, а обвиняли американцев во всех смертных грехах. Послушав такое с час, я хотел выключить приемник, но Николай Михайлович воспротивился.

— Не выключайте, князь, просто немного приглушите звук, может, передадут что интересное.

Он оказался прав. Уже перед самым обедом, когда мы закончили работу, правительственная радиостанция союзников сообщила о массированном налете на американские объекты в Норвегии. Три сотни бомбардировщиков и около сотни прикрывавших их истребителей в дневное время легко подавили противоздушную оборону янки и нанесли удары по строящимся аэродромам и складам военной техники. Заодно был потоплен американский грузовой корабль с танками на борту. Видимо, хорошо сработала разведка, так как шли не наобум Лазаря, а каждая группа по заранее намеченным целям. Первым же ударом было уничтожено все, что американцы построили и привезли за последние полгода. Но кайзер этим не ограничился. Потери в самолетах были незначительные, поэтому второй налет, который последовал через десять часов, был таким же масштабным. На этот раз не только добились американцев, досталось и норвежцам. Империя этими бомбежками показала всем остальным европейцам, что помогающие ее врагам не будут забыты. Судя по скорости, с которой руководство союзников подготовило и провело эту операцию, оно обошлось и без наших бомб, и без моих советов. Теперь нужно было ждать, как на все это отреагируют американцы. Лично я думал, что они начнут ломать англичан через колено. Других возможностей что-то быстро исправить и подготовить вторжение к следующему лету у них не было. Хотя кто его знает, как все повернется. В

последнее время я не один раз ошибся в своих прогнозах. Лишь бы для поднятия духа не попытались захватить наши дальневосточные города или хотя бы разрушить их силами флота. Сил этих у них было намного больше, чем у нас, а японцы вряд ли придут на помощь. Не потому, что не захотят, просто не успеют.

Сегодня император меня удивил. Его звонок оторвал от отчетов и заставил поспешить в кабинет.

— Я изучил все ваши записи, князь, — сказал мне Владимир Андреевич, — и решил, что в прошлом вашей половины было немало такого, что может пригодиться и нам. Сейчас в министерстве народного просвещения работают над реформой образования. Восемилетнее должно стать обязательным, а число гимназий и школ, дающих полное образование, будем увеличивать. Заодно проведем реформу письменности, о которой вы упоминали. Много менять не будем, уберем самое неприятное. Но это я сказал к сведению. Есть мысль создать молодежную организацию вроде описанного вами комсомола. Нужно будет срочно строить казенные заводы, железные дороги и электростанции, причем в довольно тяжелых условиях, там эту организацию и используем. Политики в ней быть не должно, только патриотизм и христианские ценности. Беретесь?

— Что я должен делать? — растерялся я. — Создавать такую организацию? Ваше величество, увольте, ради бога! Я всю ту жизнь бегал от общественной работы, да и кем-то управлять не люблю и не умею! Могу написать, что она должна собой представлять, ее программу и устав, но занимаются пусть другие.

— Все вы можете и умеете, — вздохнул он. — Просто вы лодырь. Ладно, пишите все, что посчитаете нужным, а потом принесете мне. Можете идти.

Неприятно, когда тебя называют лодырем, особенно когда это делает самое высокое начальство из всех возможных, но, выйдя из кабинета, я с облегчением вздохнул. Взваливать на свою шею такую обузу... Нет уж, пусть лучше буду лодырем. Сидение за записями много времени не заняло. Поскольку я не собирался делать ставку на религиозный фанатизм, религия в моем программном документе была вроде изюма в булке: вкус придает, но ешь все-таки больше тесто. Основной упор был сделан на патриотическое воспитание. Заодно я предложил начать им заниматься с младших классов, создав в них что-то вроде пионерской организации. Символику, не мудрствуя лукаво, содрал ту, которая была в СССР, пионеров тоже назвал пионерами, а вот с названием для организации молодежи пришлось поломать голову. В конце концов я остановился на Пасомоле, что в переводе означало патриотический союз молодежи. В общем нормальное название. В той реальности привыкли к комсомолу, который звучит ничуть не лучше, в этой пусть пасомольцы привыкают к моему творению. А если не понравится, пусть думают сами. Переписав все начисто, я отнес свои записи императору.

— Понравилось все, кроме названия, — сказал он мне на следующий день. — Ладно, отдам тем, кто будет этим заниматься, пусть еще подумают они. И с детьми вы хорошо придумали, особенно с начальной военной подготовкой. Это пригодится.

Я вернулся в нашу комнату и опять увидел Рейтерна у радиоприемника, который у нас так и не забрали. Теперь у старика было чем занять время.

— Что произошло, пока я отсутствовал? — в шутку спросил я.

— Вот вы шутите, — сказал он, — а интересные сообщения были на самом деле. Например, о прибытии в порт Лондона американского крейсера «Уичита». Передали, что это дружеский визит, хотел бы я только знать, кто на нем прибыл с изъявлением дружбы.

— А что говорят сами американцы? — спросил я.

— Об этом крейсере — ничего. Они вообще стали меньше говорить, больше пускают в эфир музыку. Но компания в газетах продолжается.

— Думаете, они договорятся? — спросил я.

— Трудно сказать, — задумался Николай Михайлович. — С одной стороны, они в последнее время наделали друг другу гадостей, а с другой — все-таки у американцев и англичан очень тесные связи и много общих интересов. Англичане оказались между двух огней и должны сделать выбор. Я бы на их месте был в затруднении. Если они вступят в союз с американцами, то тем самым сразу объявят войну кайзеру, а союзники смогут им помочь только флотом и лишь немного авиацией. И отказать американцам теперь будет трудно. Британия очень уязвима из-за ее колоний. В них никогда не было больших сухопутных сил, разве что когда вели боевые действия, а кораблей сейчас тоже мало. Для Американских штатов будет несложно их занять и интернировать всех военных. Создадут на территории колоний несколько больших авиационных баз, и англичанам придется забыть о том, что они когда-то принадлежали короне. В доминионы янки не полезут, но и из них англичанам не окажут никакой помощи. Это надолго отодвинет войну с нами, но потом она будет еще более кровопролитной.

— Налево пойдешь — коня потеряешь, — сказал я. — Направо пойдешь — жизнь потеряешь.

— В вашем случае выбрать легче, — усмехнулся Рейтерн. — Коня, конечно, жалко, но выбор понятен. А у них все не так очевидно.

— И чего вы от нас хотите? — спросил премьер-министр гостя.

— Вам уже передавали наши требования, сэр Уинстон, — сказал Ллойд Гольдман. — С тех пор они ничуть не изменились.

— Мы не можем предоставить вам свою территорию, — покачал головой Черчилль. — Подождите с возражениями, сначала выслушайте, что я вам скажу! Мы могли бы обсуждать этот вопрос, если бы вы не поспешили со своим объявлением войны! Сейчас любой, кто окажет вам помощь и предоставит территорию, окажется врагом Франко-Германской империи со всеми вытекающими для него последствиями. Мы пока значительно слабее вашего противника и не желаем повторить судьбу Норвегии. Вы нам не окажете существенной помощи, более того, вы даже не сможете толком использовать нашу территорию для накопления войск и развертывания бомбардировочной авиации. Какое может быть накопление под бомбежками? Немцы построили на территории Франции десятки аэродромов и склады с горючим и боеприпасами. От них до Лондона всего сотня миль! У меня есть предложение. Вы заняли оставленный Францией Алжир, и можете там накапливать силы. Мы пропустим ваш флот через Гибралтар, и он сможет атаковать и занять побережье Франции. От места высадки до побережья Алжира всего пятьсот миль. Ваши самолеты вполне могут прикрыть флот от вражеской авиации и бомбить тех, кто будет вам препятствовать, им хватит горючего для того, чтобы вернуться. Я понимаю, что это неудобно, но это более безопасный вариант и для вас, и для нас. А русскому флоту, чтобы до вас добраться, придется идти из Севастополя через проливы полторы тысячи миль.

— А при чем здесь русские? — не понял американец.

— У них военный союз с кайзером, — любезно просветил гостя Черчилль. — А немцам придется перегонять корабли из Северного моря две тысячи миль. И весь флот они не уведут. Вам достаточно захватить Марсель...

— И вы пропустите флот империи через Гибралтар?

— Мы их не можем не пропустить, — ответил Черчилль, — разве что немного задержать, да и то это слишком рискованно. Рассчитывать вы сможете только на свои силы. Мы если и поможем, то уже в конце войны. Вам некого винить, кроме самих себя. Вы не оказали нам поддержку, занявшись колониями, которые от вас и так никуда не делись бы, а мы в результате понесли большие потери. Сейчас мы восстанавливаемся, а будем ли в состоянии сражаться к следующему лету, я вам пока сказать не могу.

— Насчет русских — это точно?

— Мы получили эту информацию от своего посла как достоверную.

— Ваше предложение кажется мне интересным, — сказал Гольдман, — и я его передам военным, но и у меня к вам есть одно предложение, которое вам будет не очень трудно выполнить. Вы вполне сможете построить для нас хороший аэродром, скажем, в Шотландии. У вас там достаточно диких мест, так что разведка кайзера о нем не пронюхает, а если что и узнают, вы в своем праве. Все, что нам потребуется, будет переброшено туда к самому началу войны. С него наши тяжелые бомбардировщики смогут бомбить всю Германию. И мы будем это делать уже после вторжения на побережье Франции. Вряд ли немцы станут мстить, им будет не до вас, да и не захотят они связываться с еще одним врагом.

— Я скажу королю, — кивнул Черчилль. — На таких условиях на это можно пойти. Вы к нам надолго?

— Уйдем ночью, — ответил Гольдман. — О нашем приходе знают, поэтому не будем рисковать. Сообщите о своем решении через посла.

Вернувшись на корабль, эmissар вызвал радиста крейсера.

— Зашифруйте и срочно передайте! — приказал он, отдавая матросу записку.

У него все получилось, но это не радовало. Конгресс проголосовал, как и ожидалось, наделив нужными полномочиями, но взрыв эсминца спутал карты военным и привел к катастрофе в Норвегии. Вину за нее тут же возложили на президента. Его обвинили не Конгресс и не пресса, а те, кого он обыграл. Он пытался договориться, но с ним не стали разговаривать. Плохо, он рассчитывал на другое.

— Я вам еще нужен, господин президент? — спросил его Николас Коулман.

— Позови охрану, Ник, и можешь уезжать, — ответил он. — Я сейчас тоже уеду домой.

Николас кивнул и вышел из кабинета. Вернулся он с двумя крепкими парнями в строгих костюмах. Телохранители подошли к президенту и завернули ему руки за спину.

— Что это значит? — со страхом спросил Олбен Баркли у своего секретаря. — Ник!

— Извините, сэр, — ответил тот, — но так надо.

Один из парней зажал президенту рот, а Коулман быстро сделал укол небольшим шприцем прямо через одежду. Олбера держали, пока не затихли бившие его судороги.

— Положите его в кресло, — велел Коулман, — и возвращайтесь к себе.

Минут через двадцать он поднимет тревогу. Препарат распадется, а вскрытие покажет обширный инфаркт. На едва заметную точку на теле никто не обратит внимания, тем более что врачи в курсе того, что не стоит проявлять излишнее рвение.

Я так и не привык к этим плавкам. Не знаю, что использовали в пятидесятые годы той реальности, но думаю, что не такие консервативные наряды. Женские купальники были у всех сплошные, полностью закрывали грудь, и штанишки на пару ладоней не доходили до

коленей. Но фигуру они обтягивали точно так же, как и в двадцать первом веке. А мужчинам полагался комплект из майки и облегающих трусов, даже немного более длинных, чем у женщин. Расцветка у тех, которые я видел, была темно-синяя, темно-зеленая или арестантская — в полосочку, вызывавшая у меня непроизвольную улыбку. Мы вторую неделю отдыхали в Ливадии. Дворец был огромный и почти пустой. Император не поехал на море, поэтому, кроме великих князей с женами и нас, здесь были только слуги и охранники. Первый этаж дворца был отдан под залы, а наши хозяева жили в своих комнатах на втором. Нас поселили в гостевых покоях. Все было сделано очень красиво, необычайно удобно и слишком, на мой взгляд, роскошно. Замечательный парк террасами уходил к прекрасному песчаному пляжу. Единственным неудобством было то, что по этим красотам долго добираться до воды, но это не нравилось только мне одному. Вера была в восторге от всего, великие князья ко всему здесь привыкли, а их жены находились примерно в таком же восторженном состоянии, как и моя. В той жизни я один раз был в Крыму, но далеко от Ялты. Было сухо и жарко и до моря приходилось идти полчаса по выжженной солнцем степи. Питались плохо, а тут еще простыл один из сыновей, поэтому я не получил от той поездки большого удовольствия. Сейчас было совсем другое дело. Мы пока не видели штормов и дождей, а кристально-чистая вода была теплой с утра до вечера, и из нее не хотелось вылезать. Кроме купания мы загорали, точнее, прожаривали на солнце конечности, потому что все остальное было закрыто одеждой, и катались на лодке. Сейчас мы с Олегом отдыхали на лежаках, а Андрей плескался в воде с женщинами. Два с лишним месяца занятий не прошли для великих княгинь даром, у обеих появились небольшие, но крепкие мускулы, немного изменилась осанка, а Елена стала крепче здоровьем. Вопреки ожиданиям, я не слышал, чтобы об этих занятиях кто-то болтал. Видимо, о них пока не узнал никто из тех, кто мог бы пустить слух.

— Алексей, — не открывая глаз, сказал Олег. — Ты уже несколько раз говорил о том, что вскоре империя станет гораздо сильнее. Я не ученый, можешь мне по-простому рассказать, в чем будет источник этой силы?

— Если совсем по-простому, то в ракетах, — лениво ответил я. Говорить не хотелось, но я не мог отказать Олегу. — Разница между ракетой и снарядом в том, что полет снаряда после выстрела не изменишь, а ракетой можно управлять. Некоторые даже будут сами наводиться на танк или самолет.

— Как такое может быть? — недоверчиво спросил он.

Пришлось прочитать лекцию об инфракрасных лучах и радиолокации.

— Кроме того, дальность полета снарядов сильно ограничена, — продолжил я, — а ракетами можно стрелять даже на тысячи километров, только для этого они должны быть очень большими.

— А зачем так далеко? — не понял он.

— А ты представь, что стреляешь такими ракетами из Владивостока по Сан-Франциско. В головной части новая взрывчатка или яды.

— Какие яды? — спросил он, открыв глаза.

— Те, которые разработало и использовало Братство, — ответил я. — Неужели ты об этом не знаешь? Я думал, что вам сказали.

— Брату, может, и сказали, а я о ядах слышу впервые. Говори, если начал.

Я ему рассказал все, что знал сам.

— Какая гадость! — выразился он. — Слава богу, что это не пошло в ход. Так ты хочешь

обстреливать этим города?

— Знаешь, в чем между нами разница, если не считать того, что я простой князь, а ты великий? — спросил я. — Во мне живет память человека, который жил в страшное время. Незадолго до его рождения по десяткам стран прокатилась такая война, которую ты себе просто не можешь представить. В огне исчезли тысячи городов, и были убиты десятки миллионов людей, причем гражданских погибло гораздо больше, чем солдат. И их не только убивали при бомбежках и артобстрелах городов, их расстреливали, вешали и травили газом. А потом изобрели новые бомбы, каждая из которых могла стереть с лица земли город. Изобрели многие, но применили только американцы, о которых ты только что пекся. Причем применили не по необходимости, а просто испытали на двух городах, в которых жили соотечественники твоей жены. Больше двухсот тысяч человек погибли сразу, тысячи умирали от последствий взрывов много лет спустя. Никаких армейских частей там не было.

— Это ужасно, — сказал он. — Мне в такое даже плохо верится, но при чем здесь мирные американцы? Решали-то не они!

— Запомни, что непричастных не существует! — сердито сказал я. — Тебе, как великому князю, это нужно хорошо знать. Могли бы американские генералы двести сорок раз применять военную силу за последние двести лет, если бы им это не позволял их собственный народ? Народ, налоги с которого шли на производство вооружений и содержание армии! Почти все время этот народ одобрял политику своих властей и возмущался только тогда, когда что-то не получалось, и в Америку начинали вереницей везти гробы с американскими парнями. А когда эти парни тысячами убивали каких-то там корейцев или вьетнамцев, большинству до этого просто не было дело. Убивают, значит, этого требуют интересы Америки! Их так и называли — молчаливое большинство. А для тех немногих, у кого была совесть и смелость протестовать, хватало тюрем.

— Ты их не любишь, — заметил Олег.

— А не за что их любить, — ответил я. — Отдельные американцы могут быть замечательными людьми, а вся нация... Их мало кто любил, в основном ненавидели, завидовали или боялись. Они жили за счет других, ввергая в войны и беспорядки те страны, которые считали для себя опасными. А из тех, кого удалось подмять, а таких было много, тянули все соки. Все богатства таких стран уходило у их народов, как песок сквозь пальцы, чтобы безбедно существовали эти... Ладно, не хочу о них говорить.

— А яд — это все равно дрянь!

— Может быть, — согласился я, — но в покинутой мной реальности на наши города были нацелены и ракеты с такими ядами. В конце концов, неужели ты считаешь, что мгновенная смерть от яда страшнее, чем мучительная смерть в огне от взрыва? Какая для человека разница, чем ты его убьешь? И не нужно мне говорить, что нельзя обстреливать города. Если к нам придут американцы, орудия их кораблей обстреляют города, а авиация будет их бомбить. В этом логика войны. Мало убить солдат и уничтожить танки. Рабочие сделают другие машины, а правительство найдет солдат. А если ты посеешь в народе страх, нарушишь управление и разбомбишь заводы, ты тем самым разрушишь врагу тыл и быстро выиграешь войну. Война ведется не с армией, а с народом, поэтому и страдать будет народ.

— А почему Сан-Франциско? — спросил он.

— Надо показать силу, — объяснил я. — Уничтожим их корабли и пустим одну или несколько ракет. Ставится задача не убить как можно больше людей, а показать свои возможности, поэтому яда, наверное, не будет, обойдемся взрывчаткой.

— Аляска?

— Аляска, — подтвердил я. — Дело даже не в самой земле, которая когда-то была нашей — у нас своей девать некуда — а в самом факте нашего присутствия. Не только они могут повсюду наводить свои порядки, найдется и на них управа! Пусть попробуют пожить бок о бок с сильным соседом.

— Хорошо, ракеты, — сказал он. — Будет что-то еще?

— Будет много нового, — ответил я. — Что-то мы оставим только для себя, другим поделимся с остальными. Извини, мне тебе об этом очень сложно рассказывать.

— О чем беседуете? — спросил подошедший Андрей.

— Рискнул бросить женщин? — спросил я. — Не утонут?

Через неделю после прибытия он начал обращаться ко мне на ты, ну и я ответил тем же самым. Елена на наше панибратство не обратила внимания, а Александру оно удивило. Но она удивлялась недолго, и в тот же день женщины последовали примеру своих мужей.

— Не хотят они выходить из воды, — ответил он, занимая третий лежак, — а мне уже надоело. Так о чем говорили?

— О ядах, — ответил Олег. — Ты о них знал?

— Нашли тему для разговора, — удивился Андрей. — Не вздумайте говорить об этом при женщинах.

— Значит, знаешь, — сделал вывод Олег. — Отец был в Братстве, поэтому тоже должен знать. Один я среди вас незнающий.

— Узнал бы и ты, — ответил Андрей. — Сейчас ты не сможешь дать правильную оценку.

— Яд — это мерзость, а города бомбить нельзя, — повторил я слова Олега. — А если бы не было этого яда в европейских городах, ты бы сейчас не грел здесь пузо. На нас бы навалились Англия, Франция и Германия. Думаешь, мы выстояли бы? Я в этом сильно сомневаюсь. Не знаю, посвящали тебя в это или нет, но они после победы хотели сократить численность нашего населения в десять раз. И сократили бы, пусть и не сразу. Добро, сочувствие, человечность — эти качества уместны в общении между людьми, государства общаются между собой по-другому. Я потому никогда не любил политику. Большинству политиков наплевать не только на чужие народы, но и на свой собственный. Они служат верхушке общества и своим собственным интересам.

— Отец печется о благе народа! — с негодованием сказал Олег. — Не думал, что ты так циничен!

— Печется, — согласился я. — Он правитель не из худших. Но народ — это такая разношерстная масса людей, что печься обо всех трудно. Он тоже больше печется о тех, кто ему ближе и составляет основу власти. Я не циник, просто я много видел и знаю. Придет время, и ты тоже станешь таким циником.

— Слушай то, что тебе говорит умный человек, — насмешливо сказал Андрей, — сам станешь умнее. И присмотришься к тому, что и как делает отец. Он тоже от многих зависит и не все делает так, как хотел бы. А вообще, прекращали бы вы здесь эти разговоры. Вернемся в Москву, тогда можете портить друг другу настроение, а мне его здесь портить не надо. Алексей, ты слушал радио? Что в Америке?

— Выбирают, — ответил я, — и будут заниматься этим увлекательным делом еще дней десять. Демократы по всем прогнозам проиграют. Военная риторика немного притихла, но война — дело решенное, оба кандидата включили ее в свои предвыборные обещания. С

англичанами, похоже, опять ни до чего не договорились, хотя ругани в их адрес почти нет.

— И какой у тебя прогноз по военным действиям?

— Сам не хотел говорить о политике и затеял этот разговор, — недовольно сказал я. — Опасаюсь я делать прогнозы, что-то они у меня в последнее время не сбываются.

— А все-таки?

— Воевать одним флотом полезет только идиот, — ответил я. — Я американцев идиотами не считаю, поэтому они обязательно будут где-нибудь собирать ударную армию и накапливать резервы. Быстро все это через океан не перевезешь, поэтому раньше мая не начнут. В Европе никто не захочет оказывать им помощь, поэтому воспользуются колониями в Африке. Наиболее удобным мне представляется Алжир. От него рукой подать до французского побережья, а нам или немцам туда долго вести флоты. Кроме того, если они его захватят, для наших кораблей не будет нормальных баз снабжения. Все страны постараются отмежеваться от конфликта, поэтому помощи ни от кого не получим. И у янки будет авиационное прикрытие.

— И как они, по-твоему, будут действовать? — спросил Олег.

— Я бы выгружал все на атлантическом побережье Марокко, — сказал я. — Там есть порты, а расстояние до побережья Американских штатов по прямой примерно пять тысяч километров. Не знаю, что там понастроили французы, но хорошие дороги должны быть, конечно, не через Сахару, а ближе к побережью. Вот ими все и возить. Порты Марокко в Средиземном море пока заняты испанцами, но их навалом в Алжире. Песка и воды достаточно, нужно только завезти цемент, а работать американцы умеют. Я думаю, что к зиме там будет достаточно аэродромов. Перегонят самолеты, и можно подтягивать флот. Англичане не закроют им проход.

— Пять тысяч километров не пролетит ни один самолет, — заметил Андрей.

— Варианты есть, — подумав, сказал я. — Можно с дозаправками лететь вдоль Южной Америки, а потом пересечь океан в самом узком месте. Гвинея занята американцами, а в нее без боеприпасов долетит любой самолет. Это я говорю о тяжелых бомбардировщиках, все остальные самолеты легко перевезут авианосцы. Можно лететь через Канаду с дозаправкой в Норвегии или Англии, но это рискованно. Одним словом, они найдут способ все переправить.

— А прогноз по войне? — спросил Олег.

— Я вам не Кассандра! — рассердился я. — Единственное, что могу предсказать без ошибки, так это то, что будет море крови. Американские штаты сильнее во всех отношениях, но им придется все возить через океан, а это нелегко, особенно в непогоду. А у немцев с французами все под рукой. В этом их сила и их слабость.

— Объясни, — попросил Андрей, — что ты имеешь в виду.

— Когда все под носом, войска ни в чем не испытывают нужды, — ответил я. — Это должно быть ясно. Но американцы смогут бомбить заводы и города империи, а вот кайзер не сможет им этим ответить. Это громадное преимущество, которым американцы пользуются всю свою историю. Все войны где-то на стороне, а у них дома никаких разрушений. И у европейцев будет еще одна сильная сторона, даже две. Первая — это то, что они дерутся за свою землю, а вторая заключается в том, что они неплохо это умеют делать. Из американцев хреновые вояки. Навалиться всей силой на более слабого противника — это они могут, а на то, чтобы долго воевать с сильным, их не хватает. Может быть, родную Америку защищали бы изо всех сил, не знаю, но здесь так воевать не будут. Для немцев с французами главное —

это выдержать первый удар и нанести янки как можно больший урон. Женщины идут.

Действительно, нашим русалкам тоже надоело сидеть в воде, и они решили присоединиться к нам.

— Скучные вы люди! — сказала подошедшая первой Вера. — Загорать можно и в Москве, а такой воды там не будет.

Она легко подняла один из лежаков и поставила его рядом с моим.

— Рыбий хвост еще не вырос? — спросил я. — Вода замечательная, как и все здесь, но нельзя же в ней сидеть полдня.

— Я бы сидела, — сказала Александра, устраиваясь на лежак рядом с мужем. — У нас никогда не было такой воды. Даже летом она прохладная и какая-то темная, с этой сравнить нельзя. Я бы отсюда никуда не уезжала. Жаль, не взяла краски, а то обязательно нарисовала бы эту красоту!

— Не вылезая из воды, — пошутил я. — Здесь хорошо летом, а в другое время ветрено и море часто штормит. И рисовать море тяжело, это получается не у всех художников.

— Скучно так лежать, — сказала Елена. — Алексей, расскажите еще что-нибудь о сыщике.

Вера сболтнула о том, как я развлекал семью рассказами о Шерлоке Холмсе, и теперь мне приходилось время от времени всех развлекать. Им нравилось, а для меня это было довольно утомительно и скучно.

— Давайте отложим на вечер, — сказала жена, которая увидела выражение моего лица и решила помочь. — Под таким солнцем не хочется ничего, даже работать языком. Нескоро нам удастся так отдохнуть. Сколько мы еще здесь пробудем?

— Если ничего не случится и не вызовут в Москву, то можем здесь отдыхать до конца июля, — сказал Андрей, — или пока самим не надоест, но вам, я вижу, это не грозит.

— А тебе уже скучно? — спросила Александра.

— Разве можно соскучиться, когда с нами Алексей? — засмеялся он. — Он полон талантов и сюрпризов. Если наскучат развлечения, поговорим о жизни или займемся политикой.

— Откуда вы столько всего знаете? — спросила меня Александра. — Вы для меня человек-загадка. Юноши в вашем возрасте столько не знают и так себя не ведут. И к вам почему-то у всех серьезное отношение. Сочинителя песен и книг могут уважать и любить, но отношение будет другим, а с вами даже советуется император. Когда вы со мной говорите, у меня такое чувство, что я говорю с много прожившим человеком.

— Я думаю, что их можно посвятить в твою историю, — сказал мне Андрей. — Дальше нашей семьи это не уйдет. Если узнают, то не от нас. Ты же уже многим говорил?

— Лично я — не многим, но сколько человек знают в Братстве... — я пожал плечами. — Если всех собрать, полсотни точно будет. И еще есть знающие среди инженеров, но таких немного. Я тоже думаю, что можно удовлетворить женское любопытство. Умеете хранить секреты?

— Если скажете никому не говорить, я буду молчать, — пообещала Александра.

— Я тоже не скажу, — добавила Елена.

— Писать родным об этом тоже нельзя, — предупредил я и очень коротко рассказал то, что уже знали их мужья.

Все равно знания обо мне потихоньку расползались, и озвученная цифра в пятьдесят человек, наверное, была занижена в два-три раза. Так что я рисковал не многим, а

доверительности в наших отношениях сразу прибавилось. Если учесть, что Александра лет через десять станет императрицей, это было нелишним. Дожить бы еще до того времени.

Вчера была ветреная холодная погода и, видимо, Рейтерна продуло, когда он шел домой. Много ли нужно человеку в его возрасте. Ведь предлагал я ему вызвать машину. Обычно он приходил на службу раньше меня, хотя ему было долго добираться до дворца, а я в нем жил. Сегодня комната оказалась запертой, и мне пришлось открывать ее своим ключом, а потом самому идти за отчетами к секретарю. Перед тем как я это сделал, позвонил Николай Михайлович и простуженным голосом отчитался о высокой температуре.

— Ничего, — сказал мне секретарь императора, — сейчас я позвоню в министерство, и нам пришлют замену.

Замена появилась через час. Молодой мужчина моего роста с большими залысинами и очками в тонкой золотой оправе поздоровался, отдал мне предписание и, получив свой отчет, сел с ним знакомиться. На этом изменения в привычной текучке не закончились. Я не успел просмотреть половину отчета, как в дверь постучали, и появился Шувалов.

— Только не говорите, что мне нужно куда-то переселяться! — с показным страхом сказал я ему после приветствия. — Я в такую погоду никуда не поеду, так и знайте!

— Я по другому поводу, — засмеялся он. — Молодой человек, я вас попрошу ненадолго выйти: дело государственной важности.

Чиновник из министерства финансов поспешно собрал свои бумаги и вышел.

— Я к вам опять за консультацией, — сказал Петр Павлович. — В этой тетради с полсотни вопросов, которые накопились по разным темам. Посмотрите, может, с чем-то сможете помочь. Мы их, наверное, решим и сами, но время...

Я быстро перелистал несколько исписанных тетрадных листков, делая пометки на полях.

— На двенадцать вопросов могу дать подробные объяснения, — сказал я, поворачивая к нему тетрадь. — Против них стоят крестики. По семи другим могу сказать совсем мало, а по остальному, извините, ничем помочь не могу.

— Это же прекрасно! — обрадовался он. — Я на такое не рассчитывал. Сколько вам понадобится времени?

— Много, — ответил я. — Сейчас закончу с отчетами и займусь вашими вопросами, но вряд ли успею до конца дня, так что вам лучше прийти завтра. Только, Петр Павлович, с вас магарыч! Что на меня так смотрите? Мне не нужна водка. Расскажите хоть в двух словах, чего удалось достичь.

— В двух словах, — усмехнулся он. — О наших делах мне вам больше рассказывать, чем вам писать ответы. По вашим темам работают двенадцать тысяч ученых и инженеров. Работало бы и больше, но их пока негде взять. Мы ведь берем в проект не всех подряд и на таких условиях, что не все соглашаются. Сейчас задействованы тридцать два завода и будут строить еще полсотни. Кое-что для нас делают университеты и государственные лаборатории. Придется увеличивать добычу угля и выпуск стали, нужен алюминий, и не хватает электроэнергии. Работают много людей, но реальные результаты по большинству тем будут только через несколько лет. Но зато потом все должно сильно ускориться.

— Но есть хоть какой-то выход? — спросил я. — Радиолокационные станции для флота уже должны делать.

— Делают, — подтвердил он. — К лету они должны стоять на всех кораблях

Черноморского флота. На очереди Балтийский и Тихоокеанский, но туда их нужно меньше, так что быстро управимся. Подобные же станции делают для дальнего обнаружения самолетов. В хорошую погоду самолет засекают за сто километров. В первую очередь сделаем два десятка для союзников, а потом будем делать для себя. Ваших транзисторов разработали уже два десятка, но станции пока делаем на лампах. На выходе ручные противотанковые гранатометы и системы залпового огня. Ракеты с твердым топливом получились настолько хорошо, что их будут ставить на корабли и самолеты. При стрельбе на дистанцию до десяти километров получили довольно высокую точность. При больших дистанциях стрелять можно только по площадям. С зенитными ракетами все еще в самом начале. Слишком много вопросов и почти нет опыта, но люди работают с энтузиазмом. Ну и по другим темам примерно то же самое. Решат один вопрос — возникают два других. Да, в войска начали поступать ваши автоматы. Их наделали много, и задержка была из-за патронов. Их хватало только на тестовые стрельбы, но два месяца назад наладили производство, а за три года думаем перевооружить автоматами всю армию. Назвали АК, но без расшифровки.

Он ушел, а я быстро досмотрел отчет, не нашел в нем ничего такого, чтобы писать замечания, и отнес секретарю. Когда вернулся, чиновник уже работал на том месте, откуда его согнали. Я до обеда писал ответы в тетрадку, а потом пошел за женой. Ольга уже жила с мужем, а родители чаще всего ходили обедать отдельно от нас. Когда мы вернулись с обеда и подошли к входным дверям, за ними непрерывно звонил телефон.

— Князь, убит канцлер! — услышал я в трубке взволнованный голос секретаря. — Идите в свою комнату и там сидите. Его величество сказал, что может вас вызвать в любую минуту.

— Вяземского убили, — сказал я в ответ на вопросительный взгляд жены. — Мне нужно быть на своем месте.

Захватив с собой тетрадь Шувалова, я отправился в свою служебную комнату. Я почти не знал канцлера, видел его раз пять и два раза с ним разговаривал, поэтому никакого горя не испытывал, только понятное беспокойство. Но я ничего не знал, кроме факта смерти, поэтому не стал попусту об этом думать, а занялся вопросами. Работал с час, пока не вызвал император. У него в кабинете сидели двое: Апраксин и какой-то пожилой мужчина в цивильном костюме с густыми, зачесанными назад волосами и неприятным взглядом серых, немного выпученных глаз.

— Вас здесь все знают, — сказал мне Владимир Андреевич, — а этот господин — командир корпуса жандармов генерал-лейтенант Николай Владимирович Дедюлин. Генерал, расскажите ему обо всем, только покороче.

— Видимо, у канцлера был заминирован автомобиль, — сказал мне Дедюлин. — Когда он сел в него вместе с двумя охранниками и отъехал от гаража на полсотни метров, прогремел взрыв. От автомобиля почти ничего не осталось, а тех, кто сидел в его салоне, пришлось собирать по частям. Был тяжело ранен один из двух казаков, которые охраняли ворота, хотя он находился от взорвавшейся машины в сорока метрах. Второго взрывом только контузило.

— Что можете сказать? — спросил меня император.

— А что я могу сказать? — удивился я. — Я не знаю, кто и как охранял Вяземского и как охранялся гараж. Заложить в машину большое количество взрывчатки мог только кто-то из своих или наемные работники. Это нужно разбираться, и не мне, а специалистам. Могу

рассказать о том, как охраняли руководство, чтобы впредь не было таких покушений. Он ведь ездил на бронированном «медведе»?

— Да, у него была такая машина, — подтвердил жандарм.

— Нужны две машины, — сказал я, — причем канцлеру или другому высокому лицу надо их регулярно менять. Стекла должны быть темные, или закрытые шторками, чтобы не было видно, кто в салоне. И главное — эти машины нужно охранять так, чтобы они ни минуты не оставались без присмотра. Лучше, если это будут делать два охранника из разных ведомств. Да и вообще нужно проверить всю систему охраны, вашей в том числе. Если начались такие покушения...

— Напишите все, что помните по организации такой охраны, — приказал мне император. — И опишите удавшиеся покушения, если они были.

Я попрощался и ушел писать. Поскольку мне не дали отбой, домой я не пошел. Придется Шувалову с его вопросами подождать. Я никогда специально не интересовался ни охраной первых лиц, ни покушениями на них, но вспомнить удалось довольно много. Отдав исписанные листы секретарю, я с чувством выполненного долга вернулся в свои комнаты.

— Что там случилось? — спросила жена, стоило мне появиться на пороге.

Я ей очень кратко рассказал.

— Какой ужас! — сказала она. — Борис Леонидович был замечательным человеком. Как ты думаешь, кто это мог сделать?

— На разборки в правительстве не похоже, а бомбометатели здесь давно перевелись, — ответил я, — поэтому у меня всего три версии. Или это кто-то из руководства Братства, или англичане с американцами. Лично я склоняюсь к англичанам. Есть еще хилая версия, что так с ним рассчитались социал-демократы за то, что Братство их подставило при убийстве императорской семьи.

— А зачем взрывать, Леш? Неужели нельзя было просто выстрелить? Наверное, при взрыве погибло много людей.

— На первый взгляд это кажется дуростью, — сказал я. — Я вначале тоже примерно так подумал, а теперь считаю, что план с взрывом очень неплох. Канцлер разъезжал в бронированной машине, которую не прострелишь очередью из автомата. Из хорошей винтовки может получиться, но попробуй попасть в того, кого нужно, в быстро движущемся закрытом автомобиле. А покидал он его на охраняемой территории. Если куда и ездил, где можно было расстрелять, то редко и нерегулярно, поэтому засаду не сделаешь. Убить любого не очень трудно, если убийца не дорожит своей жизнью, но у таких психов покушения получаются редко, а профессионалу главное — это позаботиться о собственной безопасности. Если охрана гаража была плохой или вовсе отсутствовала, не так трудно заминировать машину. Дверцы запирают, поэтому взрывчатку примотали снаружи, засунув ее под днище. А поскольку это бронированная машина, и шасси на ней не прошибешь из пулемета, взрывчатки не пожалели. Пусть из этого случая делает выводы Апраксин, а мы свои тоже сделаем. Покушения на первых лиц — это очень естественный ход перед войной, особенно в монархическом государстве. До канцлера было легче дотянуться, его первым и убрали.

— Хочешь сказать, что теперь могут последовать покушения на семью императора? — испугалась Вера.

— Могут, — ответил я. — Надо будет поговорить с великими князьями, а то они себя ведут слишком легкомысленно. Все эти казаки и лейб-гвардия хороши на параде и в бою,

как телохранители они ничего не стоят. Жандармы малость получше, но и от них мало толку. Если бы я взялся за организацию покушения, не напрягаясь, убил бы всех. Их апартаменты охраняются только ночью, днем туда может войти кто угодно, а женщины часто одни. Да и по коридорам они все ходят без охраны, включая императрицу. Охраняют одного Владимира Андреевича, да и то... Смертник легко расстреляет его вместе с охраной, да и взорвать не так сложно.

— Как взорвать? — не поняла жена. — Его комнаты и кабинет круглосуточно охраняют.

— Взрывчатку можно положить даже в одну из тех папок, которые он просматривает, — пояснил я. — Они тяжелые и вложенные двести граммов взрывчатки будут незаметны. Открыл папку и конец! В лучшем случае останется калеккой, а то и вовсе погибнет. Это я придумал навскидку, возможностей много. В другой реальности чего только не придумали, а что применяют здесь, я не знаю. Надо будет справиться у отца. Я на всякий случай записал все, что вспомнилось.

— А ведь о нас тоже узнают? — сказала Вера. — Тоже будут убивать?

— Обязательно узнают, — подтвердил я. — Только я не стал бы убивать, нет в этом смысла. Все, что я знал, я уже давно выложил. На самом деле не все, но этого никто не знает. Нас я бы похитил. Хотя могут поступить не по-умному. Нужно быть осторожней и не подставляться. И родителей нужно предупредить. Надеюсь, что ни у кого не возникнет мысль воздействовать на меня через сестру.

— У него большая фантазия, — сказал Дедюлин Апраксину. — Придумать такое! Конверт с ядом!

— Эти бумаги нужно немедленно засекретить, — приказал Петр Николаевич. — Будем с ними знакомить лишь тех, кому это положено для работы. А вы, Николай Владимирович, запомните, что этот молодой человек не выдумывает ничего, кроме своих книг. Относитесь ко всему, что от него исходит, с вниманием. Эту, как вы выразились, выдумку очень просто организовать. Мне она в голову не пришла, вам — тоже, а кому-нибудь из наших противников может прийти. А наша с вами задача — перекрыть им все лазейки и не дать ни малейшего шанса. Организуйте круглосуточную охрану всех помещений членов императорской семьи и их самих. И сделать это нужно в соответствии с рекомендациями, я не увидел в них ничего неразумного. Все сразу не получится, но постарайтесь уложиться в три-четыре дня. И набирайте отряд телохранителей. У нас есть люди с опытом, пусть займутся их обучением. Вы знаете кого-нибудь, кто изучает азиатские стили боя?

— Я что-то слышал о японской борьбе ногами, — ответил Дедюлин. — Вы же знаете, что у нас повсюду французская борьба и бокс. Есть еще вольная борьба, но ею занимаются меньше. Наши офицеры предпочитают бокс. А азиатские стили... может, справиться в министерстве иностранных дел? Их чиновники подолгу живут в странах Азии и должны знать.

— Справьтесь, — согласился Апраксин, — только толку от этого... Даже если вам что-то скажут, сами они вряд ли владеют этой борьбой.

— А почему вы этим заинтересовались? — спросил Дедюлин. — Неужели из-за записей?

— Князь Мещерский — знаток такой борьбы, — ответил Апраксин, — и обучил свою жену, а она по приказу императора занимается с великими княгинями. Только вы об этом

молчите. У меня был разговор о Мещерском с графом Шуваловым, так он видел их тренировку и был поражен. По его словам, княгиня может отбиться от нескольких сильных мужчин. А она на голову ниже вас и в два раза меньше весит. Нашим офицерам совсем не помешало бы так владеть телом.

— А стоит ли? — выразил сомнение Дедюлин. — Чудес не бывает, и если княгиня действительно так дерется, — это результат многолетних и каждодневных усилий. Еще и не у всех, наверное, получится. Зачем такое, если есть оружие? Мы от своих офицеров и бокса не требуем, сами занимаются.

— Поговорим с Мещерским и посмотрим, — решил Апраксин. — Он зря писать не станет. Если это изучали даже в специальных войсках...

— Кто же он такой, Петр Николаевич? — спросил Дедюлин. — И о каких войсках вы говорите?

— Пожалуй, вам это нужно знать, — сказал Апраксин. — Пока им занималось третье делопроизводство, но не исключено, что охрану его семьи поручат вам. Пойдемте, я вам дам его дело. Читать будете в моем кабинете. Этот молодой человек — один из секретов империи. К сожалению, число лиц, посвященных в его историю, постоянно растет, и недалек тот день, когда секрет перестанет быть секретом для наших союзников и врагов. И тогда его придется охранять так, чтобы не похитили, или убить, если охрана не удастся.

Со мной созвонились заранее. Звонил сам Апраксин.

— Мой звонок по поводу ваших рекомендаций. Нет, по телефону я ничего обсуждать не буду. Просто было бы желательно посмотреть вашу борьбу. Когда можно подъехать с моими людьми? Было бы очень хорошо, если бы на этой встрече присутствовала ваша жена.

— У нас обоих много свободного времени после трех часов, — ответил я. — Это устроит? Если нужно раньше, я могу отпроситься.

— Это нормально, — сказал он. — Мы у вас будем сегодня в половине четвертого.

Этот разговор был перед обедом, поэтому я не стал звонить жене, сказал, когда собирались обедать.

— Сегодня сильно не наедайся. Через два часа придет Апраксин со своими головорезами и нам с тобой придется драться. А, может быть, драться будем с ними. Я им расхвалил азиатские стили боя, а здесь сейчас ничего такого не практикуют. Если и есть знатоки, попробуй их найти. Удивишь министра?

— Я могу не есть совсем, — ответила Вера. — Только, Леш... Если удивлять, то драться придется по-настоящему — в полную силу. Если они не сумеют защититься, я ведь могу покалечить.

— Таких жертв не нужно, — засмеялся я. — Съешь половину обычной порции, за два часа все уляжется. А насчет покалеченных... Это нужно для дела, так что потерпят. У них, наверное, такие лбы, что даже ты не причинишь им больших травм.

Мы сходили пообедать и, вернувшись к себе, расположились в гостиной. Я мог бы назначить Апраксину встречу на более раннее время, но тогда пришлось бы совсем не обедать или прыгать с полным брюхом. Вера немного посидела со мной, а потом ушла в спальню читать книгу, а я с час слушал новости, несколько раз поменяв станции. Новостей было мало. У нас шли патриотические передачи и клеймили грязных убийц Вяземского. Новый канцлер, которым стал граф Иван Павлович Шувалов, заявил, что виновные будут найдены и наказаны по всей строгости закона. Может, и в самом деле найдут: сыск здесь

работал хорошо. У союзников радиостанции продолжали на двух языках поносить американцев, но я не услышал ни одного ругательства в адрес англичан. Американцы вышли на финишную прямую с выборами, и весь остальной мир на время перестал для них существовать. Понятно, что они продолжали готовиться к войне, но оценить такую подготовку можно было только косвенно по активности в их портах.

В три мы надели кимоно и совместными усилиями убрали лишнюю мебель в гостиной. Комната была громадной, и нам для тренировок места хватало, но для коллективной драки его лучше было приготовить побольше. Гости прибыли ровно в половине четвертого. Вместе с Апраксиным приехал уже знакомый мне Дедюлин, вслед за которым вошли трое крепких молодых мужчин в гражданских костюмах, но с военной выправкой. Веру познакомили с Николаем Владимировичем, а его подчиненных нам представлять не стали.

— Тренировочные костюмы, — ответил я на вопрос Апраксина, во что это мы одеты. — Они не стесняют движений, да и не так жарко заниматься, как в обычной одежде. Что бы вы хотели посмотреть?

— Мы беседовали кое с кем из чиновников министерства иностранных дел, — сказал Дедюлин. — Все они расхваливали азиатскую борьбу, хотя никто ее не видел, только о ней читали или слышали. Хотелось бы увидеть, что это такое.

— Давайте мы вам покажем небольшую схватку, а потом продемонстрируем на ваших людях, — предложил я. — Вы ведь их с собой для этого захватили?

— И для этого тоже, — усмехнулся он, — но, вообще-то, это охрана.

— Вот мы ее и проверим, — сказал я. — Но сначала попробуем сами. Садитесь на стулья у стены, так будет больше места, и лучше увидите.

Мы уже давно отрепетировали небольшую схватку на тот случай, если кому-то придется демонстрировать свои способности. Теперь такой показ стал более зрелищным и ничем мне не грозил. По лицам наших зрителей догадаться о впечатлении было трудно: их выражение осталось прежним.

— Давайте теперь жена разберется с вашей охраной, — сказал я Апраксину. — Пусть достанут и разрядят оружие, а потом попробуют ее отконвоировать. Только оружие я проверю лично, а то мало ли что.

Проверка получилась убедительной и никого не оставила равнодушной. Все три жандарма с разряженными револьверами обступили жену, но оружия на нее никто не направил. По-моему, им было стыдно угрожать такой малышке даже понарошку. Наш спарринг они всерьез не приняли, а Веру противником не считали, за что и поплатились. Я специально выставил ее, а не пошел сам. У меня бы на троих не хватило скорости, она с ними справилась. Жена посмотрела на смущенных мужчин, а что случилось потом не смог отследить даже я. Схватка длилась меньше двух секунд, к тому же смотреть мешали жандармы. Но результаты были впечатляющими. Двое, постанывая, лежали на ковре, а третий потерял сознание. Все трое были без оружия, которое пришлось собирать по всей гостиной.

— Кажется, никого не убила, — сказала Вера Апраксину. — Это не враги, поэтому я не была в полную силу и не могла наносить удары в опасные места, например, в горло. Я думаю, что они быстро придут в себя.

— Если честно, я ничего не увидел, — сказал в ответ Петр Николаевич. — Вы сколько тренировались, княгиня?

— Больше двух лет, — ответила она. — И продолжаю тренироваться, хоть уже и не так

много. Но муж говорит, что у меня талант к бою. Другим нужно гораздо больше времени.

— И как это сообразуется с подготовкой войск? — спросил Дедюлин. — Три–четыре года гонять бойца, а потом его демобилизовать? В армии от таких пользы мало, а на гражданке от них будет много проблем.

— В армии такая подготовка не нужна, — ответил я, помогая подняться одному из пострадавших. — В тех войсках, о которых я упомянул, солдат учат рукопашному бою упрощенно. Но и это позволяет им выполнять сложные задания меньшим числом. А ребят в них подбирайте таких, чтобы потом с ними не было проблем, о которых вы говорили. Серьезная подготовка нужна офицерам элитных частей и вашим специалистам, которых будете использовать для охраны первых лиц или задержания особо опасных преступников. Не во всех случаях это поможет, но во многих. Господа, у нас пустует соседняя комната, поэтому прошу вас туда ненадолго пройти.

Начальство не возражало, поэтому уже немного пришедшие в себя жандармы вышли в комнату, в которой раньше жила сестра.

— Николай Владимирович в курсе? — спросил я Апраксина.

— Да, он о вас все знает, — ответил Петр Николаевич. — Можете при нем говорить на любые темы.

— Тема у меня сегодня одна — это спорт, — сказал я. — Я не знаю, что с ним было в империи в другой реальности, но здесь его просто нет. Я не считаю профессионалов и немногочисленных любителей. В школах и гимназиях нет уроков физкультуры, а любительскому спорту нет никакой государственной поддержки.

— А почему мы должны его поддерживать? — не понял Апраксин. — Мне непонятно, князь, почему вы придаете такое значение спортивным занятиям.

— По многим причинам, — ответил я. — Во–первых, с ними напрямую связано здоровье населения. Когда-то это не было важно, но жизнь изменилась, и многие теперь себя ничем не нагружают, причем для дворян это особенно актуально. Я вышел из гимназии таким хилляком, что потом пришлось полгода приводить тело в порядок. Со временем появятся проблемы у армии, да и у вас. Кроме того здесь очень скучно жить.

— А как ваша скука связана со спортом? — спросил Дедюлин.

— Спорт это не только здоровье, но и зрелищные мероприятия, — объяснил я. — В другой реальности на футбольные матчи на громадные стадионы собирались десятки тысяч зрителей, а всем желающим их показывали дома. Скоро и здесь у многих дома будет небольшой кинотеатр, в который можно будет передавать изображение по радио. И что по нему будут показывать? Проповеди и хронику императорского двора?

— Вы что-то имеете против таких передач? — прищурился Дедюлин.

— Не надо мне приписывать того, что я не говорил! — ответил я. — Передачи должны быть разные, в том числе и такие. Мы до сих пор не участвуем в олимпиадах, как какие-то дикари! А это и зрелища, и пример для молодых, и честь нации! Я понимаю, что сейчас не до олимпиад, но войны закончатся, а спортсмены у нас не появятся сами. Их нужно воспитывать с детских лет. Мне, вообще-то, странно доказывать вам важность спорта.

— Допустим, вы нам ее доказали, — сказал Апраксин, — и что дальше?

— А дальше я хочу, чтобы вы взяли шефство над спортом в империи. Что так удивляетесь? Вы знаете, что я могу с этим пойти к императору, и, скорее всего, получится его убедить. Но почему этим не заняться вам? Вам, Петр Николаевич, это будет сделать легче, чем многим другим. Вам не придется ничего продавливать: и в министерстве

народного просвещения, и в финансовом вам пойдут навстречу, а высокий авторитет полиции станет гарантом того, что вас поддержат и в народе.

— Я подумаю над вашим предложением, — кивнул Апраксин, — а теперь давайте поговорим о том, как помочь нам.

— Я напишу конспект с рисунками, — вздохнув, ответил я, — а потом буду приезжать и показывать все движения и указывать на ошибки, а учиться будете сами. Нужно подготовить просторное и хорошо проветриваемое помещение и покрыть его коврами или матами. Подберите группу из двух–трех десятков офицеров из тех, у кого хорошая физическая форма и в достатке настойчивости и терпения. Надо еще будет изготовить тренажеры, но это не к спеху.

— Это хорошо, — довольно сказал Дедюлин, — мы все сделаем, созвонимся и приедем за вами машину. Не скажете, почему так тяжело вздохнули? Не хотите этим заниматься?

— Надоело писать, — откровенно ответил я. — Если бы вы знали, Николай Владимирович, сколько я всего написал за последние два года! Посмотрите, не палец, а мозоль. Для меня будет несложно заняться с вашими людьми, но на будущее могу посоветовать договориться в Китае с кем-нибудь из мастеров, которые смогут уделить им гораздо больше внимания. Муравьев окажет вам такую услугу.

— Откуда взяли эти сведения? — спросил Черчилль.

— У нас в России много своих людей, — ответил секретарь разведывательного комитета Денис Райт. — Мы не только восстановили численность своей агентуры, но и приобрели среди чиновников российских министерств несколько ценных информаторов. Все, что здесь изложено, подтверждено другими источниками и может считаться достоверным.

— Я почитаю, — сказал премьер–министр, — а сейчас коротко расскажите, что важного в вашей подборке.

— Я думаю, что в ней все важно, сэр, — настойчиво сказал Райт, — иначе этих бумаг не было бы на вашем столе. Но если коротко... Русские получили огромные средства из-за отказа платить по долговым обязательствам и национализации иностранной собственности и большую их часть пустили на развитие электроники, производство стали, электроэнергии и многого другого. За государственный счет строятся десятки новых заводов и шахт, большие работы проводятся в дорожном строительстве. Но это, на мой взгляд, не главное. У них развернулись беспрецедентные по размаху научные исследования. Повсюду ищут и привлекают к работе ученых и инженеров нужных специальностей. Все работы ведутся в обстановке строгой секретности, поэтому удалось узнать очень мало.

— Но все-таки что-то узнали? — спросил Черчилль.

— В основном от тех же чиновников, — ответил Райт. — Все эти работы связаны с вооружениями, причем разрабатываются многие виды оружия, которых пока ни у кого нет. Конкретных сведений по ним получить не удалось. Единственное, что узнали, касается радиолокационных станций и ручного автоматического оружия. Станции в большом количестве изготавливают на двух заводах. Ими сейчас оснащают флот, а более мощные используют для дальнего обнаружения самолетов. Подробностей по ним тоже нет.

— Что еще известно?

— Дума распущена, а когда будут выборы следующей, не сообщалось. Но русские — это не американцы, так что они не будут спешить с выборами. Это для нас плохо по двум

причинам. Во-первых, среди депутатов было много наших людей, а, во-вторых, император может издавать указы, ни перед кем не отчитываясь. Он уже начал этим заниматься. Указ об усилении ответственности за государственную измену был одним из первых. Он может сильно затруднить нашу работу.

— Что еще интересного по России? — спросил Черчилль.

— Подборка самых разных фактов. Русские начали строительство мощной электростанции вблизи своих крупных газовых месторождений. Возле нее построят около десяти заводов. Есть сведения, что где-то в Сибири строятся закрытые города для ученых. В ряде крупных университетов в следующем году в два-три раза увеличат набор по техническим специальностям. Они вообще хотят провести реформу образования и сделать его всеобщим.

— Что с расследованием убийства их канцлера?

— Нашего человека вывезли, а всех остальных зачистили, поэтому расследование ничего не даст. Но повторение подобных акций под большим вопросом из-за принятых мер безопасности.

— Что-то еще? — спросил Черчилль.

— Мы пытались разобраться с руководством Братства, кто и какое место занимает в системе власти. При этом всплыл младший князь Мещерский.

— Имя мне кажется смутно знакомым. Напомните, где я его мог слышать.

— Это тот молодой человек, который написал статью о наркотиках и сорвал принятие нужного нам закона, — сказал Райт. — Братство его выдернуло в последний момент из-под носа у французов и где-то прятало вместе с семьей. Но я заговорил о нем по другой причине. Этот юноша, которому всего двадцать лет, обласкан императором несоразмерно заслугам. Здесь и награды, и очень высокие чины, и проживание во дворце. Вряд ли это связано с его книгами или песнями...

— Он еще и поет? — удивился Черчилль.

— Поет вместе с женой и недурственно. Очень странная манера исполнения, которой многие стали подражать, даже у нас. По слухам, он очень близок с наследником и его братом, а его жена дружит с их женами. Тот же источник утверждает, что император лично советуется с Мещерским по всем важным вопросам, для того и держит его под рукой.

— С двадцатилетним юношей?

— Кроме того, Мещерские были единственными, кто поехал отдыхать этим летом в компании великих князей. Мы заинтересовались теткой Мещерского и натолкнулись на интересный факт. У нее под Москвой есть дворец, в котором вроде бы до переезда в резиденцию императора жил ее племянник. Так вот, теперь к этому дворцу не подобраться из-за охраняющих его гвардейцев. В нем живут и работают ученые, а из Москвы протянули линию электропередачи и телефон. Линию все время патрулируют казаки, поэтому подключиться к телефону не получилось. Больше пока не удалось ничего узнать, но Мещерскими занимаются.

— Первый снег! — сказала Вера, которая отодвинула занавеску и наблюдала за тем, как кружатся и падают снежинки. — Сколько мы с тобой сидим взаперти?

— Так уж и взаперти, — возразил я. — По дворцу можно гулять и на запись ездили.

— Ездили, — согласилась она. — Сначала студию проверила орава жандармов, а потом нас туда отвезли на броневике в сопровождении трех машин охраны. Наверное, так не охраняют короля Эдуарда. Только перепугали всех работников студии, а у оркестрантов дрожали руки.

— Кому он нужен, твой Эдуард, — сказал я, поднялся со стула и подошел к ней, — а мы нужны всем!

— Лучше бы все о нас забыли! — с тоской сказала жена, уткнувшись мне в грудь лицом. — Неужели и дальше сидеть в этой золотой клетке или выезжать из нее с полком охраны?

— Наследника с женой так же охраняют, — смущенно ответил я. — Малыш, ну что тебе сказать? Наверное, когда начнется война, будет полегче, а лет через десять мы уже не будем представлять для врагов такой ценности, тогда и охраны будет меньше.

— И ребенка у меня нет, — не слушая, продолжала плакаться Вера. — Знаешь, мне уже не доставляют радости ни новые песни, ни твои книги. Не надо меня обнимать, я ведь знаю, что сейчас понесешь в кровать. Мне будет хорошо, но очень недолго, а потом вернется тоска!

— Мы с тобой вместе меньше трех лет, — возразил я. — И вообще еще очень молоды, а ты впадаешь в меланхолию. Я выполнил свой долг перед Родиной и помог ей уцелеть и стать сильной. Разве это не стоит временных неудобств и ограничений? У тебя есть все, стоит только пожелать! И друзья теперь рядом, так что не нужно никуда ехать. А дети и свобода у нас еще будут.

Два месяца назад нам сообщили, что пойманы два агента английской разведки, целью которых были мы. Они только собирали сведения, но после этого нам сначала усилили охрану, а потом фактически запретили куда-либо выезжать. Тот выезд на студию, о котором упомянула жена, был исключением. На нового канцлера было совершено неудачное покушение, и после проведенных арестов раскрыли группу, которая готовила покушение на императора. Аресты приняли массовый характер и на захваченных английских агентах опробовали указ императора об измене. Семнадцать человек расстреляли, втрое большее число арестованных получили хорошие сроки с конфискацией имущества, а у остальных любителей устраивать покушения и торговать государственными секретами появился повод хорошенько подумать. Нам от этого было мало радости: было нереально выполоть всю агентуру, и рисковать никто не хотел. Даже к моей сестре приставили охрану, хоть и небольшую.

— Если хочешь, можно поехать в один из закрытых городов, — предложил я. — Там будет почти нормальная жизнь. Нужно только подождать до лета, а то еще не все построено.

— Мы уже жили в одном таком, — сказала Вера. — В этом дворце людей больше, чем было там.

— Сравнила! — сказал я. — Это действительно города, а не тот лагерь. Мне о них говорил Шувалов. Население будет по двадцать или тридцать тысяч человек, будет даже кинотеатр.

— Почему мне так плохо? — спросила жена. — Я ведь и до этих арестов почти не

выезжала из дворца, а как узнала, что этого делать нельзя, что на нас охотятся... Все занятия сразу потеряли привлекательность, все делаю по привычке, не испытывая удовольствия...

— И это тоже? — спросил я, лаская ее в нужных местах. — Неужели совсем никакого удовольствия?

Она тяжело задышала и подставила губы. Целуя, я унес ее в спальню и там продолжил лечение. На время она стала почти прежней. Жаль только, что хандра скоро вернется. Я не знал, что делать. Если бы ей удалось забеременеть, но пока все мои усилия в этом были безрезультатными.

Кайзер не любил зиму за ее промозглую сырость, частые дожди и висевшее над самой головой свинцовое небо. На зимнюю хандру накладывалась тревога, связанная с грядущей войной. Империя, которая наконец действительно стала единым государством, напрягала все свои силы, но он знал, что за океаном сил больше. Скорее всего, победа будет достигнута, вопрос в том, какой ценой. Он боялся, что цена может оказаться очень велика. На войну работало каждое четвертое предприятие в Германии и Франции, а на военные нужды шла половина бюджета. Долго так продолжаться не могло. Уже сейчас уровень жизни медленно пополз вниз. Численность армии довели до двух миллионов бойцов и увеличивать ее больше не собирались. Решать исход битвы будет не пехота, а авиация, артиллерия и флот. На всем побережье объединенной империи строились мощные оборонительные сооружения и создавались новые аэродромы. Флоту уделялось первостепенное внимание, но в грядущем сражении должны были участвовать в основном подводные лодки. Защищаясь, войну не выиграешь — это известно даже школьникам. Он хотел сыграть ва-банк. Когда ударный флот американцев завязнет в Средиземном море, флот империи совершит переход в шесть тысяч километров и пройдет по атлантическому побережью Американских штатов, сея смерть и разрушение в портовых городах. Американцы забыли, что такое война, пора им это напомнить. У них еще останутся боевые корабли, но далеко на юге, а флот с Тихого океана в Атлантический быстро не перебросишь. Небольшие корабельные группы на военно-морских базах будут его флоту на один зуб, а боевой авиации на побережье мало. Конечно, американцы могут прервать операцию по захвату французского побережья, но у них не получится пройти через Гибралтар. Сотня подводных лодок не пропустит в океан ни одного корабля. Англичане не посмеют вмешаться, иначе вся Англия запылает в огне. Каждый месяц заводы выпускали двести первоклассных самолетов, для которых по ускоренной программе готовили экипажи. К лету у него будет невиданная сила — три тысячи одних бомбардировщиков! Число самолетов пытались скрыть, строя ангары и применяя маскировку. Танки почти не строили: хватало тех, которые были построены для русских и уцелели в битве с французами. Их держали только в качестве резерва при прорыве береговой обороны. Важнее была артиллерия, на нее и тратились. Это должна была быть война не столько людей, сколько боевых машин. Он не понимал упорства, с которым американцы пытались развязать войну, сам он действовал бы совсем не так. Колонии захвачены, в том числе и германские, и не так уж сложно устроить империи морскую блокаду. Это намного дешевле прямого столкновения. Но нет, они строят аэродромы в Алжире и перебрасывают в Африку сотни тысяч тонн военных грузов и боевую авиацию. В самих Американских штатах были его агенты, которые в своих донесениях сообщили даже состав флота и примерную дату его отплытия.

— Ваше величество, — обратился к нему заглянувший в кабинет секретарь, — вы

вызывали генерал-майора Николаи.

— Да, пусть войдет, — разрешил кайзер, довольный тем, что можно на время прогнать тяжелые мысли и заняться делом.

Ответив на приветствие начальника разведывательной службы, он выслушал его отчет. В свои семьдесят четыре года Вальтер Николаи сохранил ясную голову и был во многом незаменим, поэтому его до сих пор не отправили в отставку.

— Значит, вы так и не установили причину научных успехов наших союзников, — подвел итог кайзер. — Плохо! Я обратился лично к императору, но он ответил, что у нас просто не будет времени чем-либо воспользоваться, а после войны можно будет вернуться к этому разговору. Может быть, он и прав, но я хотел бы судить об этом сам, а не с его слов. Мы сейчас в тяжелом положении, и любая помощь не будет лишней.

— Все слишком хорошо охраняется, — ответил генерал, — а от чиновников можно получить лишь сведения самого общего характера. К тому же они напуганы казнями.

— А что по этому молодому дарованию?

— К нему, ваше величество, подобраться не легче, чем к остальным их секретам. Уж не знаю, с чем это связано, но его охраняют не хуже наследника престола. Под охраной и все его родственники, кроме дальних.

— Значит, вы утверждаете, что он дружен с семьей наследника?

— Так утверждают оба наших источника. У него дружба и с братом наследника, да и с самим императором непонятные отношения. Я бы сказал, что он симпатизирует Мещерскому и высоко его ценит, если бы не возраст. Русский император, по слухам, склонен общаться с людьми пожилыми, а двадцатилетний мальчишка не может быть для него авторитетом.

— Не тратьте на него времени, генерал, — сказал кайзер. — В конце концов, это наши союзники, а слабости императора — это его дело. А вот сведения по новым видам оружия нам не помешают. Только действуйте предельно деликатно. Скандалы с русскими — это последнее, что нам сейчас нужно.

Когда генерал вышел из кабинета, Август ненадолго задумался, потом что-то для себя решил и взял лист бумаги. Через несколько минут было готово письмо такого содержания:

«Дорогая дочь! Если это не входит в противоречие с твоим долгом, я буду тебе очень признателен, если ты рассеешь мое недоумение касательно князя Алексея Мещерского, с которым дружен твой муж. Мне непонятна всеобщая приязнь императорской семьи к такому молодому и ни в чем себя не проявившему человеку. Зная императора, я не могу поверить, что его склонность объясняется творчеством князя. Нас он заинтересовал из-за того, что почему-то вызвал большой интерес у англичан. Все фигуры в окружении императора или твоего мужа интересуют многих, и я в этом не исключение. Могу заверить, что, как друг и союзник, а с недавних пор и родственник, российского императорского дома, никогда не использую ничего, что пошло бы ему во вред. Целую тебя, твой отец».

Он решил закончить работу, поэтому не стал вызывать секретаря, а сам вышел в приемную. Отдав письмо для отправки дипломатической почтой, Август уже собрался уйти, но в приемную быстрым шагом вошел младший брат.

— Ты можешь уделить мне немного времени? — спросил Иоахим.

— Я уже закончил с делами, — ответил Август. — Тебя устроит кабинет или поговорим у себя наверху? Как ты съездил?

— Об этом тоже поговорим, — сказал Иоахим, открыл дверь кабинета и, пропустив в

него Августа, вошел сам. — Моя поездка не выявила ничего нового. Все, как мы и предполагали. Если война будет быстрой и не слишком тяжелой, французы ее как-нибудь переживут, но если они понесут большие потери, нашему союзу придет конец. Наверное, американцы на это и рассчитывают. Чуть позже я подготовлю для тебя отчет.

— О чем ты хотел поговорить? — спросил Август.

— Война на носу, а я слишком многого не понимаю, чтобы чувствовать себя спокойно! Я не понимаю американцев, и я не понимаю тебя!

— Что тебе не ясно с американцами? — спросил Август. — Они перебросили в Алжир много самолетов, бомб и всего остального, что нужно для ведения авиационной войны. Ее они и будут вести. Со своих африканских баз они смогут бомбить половину Франции, а вот дотянуться до нас им будет сложнее. Горючего у самолетов хватит только до Мюнхена. Боевых действий на суше почти не будет. Десантные корабли смогут высадить за один раз тысяч двадцать бойцов и небольшое количество танков. Даже если они сделают еще два-три захода, сил хватит только для захвата небольшого плацдарма. Для крупномасштабных боевых действий американцам нужно в пять раз больше солдат и в десять — техники. Об оккупации речь вообще не идет, для этого им не хватит и полумиллиона солдат.

— А зачем тогда флот? — не понял Иоахим. — Если принуждать нас только бомбежками...

— У нас тоже много самолетов, — напомнил Август. — Наносить удары из Алжира очень неудобно, поэтому я бы на месте наших противников постарался захватить плацдарм во Франции. Если бы англичане пошли американцам навстречу, без этого можно было бы обойтись, но они в помощи отказали. Но даже если они ничего не станут захватывать, флот отвлечет на себя часть наших сил, а на авианосцах четыре сотни самолетов.

— Не верю! — сказал Иоахим. — Что-то здесь не так! У них в любом случае не будет превосходства в воздухе, поэтому захват плацдарма ничего не даст. Как ты себе представляешь его использование под непрерывными ударами нашей авиации?

— Это один из вариантов, — пожал плечами Август. — Я не знаю планов американцев и всего того, чем они располагают. Наверное, у них будут для нас сюрпризы, но и мы их тоже готовим, и не один.

— А почему я о них ничего не знаю? — спросил Иоахим. — Не доверяешь?

— О некоторых знаешь, — ответил брат, — а знать другие тебе просто не нужно. Скажу только об одном. Наш флот не будет использоваться в предстоящем сражении. Все боевые корабли, кроме подводных лодок, скрытно выйдут к американскому побережью и нанесут американцам максимально возможный ущерб. Огнем корабельной артиллерии и бомбежками с авианосцев уничтожим большую часть портов, все находящиеся в них корабли и частично разрушим города.

— Дерзкий план! — сказал Иоахим. — Я бы его даже назвал безумным. Американцы дадут нам возможность уничтожить города?

— Мы знаем состав флота, который они приведут в Средиземное море и все, чем они вообще располагают. Ты назвал мой план безумным, а в чем ты видишь это безумие? В Тихом океане у американцев останется сильный флот. По сведениям, полученным разведкой, его участие в войне не планируется. У них и без него двойное превосходство в кораблях, к тому же существует угроза от заключивших военный союз Японии и России. А потом они просто не успеют воспользоваться своим флотом. На военно-морских базах на побережье боевых кораблей совсем немного, а береговой обороны почти нет. Лишь на юге

будет группировка боевых кораблей, но их слишком мало. Остальные силы у них разбросаны по базам в колониях.

— А авиация?

— С ней примерно та же картина, что и с флотом. Я не ожидаю сильного противодействия.

— Американцы могут прервать операцию, — сказал Иоахим. — Что им помешает вернуть флот?

— Мы, — ответил Август. — На выходе из Гибралтара их встретят все наши подводные лодки.

— Если они пронюхают о твоём замысле, мы лишимся флота.

— Вот поэтому о нём пока знали только три человека в империи, ты теперь будешь четвертым. Пойми, брат, что это единственный способ закончить войну. По крайней мере, я другого не вижу. Не станут американцы воевать до победного конца. Потеряв свой ударный флот и понеся громадные жертвы на побережье, они все силы бросят на его защиту, а потом постараются решить дело миром. Одно дело — победоносная война где-то за океаном, и совсем другое — когда она приходит к ним, сея смерть и разрушения. В войне у них заинтересованы очень немногие, и не такой ценой.

— А если они такое предусмотрят?

— Я склонен к авантюрам? — с улыбкой спросил Август.

— Я о тебе такого никогда не сказал бы, — ответил Иоахим, — по крайней мере, до сегодняшнего разговора.

— Они меня тоже неплохо изучили, — сказал Август. — С точки зрения командования американцев, такой поход не может быть ничем, кроме авантюры. Да никому из них и в голову не придет, что мы в сложившейся ситуации ослабим свою оборону и так рискнем. Нападение на Америку пока вообще за гранью их воображения. От японцев они такое еще могут ожидать, но не от меня.

— Слишком много риска, — вздохнув, сказал Иоахим. — Неизвестны планы американцев и неизвестно, как себя поведут англичане. Даже погода может сильно повлиять на твой план.

— Война без риска не бывает, а все не предусмотреть. Меня сильно беспокоят французы. Не те, кто в нашей армии, они-то выполняют свой долг. Жаль, что нам дали так мало времени.

— А как мы теперь используем русский флот?

— Никак, — ответил Август. — Не будем мы его пока использовать. К американскому континенту его не пошлют, а драться в одиночку русские не станут. Чтобы его хоть как-то использовать, мне нужно заранее посвятить русских во все свои планы, а я не могу так рисковать. Ничего, обойдемся своими силами.

— У вас получился замечательный мир, — сказал мне ангел.

Мы с ним сидели в той же комнате, где я пришел в себя после смерти. От его слов меня прошиб холодный пот. Стало так жутко, что я чуть было не заорал.

— Ничего я не придумывал! — сказал я ему. — Вы врете! Ни один человек не в силах такого вообразить!

— У вас же получилось, — он совсем по-человечески пожал плечами. — Неужели вы действительно думаете, что это какая-то другая реальность? Она вообще только одна,

причем не такая бредовая, какую выдумали вы.

— Значит, вы мне солгали?

— Я пошутил, — без улыбки ответил он. — Было интересно посмотреть на вашу работу, а фантазировать самому у вас не было желания. И что вас не устраивает? Все ни капельки не отличается от настоящей жизни. Вы и правила установили такие, что в случае смерти исчезните навсегда. Все очень натурально.

— И моя жена — это пришедшая в мой мир душа? Почему же она ничего об этом не знает и не помнит прежней жизни?

— Об этом нужно спрашивать у вас, — сказал он. — Вы установили именно такие правила, и пришедшие в ваш мир вынуждены были их принять. Если бы у всех сохранилась память, они играли бы в жизнь, сейчас они живут. Ведь у вашей жены нет детей?

Меня накрыло бешенство. Вскочив с кресла, я бросился его душить и проснулся. Сердце колотилось, как сумасшедшее, а страх не отпускал, а, наоборот, становился все сильнее! Рядом под одеялом посапывала жена, а за окнами в свете фонарей летел и кружился снег. Я постарался взять себя в руки, и это получилось. Идиотский сон зародил сомнение в реальности собственной жизни, и с ним надо было срочно разобраться. Еще не хватало из-за этого свихнуться. Что там было? Я все это придумал? В подобное не верилось. Даже если мозг сам дорисовывал детали, его все равно на подобное не хватило бы. Ангел говорил, что мир безумный, но я его таким не считал. Очень отличается от моего, но все логически увязано и нет явных нелепостей. А отсутствие ребенка у Веры вообще не аргумент, тем более что Елена уже была беременна, а, если верить ангелу, такого быть не могло. А если не верить в этом, то с таким же успехом можно предположить, что он врет и во всем остальном. И вообще это просто кошмарный сон. Я немного успокоился, но вторично заснуть не удалось. Стараясь не разбудить жену, я встал с кровати и по ковру прошел к окнам. Не знаю, как пурга действует на других, но меня почему-то всегда успокаивал вид летящего по ветру снега. Я стоял, пока не замерзли ноги, а потом вернулся в кровать, лег и уснул. Утром сон вспомнился, но уже не вызвал никаких эмоций. Жена еще спала, но на этот раз я ее своим шевелением разбудил и был схвачен за руку.

— Куда? — спросила она, рывком притягивая меня к себе. — Жена замерзла, а ты убегаешь? Немедленно грей!

Сегодня «согревание» длилось больше обычного и прошло как-то не так.

— Что-то случилось? — спросила Вера, заглядывая мне в глаза. — Столько нежности... Я уже и не помню, когда ты был таким, наверное, только сразу после свадьбы. Потом было еще лучше, но как-то привычно, что ли.

Я решился и впервые рассказал ей всю правду до конца, а потом еще и свой сон.

— Для меня это ничего не меняет, — сказала она. — Здорово, конечно, знать, что после смерти будет хоть какая-то жизнь, хотя это далеко от того, во что я верю. Но твой сон — это ерунда. Как я могла к тебе прийти и согласиться все забыть, если я помню всю свою жизнь в якобы придуманном тобой мире? И у всех остальных тоже так. Ты им и жизни всем выдумал? Такого просто не может быть, поэтому не морочь себе голову. Хочешь, стукну, чтобы поверил в мою реальность?

Наша возня привела к тому, что опять занялись «согреванием» и пришли на завтрак одними из последних.

— Чем займемся? — спросил я, когда приступили к десерту.

— Сходим к Елене, — решила жена. — Она стала такой ранимой и плаксивой. Поглажу

живот, и она как-то сразу успокаивается. Сказал бы ты Олегу, чтобы он проявлял свою любовь не только в кровати. Видно, что любит, а при мне ни разу ее не приласкал. Ты у меня не такой.

— Это точно, — согласился я. — Как забеременеешь, я не буду тебя спускать с рук.

Закончив с завтраком, направились к комнатам друзей. Когда подошли к стоявшим в карауле жандармам, старший сообщил, что в комнатах никого нет.

— Вышли минут двадцать назад и куда-то ушли с охраной, — сказал мне офицер. — Извините, князь, но нам больше ничего не известно.

Сходили к Андрею, но и там нам ответили то же самое. Пришлось возвращаться домой. Я сел писать уже седьмую книгу, но вскоре пришлось прерваться. Зазвонил телефон, который взяла жена.

— Леш, — растерянно сказала она, войдя в гостиную. — Только что умер Владимир Андреевич... Звонил Олег. Он хочет, чтобы мы побыли с Леной. Ему стало плохо, а врачи ничего не смогли сделать.

Мы вернулись к комнатам друзей и нашли в спальне заплаканную Елену. При виде нас она опять разревелась. Я впервые ее обнял и стал гладить волосы и говорить те ласковые слова, которые обычно говорят в таких случаях. Если бы ее взялась утешать Вера, они бы сейчас плакали вместе, а в моих руках она быстро успокоилась.

— Мне больше жалко Олега и Елену Николаевну, — призналась девушка. — Она сидит возле мужа, как сделанная из камня, и ни на что не реагирует.

Примерно через час пришел Олег.

— Спасибо, — сказал он мне. — Ей сейчас нельзя переживать, а тут такое...

— Как мать? — спросил я.

— Плохо, — ответил он. — У отца обширный инфаркт, причем все случилось очень быстро. А с матерью сейчас даже нельзя разговаривать.

Следующие несколько дней прошли в хлопотах, связанных с похоронами Владимира Андреевича и коронацией Андрея. Конечно, хлопотали не мы, мне только пришлось недолго постоять у гроба. Император меня выделял, но между нами не было близких отношений, поэтому я переживал за друзей. Впрочем, с Андреем теперь не подружишь. Даже если он не захочет ничего менять в наших отношениях, это придется сделать мне. До конца зимы мы с ним почти не виделись. Молодому императору пришлось вникать в государственные дела, к которым его хоть и готовили, но, учитывая возраст отца, не слишком при этом старались. Да он и сам не рвался. Теперь приходилось выкладываться. До появления у него сына цесаревичем был объявлен Олег.

— Мне от этого нет никакой радости, — жаловался он мне. — Нашим детям будет проще, а нам этот трон буквально свалился на голову. У меня уже никого не осталось из прежних друзей, один ты, да и у брата с этим ничуть не лучше. Ты его не бросай, а то это тоскливо, когда нет ни одного друга. Все вокруг источают почтение, хорошо если искреннее, но ты для них не человек, а символ, а это хреново — быть символом. Жена и брат, конечно, тоже друзья, но этого мало. А с матерью совсем плохо. Как бы и ее не пришлось хоронить.

Весна была затяжная, и даже в конце апреля было очень холодно, ветрено и сыро. Впрочем, на нас это почти не отражалось, потому что, кроме двух выездов на природу, все остальное время приходилось сидеть во дворце. Я все так же просматривал отчеты и иногда делал небольшие записи. За все время Андрей вызвал меня только один раз по какому-то малозначительному вопросу. В кабинете не было никого, кроме нас, но я все-таки держался,

как подобает. Когда через два дня Олег сказал, что брат на меня в обиде, я рассердился.

— Он император, а я обыкновенный князь! — ответил я. — Таких, как я, пруд пруди! Если он считает возможным наедине поддерживать прежние отношения, мог бы так и сказать, а проявлять инициативу с моей стороны будет наглостью!

Сегодня он меня вызвал вторично и тоже для беседы наедине.

— Садись, — сказал Андрей, — надо поговорить. — Уже середина мая, скорее всего, скоро начнутся боевые действия, а у нас никак не могут прийти к общему мнению, как они будут развиваться.

— А я, значит, должен поработать за морское министерство и генштаб? — засмеялся я. — Отсутствие единого мнения говорит о том, что нет достаточно данных для анализа. Кроме того, существенно возросли возможности военных в части применения техники, а опыта ее применения нет. Кайзер чем-нибудь делится?

— Данными разведки по американцам. Своими планами он делиться не хочет. Написал в личном письме, что наш флот может понадобиться только в том случае, если и их империя будет использовать свой флот в Средиземном море. Попросил поддерживать готовность к походу и обещал предупредить заблаговременно. Нам туда плыть по хорошей погоде не меньше четырех дней.

— Что по американцам? — спросил я. — Тянут бомбы и самолеты в Алжир?

— Тянут, — подтвердил он. — Отец говорил или сам догадался?

— А тут и догадываться нечего, — ответил я. — Империя это не какая-нибудь Дания, которую можно захватить и не заметить. Для ее захвата и последующей оккупации нужна как минимум миллионная армия и куча техники. Ничего этого у американцев нет, поэтому не будет никаких захватов. Начнут тупо бомбить Францию, пока у французов не иссякнет терпение. Не думаю, что им потребуется много времени, чтобы выйти из империи. Были бы они в ней лет пятьдесят — дело другое. Из Алжира можно зацепить и Германию, хотя я не знаю возможностей американских самолетов. Вот если бы им помогла Англия, хотя бы аэродромами, я немцам не позавидовал бы. На что кайзер делает упор? На самолеты?

— Он перед нами не отчитывается, — ответил Андрей, — видимо, боится утечки.

— Это для него самый естественный ход, — сказал я. — Наштамповать самолетов и создать мощную противовоздушную оборону.

— Разве их штампуют? — удивился Андрей. — Я думал...

— Я применил это слово в другом значении. Если подвести итог, то американцам нужно бомбовыми ударами разрушить империю и уничтожить в Германии как можно больше всего: городов, заводов и населения. Понятно, что они должны захватить или уничтожить флот. Цель — отбросить Германию в военном и экономическом отношении и дать немцам урок, чтобы они еще долго не разевали рот на колонии. Пока они оправятся от этого поражения, американцы так в них укрепятся, что назад уже не отберешь. И оправятся только в том случае, если не вмешаются англичане, а они вполне могут вмешаться: добивать — это не драться с сильным противником.

— Значит, война самолетов? — сказал Андрей.

— Американцы обязательно используют флот, — сказал я. — У них в нем полно авианосцев. Лететь в Алжир и обратно — это полторы тысячи километров, а эти самолеты под носом. Их можно будет почти постоянно держать в воздухе. Идеально захватить во Франции какой-нибудь аэродром, например, в Марселе, но его будет трудно защитить от ударов с воздуха. Да и бомбы придется везти из Алжира. Мало сведений, поэтому можно

долго гадать, кто и что предпримет. Ясно, что в Средиземном море флота империи не будет, а значит, и нашему флоту там делать нечего. И слава богу!

— Почему такой вывод по флоту? Из-за письма кайзера?

— Не только, — ответил я. — У американцев слишком большое превосходство в кораблях. Ставить на пути их флота свой — значит его потерять. Мы, конечно, поможем, но сильно положение не изменим. Я бы на выходе из Гибралтара поместил в засаде с полсотни подводных лодок. При удаче можно ополовинить американский флот. Не во время битвы, а когда пойдет домой.

— Но почему не ударить ими во время сражения?

— Акустики засекут шум винтов, особенно если лодок будет много. Такой флот, какой будет у американцев, не так-то легко расстрелять. Лодкам даже не дадут занять позиции и забросают глубинными бомбами. Наверное, и они потопят несколько кораблей, но большого ущерба не нанесут. Вот из засады — другое дело.

— Плохо ничего не знать, — пожаловался он. — Нужно многое учить, а времени не хватает. Знаешь, отец мне казался вечным. У нас мужчины в роду умирали поздно, а ему было всего пятьдесят пять. Это все трон: если бы на отца не взвалили это правление, он бы еще долго жил.

— Сеньор! — сказал открывшему дверь мужчине пожилой рыбак. — Вы обещали заплатить! Он пришел!

— Сколько кораблей? — спросил с небольшим акцентом приезжий.

— Да разве их сосчитаешь! — воскликнул рыбак. — Корабли повсюду!

— Держи, — сказал приезжий, сунув в протянутую руку рыбака несколько смятых купюр, после чего скрылся в доме и вернулся уже с биноклем.

Снятый домишко стоял на окраине Бенсу в километре от берега, поэтому ему понадобилось минут десять на ходьбу. Бинокль оказался не нужен. Этот городишко Испанского Марокко стоял на берегу в самом узком месте Гибралтарского пролива, где до противоположного берега было немногим больше десяти километров, и он без бинокля видел десятки боевых кораблей, которые, выдерживая дистанцию, шли и шли один за другим. Немного постояв, мужчина вернулся в дом, достал рацию и подключил к ней провод антенны. Включив передатчик, он дал прогреться лампам и нажал на кнопку. Агент мог принимать инструкции, но ни ключа, ни голосовой связи у его передатчика не было, а при нажатии одной-единственной кнопки кратковременно излучался сильный специальный сигнал, который из-за кратковременности нельзя было запеленговать. Но тем, кто его сюда послал, этого было достаточно. Круглосуточно дежурившие в одном из центров связи разведки Генерального штаба радисты получили сообщение о том, что американский ударный флот вошел в Средиземное море. Через полчаса об этом знали все, кому это было нужно, а еще через час в морское министерство прибыли несколько высших офицеров флота. Встретил их статс-секретарь адмирал Гюнтер Льютенс.

— Садитесь, господа, — предложил он им, занимая свое место в кабинете. — Прежде всего хочу вас проинформировать о том, что сегодня американский флот прошел Гибралтарский пролив и сейчас движется к базам в Алжире. Ориентировочное время его выхода для атаки французского побережья — от трех до пяти дней. Флот империи не будет участвовать в этом сражении. Сейчас я раскрою вам планы нашего кайзера, которые я разрабатывал лично с привлечением всего двух доверенных офицеров. От выполнения этих планов и сохранения их секретности будет зависеть судьба империи и наши с вами жизни. Прежде всего поговорим с вами, гросс-адмирал.

— Я вас внимательно слушаю, — сказал Карл Денец.

— Восемьдесят три подводные лодки — почти весь наш подводный флот — стоят в порту базы Сен-Жан-де-Люс. Через два часа вы вылетите туда на специальном самолете. Ваша задача — скрытно провести все лодки в португальский порт Портиман. При переходе сохранять полное радиомолчание. Все радиорубки должны быть заперты и опечатаны. Порт находится в устье реки Араде в ста сорока милях от Гибралтара. Войдете в него ночью. Вас встретят и проводят в освобожденную часть порта, которая на время вашей стоянки будет закрыта для других судов. Там же будет стоять наше судно-заправщик. Всплывать для смены воздуха и пополнения горючего только ночью. Тогда же будете заряжать аккумуляторы. Наши агенты будут следить за продвижением ударного флота американцев, и в случае его вывода из Средиземного моря в океан вы будете ими заранее предупреждены. Вашей задачей будет скрытное приближение и установка засады на выходе из пролива. По нашим подсчетам, ваших сил хватит, чтобы уничтожить от половины до двух третей всех сил флота.

Запомните, что главное — не потопить все корабли, а не выпустить их в океан. Заправщик будет находиться поблизости, поэтому вам нужно закрывать выход из пролива, пока позволит погода или не получите сигнал на возвращение. С момента начала боевых действий разрешается радиообмен. Задача ясна?

— Все ясно, — ответил адмирал. — Мы выполним приказ.

— Теперь ваша задача, — обратился Льютенс к гросс-адмиралу Эриху Редеру. — На двух наших военно-морских базах собрана ударная группа кораблей, основу которой составил флот открытого моря, усиленный французскими кораблями. В его составе тридцать шесть линейных кораблей и линейных крейсеров, три авианосца, двенадцать крейсеров и пятьдесят три эскадренных миноносца. Кроме того, в нем будут вспомогательные суда для заправки топливом, грузовые корабли с боеприпасами, корабли-разведчики и три подводные лодки. Требования по радиообмену к вам те же самые. Запереть радиорубки и опечатать. Предупредите командиров кораблей, что за нарушение приказа они ответят своими жизнями. Вам надо будет за десять дней скрытно провести все корабли к атлантическому побережью Северной Америки в порт Портленд. Понятно, что вы пойдете не через Ла-Манш, а по другому маршруту. Пройти придется три с половиной тысячи миль. В голове ордера будут двигаться три небольших траулера с разведывательно-диверсионными группами и подводные лодки. Их цель — предупредить вас о появлении любых кораблей. Если встречные суда можно будет пропустить без встречи с вами, их пропустят, если нет, то их должны будут уничтожить, причем так, чтобы в эфир не ушла ни одна радиопередача. Скрытность — залог вашего успеха. На случай сильного шторма каждому командиру корабля приготовлен пакет, в котором предписывается, что ему делать после восстановления погоды. После перехода вы должны двигаться вдоль побережья на юг, нанося как можно больший ущерб встречным портовым городам, включая уничтожение всех судов и портовых сооружений. Города бомбить и обстреливать из орудий, но с таким расчетом, чтобы вам хватило боеприпасов на весь рейд. В этом пакете расписаны все цели и все силы неприятеля, которые действуют в Атлантике. Вы должны уложиться в десять дней и уйти. На побережье нет больших сил флота или авиации, но если сильно задержитесь, американцы успеют переправить через Панамский канал часть своего Тихоокеанского флота. Кроме того, наши подводные лодки не будут вечно удерживать выход из Гибралтара, а вам еще возвращаться. Планы достаточно тщательно проработаны, вам нужно всего лишь их изучить и строго придерживаться. Отступление допускается только при условии выполнения основной задачи и под вашу личную ответственность. Вопросы есть?

— Когда мне выходить? — спросил Редер.

— Сегодня к вечеру вас доставят на одну из баз, а адмирала фон Шредера на другую. Вот ваш пакет, адмирал. В бумагах указаны время и район сосредоточения. Господа, на вас надеется кайзер! Если вы не выполните своей задачи, война затянется и будет иметь для империи разрушительные последствия. Кроме того, второй раз американцы уже не будут столь беспечны и обеспечат должную охрану побережья.

Отпустив адмиралов, Льютенс приказал, чтобы подали его автомобиль, и через двадцать минут доложил обо всем кайзеру. Было решено пока без крайней необходимости не пользоваться даже защищенной телефонной линией, а докладывать лично.

— Флот начал, — сказал кайзер, — что по остальным?

— Я не знаю всех планов, — ответил адмирал, — но подготовленную группу ночных бомбардировщиков должны отправить с авиабазы в Тулузе с таким расчетом, чтобы

самолеты оказались над объектами в три часа ночи. Если эти тепловые прицелы так эффективны, как их расхваливают, они там наделают дел. Но это уже не моя компетенция.

— Ливорно, господин капитан—лейтенант! — сказал проводник, указав рукой на виднеющуюся в дымке бухту. — Здесь повсюду большие глубины, поэтому мы можем увеличить ход.

Капитан отдал приказ, и большое грузовое судно под португальским флагом заметно ускорило ход. Операция, которую полгода готовила разведка вместе с Государственным департаментом подходила к завершающей стадии. В порту Ливорно уже стояли два грузовых судна с авиабомбами на борту, его было третьим. На небольшом аэродроме этого городка были созданы запасы горючего, а городская верхушка знала, как себя вести, когда город займут американские солдаты. Курсантов военно—морской академии по летнему времени в городе не было, как и вообще каких-либо военных. Корабли береговой охраны итальянцы заблаговременно убрали, а в ведомстве короля Италии Виктора Эммануила третьего уже была готова нота правительству Американских штатов. Она должна была стать единственным проявлением недовольства итальянцев на временную оккупацию их города и использования его для бомбардировки соседней империи.

— Американский флот уже в Средиземном море, — сказал мне Андрей. — Мы получили сообщение от кайзера, в котором он отказался от помощи нашего флота. На этот счет имеется несколько предположений, хотелось бы, князь, выслушать ваше.

Рядом с ним сидел канцлер, поэтому мы оба придерживались этикета.

— Трудно сказать что-то новое, ваше величество, — ответил я. — Наверняка союзники не собираются воевать своим флотом в Средиземном море, иначе не отказались бы от такой силы, как наш Черноморский флот. Остается только Северное море, потому что я не думаю, что они попрутся со своими кораблями к берегам Американских штатов.

— Как вы сказали? — уставился на меня Шувалов.

— А что такого я сказал? — в свою очередь удивился я. — Американцы притащили в Европу свой флот, поэтому само напрашивается нанести им ответный визит, тем более что побережье Американских штатов в Атлантике сейчас почти не охраняется, а горловину Гибралтара нетрудно заминировать или перекрыть подводными лодками. Другое дело, что это слишком рискованное мероприятие. Не так легко незаметно провести через океан почти сотню боевых кораблей, если не идти в обход морских путей. А если идти, такой поход затянется, и может помешать первый же сильный шторм. Да и американцы смогут подтянуть силы, поэтому такой налет нужно рассчитать так, чтобы они не успели этого сделать. Я бы за такое не взялся.

— Никому из наших адмиралов такое в голову не пришло, — задумчиво сказал Шувалов.

— Наверное, потому и не пришло, что каждый из них ставил себя на место немцев, — сказал я. — Если бы они все планировали сами, у нас такой авантюрист нашелся бы. В случае успеха можно такого натворить, особенно если не церемониться с гражданским населением... Америка умылась бы кровью и задумалась, не слишком ли высокую цену приходится платить в этой войне. Они ведь со времен гражданской войны не воевали на своей территории, да и тогда по современным понятиям это была не война. Так, постреляли да порубили друг друга саблями. Города из орудий не обстреливали и бомб на них никто не

бросал. Поэтому и плюют, когда их парни этим занимаются где-то за морями. Только боюсь, что за такой урок для американцев немцам придется дорого заплатить. Вряд ли кайзер на это пойдет.

— У нас в Черноморском флоте есть желающие помахать кулаками, — сказал Андрей.

— Что за глупость? — удивился я. — Пусть сидят и благодарят Бога за то, что их пока не трогают. Если бы знать заранее, что мы не понадобится союзникам, лучше было бы часть флота перебросить на Тихий океан, а сейчас придется сидеть и ждать, чем все закончится. Союзникам передали наши бомбы?

— Да, передали бомбы и радиолокационные станции, — подтвердил Шувалов.

— Вот и пусть воюют, — сказал я. — Это их война, а не наша, наша еще впереди, и вряд ли немцы будут нам помогать на Тихом океане, скорее, союзниками там будут японцы. А любители махать кулаками пусть держат флот в боевой готовности. Сейчас никто не скажет, чем все закончится, может, и им придется повоевать.

Сигнал тревоги разбудил главнокомандующего ударным флотом адмирала флота Честера Нимица в три часа ночи. Бросив взгляд на светящийся циферблат ручных часов, он быстро обул ботинки и открыл дверь каюты, в которую уже стучали.

— Боевая тревога, сэр! — сообщил ему лейтенант-командер Тони Джеймс. — Множественные воздушные цели со стороны французского побережья. Примерное время подлета — двенадцать минут. Извиняюсь, уже десять. Истребители с авианосцев поднять не успеем, но с аэродромов уже взлетают.

Адмирал поспешил на командный пост авианосца «Йорктаун», где уже собрались все старшие офицеры.

— Все службы готовы к отражению воздушной атаки, сэр! — отрапортовал контр-адмирал Фрэнк Флетчер. — Только от наших «Эрликонов» не будет пользы из-за высоты целей.

— На какой высоте идут? — спросил Нимиц.

— Примерно четыре, — ответил Флетчер. — Зенитные орудия прикроют аэродромы, а нам придется надеяться на истребители. С полсотни уже в воздухе и продолжают взлетать. Правда, драться в такой темноте даже с радарам... Подходят!

— С такой высоты они отбомбятся вслепую, — сказал кто-то из офицеров. — Даже днем...

Его слова заглушил грохот сильного взрыва. Стоявший в двух сотнях метров миноносец развалился на две части, и обе затонули в считанные секунды. На берегу зажглись прожектора, и уши заложил грохот двух сотен зенитных орудий. Возле корабельных «Эрликонов» застыли расчеты, но никто из них не стрелял. Высоко в небе вспух шар взрыва, разбросав во все стороны горящие обломки, чуть дальше взорвался еще один самолет. Среди кораблей начали рваться бомбы. Большинство падало в воду, но были и попадания. Где-то на берегу так рвануло, что вылетело несколько стекол и у всех заложило уши. С леденящим душу воем недалеко от авианосца пролетел горящий самолет и упал в воду. Истребители продолжали взлетать и вступать в бой, и вскоре звуки боя отдалились в сторону базы в Беджайе. Стихла и канонада.

— Пусть соберут сведения о результатах налета, — распорядился командующий. — И поднимите на палубы всех авианосцев истребители. Этих отбили, но могут прилететь другие.

Прошло десять дней с прихода американского флота. Воздушная война была в самом разгаре. Стороны обменивались бомбовыми ударами и в большом количестве уничтожали друг у друга самолеты. Гибло много мирных жителей, и каждый день разрушались тысячи домов, а потери среди американских моряков и летчиков были многократно меньше. В империи находились корреспонденты многих русских газет и радиостанций, поэтому все новости с фронтов сразу становились общим достоянием. В первые же дни боев для немцев стало неприятным сюрпризом то, что почти вся территория Германии оказалась доступной для вражеской авиации. Американцы договорились с англичанами и итальянцами и использовали их аэродромы. Итальянское правительство обвинило янки в наглом захвате города Ливорно и потребовало немедленно вывести из него все войска, но этот демарш никого не обманул. Англичане вообще не стали оправдываться, справедливо посчитав, что немцам выгодней им все простить, чем сейчас вступать в войну еще и с ними. Правительство кайзера ограничилось нотой в адрес соседей и рейдом дальней авиации к расположенному на севере Англии аэродрому. Половина немецких бомбардировщиков не вернулась из этого рейда, но полсотни догоравших на летном поле «Летающих крепостей» были хорошей платой за эти потери. В воздухе эти американские самолеты тоже сбивали, но это было нелегким делом из-за большой высоты их полетов и двенадцати крупнокалиберных пулеметов. Кроме того достать «Летающую крепость» с задней полусферы было тяжело из-за бронирования и особенностей конструкции, а встречный бой длился секунды. Пробовали бомбить и аэродром в Ливорно. Американские самолеты уничтожили, но из-за сильной противозащитной обороны потеряли множество своих, а янки быстро забетонировали воронки от взрывов, убрали с летного поля обломки и через три дня возобновили налеты. Судить о потерях во флоте было тяжело. наших корреспондентов в зоне боев не было, а если верить немцам, весь американский флот уже уничтожили два раза. В первые же дни американцы применили шариковые бомбы. К этому никто не был готов, к тому же немцы не ожидали налетов на свою территорию, и система предупреждения работала плохо, поэтому число жертв ужасало. Но немецкое командование быстро исправило все недостатки, и американцам пришлось вернуться к обычным боеприпасам, потому что теперь шарики только портили шпукатурку домов и выбивали в окнах стекла. Помимо этого широко использовались зажигательные бомбы, судя по описанию, с напалмом и кассетные бомбы. В ответ немцы начали применять зажигательные бомбы на основе фосфора. Американцы проявляли настойчивость в попытках разрушить промышленные предприятия, в первую очередь те, которые работали на армию. Все они были хорошо прикрыты зенитками, поэтому из таких налетов каждый раз не возвращались два–три самолета. Французам доставалось меньше, но они и этого не хотели терпеть. Союз двух народов трещал по швам и не развалился до сих пор только потому, что это было трудно сделать в военное время. Куда немцы подевали флот, никто не знал, и в газетах об этом ничего не писали. Узнали мы только сегодня. Я с Верой был в гостях у Андрея и занимался привычным для последних дней занятием — пытался утешить Александру, а жена о чем-то болтала с хозяином. О нашей дружбе все давно знали, поэтому мы уже не старались ее как-то скрывать.

— Пошли они все! — высказался по этому поводу Андрей. — Император — тоже человек и имеет право на дружбу. Так что наплюй на все!

Ему было легко так советовать, а мне было нелегко видеть, как меняется отношение

окружавших меня людей на демонстративное почтение и откровенную лесть. Не всех, но многих. И это при том, что они меня прекрасно знали и понимали, что я не использую эту дружбу для себя.

— Быстро включайте приемник! — крикнул ворвавшийся в гостиную Олег. — Там такое передают!

Когда прогрелись лампы, я быстро нашел одну из американских радиостанций. Диктор взახлеб сообщал о варварских бомбардировках порта и города Портленд и о потоплении десятков гражданских кораблей.

— Убиты и ранены десятки тысяч человек! — кричал он в микрофон. — Весь город в огне, а разрушивший его флот движется вдоль побережья к Бостону! Тронут ли немцы находящийся в двадцати милях от побережья Манчестер? Боевых кораблей поблизости нет, а те, которые стояли в Норфолке, по слухам, покинули военно-морскую базу и ушли на юг! Корабли и самолеты береговой охраны не в силах ничего сделать, а налет нашей авиации из авиабазы Лэнгли в Хэмптоне привел только к потере почти всех самолетов. Нам неизвестно, понесли ли потери корабли немецкого флота, но он продолжает движение! Многие жители расположенных на побережье городов бросают свои дома и уезжают как можно дальше, а из портов спешно выводятся корабли! Мы не знаем, что собирается предпринять командование базы Мейпорт и много ли у него кораблей, но хочется задать вопрос правительству: как можно было уводить все корабли в Европу, оставляя нас без защиты? Пока сюда придут корабли Тихоокеанского флота, или вернется ударный флот, немцы уничтожат все города побережья! Кто будет отвечать за тысячи погубленных жизней и нанесенный ущерб? Не слишком ли высока цена войне с немцами?

— У кайзера все получилось, — сказал я. — Слышите, как запели? А ведь это они пока обстреляли только один не самый большой город. Мне страшно подумать, что такой флот может сотворить с Нью-Йорком!

— Страшно? — не понял Олег. — Это же американцы. Ты сам говорил...

— Что они мне не нравятся, — закончил я за него. — Но это еще не основание радоваться, когда разрушаются города и гибнут их жители. Я бы с удовольствием нашел с ними общий язык, вот только им это и на фиг не нужно. Возможно, что-то изменится сейчас.

— Что теперь будет, как ты думаешь? — спросила Вера.

— Американцы начнут драпать с побережья, а немцы будут бить тех, кто останется, — ответил я. — Но их там миллионов пятнадцать, а большинству просто некуда бежать. Оставшихся кораблей мало, поэтому срочно начнут проводить через канал Тихоокеанский флот. Весь его убирать нельзя из-за японцев, поэтому дадут приказ главнокомандующему ударного флота вывести часть кораблей с целью быстрее разгрома немцев. В общем-то, он это может сделать. Не думаю, что у американцев такие уж большие потери в кораблях, а флот они привели избыточно большой. Рассчитывали воевать с флотом империи, а его там не оказалось. Поскольку флот только лениво уничтожает укрепления немцев на побережье Франции и перемалывает часть немецкой авиации, вполне можно его ополовинить, и это не сильно скажется на ходе войны. Но я думаю, что кайзер умница, поэтому ничего у янки не выйдет. Замышляя такую операцию, он не мог не придумать способа запереть американцев на выходе из Гибралтара. Ширина пролива там километров пятнадцать, так что возиться с минами долго, а у противника есть тральщики. Поэтому, скорее всего, использовали подводные лодки. Им тяжело подобраться к флоту из-за шума винтов, но если станут в

засаде и не станут включать двигатели, их никто не обнаружит. В самый последний момент поднимут перископы и шархнут торпедами. Двух современных торпед может хватить на авианосец, а большинству кораблей вообще достаточно одной. А теперь представьте, что смогут натворить полсотни лодок, если у каждой в запасе больше десятка торпед. Там даже будет трудно промахнуться. Промахнешься по одному и попадешь в другой. А шум при этом будет такой, что можно маневрировать и никто не услышит. И глубинные бомбы не слишком-то применишь. Если знать о засаде, то и тогда не избежишь потерь, а если спешить... Все будет зависеть от того, как организуют засаду и как четко сработают. Американцы просто не могут не предположить наличия такой засады, но там удобное место для тех, кто нападает, а не для тех, кто защищается. Сейчас нет самонаводящихся торпед и другого вооружения против подводных лодок, только глубинные бомбы, которые сбрасывают с кораблей и самолетов. Подводники будут слышать идущие корабли, а акустики на кораблях ничего не услышат. И радары на самолетах, если они на них есть, ничего не покажут, а толку от бомбометания вслепую будет мало.

— Значит, очередная бойня? — спросил Олег.

— Черт его знает, — ответил я. — Не хочу я ничего предсказывать, давайте вообще поговорим о чем-нибудь другом!

— В чем дело, — спросил Андрей. — Что с тобой не так?

— Со мной все так, — ответил я, — это не так с вашим миром! Я в прошлой жизни не убил ни одной живой души, кроме котенка, да и то только для того, чтобы прервать его мучения. Мне никто никогда не предлагал лезть в политику, но если бы предложили, я бы их всех послал далеко-далеко, а здесь этим приходится заниматься постоянно! Получается, что я, спасая своих, подставляю чужих. Может, это и правильно, но меня не так воспитывали.

— Какая прошлая жизнь? — спросил Олег. — Ты имеешь в виду доставшуюся тебе память?

Я, видимо, действительно был не в порядке, потому что плюнул на все секреты и рассказал им все, как было, начиная с того момента, когда меня пырнули ножом.

— А почему не рассказал сразу? — спросил Олег.

— А ты подумай, прежде чем спрашивать, — рассердился я. — Я даже родителям рассказал только о памяти. Кто бы мне поверил, если бы я завел разговор о том свете? Не было у меня ни малейшего желания сидеть в психушке. И с христианской верой мой ангел слабо сочетается. Для большинства нет никакой разницы, прожил ли я ту жизнь сам или только получил о ней память. Это имеет разницу для меня.

— Если тебе дали возможность здесь родиться и сохранить память, то для чего? — спросил Андрей. — Ты ведь об этом уже думал?

— Думал, да не надумал. Единственное, что получилось в результате моих усилий — это спасение России и ослабление Американских штатов. Мы сейчас начнем быстро развиваться и в перспективе можем стать одной из основных сил в мире, если не самой основной. В моем мире это место занимали американцы. Сначала по праву, а потом уже больше на халяву за счет других. Я сейчас даже не берусь предсказывать, во что может выродиться наше первенство.

— Но Россию спасли яды, — возразил Андрей. — Все твои знания еще только в работе.

— Ты или не все знаешь, или не придавал этому значения, — сказал я. — К ядам добавились бомбы объемного взрыва, на испытании которых был брат кайзера, а потом кто-то из его доверенных лиц. Когда восемь бомб уничтожают целый аэродром, битком

набитый самолетами, — это впечатляет. Мне об этом недавно рассказывал Шувалов. Не канцлер, а его младший брат. Одних ядов могло не хватить.

— Я все-таки не понял, чего тебе не хватает? — спросил Андрей.

— Думаешь, что для счастья достаточно быть другом императора и жить с ним под одной крышей? — отозвался я. — У нас с Верой и помимо вас есть друзья, которых мы не имеем возможности видеть. Нас даже на прогулку сопровождает десяток жандармов, так что непонятно, гуляем мы или прогуливаемся под конвоем. Это для тебя я друг, а для твоего канцлера — объект, который ни в коем случае нельзя выпускать из рук. Он мне благодарен и ценит, но без колебания прикажет ликвидировать, если я попаду не в те руки. Но дело не только в отсутствии личной свободы, хотя это нас угнетает. Вера еще сходит с ума из-за отсутствия ребенка, а я... Мне вам трудно объяснить. Я ведь не так молод, каким кажусь, поэтому неплохо знаю жизнь, а не просто помню что-то полезное. Именно поэтому ваш отец держал меня рядом с собой и часто советовался. Со знающим какие-то технические тайны мальчишкой он бы себя так не вел. Я не могу сказать, что вообще устал от жизни, я устал от той жизни, которую приходится вести здесь. Мною все пользуются, а я сам в своей жизни ничего не решаю. Все решено за меня: где жить, с кем дружить и чем заниматься. Я только свою женщину выбрал себе сам! А теперь наша жизнь тяготит и ее. И самое плохое, что даже вы с этим ничего не сможете сделать. Пока не закончится война и наша грядущая разборка с Американскими штатами, ничего существенно не поменяешь. А мне уже не хочется с ними разбираться, не хочется драться из-за ненужной нам Аляски. И с Японией все не так просто. Мы отвели от себя угрозу войны и перевели стрелки на других. Кто это будет, Малайзия, Сингапур или кто-то другой — какая разница! Извини Лена, но твой народ может быть чудовищно жесток. В той моей жизни японцы захватили много стран и вырезали в них полмиллиона мирных жителей. Это только то, что подтвердилось, на самом деле наверняка жертв было гораздо больше. Во время войны в Китае они уничтожили тридцать пять миллионов китайцев. От испытаний химического и бактериологического оружия погибли еще полмиллиона человек. Вот я и думаю, благо это или нет — наш союз? В той реальности зверство японцев сокрушили американцы. Конечно, не из соображений гуманности, просто столкновение интересов. Сейчас американцы будут ослаблены, а англичане уже ослаблены и я не исключаю того, что в конце войны немцы вспомнят о бомбежках с территории Англии и ослабят их еще больше. В результате получится, что у Японии не останется никакого сдерживающего фактора, и миллионы людей в Азии умрут кровью. И я косвенно в этом буду виноват, хотя даже не думал, о заключении этого мира. В той моей жизни в это самое время в Европе, Азии и даже Африке бушевала самая страшная из всех войн, которую затеяли Германия и Япония. Они даже заключили союз, хотя мало помогали друг другу. Погибли больше семидесяти миллионов человек, а материальные потери просто не поддавались подсчету. И здесь, хоть пока и в меньших масштабах, началось то же самое! Проклятая человеческая природа, толкающая в драку целые народы!

— Природа ли? — с сомнением сказал Андрей. — Я никакой потребности в драке не испытываю, и ты тоже.

— Есть те, кому это выгодно, — согласился я, — но если бы не желание многих других, ничего бы они не сделали. Людям нравится, когда кто-то воспекает их исключительность и говорит, что соседям все досталось не по праву! Мы лучше других, поэтому и жить должны лучше! А если это не получается сделать самим, или чего-то не хватает, или просто не хочется надрывать пуп... В конце концов, эти лучшие подгребают под себя большую часть

мировых богатств и в дальнейшем насмерть бьются за то, чтобы так было всегда! А несогласных начинают убеждать бомбами или стравливать их с кем-то другим. В том мире американцы поняли, что весь мир своей армией не завоюешь и всеми управлять невозможно, да и утомительно. Поэтому они стали делать так, чтобы элиты других стран им служили и все делали за них. Сами они применяли силу только в крайних случаях.

— И как же это у них получилось? — заинтересовался Андрей.

— Из-за той самой мировой войны, — объяснил я. — Все великие державы воевали на своей территории и в результате получили разрушенную экономику, разваленные города и миллионы погибших. Американцы и воевали гораздо меньше других, и делали это не на своей территории. Экономика у них и так была сильнее, чем у всех остальных, во время войны она только окрепла, а потери в людях они понесли совсем небольшие, если их сравнивать с потерями основных воюющих государств. После окончания войны американцы навязали свои деньги большинству стран, а когда ты единственный печатаешь валюту для всего мира, ты это можешь делать бесконтрольно. Напечатал и отдал в долг какому-нибудь королю или президенту, а потом добиваешься того, что тебе задешево продают все необходимое. Это я объясняю упрощенно, чтобы было понятно, на самом деле схемы были самые разные.

— Знаете, давайте на этом закончим, — сказала Вера. — Что-то я себя плохо чувствую.

Прошло еще десять дней. Флот кайзера двигался вдоль побережья, не пропуская ни одного города. Манчестер стоял в стороне от побережья, но досталось и ему. Три сотни самолетов совершили один вылет, но городу этого хватило. Применили зажигательные бомбы, которые вызвали массовые пожары, уничтожившие большинство строений. Две трети населения бежали до бомбежки, но все равно погибших и обгоревших было столько, что ужаснулась вся Америка. Бегство из прибрежных городов приняло массовый характер. Заторы на дорогах заставляли людей бросать машины и уходить пешком. Власти старались вывезти беженцев и хоть на время где-то поселить, но они не справлялись. Один за другим подверглись обстрелам Плимут, Фолл-Ривер и Нью-Хейвен. На небольшие покинутые людьми курортные городишки внимания не обращали. В Нью-Йорк пришли утром и ушли вечером. Островной характер города давал большие возможности для маневра всеми силами. Несмотря на то, что часть судов успели вывезти, многие сотни брошенных командой кораблей были пущены на дно торпедами. Весь день не смолкала канонада, а самолеты авианосцев израсходовали две трети авиабомб всех типов. В первую очередь старались уничтожить высотные здания и промышленность, а когда уходили напоследок взорвали все мосты. Огромный город занялся сотнями пожаров, которые не могли тушить из-за завалов на улицах, а число жертв исчислялось сотнями тысяч. Если бы немцы с французами больше ничего не сделали, американцам с головой хватило бы и этого. Но после Нью-Йорка артиллерийским ударам подвергли Мидлтаун, Брик, Томс Ривер и Атлантик-Сити. Населения в них уже практически не осталось, поэтому жертв было мало. Авиацию здесь не использовали. Дальше флот пятнадцать часов двигался с максимально возможной скоростью, не трогая небольшие поселения, сделав остановку только у курортного города Вирджиния-Бич. Долго его не обстреливали, потому что городов впереди было еще много, а боеприпасов осталась меньше трети от взятого в поход запаса. Гросс-адмирал Эрих Редер принял решение наведаться на американскую военно-морскую базу Норфолк, которая, судя по передачам американского радио, была оставлена военными. Флот вошел в Чесапикский залив и встал на стоянку, а на базу отправили три эскадренных миноносца. Они вошли в реку Элизабет и через три часа были на базе флота. Она действительно оказалась брошенной, причем американцы не поставили даже мин. Они не уничтожили арсеналы, но это и понятно: двести тысяч тонн бомб и снарядов, собранных здесь для отправки в Европу, при взрыве уничтожили бы весь город. То, что не сделали американцы, сделал флот империи. Целый день на кораблях грузили подходящие боеприпасы, а потом заминировали все оставшееся и ушли, не тронув город. Незачем было терять время на его разрушение, от города и базы и так ничего не осталось, когда через два часа взорвались арсеналы. После этого флот три дня плыл вдоль побережья, разрушив десяток городов. Последним таким городом был Майами. По предписанию следовало срочно возвращаться, но боеприпасы еще были, а ударный флот американцев застрял в Гибралтаре, поэтому Редер решил проявить инициативу. Флот через Мексиканский залив вошел в Карибское море и взял курс на Панаму. В порту Кристобаль были захвачены шесть грузовых судов, которые затопили перед первым шлюзом, изуродовав его перед этим торпедами. После этого движение по каналу прекратилось почти на месяц. Редер счел поставленные задачи выполненными и дал приказ на возвращение. Возвращались не к берегам Франции, а к Гибралтару.

С первым же обстрелом Портленда адмирал флота Нимиц получил приказ срочно отправить к атлантическому побережью группу кораблей для уничтожения флота империи. К этим кораблям собирались присоединить двенадцать других, выведенных из оставленных баз. Командующий Тихоокеанским флотом пока не мог быстро оказать помощь из-за штормовой погоды, но ее должны были получить из колоний. Сам ударный флот к этому времени лишился четверти боевых кораблей, не потеряли лишь ни одного авианосца, хотя три из них получили заметные повреждения и лишились половины палубной авиации. Нимиц принял решение отправить к берегам Америки два авианосца, десять линейных кораблей, пятнадцать крейсеров, тридцать два миноносца и пять эскортных эсминцев. Подводные лодки в поход не брали из-за малой скорости их хода. Возглавлял соединение адмирал флота Уильям Хэлси. При выходе из Гибралтара с одного из авианосцев взлетели двенадцать пикирующих бомбардировщиков, которые отбомбились перед орденом. Все субмарины империи находились в подводном положении и не были обнаружены самолетными радарными, поэтому бомбы сбросили вслепую. Как выяснилось позже, почти все они упали в стороне от субмарин, лишь три из которых были повреждены и не смогли принять участия в бою. Подводные лодки были расположены в линию по ходу движения кораблей и начали сражение, когда из пролива в океан вышли эскортные эсминцы и одиннадцать миноносцев. Лодки заметили после первых же пусков торпед, но что-то сделать уже не успели. В каждый корабль с небольшой дистанции были выпущены две—три торпеды, поэтому ни один из них не уцелел. Несколько минут на выходе из пролива гремели взрывы, а с обоих авианосцев спешно взлетали бомбардировщики. Почти все субмарины успели погрузиться и сменить позицию, но пять из них были потоплены ударами с воздуха. Акустики не смогли из-за шумов собственных кораблей быстро засечь подводные лодки противника, поэтому американцы подверглись вторичному нападению уже из подводного положения. Потеряв еще два корабля, адмирал Хэлси, проклиная все на свете, отдал приказ о возвращении.

— Я потерял все эскортные корабли, сэр! — докладывал он по радио Нимицу. — Там этих чертовых подводных лодок была, наверное, сотня, если не больше. Я вывожу корабли в Альборан и жду! Пришлите еще эсминцы, пусть там все почистят глубинными бомбами.

Подводники кайзера не стали дожидаться, пока их будут чистить. Адмирал Денец отдал приказ, и все уцелевшие субмарины ушли на двадцать миль на запад. Весь день, не смолкая, гремели взрывы: семь эскортных эсминцев обрабатывали глубинными бомбами подходы к Гибралтару. После этого была предпринята еще одна попытка вырваться из ловушки и выполнить приказ. Повторное нападение стаи подводных лодок было ожидаемо и не привело к большим потерям, но им все-таки удалось потопить один линейный крейсер и повредить другой, а также вывести из строя один из авианосцев. За это пришлось заплатить высокую цену: тридцать две подводные лодки были уничтожены и семь сильно повреждены. Погиб и сам адмирал Денец. Но задача была выполнена: адмирал Хэлси не решился с такими силами воевать с вражеским флотом и вернулся обратно. К тому времени, когда определились с новым составом группы, узнали о диверсии в Панамском канале.

— Я никого не могу к вам отправить! — сказал адмирал Нимиц прилетевшему в Алжир адмиралу Чарлзу Бенсену. — Тихоокеанского флота не будет, а в колониях нет ничего серьезного! Если уходить, то делать это всем и бросать здесь все к чертовой матери! Мне и в этом случае придется взорвать часть кораблей. Я не смогу отремонтировать их своими силами, а в теперешнем состоянии даже не доведу до дома, не говоря уже об использовании

в бою!

— Не орите на меня, Честер! — ответил ему Бэнсен. — Все хуже, чем вы думаете. По нашим сведениям, флот противника идет не к Ла-Маншу, а сюда к вам. Они вполне смогут занять побережье Марокко и окончательно закупорить вас в Средиземном море. Ничего не стоит перерезать единственную железную дорогу, и никого из вас не эвакуируешь даже через Африку, а европейцы тоже не помогут, просто побоятся немцев. Вы сможете с ними сразиться на равных?

— Не знаю, сэр, — уже тише ответил Нимиц. — Сейчас, наверное, уже нет. Нам больше месяца не подвозят боеприпасы, а расход их очень большой. Самолетов на авианосцах осталось в лучшем случае треть, а один из авианосцев наполовину затоплен, и с него нельзя взлетать. Но хуже всего моральное состояние моих людей. Они устали от этой войны и напуганы. Напуганы известиями из дома и своими собственными потерями. Вы знаете, что немцы нас всех объявили преступниками? У них от бомбардировок погибли в общей сложности полмиллиона гражданских, поэтому всех наших пилотов уже приговорили. Если их собьют над империей и повезет уцелеть, это везение будет недолгим, их просто расстреляют. Уже были отказы от вылетов. Не у меня, а у летчиков ваших «Крепостей». Их тоже осталось не так много. Боюсь, что у нас ничего не выйдет с этой войной. И говорить о мире с кайзером сейчас бесполезно. Он выставит такие условия, что лучше будет воевать до конца, каким бы он ни был!

— Мы немного переоценили свои силы, и даже в мыслях не было, что кайзер может сделать такой ход, — сказал Бэнсен. — В стране паника, причем она будет только нарастать. Сотни тысяч погибли и миллионы лишились жилья. Кому-то за все это придется отвечать, но об этом пусть болит голова у политиков, а нам с вами нужно думать о том, что мы сможем спасти своими силами.

— Если сюда придет флот империи, войне однозначно конец, — сказал Нимиц. — Даже если они не применят против нас свою авиацию, снабжения больше не будет, а на наших базах боеприпасов осталось максимум на неделю. Они захватят и Алжир — это только вопрос времени. Поэтому надо как-то мириться, и срочно вывозить всех, кого сможем, по железной дороге, и спасать оставшиеся самолеты и пилотов. Вы когда полетите обратно?

— Я должен все увидеть своими глазами и поговорить с вашими людьми, — ответил Бэнсен. — Потом сразу вылетчу. В Вашингтоне ждут моего отчета.

— А моим шифровкам, значит, не доверяют! — сказал командующий. — Ладно, черт с ними! Моей карьере после этой войны все равно конец, да и не захочу я больше служить на флоте. Теперь каждый будет плевать вслед военным морякам. Скажите им, Чарльз, чтобы решали быстро, иначе я уйду к русским, отдам им корабли и попрошу в обмен отправить всех моих парней домой через Россию. И плевать мне на то, что потом обо мне кто-нибудь скажет!

— Может быть, так еще придется сделать, — вздохнул Бэнсен. — Чертовы англичане! Если бы они нам помогли, не было бы такого финала!

— Что передают? — спросила вошедшая в гостиную жена.

— Ничего нового, — оторвался я от радиоприемника. — Американцы заняты своими городами и больше пока ничем не интересуются. Когда на кого-то часто валятся беды, он к ним привыкает и уже не так остро реагирует, а у них с этим плохо. Сейчас все растеряны и

не столько пытаются устранить последствия, сколько плачутся друг другу в жилетку и пытаются выяснить, кто во всем виноват.

— Им все-таки сильно досталось, — вступилась она за янки.

— Немцам с французами досталось гораздо больше! — возразил я. — Если бы не этот поход флота в Америку, империя распалась бы, к этому все шло. Но европейцы быстро все выстроят заново, а за океаном с этим будет хуже, хотя возможностей у них по-прежнему больше. Сейчас, вместо того чтобы восстанавливать города, все силы бросят на восстановление военного флота. Сто лет назад это был совсем другой народ.

— Тебе видней, — вздохнула она.

— Как себя чувствуешь? — заботливо спросил я.

С тех пор как Вере десять дней назад стало плохо, и спешно вызванный врач установил беременность, ее самочувствие стало для меня самым важным из всех вопросов.

— Да вроде неплохо, — ответила она. — Плохо было тогда, да еще потом два раза сильно тошнило, а сейчас только иногда немного подташнивает. Наш Борис Карлович удивлен таким ранним проявлением беременности и тем, что это случилось со мной. Он меня считает эталоном здоровья.

— Из вас троих только у Александры пока нет беременности, — сказал я. — По-моему, она вам с Леной немного завидует.

— Она сейчас мучается из-за немцев. Если бы я куда-нибудь уехала, а кто-то начал бомбить наши города, я бы тоже переживала. Слушай, Лещ, я вот о чем подумала. Если ты вдруг умрешь...

— Чего это ты меня решила похоронить? — удивился я.

— Не говори глупости, — ответила она. — Никто тебя не хоронит, но ведь всякое бывает. Тебя больше никуда не пошлют?

— Меня и в этот раз никто никуда не посылал, сам удрал. То, о чем я говорил, — это только мои предположения. А к чему этот разговор?

— А к тому, что если начнешь создавать свой мир, никого не бери в жены, подожди меня! Я только немного выращу ребенка, а потом приду сама.

— Совсем рехнулась? — постучал я ее пальцем по лбу. — Я тебе приду! На порог не пущу — так и знай! Жизнь всегда лучше фантазии, а я тебя согласен ждать и сто лет. А, вообще-то, я пока не собираюсь умирать и тебе не дам.

Этот дурной, по моему мнению, разговор был прерван появлением Олега.

— Что нового слышно? — спросил он, имея в виду радиоприемник.

— Ничего, — ответил я, — хотя в самом ближайшем будущем новостей должно быть хоть отбавляй. Война входит в завершающую стадию, если только немцы не сцепятся с англичанами, но это маловероятно: им и так сильно досталось.

— А вот у меня есть новости, — сказал Олег, — приятные и неприятные одновременно. Во-первых, брат решил вас наградить.

— Это за какие заслуги? — спросил я. — И чем?

— У тебя мало заслуг? — задал он встречный вопрос. — Зачем говоришь глупости?

— Много, — согласился я. — О них знаешь ты и еще человек сто-двести, а что подумают остальные? Что император наградил своего дружка?

— Этого можешь не бояться, — засмеялся он. — Те, кому нужно, в курсе, а остальные об этой награде знать не будут. Еще не интересно, что дадут?

— Мне интересно, — сказала Вера, — даже тошнить перестало.

— Казна выкупила у одного нефтепромышленника усадьбу Алтуфьево, — торжественно сказал Олег. — Ее подарили тебе за особые заслуги перед отечеством. Ты у нас, конечно, человек богатый и мог бы сам потратить эти двести тысяч, но сейчас ничего не нужно платить, да и не продал бы тебе ее бывший владелец. Брат его уломал, пообещав дворянство, ну и еще кое-чего. Усадьба шикарная, хоть и похуже нашего дворца. Есть большой пруд и парк. И от нас всего в двадцати километрах. Кроме того, тебя еще наградят орденом и повысят чин.

— Куда уже выше! — проворчал я. — Чин с орденом тоже дадут инкогнито? И из-за чего этот дождь монарших милостей?

— Вот теперь я верю в то, что тебе больше семидесяти лет, — засмеялся Олег. — Бурчишь как старый дед, вместо того чтобы радоваться.

— А если сказать прямо? — спросил я. — Нас выгоняют из дворца?

— Такой глупости я от тебя не ожидал, — обиделся он. — Дурак.

— Ладно, извини, — сказал я. — Выбрал неудачное слово, но ведь угадал? Нужно съезжать?

— Ваши родители останутся здесь, — ответил Олег, — и эти комнаты у вас не забирают. В любое время можете приехать. Просто у нас во дворце тебе будет опасно. Сам же против того, чтобы за тобой повсюду ходила охрана. Здесь бывает слишком много разных людей, даже в этой части дворца. Выкрасть тебя не смогут, а зарезать — запросто. В этом деле искусников хватает: сунут нож в спину, и не поможет все твоё искусство.

— А там? — спросил я. — Тоже охрана?

— Дом очень большой, — сказал он, — парк тоже не маленький и окружен хорошей оградой. Вот она-то и будет охраняться, а внутри ходите, куда хотите. Можете выезжать к друзьям, но только с охраной. Лучше, конечно, чтобы приезжали к вам. В доме есть телефон и будут две машины: разъездная и для всяких неожиданностей. Служанка только одна, которая будет вам готовить и убирать в доме. Стирать будут на стороне. Кажется, ничего не забыл.

— А что в твоей новости печального?

— Что я не смогу каждый день видеть такую неблагодарную свинью, как ты, — ответил он, — а Елена будет скучать по Вере. О брате я не говорю, сам должен понимать. Учти, что телефон обычный и по нему нельзя говорить ни о чем важном. Да, когда у Веры будет подходить срок, ее заберут в специальную лечебницу. Роды примут прекрасные специалисты, и для нее не будет никакой опасности. Ценить нужно то, как о тебе заботятся друзья, а не кривить морду.

— Ты же знаешь, что я на вас не обижен, — примирительно сказал я. — Когда переезжать?

— После окончания войны, — ответил он. — Сейчас ты нужен здесь. Только постарайся потерпеть и никуда не ходить без охраны, и жену не пускай. Трудно, что ли, позвонить и несколько минут подождать? На этих ребятах не написано, что они охранники, и они вам в затылки не дышат.

Он ушел, и мы остались вдвоем. Мать обзавелась множеством подруг и редко проводила время дома, а отец должен был прийти со службы только через два часа.

— Я вижу, что ты не рад, — сказала Вера, садясь мне на колени. — Вспомнил лагерь?

— Нет, здесь другое, — ответил я. — В лагере нам ограничили общение и не пускали за ограду. Почти тюрьма, только размером с поселок и комфортабельная. Здесь мы можем

дружить, с кем хотим, и ездить везде в пределах Москвы. Свобода, хоть и ущербная, но другой у нас пока не будет. Там будет безопасней, но и скучней, потому что каждый день в гости ездить не будешь. Значит, будем коротать время друг с другом и с охраной. Что-то выиграем, что-то проиграем.

— Выиграли двести тысяч, — напомнила она, — а ты действительно скривился, как будто хлебнул уксуса.

— Мы эту фазенду и сами могли купить и потребовать охрану, — сказал я. — Понимаешь, малыш, для меня деньги уже давно ничего не значат. Когда их слишком много и мало тратишь, о них вообще забываешь. Фазенда? Это что-то вроде имения. Мое поведение не связано с этим подарком или почти не связано. Просто я сейчас жду, чем все закончится, и боюсь! В моих знаниях есть преимущества и недостатки. Недаром говорят, что меньше знаешь — крепче спишь.

— И долго еще тебе бояться? — спросила она.

— От месяца до года, — засмеялся я. — Как только все в мире установится, так я сразу стану спокойным—преспокойным! Вот дней через пять к нам обратится американский посол...

Я со своим прогнозом ошибся ровно на пять дней: посол попросил у императора срочной аудиенции уже через час после ухода от нас Олега.

— Оденься поприличней и надень орден, — сказал мне Андрей в телефонную трубку. — Сейчас должен подъехать американский посол с очень срочным делом. Поскольку оно у него не терпит отлагательств, у меня не будет возможности с кем-то советоваться задним числом. Кроме тебя будут канцлер и Олег.

Я срочно надел парадный мундир, прикрепил звезду «Святого Владимира» с левой стороны груди, а на шею повесил крест на ленте. Жена по традиции привела в порядок мою прическу, и я чуть ли не бегом выскочил за двери. Опаздывать не хотелось, а заставлять из-за своего опоздания ждать посла хотелось еще меньше. Я там и так буду как бельмо в глазу, не стоило лишний раз обращать на себя внимание. Хотя все равно не удастся отсидеться в сторонке, иначе не стоило туда вообще идти. Я успел: посла еще не было, но все остальные уже были в сборе и сидели за большим круглым столом.

— Садись сюда! — махнул мне рукой Андрей на самый дальний от него стул. — С чем, думаешь, он приехал?

— Почти наверняка хотят отдать нам свои побитые войной корабли в обмен на провоз их экипажей через Россию в Америку, — ответил я. — Англичане их не приютят, потому что это равносильно войне с империей, да и остальные... Стоит кайзеру топнуть ногой, как отдадут и корабли, и моряков. Флот американцы построят быстро, а военные моряки за год на грядке не вырастут. Нам это выгодно по многим причинам, только нужно сразу предупредить, что мы вышлем инспекцию. Нам не надо, чтобы они перетопили палубную авиацию и взорвали все лишнее. Нам эти корабли еще пригодятся, хотя кое-что придется отдать кайзеру: не стоит обижать союзника, забирая у него все трофеи.

— А он не обидится на «кое-что»? — усмехнулся Иван Павлович.

— Он мог не получить и того, что дадим, — ответил я. — На это и нужно будет напирать в разговоре. Кайзер перегнул палку, объявив всех американцев преступниками. Кто же ему будет сдаваться на таких условиях? Это как минимум десять лет принудительных работ по восстановлению разрушенных городов, а кого-то могут и расстрелять. Вообще-то, это было бы справедливо, но империя уже отплатила американцам той же монетой. Если их

ударный флот пойдет на прорыв, возможно, его потопят, но и у немцев мало что останется, а у них под боком англичане. Да и с американцами лучше говорить о мире не с пустыми руками.

Я никогда не видел американского посла, поэтому рассматривал его с интересом, и удостоился от него такого же любопытного взгляда. Мне на его месте тоже было бы интересно, что делает на приеме такой мальчишка, как я. Посол поздоровался первым, произнес все протокольные фразы. Ответил на приветствие только император, а потом он представил меня и предложил перейти к цели визита.

— Я хотел бы от имени моего правительства просить ваше величество об одной услуге, — сказал посол, садясь на предложенное ему место. — Нужно перевезти по вашей территории наших моряков, и позволить нам вывезти их на родину из одного из ваших дальневосточных портов.

— Только моряков? — спросил Андрей. — Я бы хотел узнать, мистер Буллит, что вы собираетесь делать с кораблями?

— Скорее всего, они будут затоплены, — ответил посол.

— Ваше мнение, князь? — обратился ко мне Андрей.

Вот надо ему было это делать? Лучше бы ответил Шувалов.

— Пусть топят свои корабли вместе с экипажами, — посоветовал я. — Для них такая героическая смерть будет лучше плена, а нам ни к чему ссориться с проверенным временем союзником. Франко-Германская империя фактически разгромила ваш флот, а сейчас вы нам предлагаете пренебречь союзническими обязательствами и спасти ваших моряков, которых кайзер объявил преступниками, да еще при этом лишит его законных трофеев. Мы ничего не приобретем, кроме неприятностей.

— А если все корабли отдадут вам? — спросил посол.

— Кое-что отдадим кайзеру, а остальное используем сами в оплату своих услуг, — улыбнулся я ему. — Мы единственные, с кем кайзер не станет из-за вас драться. Можем даже поспособствовать в проведении мирных переговоров.

— На это можно пойти при выполнении двух условий, — осторожно сказал Буллит. — Во-первых, мы заключаем договор о взаимной обороне, а, во-вторых, вы переводите большинство полученных кораблей в свои дальневосточные порты, чтобы от вас, как от союзников, была польза.

— Бойтесь японцев? — спросил я. — А это ничего, что у нас с ними уже есть союзный договор?

— Вы не делали секрета из текста договора, — сказал он, пожав плечами. — Ваш договор с японцами такой же, какой предлагаю и я. Вы не нападаете на них и не нападаете на нас, но оказываете помощь тому из нас, кто подвергся нападению. Если на нас нападут японцы, вы, оказывая нам помощь, не нарушите ни один из договоров. Естественно, у такой помощи будут ограничения. Так вы не сможете, помогая нам, воевать на их территории, только на нашей или в международных водах.

— Хорошо, что вы вспомнили о вашей территории, — сказал я. — Что мы решим насчет Аляски? Нам не мешает база рядом с союзником, которому нужно помогать.

— Не большая получится база? — спросил он. — У нас необходимость в союзе на время, хотя мы и потом готовы поддерживать добрососедские отношения. Я думаю, что мы сможем отдать вам несколько Алеутских островов в обмен на согласие никогда в будущем не выдвигать к нам территориальных претензий, но даже это я не могу решить сам без

консультаций. Давайте отложим решение этого вопроса на более позднее время.

— Тогда у меня, ваше величество, больше вопросов нет, — сказал я Андрею. — Если согласятся передать нам все корабли и находящееся на них боевое имущество, всех переправить во Владивосток, а там действовать, как договоримся. Можем перевезти мы, а могут прислать свои корабли. Сколько их?

— Около семидесяти тысяч, — ответил посол. — Возможно, будут не одни моряки. Немцы перерезали железную дорогу, а мы не успели всех вывезти из Алжира.

— Я не возражаю, — кивнул Андрей. — У вас нет вопросов, канцлер?

— Большие расходы, — сказал Шувалов. — Ваших военных будут довольно долго перевозить. Пока всех с пересадками доставят во Владивосток, пройдут два месяца, а уже начало сентября. Часть из них наверняка не успеем перевезти до зимы, и их придется где-то размещать и содержать. Корабли — это, конечно, ценность, но я представляю в каком они состоянии после четырех месяцев боев. И если еще будут что-то взрывать или вредить... Я вам сразу скажу, что к ним в таком случае будет совсем другое отношение.

— Это можно будет оговорить в документах, — согласился посол. — Если будем заключать договор, какой нам смысл вредить своим союзникам?

Когда договорились по всем вопросам, и посол уехал в свою резиденцию, ушел и Шувалов. Остались только мы втроем.

— Нельзя было его дожать без меня? — недовольно спросил я Андрея. — Мало мне было внимания англичан, теперь еще янки заинтересуются такой непонятной фигурой у трона. Не пора ли мне переезжать? С американцами договорились, причем с их помощью можно будет придержать японцев. И кораблей у нас теперь будет достаточно, и Филиппины им завоевать не удастся, а об остальном пусть болит голова у англичан с голландцами. А с кайзером как-нибудь по-родственному договоритесь.

— Завтра, — сказал он. — Я распорядюсь, чтобы отправили охрану и вообще к вашему приезду приготовили все, что нужно. После обеда будут машины, тогда и поедете. И учти, что раз в неделю будете к нам приезжать.

Когда я пришел домой, отец уже вернулся со службы.

— Красавец, — сказал он, с удовольствием меня осмотрев. — Мужчине идет мундир, жаль, что ты его не любишь. И орден на тебе прекрасно смотрится. Да, можешь меня поздравить со статским советником. Твоя работа?

— Тогда и ты меня поздравь с тайным советником, — ответил я. — Даю слово, что не прикладывал руку ни к твоему повышению, ни к своему. Да, меня еще наградили орденом Святого Александра Невского, только пока почему-то не вручили. Наверное, забыли.

— Не врешь? — поразился отец, от удивления забыв о манерах. — Я понял, за что наградили, жаль, что другие поймут превратно.

— Плевать, отец, — сказал я. — Мы завтра от вас уедем. Будем жить недалеко в собственном имении и приезжать раз в неделю.

— Тебя отпускают раньше, чем все закончится?

— Все уже почти закончилось, а оставшееся доделают без меня. Где Вера?

— В спальне твоя жена, — ответил отец. — Ей опять нехорошо. Когда твоя мать вас вынашивала, она так не мучилась, хотя была слабее Веры.

Я вошел в спальню и сел на край кровати, на которой лежала жена.

— Опять тошнит, — виновато сказала она. — У нас вчера ничего не было и сегодня я не смогу.

— Глупенькая, — сказал я, целуя ее глаза. — Нашла о чем печалиться! Думай лучше о том, что возьмем с собой на новое место жительства. Завтра после обеда будем переезжать.

— Я уже привыкла к переездам и все быстро соберу, — сказала она. — Леш, а кого ты больше хочешь, девочку или мальчика?

— Ты уже спрашивала, а я отвечал, — засмеялся я. — Я от тебя хочу побольше и мальчиков, и девочек, лишь бы роды не отразились на твоём здоровье. Но ты у меня сильная, и все должно быть хорошо.

Утром сходили позавтракать, а потом Вера подавала мне вещи, а я их укладывал в саквояжи. Комнаты все равно оставались нашими, поэтому все с собой не брали, только четыре саквояжа, которые забрали пришедшие в три часа жандармы. Уехали на двух машинах, в одной из которых были мы, а в другой — четыре жандармских офицера. До усадьбы ехали двадцать минут. Находилась она недалеко от дороги, но дом был в глубине парка, поэтому проезжавшие машины не должны были мешать. Один из офицеров своим ключом открыл замок на воротах, и машины одна за другой поехали через парк по дороге к стоявшему в ее конце большому одноэтажному дому и возвышавшейся над ним маленькой церкви.

Этот дом стал для нас домом на всю жизнь. Позже были еще дома в Крыму и на юге Франции, но все это использовалось только для отдыха, а жили мы по-прежнему в Алтуфьево. Первые шесть лет нас охраняли не хуже членов правительства, потом остался только один охранник. Еще через пять лет по нашей просьбе убрали и его. Правда, когда я поделился атомными секретами, охрану на какое-то время вернули.

Российская империя во многих областях науки и техники вырвалась далеко вперед, по сравнению с остальными ведущими державами, но долго такое лидерство не продлилось. Что-то у нас украли, чем-то мы поделились сами, а до многого додумались без нашей помощи. Когда знаешь, в каком направлении думать, это только вопрос времени. В империи большое внимание уделялось образованию и наукам, поэтому, хоть мы и не сохранили безусловное лидерство в научно-техническом прогрессе, в хвосте тоже не плелись. Первого человека в космос послали именно мы в шестьдесят пятом году, но вскоре программу пилотируемых полетов свернули, решив, что работать с автоматами будет быстрее и дешевле. На Луну или на Марс пока никто не рвался, а вот большую орбитальную станцию делать будут. Сами или в кооперации с кем-то, пока еще не решили. Вообще, мир получился очень непохожим на мой прежний. Во-первых, в нем не было явно выраженного лидера, а всем ведущим государствам пока удавалось уживаться без больших разногласий. Во-вторых, в нем сохранилась колониальная империя. Часть Африки поделили между собой Великобритания, Американские штаты и Франко-Германская империя, а в Азии колонии сохранились у англичан и японцев. В большинстве этих колоний аборигенам жилось не хуже, а кое-где и лучше, чем в моем бывшем мире, где у них была самостоятельность. По крайней мере, войн и революций у них не было, как и межплеменной розни, а уровень жизни был повсеместно выше. Японцы успели отобрать у американцев Филиппины прежде, чем мы подписали с Американскими штатами договор и перевели трофейный флот в свои дальневосточные порты. Понятно, что мы не стали вмешиваться, да и сами американцы не решились воевать. Обидно, но после раздела с империей кайзера французского наследства колоний у них осталось достаточно. Одни мы не рвались никого захватывать, удовлетворившись половиной отданных нам Алеутских островов. Было решено, что возвращение Аляски — слишком дорогостоящее мероприятие в части последствий, а поскольку жизненной необходимости в новых территориях нет, то ни к чему развязывать войну. Японцы показали свой норов на Филиппинах, устроив резню, но со временем и там все стало более или менее нормально. В этом мире сохранились не только колонии, но и много монархий. Я не считал это анахронизмом. Дворянство было привилегированным классом, но что в этом плохого? Элита была везде и во все времена, главное, чтобы она оправдывала свое существование, а не просто жрала в три горла. Все остальные проблемы покинутого мной когда-то мира были и здесь, разве что пока не успели прихватить от африканских обезьян ВИЧ-инфекцию, да не занялись гонкой ядерных вооружений. Во всем мире, кроме Азии, пока не было большого избытка населения, но к этому все шло, а вот во многих странах Азии число жителей превышало разумные пределы, и все тлеющие и временами вспыхивающие конфликты в основном были здесь. В Китае не было гражданской войны, войны с Японией и маразма «больших скачков» и «культурной революции», поэтому с китайцами в этом мире стали считаться гораздо раньше. У нас с ними были неплохие

отношения, но не дружба из-за их претензий на часть нашей территории.

Как я и хотел, жена родила двух мальчиков и двух девочек. Все дети выросли, и у нас от них были девять внуков и внучек. Многие из наших друзей были еще живы, но виделись мы редко, больше общались по сети. Андрей умер два года назад, и сейчас правил его старший сын Василий. Александра была жива, но мы с ней не общались из-за того, что она в последние годы жила в Германии. Олег с Еленой были единственными, кто часто приезжал к нам в гости. Больше пятидесяти лет дружбы — таким мало кто может похвастаться. Обо мне так никто и не узнал. Когда я так говорю, то имею в виду народные массы, а не тех, кто ими управляет. Я написал за свою жизнь сорок три книги, и все они, кроме одной, были написаны в жанре фэнтези, родоначальником которого меня здесь считали. Сорок две из них были изданы, а сорок третья, в которой я описал обе свои жизни, ждала моего конца. Умру, тогда пусть печатают, а люди гадают, выдумал я все это или впервые в жизни написал о том, что действительно было.

Вера вошла в кабинет и застыла. Алексей лежал в кресле, слегка свесившись набок, и она сразу поняла, что он мертв. Поцеловав холодный лоб, Вера закрыла мужу глаза и с трудом подтащила второе кресло к тому, в котором он сидел. Открыв ключом один из ящичков трюмо, она достала стоявший в нем флакон, села в кресло и выпила его содержимое.

— Только попробуй меня не пустить! — сказала она и еще успела взять руку мужа в свои.

На этот раз я сразу понял, что значит мой полет во тьме с мелькающими светящимися спиралями. Очнулся я, как и прошлый раз, в пустой комнате с креслом. Кресло занимал я, а у стены стоял ангел, наблюдавший за мной ничего не выражающими глазами.

— Ну что, оправдал я оказанное мне высокое доверие? — насмешливо спросил я.

Страх не было совсем, была усталость от двух прожитых жизней и желание скорее встретиться с женой. Без нее я не представлял своего существования ни в том мире, ни здесь.

— А вы как думаете? — спросил он и сел в возникшее за спиной кресло.

— Мне понравилось, — ответил я, — а за вас судить не берусь. Не скажете, когда появится моя жена? Вы должны знать такие вещи.

— Знаем, — кивнул он. — Ваша никогда не появится, можете ее не ждать.

— Это еще почему? — похолодев, спросил я.

— Она приняла яд, — ответил он. — Самоубийцы здесь не появляются. У них свой сектор с гораздо худшими условиями.

— Я хочу поменять место проживания, — сказал я. — Условия не имеют значения.

— Вы не понимаете, что просите. Там у вас не будет мира, так, комнатка.

— Я достаточно долго прожил и уже не держался за жизнь, — сказал я ему. — Я и за смерть сейчас не держусь. Единственное, что придает смысл моему существованию, — это она. Если мы не соединимся, я просто себя разрушу. Вы говорили, что это нетрудно.

— А если я помогу? — спросил он.

— Баш на баш, — засмеялся я. — С ума сойти, и здесь то же самое! И что же вам от меня нужно?

— Сходите еще разок на этот раз в другую реальность на тех же условиях.

— С места не сдвинуть, пока вы мне не объясните смысла ваших игр, — заявил я.

— Вы правильно сказали насчет игры, — сказал он. — Люди играют в свои игры ради выигрыша или для того, чтобы убить время. У нас нет ничего, кроме обязанностей. Мы живем вашей жизнью и вашими воспоминаниями. Есть возможность вмешаться только в жизнь таких, как вы, но ею редко пользуются. На вас, например, никто не влиял.

— А почему мне ничего не сказали, а подсунули эти двери?

— В первый раз душа должна сделать выбор самостоятельно, — объяснил он. — Если у нее все получилось, выигравший может послать ее вторично своей волей. Такие правила.

— Какая глупость, — высказался я об их играх.

— Вы играете в дурака, — сказал ангел. — Умные в этой игре правила или нет? Вижу, что поняли. В любой игре свои правила, и чаще всего их устанавливают не игроки. Если играешь, ты их должен соблюдать. Я не могу не играть. Вы у меня в этом тысячелетии последняя кандидатура, всех остальных я израсходовал без толку.

— И много было таких в тринадцатой реальности? — спросил я.

— Их в любой реальности много, — ответил он. — Только знание прожитой жизни чаще всего оказывается бесполезным, или его носитель почему-то не может им воспользоваться. Обычно это не так-то легко, вам во многом повезло.

— И куда вы меня хотите опять засунуть? В отсталый мир?

— Прощлый раз вас никто никуда не засовывал, вы сами выбирали дверь. В этот раз пойдете в более развитый мир. Межпланетные полеты в нем — обычное дело. Далеко не летают, но на Марсе уже есть колонии.

— Вы же говорили, что ни одна человеческая цивилизация...

— А кто вам говорил о людях? Очень похожая на вас раса, но есть и отличия. Вселение происходит в эмбрион, а память открывается в зрелом возрасте, поэтому не будет проблем с адаптацией.

— А моя задача?

— Вы должны оказать влияние на развитие цивилизации. Меня не интересует, куда вы ее подтолкнете, главное, чтобы этот толчок был как можно сильнее.

— Я соглашусь уйти только вместе с женой! — поставил я условие.

— Я не могу отправить двоих, — возразил он. — Только вас одного. Она подождет вас здесь. В моей власти заморозить для нее время, поэтому она не заметит вашего отсутствия.

— Зато замечу я, — возразил я. — Целую жизнь без нее, да еще среди нелюдей!

— Вы не заметите разницы, — сказал он. — Думают они так же, даже ваш внутренний словарь будет тем же самым. И учтите, что у вашей жены была бы совсем другая внешность.

— Сможете сохранить пол? — спросил я. — Я ее проведу сам, если мы родимся в одно время, а не с разницей в полсотни лет. А внешность для меня в ней сейчас не главное, лишь бы не была мужиком.

— А как вы найдете друг друга? — спросил он. — Их пять миллиардов на планете и больше миллиона в космических поселениях.

— Это мы решим сами, — ответил я. — Решайте, пока я не начал себя разрушать. Я уже понял, как это делается.

— Как хотите, — пожал он плечами, и посреди комнаты возникла Вера.

— Наконец-то, — сказал я ей. — Тебя даже после смерти приходится ждать! И почему ты еще старуха?

Я уже разобрался, как менять свой вид и сбросил себе шестьдесят лет.

— Я так испугалась! — захлебываясь словами, заговорила она, упав в мои объятия. —

Попала в какой-то темный чулан. Попыталась попроситься к тебе, а мне на все просьбы кто-то бубнит, что нельзя! Как ты сделал себя молодым?

— Вот так, — сказал я, превращая ее в пятнадцатилетнюю. — Извини, перестарался. Ну ничего, тебе все равно такой долго не быть. Познакомься, это и есть ангел. Загробное существование откладывается, потому что нам дают новую жизнь. Примерно как мне тогда, только в другом мире. Главное — встретиться, когда вернут память. Мир продвинутый, поэтому как-нибудь найдем друг друга. Или поисковиком в компьютерных сетях, или я их забросаю своими книгами. Будь осторожней в самом начале, чтобы не запихнули в психушку, и отметься своим именем на самых разных сайтах. А если там этого нельзя, я что-нибудь придумаю. Какая у нас теперь будет реальность?

Больше книг на сайте - Knigolub.net